

Annotation

В джунглях Амазонии находят белого человека с отрезанным языком. Он умирает, успев передать миссионеру жетон с именем Джеральда Кларка, спецназовца армии США. Джеральд Кларк был агентом разведки и пропал в Бразилии четыре года назад вместе с экспедицией, организованной специалистом по тропическим растениям Карлом Рэндом. Какие тайны хранит в своих девственных лесах эта самая загадочная область земного шара? Где находился Кларк целых четыре года? И какая судьба постигла остальных членов экспедиции?

- [Джеймс Роллинс](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Действие первое](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [Действие второе](#)
 -
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Действие третье](#)
 -
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [Действие четвертое](#)
 -
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [Действие пятое](#)
 -
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Джеймс Роллинс Амазония

Посвящается
Джону Петти и Рику
Хуригану – друзьям и
соавторам

Пролог

25 июля, 18 часов 24 минуты

Миссионерское поселение

Бразильская Амазония

Падре Гарсия Луис Батиста усердно воевал с сорняками на церковном огороде, когда из джунглей, пошатываясь, вышел незнакомец. Из одежды на нем была только пара затасканных джинсов. Полуголый и босой, человек упал на колени между гряд прорастающей маниоки. На его побуревшей от загара коже виднелась татуировка в голубых и алых тонах. Приняв незнакомца за одного из местных индейцев-яномамо, падре Батиста сдвинул на затылок широкополую соломенную шляпу и поприветствовал его на языке аборигенов.

– Йоу, шори, – произнес падре. – Добро пожаловать в миссию Вауваи.

Человек поднял голову, и Гарсия сразу понял свою ошибку. Незнакомец был голубоглазым, что совсем не свойственно племенам Амазонии, и вдобавок с редкой темной порослью на подбородке.

Он был не индейцем, а белым.

– Бемвиндо, – предложил падре по-португальски, полагая, что перед ним очередной крестьянин с побережья, подавшийся в леса Амазонки в поисках лучшей доли и бесхозных угодий. – Добро пожаловать, друг мой.

Несчастный слишком долго плутал в джунглях – тощий, с торчащими ребрами и спутанными волосами, тело в порезах и ссадинах. Вокруг него с жужжанием роились полчища мух, то и дело садясь на открытые раны.

Едва незнакомец попытался заговорить, как из растрескавшихся губ по подбородку заструилась алая кровь. Мужчина пополз на коленях в сторону священника, протягивая руки в мольбе. Вместо слов у него вырывались жуткие, нечеловеческие хрипы.

Первым порывом Гарсия было оттолкнуть чужака, но он тут же вспомнил об обете, данном Всевышнему. Как добрый самаритянин, он не мог отказать заблудшему путнику и помог ему встать на ноги. Человек был до того истощен, что весил не больше ребенка. Даже сквозь рубашку падре чувствовал жар его тела, охваченного лихорадкой.

– Идемте, внутри будет не так жарко.

Гарсия повел человека к церкви – туда, где побеленная Колокольня упиралась в небесную синеву. За колокольней, на расчищенной от леса земле вперемежку гнездились деревянные домики и хижины, крытые

пальмовым листом.

Миссию Ваувай основали всего пять лет назад, однако число жителей – туземцев самых разных народностей – уже перевалило за восьмой десяток. Одни дома сооружались на сваях, как принято у индейцев-апалаев, другие, целиком из пальмовых ветвей, служили жильем племенам ваиваи и тириос. Основную часть жителей, впрочем, составляли яномамо, которые селились общинами в круглых просторных постройках.

Гарсия махнул свободной рукой, чтобы позвать стоявшего у садовой ограды индейца-яномамо по имени Хенаове – невысокого роста, в брюках и рубашке с длинным рукавом. Индеец помогал падре в церковных делах и теперь поспешил ему навстречу.

– Помоги мне внести его в дом.

Хенаове с готовностью кивнул и подхватил незнакомца с другой стороны. Держа мужчину под руки, падре с помощником протащили бедолагу за ограду, затем вокруг церкви к дощатой пристройке у южной стены. Здесь, в доме миссионера, стоял единственный в деревне газогенератор. От него работали освещение храма, холодильник и кондиционер – также один на всю деревню. Порой Гарсия подумывал, что его миссия обязана успехом не столько вере в Христа, сколько удивительной прохладе церковных покоев.

Едва добрались до пристройки, как Хенаове проскользнул вперед и распахнул заднюю дверь. Незнакомца втащили через столовую в дальнюю комнату. Когда-то тут размещались церковные служки, но теперь комната пустовала. Два дня назад младшие миссионеры отправились проповедовать в соседнюю деревню. Комнатка была тесной, не больше кельи, однако прохладной и укрывала от палящего солнца.

Гарсия кивнул индейцу, чтобы тот зажег светильник – электричество во вспомогательные комнаты не проводили. От яркого пламени во все стороны прыснули пауки и тараканы.

Вдвоем они подтащили человека к кровати.

– Помоги мне раздеть его. Я должен промыть и перевязать ему раны.

Хенаове кивнул и потянулся было к пуговицам на штанах незнакомца, как вдруг застыл на месте. Он судорожно охнул и отпрянул, словно увидел скорпиона.

– Вети кете? – спросил Гарсия. – Что случилось?

Глаза индейца округлились от ужаса. Он показал на голый торс белого человека и что-то затараторил по-своему.

Гарсия наморщил лоб.

– При чем здесь татуировка?

Голубые и красные цвета на коже образовывали почти правильные фигуры – круги, извилистые кривые и неровные треугольники. Посередине же змеилась алая спираль, стремящаяся к центру, точно струйка крови у водостока. В завитке спирали, чуть выше пупка, виднелся голубой отпечаток ладони.

– Шавара! – вскричал Хенаове, пятясь к выходу.

Злые духи. Гарсия повернулся к помощнику. Он-то думал, что индеец уже перерос прежние предрассудки.

– Брось, – отрезал Гарсия. – Это всего лишь краска, а не работа дьявола. Иди помоги мне.

Хенаове все еще трясся от ужаса и подходить не собирался.

Неизвестный застонал, и падре, нахмурившись, снова склонился над ним. Мужчину била крупная дрожь, взгляд остекленел от жара и лихорадки. Гарсия пощупал его лоб и едва не обжегся. Он подозвал Хенаове.

– Принеси мне хотя бы аптечку и пенициллин из холодильника.

Индеец умчался, даже не скрывая облегчения.

Гарсия вздохнул. Десять лет прожив в амазонском лесу, поневоле приобретаешь кое-какие медицинские навыки: умение накладывать шины, промывать и смазывать раны, бороться с температурой. Он даже мог провести небольшую операцию вроде наложения швов или оказать помощь в родах. Будучи главой миссии, падре Гарсия не только поддерживал веру, но и брал на себя роль советчика, вождя и доктора.

Он снял с пациента обтрепанную одежду и отложил в сторону. Хватило одного взгляда на обнаженное тело, чтобы понять, насколько сурово и беспощадно обошлись с незнакомцем джунгли. Глубокие раны кишели червями-опарышами, ногти были начисто съедены грибком, а в шраме на лодыжке угадывался старый змеиный укус.

За работой падре гадал, кем мог быть этот человек. Что с ним случилось? Была ли у него семья? На все попытки заговорить с ним мужчина отвечал тем же диким, неразборчивым бредом.

Многие из крестьян, что пытались перебраться в джунгли, рано или поздно погибали от рук воинственных индейцев, бандитов, наркокурьеров или даже в зубах лесных хищников. Но самой банальной кончиной для них была смерть от болезней. В дикой глуши дождевого леса, где неоткуда ждать медицинской помощи, простой грипп может оказаться смертельным.

Внимание доктора привлек шорох ног у порога. Хенаове вернулся с аптечкой и ведром чистой воды. Но он был не один. Рядом стоял Камала, седой низкорослый шапори – шаман племени яномамо. Хенаове, должно

быть, бежал со всех ног, чтобы привести с собой этого знатока древней медицины.

– Хайя, – поприветствовал его Гарсия.

«Дедушка». Таково было типичное обращение к старейшине яномамо.

Камала, не говоря ни слова, шагнул внутрь и подошел к кровати. Он осмотрел незнакомца и прищурился, повернулся к Хенаове и жестом попросил его оставить ведро и аптечку. Затем шаман простер руки над прикованным к постели незнакомцем и принялся наговаривать. Гарсия хорошо знал многие туземные наречия, но тут он не мог различить ни слова. Закончив, Камала обратился к падре и сказал ему на отличном португальском:

– Этого набе коснулись шавара, злые духи лесных дебрей. Ночью он умрет. Ты должен сжечь тело до восхода солнца.

С этими словами Камала повернулся, чтобы уйти.

– Подожди! Скажи мне, что означает татуировка?

Камала обернулся, нахмурившись.

– Это знак племени бан-али, «ягуаров крови». Он – их собственность. Нельзя оказывать помощь «рабу ягуаров», бан-йи, иначе – смерть.

Шаман сделал оберегающий знак, подув на кончики пальцев, и удалился, уводя Хенаове с собой.

Оставшись один, Гарсия вдруг почувствовал озноб, который был вызван отнюдь не кондиционером. Он не раз слышал о бан-али, одном из самых таинственных племен-призраков джунглей. Его члены наводили ужас тем, что якобы породнились с ягуарами и могли творить невозможное.

Гарсия поцеловал распятие и отменил суеверные страхи. Вернувшись к ведру и лекарствам, он смочил губку в теплой воде и поднес ко рту пациента.

– Пей, – прошептал он.

В джунглях обезвоживание представляет наибольшую опасность для жизни. Падре сжал губку, и вода заструилась по растрескавшимся губам незнакомца. Тот принялся всасывать воду, словно младенец молоко матери, – жадно, давясь и захлебываясь. Гарсия приподнял его голову, чтобы пить было легче. Спустя несколько минут глаза незнакомца утратили горячий блеск. Он попытался прижать к себе губку с живительной влагой, но Гарсия не позволил – обильное питье после столь сильного обезвоживания могло навредить еще больше.

– Лежите, сеньор, – твердил он больному. – Дайте мне прочистить вам раны и сделать укол.

Человек, похоже, не внял сказанному. С тяжкими стонами он

порывался добраться до губки.

Когда же Гарсия за плечи уложил его на место, мужчина охнул, и падре наконец понял, почему тот не мог говорить. У него был отрезан язык.

Морщась, Гарсия приготовил шприц с ампициллином и про себя помолился о душах тех извергов, которые вытворяли такое с людьми. Лекарство оказалось просроченным, но лучшего было не достать. Он впрыснул антибиотик в ягодицу больного, а затем стал промывать и смазывать раны.

Незнакомец то бредил, то приходил в себя. Будучи в сознании, он постоянно тянулся к своим лохмотьям, будто пытался одеться и вновь отправиться в джунгли. Всякий раз Гарсия укладывал его обратно и накрывал одеялом.

Когда солнце село и в джунглях наступила ночь, Гарсия взял Библию и принялся читать молитвы об исцелении, впрочем, хорошо понимая, что чуда не будет. Шаман Камала рассудил верно: незнакомец не доживет до утра.

Часом раньше падре соборовал больного на случай, если тот окажется одним из его братьев во Христе. Во время миропомазания бедняга пожегся, но так и не очнулся. Его лоб снова пылал. Антибиотики не смогли остановить распространение инфекции. Несмотря на безнадежность ситуации, Гарсия не прекращал своего сумеречного бдения – последней помощи несчастному. Но ближе к полуночи, когда лес наполнился стрекотаньем кузнечиков и кваканьем бесчисленных лягушек, падре не выдержал и уснул прямо в кресле с Библией на коленях. Через несколько часов его разбудил стон умирающего. Решив, что тот борется за последний вздох, Гарсия вскочил и уронил Библию на пол. Нагнувшись за книгой, он встретил взгляд незнакомца. Глаза его по-прежнему блестели, но жар отступил. Человек вытянул дрожащую руку и снова указал на одежду.

– Вам нельзя идти, – сказал Гарсия.

Тот на секунду закрыл глаза, покачал головой и опять показал на брюки.

Гарсия сдался. Он не мог отказать в последней просьбе, пусть даже нелепой, а поэтому подошел к кровати, взял с пола мятые джинсы и вручил умирающему. Незнакомец схватил их и принялся ощупывать шов на одной из брючин с внутренней стороны. Потом его пальцы остановились, наткнувшись на что-то под тканью. Трясущимися руками он протянул брюки Гарсия. Падре решил, будто у умирающего опять начинается бред, так как его дыхание участилось и стало еще более хриплым. Тем не менее он уступил этой бессмысленной прихоти, взял брюки и осмотрел место,

которое указал незнакомец. Как ни странно, в ткани обнаружилось уплотнение – что-то было спрятано в шов. Похоже, потайной карман!

Желая разузнать, что в нем, падре достал из аптечки ножницы. Тем временем незнакомец со вздохом откинулся на подушки, несомненно довольный тем, что его послание наконец найдено.

Орудя ножницами, Гарсия разрезал шов и добрался до тайника. Там лежал бронзовый круглый жетон. Падре вытащил его и поднес к свету. На жетоне было выгравировано имя.

– Джеральд Уоллес Кларк, – прочел он вслух. Неужели так зовут незнакомца? – Это вы, сеньор?

Он поглядел на кровать.

– Господи Иисусе, – вырвалось у священника.

Лежащий на койке смотрел в потолок невидящим взглядом – бездыханный, с раскрытым ртом. Падре благословил его.

– Покойтесь с миром, сеньор Кларк.

Гарсия опять поднес к лампе жетон и перевернул его. Когда же он прочитал слова на обороте, во рту у священника пересохло от страха.

«Войска специального назначения армии Соединенных Штатов».

* * *

1 августа, 10 часов 45 минут

Штаб-квартира ЦРУ

Лэнгли, штат Виргиния

У Джорджа Филдинга раздался неожиданный звонок. Заместителя директора ЦРУ часто вызывали на всякого рода межведомственные заседания, но получить приглашение от Маршалла О'Брайена, главы Контрольного комитета по охране окружающей среды, было событием из ряда вон выходящим. КоКООС создали еще в девяносто седьмом в качестве отдела разведки, занимавшегося проблемами экологии. На памяти Филдинга отдел ни разу не требовал срочного совещания. Такие меры были предусмотрены лишь на случай угрозы национальной безопасности. Что же могло напугать Одинокого Беркута – как О'Брайена за глаза называли коллеги, – чтобы он поднял такой переполох?

Филдинг быстро прошел фойе, которое связывало старое здание управления с более современным. Новый корпус был выстроен в конце восьмидесятых и вмещал множество молодых подразделений, включая

КоКООС. По пути Филдинг поглядывал на картины, украшавшие стены длинного коридора, – портреты предыдущих директоров ЦРУ со времен генерал-майора Донована. Тот возглавлял Управление стратегических служб – прототип ЦРУ эпохи Второй мировой. Когда-нибудь непосредственный босс Филдинга займет на стене свое место, и, если Джордж правильно разыграет сложившуюся комбинацию, именно ему достанется кресло директора.

С этой мыслью он вошел в новый управленческий корпус и, пройдя несколько залов, добрался до крыла с офисами КоКООСа. На входе его встретила секретарша. Поднявшись, она доложила:

– Господин заместитель, мистер О'Брайен ждет вас в своем кабинете.

Секретарша подошла к дверям красного дерева, постучала для порядка и толкнула дверь, придержав ее, пока новоприбывший не вошел.

– Спасибо.

Внутри Филдинга приветствовали рокошущим басом.

– Замдиректора Филдинг! Польщен, что прибыли лично. – Маршалл О'Брайен встал с кресла. У него были волосы с проседью и фигура Человека-Горы, перед которым даже письменный стол выглядел детской партой. Он указал на соседнее кресло. – Присядьте, пожалуйста. Я знаю, как ценно ваше время, поэтому буду краток.

«Всегда прямо к делу», – отметил про себя Филдинг. Четыре года назад поговаривали, будто Маршалла О'Брайена назначат директором ЦРУ. Собственно, до Филдинга именно он занимал пост заместителя и непременно поднялся бы в должности, если бы не имел привычки требовать от сенаторов «говорить по делу» (чем отпугнул многих из них), а также резать правду-матку в глаза. Вашингтонские политики были не готовы играть в том же стиле, потому О'Брайена и перевели сюда, на символическую должность главы Комитета по охране окружающей среды.

Быть может, этим срочным звонком старикан желает прибавить себе важности, хочет показать, что до сих пор в строю?

– Что происходит? – спросил Филдинг, усаживаясь.

О'Брайен опустил в свое кресло и открыл серую папку, лежавшую на столе. «Чье-то досье», – отметил Филдинг.

Старик прокашлялся.

– Два дня назад в наше консульство в Манаусе прибыло тело гражданина Америки. Покойного опознали по личному жетону спецназа – его прежнего места службы.

Филдинг нахмурился. Личные жетоны встречались в самых разных родах войск; их носили скорее в знак уважения традиций, нежели как

средство для опознания. На службе или нет, но боец подразделения обязан угостить товарищей выпивкой, если его застукают без жетона.

– А при чем здесь мы?

– При том, что этот парень не уходил в отставку. Он был одним из моих оперативников. Агент Джеральд Кларк.

Филдинг моргнул от неожиданности. Между тем О'Брайен продолжил:

– Агента Кларка послали работать под прикрытием в составе исследовательской группы. Он должен был проверить факты нанесения ущерба окружающей среде в ходе добычи золота, а также собрать данные о судоперевозках боливийского и колумбийского кокаина в бассейне Амазонки.

Филдинг напрягся.

– Его убили?

– Нет. Шесть дней назад агент Кларк появился в миссионерском поселке – в глуши, один, полуживой от жары и лихорадки. Глава миссионеров пытался выходить его, но безрезультатно: парень скончался через несколько часов.

– Мне искренне жаль. Только разве это угрожает нашей национальной безопасности?

– Дело в том, что агент Кларк уже четыре года числится пропавшим без вести.

О'Брайен протянул распечатку газетной статьи. Филдинг взял страницу, основательно сбитый с толку.

– Четыре года?

* * *

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В ДЖУНГЛЯХ АМАЗОНКИ

Ассошиэйтед Пресс. 20 марта, Манаус, Бразилия.

Трехмесячные поиски миллионера-промышленника доктора Карла Рэнда и его команды из тридцати ученых разных стран, включая местных проводников, окончились неудачей. Научная группа, созданная на базе Национального института онкологии Соединенных Штатов и Бразильского индейского фонда, затерялась в тропическом лесу, не оставив никаких следов.

Целью годовой экспедиции была перепись индейского населения и

подсчет количества племен, обитающих в лесах Амазонии. Однако спустя три месяца после отправления из Манауса ежедневные радиоотчеты с мест стоянок неожиданно прервались. Все попытки связаться с командой оказались напрасными. Вертолеты спасателей и наземные поисковые отряды обыскали район предполагаемого местонахождения экспедиции, но не нашли ни одного ее участника. Через две недели поступило последнее, полное отчаяния сообщение: «Пришлите подмогу... Нам не продержаться... Господи, они тут повсюду!..» Затем команда сгинула в джунглях.

Сейчас, после трех месяцев поисковых работ, привлечших внимание журналистов и спасателей всего мира, командор Фердинанд Гонсалес официально объявил участников экспедиции пропавшими без вести и, возможно, погибшими. Отряды были отозваны, поиски прекратились.

Власти пришли к заключению, что экспедиция натолкнулась на некое враждебно настроенное племя или же на секретную базу наркокурьеров. Так или иначе, все надежды спасти ученых сегодня уходят вместе с отрядами спасателей. Нельзя не отметить, что с каждым годом все больше первооткрывателей, исследователей и миссионеров пропадает в лесах Амазонии, притом пропадает навсегда.

* * *

– Боже правый...

О'Брайен взял вырезку из рук потрясенного Филдинга и продолжил:

– После исчезновения ни ученые, ни наш сотрудник не выходили на связь. Агента Кларка причислили к погибшим.

– А мы точно знаем, что это тот самый Кларк?

О'Брайен кивнул.

– Слепки зубов и отпечатки пальцев совпадают с архивными.

Филдинг покачал головой, понемногу оправляясь от потрясения.

– Все это, конечно, весьма прискорбно и неприятно, однако я по-прежнему не вижу, как это может угрожать безопасности страны.

– Верно, если бы не одно «но». – О'Брайен покопался в досье и выудил оттуда пару фотографий. – Эта была сделана незадолго до того, как он отправился на задание.

Филдинг взял карточку. На ней он увидел сильно увеличенную фигуру человека в шляпе и пляжной рубашке с джинсами – тот держал стакан

коктейля и широко улыбался.

– Агент Кларк?

– Да, снимок сделал один из ученых на вечеринке по случаю отъезда.

О'Брайен передал вторую фотографию.

– А эта из морга в Манаусе, где сейчас находится тело.

Филдинг принял ее с неохотой. У него не было никакого желания смотреть на трупы, но выбирать не приходилось. Голое тело на стальной поверхности выглядело как обтянутый кожей скелет, испещренный странными символами. И все же Филдинг смог его узнать. Это был агент Кларк, хотя и с одной примечательной разницей. Филдинг взял первую карточку и сравнил.

О'Брайен, должно быть, заметил его внезапную бледность и потому пояснил:

– За два года до исчезновения агент Кларк был ранен снайпером в левую руку во время силовой разведоперации в Ираке. По пути к лагерю началась гангрена. Руку пришлось отнять у плеча, так что с военной службой для него было покончено.

– Но у тела в морге обе руки целы.

– В том-то и дело. Отпечатки пальцев второй руки совпадают со сделанными перед ранением. Такое впечатление, что агент Кларк ушел в джунгли с одной рукой, а вернулся с двумя.

– Не может быть! Что, черт возьми, с ним случилось?

Маршалл О'Брайен впери в Филдинга знаменитый немигающий взгляд. Недаром его прозвали Одиноким Беркутом – перед ним даже заместителю директора захотелось по-заячьи юркнуть в кусты. Старикан тем временем понизил голос и произнес:

– Именно это я и собираюсь выяснить.

Действие первое

Задание

КУРАРЕ

Семейство: Menispermaceae / Лунносемянниковые.

Род: Chondrodendron / Хондродендрон.

Вид: Tomentosum / Паутинистый.

Народное название: кураре.

Лечебные части: лист, корень.

Фармакологические свойства: мышечный релаксант; диуретическое, жаропонижающее, тонизирующее, отравляющее.

Панацея

6 августа, 10 часов 11 минут

Джунгли Амазонии

Бразилия

Анаконда все крепче стискивала девчужку-индианку, волоча ее к реке. Натан Рэнд услышал детский крик, когда возвращался в деревню яномамо после утреннего сбора лекарственных трав. Он уронил свою сумку с травами и бросился на помощь, вытаскивая из-за спины обрез-дробовик, который всегда брал с собой в джунгли.

Продравшись сквозь заросли, Натан увидел гигантскую змею и стиснутое в ее кольцах тело девочки. Анаконда – огромная, каких он прежде не видел, свыше сорока футов длиной, – полулежала на илистой отмели, влажно поблескивая черными кольцами. Должно быть, гадина притаилась у берега, когда маленькая индианка пришла сюда за водой. Змеям-гигантам вполне свойственно охотиться на самых разных зверей у водопоя – свиной-пекари, капибар, мелких оленей... Однако людей они предпочитают избегать.

Тем не менее, проработав десяток лет в джунглях в качестве этноботаника, Натан усвоил одно правило, а именно: голодному зверю все правила ни о чем. Под нескончаемым зеленым шатром царил жестокий порядок, где сильный пожирал слабого.

Натан взглянул сквозь прицел и узнал девочку.

– Господи, Тама!

Так звали девятилетнюю племянницу вождя. Улыбчивое и счастливое дитя, она подарила Натану букет лесных цветов, когда он прибыл в деревню месяц назад, а потом частенько любила теревить волоски на его руках – редкость среди гладкокожих яномамо. Тама прозвала его «якобашо» – «братец обезьяна».

Закусив губу, Натан смотрел сквозь прицел. Трудно было рассчитывать на точный выстрел, пока девочка находилась в тисках смертоносного хищника.

– Чтоб тебе!

Он отшвырнул ружье и потянулся к мачете на поясе. Вытаскивая тесак, Натан ринулся вперед. Завидев его, змея заскользила прочь, увлекая девочку в темную воду. Крик маленькой пленницы оборвался, осталась

лишь цепочка пузырей.

Не раздумывая, Натан кинулся в воду.

Из всех жизненных сред Амазонии ни одна не сравнится в опасности с водоемом. Его обманчиво мирная гладь таит бесчисленные угрозы. В толще роятся острозубые пираньи, в иле копошатся скаты, корни и коряги облюбовали электрические угри. Но всего хуже истинные человекоубийцы – черные кайманы, гигантские родичи крокодилов. Поэтому, что ни случись, амазонский индеец хорошенько подумает, прежде чем лезть в незнакомую реку.

Натан Рэнд не был индейцем. Глотнув воздуха, он шарил в мутной воде, пока не увидел впереди маленькую бледную руку среди плотной массы темных колец. Мощный толчок ногами, и он дотянулся до нее, крепко стиснув в ладони. Пальчики судорожно схватили его. Значит, Тама все еще жива!

Подтянувшись по ее руке, Нат добрался до змеи. Он снова вытащил мачете и попытался удержаться на месте, по-прежнему вцепившись в Таму.

Внезапно его закружило в мутном водовороте, и Натан очутился нос к носу с огромной гадиной, уставясь прямо в ее красные глаза. Та почуяла добычу покрупнее – гигантская пасть разверзлась и ринулась прямо на него. Нат увернулся, стараясь не упустить ребенка. Змеиные челюсти сомкнулись на его руке, словно капкан. Укус анаконды не ядовит, однако давление грозило раздробить запястье. Превозмогая боль и страх, Натан вытянул свободную руку с мачете и нацелился твари в глаза.

В эту секунду змея извернулась, швырнула Ната на скользкое дно и подмяла под себя. Натан почувствовал, как четырехсотфутовый чешуйчатый пресс выдавливает из него последний воздух. Он бился изо всех сил, но тщетно – вязкий ил не давал ни малейшей опоры.

В мельтешении колец пальцы девочки выскользнули из его руки, и он опять потерял ее из виду.

– Нет... Тама!

Нат отпустил мачете и обеими руками уперся в чешуйчатый узел. Он всей спиной завяз в мерзком речном иле и все же продолжал толкать. Однако за каждым сдвинутым кольцом оказывалось новое, силы Ната иссякали, а легкие страдали от удушья. В этот миг Натан Рэнд понял, что пропал. Впрочем, мысль о конце не застала его врасплох – он уже давно с ней свыкся. Проклятье рода однажды должно было стать его судьбой. Двадцать лет прошло с тех пор, как джунгли отняли его родителей. Ему было одиннадцать, когда мать умерла от неизвестной болезни в одной из захудалых миссионерских лечебниц. За ней последовал отец – четыре года

назад исчез в лесу, сгинул без следа.

К Нату вдруг вернулась боль и горечь тех времен, и душа его неожиданно взбунтовалась. Проклят или нет, он не пойдет по отцовской дорожке, не даст джунглям сожрать себя без остатка! А главное – не оставит им Таму!

С последним яростным криком Нат выдернул ноги из змеиных силков. Миг свободы – и он подогнул колени, оттолкнулся, уйдя по щиколотку в ил, а затем взмыл на поверхность. Снаружи он едва успел вдохнуть, как снова нырнул с головой в темноту – анаконда по-прежнему тянула его за руку. Но в этот раз Нат не собирался действовать силой. Он согнул локоть и ухитрился прижать змеиную морду к груди, образуя двуручный захват. Крепко держа тварь за голову, он начал давить ей на глаз. Змеюга забилась от боли, мгновенно выбросив Ната из воды, чтобы тотчас же с силой швырнуть обратно. Нат не поддавался.

– Пусти, тварь!

Он вывернул руку с повисшей на ней змеей, намереваясь придавить и второй глаз. Когда это удалось, оставалось лишь молиться, не разжимая пальцев, чтобы его скудные знания физиологии рептилий оправдали себя. Теоретически сжатие глазных яблок змеи приводило к раздражению зрительного нерва, тем самым включая у нее рвотный рефлекс.

Стук сердца раздавался у Ната в ушах, а он давил, давил и давил.

Внезапно тяжесть на запястье исчезла, и Ната неожиданно взметнуло наверх, да так, что он наполовину вылетел из воды и ударился плечом о берег.

Обернувшись, он увидел на поверхности бледную фигурку, плывущую вниз лицом по стремнине.

Тама!

Расчет оказался верным – висцеральный рефлекс анаконды освободил их обоих. Натан кинулся в воду и, схватив малышку за руку, подтянул к себе, неподвижную и обмякшую. Он взвалил Таму на плечо и быстро выбрался на берег, где уложил ее вымокшее тельце. Губы девочки посинели, она не дышала. Нат нащупал пульс, очень слабый и прерывистый. Он озирался вокруг, надеясь найти хоть кого-нибудь, но напрасно. Теперь жизнь Тамы зависела от него одного. Перед высадкой в джунглях их готовили к оказанию первой помощи, да только до врача ему было далеко. Он попросту перекатил девочку на живот и, стоя на коленях, стал давить ей на спину. Вскоре изо рта и носа Тамы хлынула вода. Нат ободрился, перевернул ее обратно и начал делать искусственное дыхание.

В этот самый момент на опушке появилась одна из местных

жительниц, средних лет женщина-яномамо. Как все здешние индианки, ростом она была не выше полутора метров, с неизменными остриженными кругом черными волосами и украшениями из перьев и кусочков бамбука в ушах.

При виде белого мужчины, склонившегося над маленькой девочкой, ее карие глаза округлились от ужаса.

Нату не составило труда угадать ее мысли, поэтому он тут же вскочил на ноги. Внезапно Тама пришла в себя, начала с кашлем отхаркивать воду, трястись и испуганно плакать. Она пыталась бить кулачками своего спасителя, еще не оправившись от недавнего кошмара.

– Все хорошо, не бойся, – сказал Нат на языке яномамо, стараясь удержать ее руки.

Он обратился к женщине в надежде объяснить, что случилось, но та только выронила корзину и метнулась в прибрежные заросли, вереща что-то тревожное. Натан узнал клич, извещавший о нападении на жителя деревни.

– Здорово. Лучше не придумашь.

Он со вздохом зажмурился.

Четыре недели назад, когда Нат только прибыл в деревню в надежде перенять медицинский опыт старика-шамана, местный вождь наказал ему держаться подальше от женщин. В прошлом некоторые пришельцы, бывало, злоупотребляли их гостеприимством. Натан соблюдал это требование, хотя кое-какие местные жительницы были совсем даже не прочь разделить с ним гамак. В таком обособленном племени его высокий рост, голубые глаза и русые волосы считались большой диковиной.

Где-то вдалеке затухающий горестный зов индианки подхватывали снова и снова. В буквальном переводе «яномамо» означает «свирепый народ». Воины племени, по слухам, не ведали пощады. Молодые индейцы, хойа, частенько выискивали поводы для поножовщины, обвиняя соседей или соплеменников во всевозможных оскорблениях и поруганиях чести. Случалось, одно неосторожное слово стоило жизни целой деревне.

Нат перевел взгляд на девочку. Что ждет его, когда хойа решат, что белый мерзавец напал на ребенка, племянницу вождя? Тама понемногу утихла, погрузившись в беспокойную дрему. Дышала она ровно, но лоб был слегка горячим, начинался жар. На правом боку девочки Нат заметил темную ссадину и нащупал два сломанных ребра – след сокрушительных объятий анаконды. Он сидел на корточках, кусая губы. Таме срочно требовалась помощь врача, от этого зависела ее жизнь.

Натан согнулся и осторожно взял девочку на руки. Ближайшая

больница была в десятке миль вниз по реке, в местечке с названием Сан-Габриель. Стало быть, он поплывет туда.

Оставалась только одна проблема – яномамо. Так просто ему теперь не уйти, да вдобавок с ребенком. Здешняя земля принадлежала индейцам, и он не мог сравниться с ними в умении ориентироваться в джунглях, даже при хорошем знании окрестностей. В Амазонии ходит пословица: «На боэзи инги сабе ала сани» – «В своем лесу индеец знает обо всем». А яномамо были еще и ловкими охотниками, свободно владеющими луком, духовым ружьем, копьем и дубиной.

Надежды на побег не оставалось. Неподалеку от берега Натан подобрал застрявший в кустах дробовик и повесил его на плечо. Приподняв девочку выше, Нат направился в сторону деревни. Ради своего с Тамой спасения ему придется заставить их выслушать.

В деревне, которую он целый месяц считал своим домом, наступила гробовая тишина. Нату вдруг сделалось не по себе. Смолк даже птичий гомон и привычное уханье обезьян.

Затаив дыхание, он вышел за поворот и увидел перед собой шеренгу индейцев, преградившую ему путь со стрелами и копьями на изготовку. Даже не услышав, а спиной ощутив какое-то движение сзади, он оглянулся и увидел точно такой же отряд. Лица индейцев были раскрашены алым.

Видя, что иного выхода нет, Нат отважился на последний, отчаянный шаг.

– Набруши йи йи! – выкрикнул он. – Пусть поединок рассудит!

* * *

6 августа, 11 часов 38 минут

Окрестности Сан-Габриель-да-Качозэйра

Мануэль Азеведо знал, что его преследуют, – пока он бежал по тропе, с опушки донесся низкий всхрап ягуара. Путь от вершины горы Священного Пути был неблизким, Манни вымок до нитки и сильно устал. Впереди, в листовенном проеме открывался вид на Сан-Габриель. Городок располагался у излучины Риу-Негру, северного притока полноводной реки Амазонки.

Еще чуть-чуть... Уже совсем рядом...

Манни остановился, чтобы посмотреть туда, откуда пришел. Он дожидался знаков приближения ягуара: треска сломанной ветки, шороха

листьев... Однако ни один мало-мальски различимый звук не выдавал расположения хищника. Даже его охотничий храп оборвался. Зверь понял, что загнал жертву до изнеможения, и теперь собрался для решающего прыжка.

Манни почесал голову. Ничего, кроме стрекотанья кузнечиков и щебета птиц вдалеке. Струйка пота сбежала по его шее. Он напрягся, целиком обратившись в слух. Пальцы одной руки машинально поползли к ножнам на поясе, другая сжала рукоять небольшого кнута.

Манни обыскал взглядом пеструю лесную подстилку. По обе стороны тропы высились глухие заросли лиан и лиственных кустарников. Откуда же ждать нападения?

Вдруг тени дрогнули.

Он резко обернулся и припал к земле, пытаясь смотреть сквозь густую листву... Пусто.

Чуть дальше по тропе к нему скользнул сгусток тени, переливаясь оранжево-черной рябью пятнистого меха. Он замер всего в трех метрах от человека, у самой земли, подобрал под себя лапы. Это был молодой самец ягуара, возрастом около двух лет.

Почувяв, что его заметили, зверь принялся хлестать по сторонам хвостом, шурша опавшими листьями.

Манни пригнулся, готовясь отразить нападение.

С утробным рыком, обнажив клыки, гигантский кот распрямылся в прыжке. Манни едва охнул, когда ягуар сбил его с ног, точно летящий валун. Сцепившись, они покатались вниз по тропе. Из худощавого Манни чуть было не вышибло дух. Все кругом превратилось для него в чехарду пятен зелени, света, мельтешение лап и зубов. Когти зверя впивались сквозь ткань, сорванный карман повис на нитке. Зубы сомкнулись у Манни на плече, но отчего-то не поцарапали кожу, хотя челюсти ягуара считаются вторыми по мощности среди прочих хищников суши.

Прокатившись так несколько метров, они остановились у подножия спуска, где проходила тропа. Манни очутился на земле, подмятый ягуаром. Он заглянул в горящие глаза противника, а тот все рычал и порывался жевать рубашку.

– Доволен, Тор-Тор? – выдохнул Манни.

Он сам дал ему это имя – «Призрак» на языке араваков. Правда, сейчас, кряхтя под тяжестью ягуаровой туши, он начал сомневаться в удачности выбора клички.

При звуках хозяйского голоса ягуар оставил рубашку в покое и встретился с ним взглядом. Мгновение – и шершавый язык начал слизывать

пот со лба Манни.

– И я тебя люблю. А теперь давай слезай с меня.

Когти втянулись, и Манни наконец-то смог сесть. Он проверил одежду и тяжело вздохнул. Учебная охота ягуара-подростка грозила уничтожить весь его гардероб.

Манни, ворча, поднялся и тут же заработал удар сзади. В свои тридцать два ему становилось тяжело играть в эти игры.

Большой кот встал на лапы и потянулся. Затем, дернув хвостом, начал принюхиваться. Манни усмехнулся и почесал его за ухом.

– На сегодня охота закончена. Уже поздно, а мне еще просматривать кучу заявлений в конторе.

Тор-Тор недовольно заурчал, но все-таки пошел следом.

Два года назад Манни приютил осиротевшего детеныша ягуара, когда тому было всего несколько дней от роду. Браконьеры застрелили его мать ради шкуры – сокровища, за которое и сейчас можно выручить круглую сумму на черном рынке. Согласно современным подсчетам, популяция ягуаров насчитывает до пятнадцати тысяч животных, рассеянных по обширным лесам Амазонии. Охранные мероприятия не убедили местных жителей, которые кое-как сводят концы с концами, прекратить истребление в целях наживы. Там, где дело касается спасения природы, голод – опасный советчик.

Манни все это отлично понимал. Сам наполовину индеец, он вырос на улицах Барселлоса, что у берегов Амазонки, перебиваясь подачками туристов с проплывающих судов и воровством, когда река пустела. По счастливой случайности он попал к слезским миссионерам, которые помогли ему выбиться в люди – получить степень биолога в университете Сан-Паулу; там его стипендию оплачивала Бразильская индейская ассоциация – ФУНАИ. Чтобы оправдать спонсорские затраты, Манни стал работать с местными индейскими племенами – защищать их интересы, способствовать сохранению жизненного уклада, вместе отстаивать права на землю. Так вышло, что к тридцати годам он осел здесь, в Сан-Габриеле, возглавляя местное отделение ФУНАИ.

Во время расследования браконьерских вылазок на территорию яномамо Манни нашел Тор-Тора – сироту, как и он сам. Его задняя лапа оказалась перебита ударом ноги браконьера. Манни не смог пройти мимо живого комочка. Поэтому завернул пищущего, сопротивляющегося детеныша в одеяло и мало-помалу выходил.

Тор-Тор шагал впереди. Даже сейчас было заметно, как он прихрамывает на поврежденную ногу. Пройдет меньше года, и он станет

зрелым самцом. Очень скоро звериная натура проявит себя и наступит пора отпустить его на свободу. Но сначала ягуар должен научиться заботиться о себе, ведь в джунглях нет места непосвященному.

Бегущая впереди тропа огибала последний из лесистых склонов горы Священного Пути. Сан-Габриель лежал перед ними нагромождением убогих лачуг и скучных панельных конструкций, сбегаящих к Риу-Негру. Из общей панорамы выделялось несколько современных отелей и зданий, построенных за последние пять лет в связи с возросшим потоком туристов. Где-то поодаль пролегал новый коммерческий аэродром, словно большой черный шрам на зеленой поверхности джунглей. Казалось, даже в дикой глуши прогресс не замирает ни на минуту.

Манни протер взмокший лоб и, сделав шаг, столкнулся с Тор-Тором – тот почему-то остановился. Ягуар угрожающе зарычал.

В чем дело?

И тут Манни услышал. Под пологом леса множились отзвуки какого-то глухого, размеренного рокота. Казалось, они доносятся отовсюду. Манни прищурил глаза. Он узнал этот шум, хотя в джунглях его слышали нечасто. Вертолет! Посетители Сан-Габриеля добирались большей частью по воде или на маленьких бипланах. Вертолеты не предназначались для таких расстояний. Даже в бразильской армии здесь числился всего один, главным образом для спасательных и эвакуационных работ.

Вслушиваясь в нарастающий шум, Манни понял, что вертолет летит не в одиночку. Он запрокинул голову, но так ничего и не увидел.

Внезапно Тор-Тор сжался в комок и метнулся в ближайшие кусты. Вверху пронеслась группа из трех вертолетов, огибая вершину горы Священного Пути и кружа над поселком, будто гигантские осы. Осы в защитной раскраске.

Громоздкие вертушки типа «УН Хьюи», без сомнения, принадлежали военным. Вытянув шею, Манни увидел четвертую, промелькнувшую точно над ним. В отличие от товарок, она была глянцево-черной. «Оса» зависла над джунглями, и даже Манни, с его небольшими познаниями в боевой авиации, узнал ее характерную форму и встроенный хвостовой винт. То был «РАН 66 Команч», вертолет разведки. Его стройный корпус пронесся почти над самыми ветвями, так что Манни сумел различить крошечный флаг США на борту. Лесной полог над головой сотрясался от сильного вихря. Обезьяны улепетывали, визжа от испуга, а поперек синего неба ярким всполохом пронеслась стайка попугаев ара.

Затем и этот вертолет скрылся. Он унесся к открытым полям, обрамляющим бразильскую базу, и закружил над ней, чтобы

присоединиться к остальным.

Нахмурившись, Манни свистнул Тор-Тору. Тот с опаской покинул укрытие, озираясь по сторонам.

– Все в порядке, – заверил его хозяин.

Где-то вдалеке вертолеты приземлились на поле, и рокот утих.

Манни подошел к ягуару и оперся о его спину. Тор-Тор вздрогнул, и тревога зверя передалась хозяину. Спускаясь по склону, Манни сжимал рукоять хлыста, висящего у ремня.

Что, черт побери, принесло американских вояк к ним, в Сан-Габриель?

* * *

Натан стоял в одном исподнем посреди деревенской площади. Его окружала шабано, круглая постройка в половину футбольного поля, крыша которой была разобрана посередине, открывая внутреннее пространство небу. Женщины и старики расположились в гамаках под навесом из банановых листьев, тогда как хойа, молодые парни, держали Натана в кольце из стрел и копий, чтобы тот не попытался бежать.

Чуть раньше, когда его препроводили в лагерь, понукая со всех сторон копьями, он пытался рассказать об анаконде, в подтверждение показывая след укуса на запястье, но его никто не слушал. Даже сельский вождь, которому Нат передал ребенка, отмел его слова, словно навет.

Натан знал, что его голос не будет услышан, пока не окончится суд. Таковы яномамо.

Он потребовал поединка, чтобы выиграть время, и теперь все зависело от исхода сражения. Если богам будет угодно даровать ему победу, он сможет наконец все объяснить.

Натан стоял в пыли босиком. Группа хойа обсуждала, кто примет брошенный им вызов и каким оружием будут сражаться. Обыкновенно дуэлянты бились на набрушах – гладких деревянных дубинах около двух с половиной метров длиной; однако в серьезных случаях применялось боевое оружие вроде копья или мачете.

Толпа по ту сторону площади разделилась, пропуская вперед человека. Для индейца он был очень высоким, почти одного роста с Натом, и жилистым. Это был Такахо, отец Тамы и брат вождя племени. Он был полностью обнажен, если не считать набедренной повязки из плетеного шнура, которая скрывала его крайнюю плоть – классический убор мужчи-

ны-яномамо. На груди виднелись косые полосы, нарисованные углем, а лицо под наголовником из обезьяньего хвоста было раскрашено алым. Нижняя губа оттопыривалась комом табачной жвачки, придавая индейцу устрашающий вид.

Он вытянул руку. Один из хойа тотчас подбежал и вложил в нее длинный топор. Рукоять топора была вырезана из бордовой древесины пиратинеры^[1] и оканчивалась заостренным стальным наконечником. Грозное оружие, одно из самых смертоносных в поединке. Нату сунули точно такое же.

Теперь он наблюдал, как другой хойа вынес горшок какой-то маслянистой жидкости. Такахо смочил в ней лезвие топора.

Натан узнал состав. Он сам помогал шаману готовить эту порцию вурари, или кураре, смертельного парализующего нейротоксина, изготавливаемого из сока лианы семейства лунно-семянниковых. Снадобье часто использовалось для охоты на обезьян, но сегодня его принесли сюда с более зловещей целью.

Нат оглянулся. Никто не вышел вперед, чтобы предложить ему подобное зелье. Похоже, бой обещал быть не совсем равным.

Вождь поднял над головой лук и возвестил о начале дуэли. Такахо направился через площадь, ловко поигрывая топором.

Натан поднял свой. Есть ли у него шанс? Достаточно всего одной царапины... А пусть бы победил, что тогда? Ведь он пришел сюда спасти Таму и совсем не хотел убивать ради этого ее отца.

Подзадоривая себя, Нат взял топор наперевес и тут встретил взгляд противника, исполненный гнева.

– Не трогал я твою дочь! – крикнул он испуганно.

Такахо прищурился. Он услышал слова, но в глазах его читалось недоверие. Такахо посмотрел туда, где за Тамой ухаживал деревенский шаман. Долговязый старик наклонился над девочкой, помахивая дымящейся связкой сушеной травы и бормоча заклинания. Стоя поодаль, Нат чувствовал едкий дым листьев микании, заменяющий индейцам нашатырь. Но девочка оставалась неподвижной.

Такахо повернулся к Нату. С воинственным ревом он бросился вперед, целясь топором в голову противника. Нат когда-то обучался борьбе и потому не растерялся. Он нырнул под топор и откатился в сторону, сбив индейца с ног брющим ударом своего оружия. Такахо тяжело рухнул наземь, ушиб плечо и потерял налобную повязку, но в остальном был невредим. Нат стукнул его обухом топора, не желая бить насмерть. Видя, что индеец повержен, он вскочил на него, собираясь подмять под себя.

«Только бы обездвижить на время...»

Таахо увернулся с ловкостью кошки и тут же махнул топором в ответ. Нат избежал смертоносной дуги, вовремя отпрянув назад. Отравленное лезвие просвистело у кончика его носа и брякнулось в пыль. Радуюсь чудесному спасению, Нат на секунду замешкался и пропустил пинок в голову. Со звоном в ушах он свалился на землю. Топор выпал из его онемевшей руки и отлетел под ноги зевакам.

Нат сплюнул кровь из разбитой губы и поспешил подняться. Таахо уже стоял рядом. Пока индеец подбирал брошенный топор, за его спиной Натан разглядел шамана. Старик окуривал губы девочки дымом, видимо, оберегая умирающую от злых духов.

Стоявшие вокруг него хойа подняли шум, требуя расправы. Таахо звучно всхрапнул, занес топор и повернулся к Нату. На его багрово-красном лице застыла гримаса ярости. Секунда – и он ринулся в бой, так неистово вращая топором, что лезвие превратилось в одну сверкающую полосу.

Безоружному Нату пришлось отступить. «Так вот какова моя смерть...»

Его оттеснили к частоколу из копий остальных яномамо. Спасения не было. Таахо неспешно поднял топор, готовясь к решающему удару. Нат инстинктивно попятился, чувствуя уколы отточенных наконечников в незащищенную спину. Топор уже стремительно рассекал воздух, как вдруг...

– Юло! – донесся сквозь гомон хойа громкий вопль. – Стой!

Натан скорчился у ног индейца, но удара не последовало. Взглянув вверх, он увидел лезвие, зависшее почти в дюйме от его лица. Капля яда упала ему на щеку.

Шаман, чей голос прервал поединок, растолкал соплеменников и вышел на середину деревни.

– Твоя дочь просыпается!

Затем он указал в сторону Ната.

– Она говорит об огромной змее и спасителе-чужестранце.

Все головы разом повернулись в сторону Тамы – девочка осторожно пила из тыквы-горлянки, принесенной соседкой по племени.

Натан повернулся и снова посмотрел Таахо в глаза. Радостная весть смягчила его суровые черты. Индеец бросил топор на землю, схватил Ната за плечи и порывисто обнял.

– Яко, – произнес он, прижимая к груди недавнего врага. – Брат.

На том все и закончилось.

Из толпы выбрался запыхавшийся вождь.

– Ты бился с великой сукури и спас дочь нашего племени из ее утробы. – Он достал из-за уха длинное перо и воткнул Нату в волосы. Хвостовое перо лесного орла-гарпии считалось весьма щедрым подарком. – Отныне ты больше не набе, не чужеземец. Отныне ты – яко, брат моим братьям, один из яномамо.

Шабоно огласилось приветственным кличем.

Натан знал, что удостоился величайшей из почестей, однако не стал сидеть сложа руки.

– Сестра, – произнес он, указывая на Таму.

У яномамо было запрещено звать друг друга по именам. Вместо них употребляли родственные титулы, настоящие или вымышленные. Девочка по-прежнему тихо стонала.

– Сестра все еще больна. Она получила увечья, вылечить которые могут врачи из Сан-Габриеля. Прошу вас, позвольте отвезти ее в город.

Деревенский шаман выступил вперед. Натан боялся, что тот будет отстаивать собственные методы лечения – шаманы, как правило, народ своевольный. Тем не менее старик согласился, положив руку Нату на плечо.

– Новый яко спас нашу маленькую сестру от сукури. Мы должны внимать воле богов, по которой он оказался ее защитником. Здесь я бессилён.

Натан отер каплю яда, тщательно следя, чтобы не занести его в царапину или порез, и поблагодарил шамана. Тот и так уже сделал достаточно – его природные средства смогли вовремя привести девочку в чувство, тем самым сохранив жизнь ее избавителю. Потом Нат обратился к Такахо.

– Я могу одолжить у тебя каноэ для перевозки?

– Бери, что захочешь, – ответил Такахо. – Я еду с тобой.

Натан кивнул.

– Тогда нам лучше поторопиться.

Спешным порядком Таму уложили на носилки из бамбука и пальмовых листьев, затем приладили их на каноэ. Такахо, переодетый в спортивные шорты и безрукавку, усадил Ната в носовую часть долбленки и оттолкнулся веслом от берега, прямо на стрежень Риу-Негру, текущей напрямик до Сан-Габриеля.

Десять миль пути они прошли молча. Натан часто ощупывал лоб Тамы, а в глазах ее отца все явственней читалось беспокойство. На девочку снова напало оцепенение, она дрожала и временами постанывала. Натан бережно укутал одеялом хрупкое тельце.

Такахо сноровисто вел каноэ по быстрым протокам, легко огибая

поваленные деревья. Казалось, у него был прирожденный талант к поиску стремнин.

Плывя по течению, они встретили группу индейцев из соседней деревни – те рыбачили с копьями в руках. Нат наблюдал, как одна из женщин, стоя выше по течению, рассыпала над водой бурый порошок. Он уже знал, что это такое – толченые плети айаэи. Ниже по реке порошок растворялся в воде и парализовывал рыбу, так что стоящие у берега могли собирать ее копьями прямо с поверхности. Подобный способ рыбной ловли издревле практиковался по всей Амазонии. Сколько еще проживет эта традиция? Может, поколение – два, а потом знание о ней будет утеряно навсегда.

Натан устроился на сиденье с сознанием того, что есть битвы, в которых нельзя победить. Цивилизация продолжит наступление на джунгли, чем бы оно ни обернулось.

По пути он рассматривал густую приречную растительность, превратившую русло в сплошной зеленый коридор. Кругом непрестанно ухала, квакала, хрюкала и стрекотала жизнь во всем ее многообразии.

С берегов хором вопили стаи обезьян-ревунов, яростно раскачивая ветви. Белоснежные цапли на отмелях то и дело насаживали рыбу на свои ярко-желтые клювы, чешуйчатые морды кайманов там и сям отмечали гнездовые территории этих гигантов Амазонии. В окружающем воздухе вились тучи мошки и мух-кровососок, не пропускаая ни сантиметра открытого тела.

Здесь джунгли властвовали безраздельно. Они казались бесконечными, непроходимыми и полными тайн. Последний до конца не изученный участок планеты с огромными пространствами, где по сей день не ступала нога человека. Именно эти чудеса и тайны некогда побудили родителей Ната оставить свой дом ради жизни в джунглях. Со временем их единственный сын унаследовал ту же любовь к Великому Лесу.

Натан глядел на проплывающие мимо дебри, подмечая первые признаки цивилизации, и понимал, что Сан-Габриель уже недалеко. Стали появляться просеки со спуском к воде. С берега махали руками и кричали вслед каноэ дети. Даже шум джунглей казался отсюда приглушенным – ему на смену пришла какофония современной жизни: фыркание тракторов на полях, визг моторных лодок, брнчание радиоприемников в усадьбах.

И вот за поворотом реки джунгли оборвались. Сан-Габриель возник перед Натом подобно опухоли, поразившей самое чрево леса. Возле реки городок представлял собой смесь бетонных административных зданий и убогих лачуг. Холмы в отдалении были облеплены домами всех мастей и

размеров. Впереди вдоль причалов и пристаней теснились скопища туристских лодок и обшарпанных барж.

Натан повернулся к Таахо, чтобы указать на свободный клочок берега, и увидел, как тот с ужасом смотрит на город, прижав к груди весло.

– Оно и сюда добралось, – пробормотал он.

Нат оглянулся на городишко. Даже его, всего пару недель назад приезжавшего сюда за припасами, оглушили шум и суета. Что же мог почувствовать тот, кто никогда не покидал джунглей?

Натан кивком показал место для «парковки» каноэ.

– Великому воину здесь нечего бояться. Мы должны доставить твою дочь в больницу.

Таахо кивнул, подавляя оторопь. Его лицо вновь приобрело стоическое выражение, но взгляд по-прежнему перебегал от одной городской диковины к другой. Индеец провел каноэ туда, куда указал ему Натан, а потом помог снести носилки с ослабевшей Тамой на берег.

Потревоженная девочка тихо застонала и приоткрыла веки, за которыми виднелись белки закатившихся глаз. За время пути она стала заметно бледнее.

– Нам надо спешить.

Вдвоем они перенесли ее через набережную, под любопытными взорами местных и вспышками туристических фотокамер. Несмотря на «цивилизованную» одежду, налобник Таахо из обезьяньего хвоста, пучки перьев за ушами и стрижка «под горшок» выдавали в нем коренного обитателя Амазонии.

К счастью, маленькая одноэтажная больница находилась сразу за прибрежным кварталом. От остальных зданий ее отличал только выцветший красный крест над дверью, но Натан уже приезжал сюда раньше для консультаций с местным врачом, его приятелем из Манауса. Очень скоро они с Таахо прошли через дворы и занесли носилки в приемную. Больничный воздух отдавал хлоркой и нашатырем, зато был восхитительно прохладным благодаря кондиционеру. Охлажденный поток ударял по лицу, точно влажное полотенце.

Нат прошел к регистратуре и стал второпях объяснять, что случилось. Полная медсестра недоумевающе морщила лоб, пока Натан не понял, что говорит на наречии яномамо. Он быстро переключился на португальский:

– На девочку напала анаконда. Несколько ребер сломаны, но, боюсь, внутренние травмы еще серьезнее.

– Прошу сюда.

Сестра махнула в сторону двустворчатой двери, глядя на Таахо с

нескрываемым подозрением.

– Это ее отец. Медсестра кивнула.

– Доктор Родригес уехал по вызову, но я могу позвонить ему, если дело того требует.

– Звоните, – сказал Натан.

– Может, я сумею помочь, – произнес чей-то голос.

Нат обернулся. С кресла в приемной поднялась высокая стройная женщина с длинными темно-рыжими волосами. Казалось, еще секунду назад ее не было – незнакомку скрывал столбик дощатых коробов, помеченных красным крестом. Она подошла спокойной и твердой походкой и оглядела каждого из присутствующих по очереди.

Натан слегка приосанился.

– Меня зовут Келли О'Брайен, – бегло произнесла женщина на португальском, в котором Нат тем не менее различил едва уловимый бостонский акцент. Она вынула удостоверение со знакомым эскулаповым жезлом. – Я из Америки.

– Доктор О'Брайен, – сказал Нат по-английски, – нам, несомненно, понадобится ваша помощь. На эту девочку напала...

Лежащая на носилках Тама вдруг выгнулась дугой. Ее пятки замолотили по пальмовым листьям, все тело начало трясти.

– У нее судороги! – воскликнула женщина. – Скорее в палату!

Полная медсестра засемила по коридору, придерживая двери перед носилками.

Келли О'Брайен бежала рядом с девочкой, пока мужчины не внесли Таму в крошечную четырехместную палату и не уложили на свободную койку. Хватая перчатки, стройная докторша бросила медсестре:

– Десять кубиков диазепама, срочно!

Сестра молча метнулась к шкафчику с лекарствами. Через пару секунд у Келли в руке оказался шприц с янтарного цвета раствором. Она уже приготовила жгут.

– Держите ее, – приказала она Нату с Такахо.

Вызванные по неотложному делу старый врач и еще одна медсестра наконец прибыли, и тихая больница наполнилась суетой.

– Готовьте лактат Рингера и капельницу, – скомандовала Келли, нащупывая вену на тонкой руке девочки. Она выверенным движением направила иглу и медленно ввела лекарство.

– Это валиум, – пояснила Келли за работой. – Он должен временно подавить судороги, чтобы мы смогли выяснить, что с ней.

Как по команде, конвульсии прекратились. Тама перестала молотить

ногами и лежала пластом на кровати, лишь одно из ее век и уголок рта продолжали подергиваться. Келли разглядывала зрачки при свете фонарика-ручки.

Старый врач оттеснил Ната в сторону – доктор стоял по другую сторону Тамы, готовя набор для переливания крови.

Нат заглянул ему за спину и увидел панический ужас в глазах отца девочки.

– Что с ней случилось? – спросила врач, не прекращая осмотра.

Натан описал нападение.

– Она то и дело теряла сознание и опять приходила в себя.

Деревенский шаман смог ненадолго вернуть ее в чувство.

– У нее несколько сломанных ребер с сопутствующими гематомами, но это не объясняет судорог и обмороков. Были ли у нее конвульсии по дороге сюда?

– Нет.

– Как насчет эпилепсии у родственников?

Нат повернулся к Такахо и перевел для него вопрос.

Индеец кивнул.

– Ах-де-ме-нах гунти.

Натан нахмурился.

– Что он сказал? – переспросила Келли.

– Ах-де-ме-нах означает «электрический угорь», гунти – болезнь или недомогание.

– Болезнь электрического угря?

Натан кивнул.

– Это он и сказал. Бессмыслица. Жертва электрического угря часто испытывает конвульсии, но непосредственно после атаки. А Тама уже много часов не заходила в воду. Не знаю... Может, так яномамо называют эпилепсию?

– Ее лечили? Назначали какие-нибудь препараты?

Ответил Такахо:

– Деревенский шаман раз в неделю ухаживал за ней, окуривая дымом микании.

Келли задохнулась от негодования.

– Иными словами, ее не лечили. Неудивительно, что стресс утопающего вызвал столь сильный припадок. Почему бы вам не отвести ее отца в приемную? Может, мне удастся подавить судороги чем-нибудь посерьезнее.

Нат посмотрел на кровать. Тама все еще лежала без движения.

– Думаете, они повторятся?

Келли встретила с ним взглядом.

– Они и не прекращались. – Доктор указала на лицевой тик. – Это называется статус эпилептикус, длительные судороги. Большинство пациентов, перенесших такой затяжной приступ, могут входить в ступор, стонать, терять координацию. Кризы, подобные тем, что мы видели, будут случаться снова и снова. Если их не остановить, ребенок погибнет.

Нат задержал взгляд на девочке.

– Так вы хотите сказать, что судорога мучила ее все это время?

– Судя по вашим словам, в той или иной степени – да.

– Но шаман из деревни как-то смог вывести ее из ступора!

– С трудом в это верю. – Келли снова занялась девочкой, – у него не нашлось бы лекарства, чтобы разорвать цикл.

Нат вспомнил, как девочка пила из горлянки.

– И все же ему удалось. Не стоит принимать шаманов за примитивных знахарей. Я годами сотрудничал с ними. Знай вы, с чем им приходится сталкиваться, вы бы назвали их кудесниками.

– Что ж, кудесники они или нет, но наши средства гораздо эффективнее. Настоящая медицина. – Она снова кивнула в сторону Таахо. – Почему вы не проводите отца в приемную?

Келли опять повернулась к персоналу, давая понять, что разговор окончен.

Нат вспыхнул, но подчинился. В конце концов, западные медики веками отвергали терапевтическую ценность шаманизма. Нат уговорил Таахо выйти из палаты и подождать в приемной. Он усадил индейца в кресло и велел подождать, а сам направился к выходу. Он вернулся по коридору и снова очутился в душном амазонском мареве. Пусть американка верит, чему хочет, – он собственными глазами видел, как шаман вернул Таму к жизни. Если кто-то и мог пролить свет на ее загадочную болезнь, то Нат знал, где его найти.

Едва ли не бегом под палящим полуденным солнцем Натан устремился к южной оконечности города. Проскочив почти десять кварталов, он поравнялся с местной военной базой. Вопреки обычной полудреме, сегодня там царило оживление. Нат насчитал на площадке четыре вертолета с американской маркировкой. Вдоль ограды выстроились местные, таращась на залетные чудеса техники и оживленно болтая.

Нат не придал значения происходящему на базе и поспешил к панельному зданию, стоящему среди углых деревянных строений. На фасаде было выведено «ФУНАИ». Там-то и располагался филиал

Бразильского индейского фонда, центральный орган поддержки, обучения, юридического представительства местных племен банива и яномамо. Невысокое здание вмещало как кабинеты, так и приют для бездомных индейцев, забредших в город в поисках лучшей из долей – доли белого человека.

В штате ФУНАИ числился советник по делам медицины, давний друг семьи Ната и наставник его отца здесь, в лесах Амазонии.

Натан просочился в фойе, быстро прошел его и взбежал по лестнице, молясь, чтобы друг оказался у себя. Дверь была не заперта, так что еще на подходе он услышал звуки Пятого скрипичного концерта Моцарта.

Слава богу!

Нат постучал по косяку и назвал.

– Профессор Коуве?

Из-за маленького стола, заваленного бумажными кипами, на него смотрел смуглый индеец, на вид чуть старше пятидесяти. У индейца были черные волосы до плеч, у висков чуть тронутые сединой, и очки в металлической оправе. Узнав вошедшего, профессор тотчас снял их и широко улыбнулся.

– Натан!

Реш Коуве вышел из-за стола и так крепко обнял Ната, что позавидовала бы анаконда. Несмотря на худобу, индеец обладал недюжинной силой.

Тридцать лет минуло с того дня, когда он встретил отца Ната в южной Венесуэле, где занимал почетную должность шамана племени тириос. Вскоре они подружились, а потом Коуве не без помощи Рэнда-старшего смог поехать на учебу в Оксфорд и заработать себе два диплома – лингвиста и палеоантрополога. Его также признали одним из выдающихся экспертов-ботаников в регионе.

– Даже не верится, что ты здесь, мой мальчик! Ты уже разговаривал с Манни?

Натан нахмурился, высвобождаясь из медвежьей хватки профессора.

– Нет, а что?

– Он тебя ищет. Забегал ко мне около часа назад – спрашивал, не знаю ли я, в какой деревне ты проводишь исследования.

Натан поднял бровь.

– Зачем?

– Он не сказал, но с ним была какая-то шишка из «Теллукса».

Нат закатил глаза. «Теллукс фармасьютикалс» – так называлась международная корпорация, финансирующая его работу по изучению

деятельности местных шаманов.

Коуве заметил реакцию Натана.

– Ты сам подписал контракт с дьяволом.

– Что мне еще оставалось после смерти отца?

– Зря ты так быстро сдался. Ты ведь всегда был...

– Знаете, – оборвал его Натан. Он не хотел вспоминать черные дни своей жизни. Сам заварил кашу, самому теперь и расхлебывать. – Вообще-то я пришел не из-за «Теллукса».

Он рассказал о Таме и ее болезни.

– Меня беспокоит, как ее лечат. Не могли бы вы побеседовать с доктором?

Коуве схватил с полки коробку для рыбацких принадлежностей.

Глупо, очень глупо, – пробормотал он и направился к двери.

Нат следом спустился по лестнице и вышел во двор. Ему приходилось бежать, чтобы поспеть за профессором. Минута – и они ворвались в больничные двери.

Завидев Ната, Такахо вскочил на ноги.

– Яко... Брат...

Натан жестом усадил его обратно.

– Я привел того, кто способен помочь твоей дочери.

Коуве не стал медлить. Он уже устремился к входу в палату, Нат – за ним по пятам.

В палате царила невообразимая сумятица. Стройная американка, вся взмокшая, склонилась над Тамой, которую снова скрутило в сильнейшей судороге. Медсестры сновали туда-сюда, выполняя распоряжения докторши.

Келли перевела взгляд, полный страха, с девочки на вошедших.

– Мы ее теряем...

– Я попробую помочь, – вызвался Коуве. – Какие препараты она получала?

Келли торопливо прочла список, смахивая пряди волос с покрытого испариной лба.

Коуве кивнул, открыл коробку и, порывшись в ее многочисленных отделениях, выудил какой-то мешочек.

– Мне нужна соломинка.

Сестра так же рьяно бросилась выполнять его указание, как прежде – указания Келли. Нат догадался, что Коуве не впервые наведывается в эту больницу. Кто еще, кроме него, столь сведущ в туземных болезнях и их терапии?

– Что вы делаете? – спросила покрасневшая Келли. Ее длинные рыжие волосы были собраны в хвост.

– Вы ошиблись с постановкой диагноза, – проговорил профессор, наполняя пластиковую соломинку своим снадобьем. – Природа конвульсий у пациентов с «болезнью электрического угря» кроется не в нарушении нервной системы, как при эпилепсии. Она обусловлена наследственным дисбалансом химического состава ликвора – спинномозговой жидкости. Этот синдром отмечен только у некоторых групп яномамо.

– Наследственное нарушение метаболизма?

– Именно, наподобие фавизма в семьях жителей Средиземноморья или «болезни холодного жира» среди марунов Венесуэлы.

Коуве подошел к девочке и позвал Натана.

– Держи ее крепче.

Натан выступил вперед и пригнул голову Тамы к подушке. Бывший шаман ввел конец соломинки девочке в ноздрю и резко выдул содержащийся там порошок.

Доктор О'Брайен склонилась над его спиной.

– Вы, видимо, доктор Родригес?

– Нет, дорогуша, – отозвался Коуве, вставая. – Я всего-навсего местный шаман.

Келли воззрилась на него со смесью страха и недоверия на лице, но возмутиться не успела. Конвульсии девочки стали ослабевать и вскоре совсем прекратились.

Коуве проверил ее веки. Болезненная бледность почти исчезла.

– Я обнаружил, что через мембраны носовых пазух некоторые вещества всасываются почти с той же эффективностью, что и при внутривенном введении.

Келли зачарованно смотрела на девочку.

– Работает!

Коуве передал мешочек одной из сестер.

– Доктор Родригес уже выехал?

– Я звонила ему, профессор, – ответила сестра, сверяясь с часами. – Он должен появиться через десять минут.

– Позаботьтесь, чтобы девочка получала по полсоломинки каждые три часа в течение следующих суток, затем раз в день. Когда ее состояние стабилизируется, можно будет справиться и с остальными повреждениями.

– Хорошо, профессор.

Лежащая на постели Тама медленно открыла глаза. Она смущенно и испуганно глядела вокруг, на стоящих рядом незнакомцев. Затем ее глаза

отыскали Натана.

– Яко башо, – слабо выговорила девочка.

– Да, братец обезьяна с тобой, – ответил тот на языке яномамо, похлопывая ее по руке. – Ты спасена. Папа тоже здесь, сейчас он придет.

Одна из сестер привела Такахо. Увидев, что дочь очнулась и говорит, индеец пал на колени и разрыдался, не в силах дольше сдерживать себя.

– Теперь она скоро поправится, – уверил его Натан.

Коуве собрал свою походную аптечку и удалился в сопровождении Натана и доктора О'Брайен.

– Что же было в соломинке? – спросила рыжеволосая докторша.

– Высушенный стебель лианы ку-на-не-ма.

Видя немой вопрос в ее глазах, Нат пояснил:

– Ползучей микании. Именно им деревенский шаман обкуривал девочку, чтобы привести ее в чувство. О чем я вам и рассказывал.

Келли покраснела.

– Видимо, я должна извиниться. Я не думала... Даже представить себе не могла...

Коуве похлопал ее по плечу.

– Западный этноцентризм – распространенный недуг в наших краях. Здесь нечего стыдиться, – подмигнул он Келли. – Сам им страдал.

Однако Нат был не в настроении церемониться.

– В следующий раз, – бросил он, – не будьте так самонадеянны.

Келли закусил губу и отвернулась, и Нат тут же почувствовал себя неотесанным дурнем. Конечно, его терпение истощилось – после стольких тревог и волнений, но, с другой стороны, врач делала все, что могла. Понимая, что был неоправданно строг к ней, Натан решил извиниться и даже открыл рот...

Не успел он и слова сказать, как входная дверь распахнулась и на пороге возник рослый рыжеволосый мужчина, одетый в хаки и потертую бейсболку «Ред сокс». Он отыскал взглядом докторшу.

– Келли, если ты закончила с раздачей, то нам пора. Мы взяли лодку, которая отвезет нас вверх по реке.

– Хорошо, – ответила врач. – Я готова.

Она посмотрела на Ната и Коуве.

– Спасибо вам.

Натану бросилось в глаза сходство между ней и вошедшим – в россыпях веснушек, морщинках вокруг глаз. Кроме того, оба говорили с певучим бостонским акцентом. Брат и сестра – догадался Нат.

Он вышел за ними на улицу, но увиденное там заставило его невольно

попятиться, едва не сбив с ног профессора Коуве.

По ту сторону улицы выстроился десяток солдат в полном вооружении – с винтовками М-16 со складными прицелами, пистолетами в кобурах и тяжелыми ранцами. Нашивки на плечах подсказали Нату войсковую принадлежность бойцов – это были рейнджеры, разведывательно-диверсионный десант. Один из них произнес что-то в микрофон переносной рации и взмахом руки направил группу к берегу. Брат и сестра О'Брайены отправились следом.

– Стойте! – крикнул кто-то из-за цепочки десантников.

Те расступились, и Натан увидел старого знакомого – Манни Азеведо. Приземистый и черноволосый, он протолкался вперед. На нем были вытертые брюки, карман рубашки походил на рваную тряпку, а у пояса висел его знаменитый кнут.

Манни и Нат обменялись улыбками, а потом похлопали друг друга по спине. Натан подергал за рваный карман.

– Вижу, ты опять развлекался с Тор-Тором.

Манни усмехнулся.

– Веришь, с прошлого раза зверюга набрал еще десять кило.

Нат рассмеялся.

– Класс! Будто ему тех не хватало.

Заметив, что десантники остановились и все, включая Келли с братом, смотрят на них, Натан кивнул на них и спросил Манни:

– Что здесь творится? Куда они все собрались?

Манни глянул на остальных. К ним уже потянулись зеваки – поглазеть на грозных американских рейнджеров.

– Похоже, правительство Штатов снарядило отряд для дальней экспедиции в джунгли.

– Зачем? Опять наркокурьеры?

В этот миг Келли О'Брайен сделала шаг в его сторону. Манни указал на Натана.

– Позвольте представить вам доктора Рэнда... доктора Натана Рэнда.

– Мы как будто встречались, – ответила Келли, смущенно улыбаясь. – Только он не назвался.

Натан чувствовал, что Келли и Манни чего-то недоговаривают.

– Что происходит? – повторил он. – Почему вы собрались форсировать реку?

Келли посмотрела ему прямо в глаза. Ее собственные зрачки оказались потрясающего изумрудно-зеленого цвета.

– Чтобы искать вас, доктор Рэнд.

Ориентировка

6 августа, 21 час 15 минут

Сан-Габриель-да-Качозейра

Нат вышел из кабинета Манни в ФУНАИ, перешел улицу и в сопровождении одного из бразильцев-биологов и профессора Коуве направился к военной базе. Профессор только что вернулся из больницы с утешительной вестью о Таме, которая быстро шла на поправку.

Свежевыбритый и отмытый, в чистом белье, Натан Рэнд не верил сам себе, что всего несколькими часами раньше явился сюда с больной девочкой из лесных дебрей. Казалось, он смыл и отскреб с себя джунгли вместе с потом и грязью, за считанные часы превратившись из новообращенного яномамо в гражданина Америки. Поистине, мыло «Весна Ирландии» способно творить чудеса. Хотя запах и оставлял желать лучшего.

– Тошнит, не правда ли? После стольких лет в джунглях... – заметил Коуве, попыхивая трубкой. – Когда я впервые выехал из Венесуэлы, из дома в лесу, я словно угодил под информационный обстрел – звуки, запахи, суета городов... К ним привыкаешь труднее всего.

Нат опустил руку.

– Странное дело: к простой жизни на природе легко приспособиться. Правда, есть одна вещь, ради которой я готов терпеть городские напасти.

– И что же это? – любопытно спросил Манни.

– Туалетная бумага.

Коуве прыснул со смеху.

– А ты думаешь, почему я убрался из джунглей?

Они подошли к воротам сияющей огнями базы. Через десять минут должен начаться сбор. Может, на нем что-нибудь прояснится?

* * *

По дороге Нат разглядывал спящий город, пытаясь получше рассмотреть этот крошечный оплот цивилизации. Над рекой, отражаясь в ее глади, повисла полная луна, слегка размытая в наползающем на город тумане. Наступала ночь, и джунгли, пусть ненадолго, вступали в свои

права.

На закате звуки города стихали, сменяясь гулким пением козодоев под аккомпанемент лягушачьего хора и тремоло кузнечиков-сверчков. Даже на улицах шелест крыльев летучих мышей и неотвязный комариный писк перекрывал людскую болтовню и гудки автомобилей.

Присутствие человека ощущалось лишь в звонком смехе запоздалых гуляк из кабачка под открытым небом.

А в остальном над Сан-Габриелем властвовали джунгли.

Натан шагал рядом с Манни.

– Интересно, зачем я мог понадобиться американскому правительству?

– Точно не знаю, – покачал головой Манни, – но все это как-то связано с твоими спонсорами.

– «Теллукс фармасьютикалс»?

– Именно. Кто-то из этих типов приехал вместе с американцами. Судя по виду, адвокаты.

Нат помрачнел.

– А когда это «Теллукс» обходился без них?

– Не надо было продавать им «Экотек», – произнес Коуве, не вынимая трубки изо рта.

Нат вздохнул.

– Эх, профессор...

Подняв руки, шаман показал, что сдаётся.

– Извини. Сам знаю, больная тема...

«Больная» было не тем словом для Натана. «Экотек» основали двенадцать лет назад по проекту отца Ната. То было целиком его детище – фармацевтическая фирма, ориентированная на сбор сведений у шаманов в целях поиска новых растительных препаратов. Отец захотел сохранить опыт вымирающего поколения лекарей Амазонии и сделать так, чтобы местные племена получали доход от своего векового наследия.

Для него это были не просто мечта и цель жизни, но и исполнение обета, данного жене Саре.

Устроившись медиком в филиал корпуса мира, всю свою жизнь она посвятила туземцам, и ее страсть оказалась заразной. Отец Ната пообещал продолжить начатое ею дело, и спустя несколько лет обещание привело его к созданию «Экотек», симбиоза неприбыльной адвокатуры и выверенных до мелочей бизнес-моделей.

Вот только сейчас их наследство кануло в небытие, поглощенное «Теллуксом».

Голос Манни вклинился в размышления Ната.

– Кажется, дальше пойдём под конвоем.

У пропускной стояли навьютяжку два рейнджера в светло-коричневых беретах, а перед ними – бразильский солдат. Тому как будто было не по себе.

Натан с опаской оглядел кобуры десантников и снова стал гадать, зачем их сюда позвали. Едва поравнялись с воротами, бразильский часовой проверил документы. Затем один из рейнджеров сделал шаг вперед со словами:

– Приказано препроводить вас на ориентировку. Прошу следовать за мной.

Он круто развернулся и зашагал вперед.

Натан оглянулся на друзей и прошел в ворота. Второй рейнджер занял позицию позади него. В окружении конвоиров и по соседству с расположившейся невдалеке, на футбольном поле, четверкой вертолетов у Ната засосало под ложечкой.

Профессора Коуве все это как будто не тревожило. Он знай себе попыхивал трубкой и преспокойно шел за провожатыми. Манни казался скорее удрученным, нежели испуганным.

Их вели мимо покореженных ангаров из листового железа, где размещалась бразильская пехота, пока не доставили к полуразрушенному, с несколькими покрашенными окнами, бревенчатому пакгаузу на границе базы. Рейнджер-проводник открыл перед ними ржавую дверь. Натан первым вошел внутрь. Готовясь застать там мрак и паутину, он едва не жмурился под галогенными фонарями и лампами дневного света. По бетонному полу тянулись всевозможные кабели, подчас в руку толщиной. Вдоль задней стены выстроились три кабинки, в одной из которых раздавалось пыхтенье генератора. Нат подивился уровню оснащения зала – повсюду стояли компьютеры, оборудование для теле- и радиосвязи, мониторы.

Посреди этого рукотворного хаоса расположился большой стол для заседаний, загроможденный кипами распечаток, карт, графиков и даже газет. По залу сновали мужчины и женщины – в форме и штатском. Кое-кто пополнял горы бумаг на столе. Среди этих служащих была и Келли О'Брайен.

«Что здесь творится?» – недоумевал Нат.

– У нас не курят, – сказал профессору Коуве один из конвоиров, указав на зажженную трубку.

– Разумеется.

Коуве вытряхнул содержимое трубки в пыль у порога.

– Спасибо.

Рейнджер придавил каблуком горстку табака.

Одна из дверей офисов напротив распахнулась, и появился знакомый рыжеволосый гигант – брат доктора О'Брайен. Бок о бок с ним стоял человек, которого Нат знал достаточно, чтобы презирать всей душой. В этот раз он пришел в темно-синем костюме, а куртку повесил на согнутую в локте руку. И Нат готов был поклясться, что на одежде красовалась символика «Теллукса».

Как обычно, его лоснящаяся темная шевелюра была уложена волосок к волоску, а козлиная бородка – заботливо подстрижена. Подойдя к Нату и компании, он одарил их елейной улыбочкой под стать своей наружности. В то же время его рыжеволосый спутник протянул руку с неподдельным радушием.

– Спасибо, что пришли, доктор Рэнд. Думаю, вы уже знакомы с доктором Ричардом Зейном.

– Мы встречались, – холодно ответил Натан и пожал протянутую ладонь.

Хватка рыжеволосого могла бы сокрушить камень.

– Я – Фрэнк О'Брайен, руковожу операцией. Сестру вы уже знаете. – Он кивнул головой в сторону Келли – та оторвала взгляд от стола и подняла руку в знак приветствия. – Поскольку все в сборе, можно начинать собрание.

Фрэнк подвел Ната, Коуве и Манни к столу и махнул остальным, приглашая садиться.

Место напротив Натана занял человек с непроницаемым лицом и длинным белесым шрамом поперек горла. Рядом с ним сел один из рейнджеров – две серебряные полоски на его погонах указывали на должность капитана.

Ричард Зейн уселся во главе стола между Келли и Фрэнком, а те остались стоять. Слева расположился другой представитель «Теллукса» – миниатюрная азиатка в синем брючном костюме. Ее глаза светились умом и, казалось, ничего не упускали из виду. Неожиданно Нат встретился с ней взглядом. В ответ незнакомка едва заметно улыбнулась и кивнула.

Как только все расселись по местам, Фрэнк прокашлялся.

– Прежде всего, доктор Рэнд, позвольте поприветствовать вас в центре управления операцией «Амазония», проводимой командованием войск специального назначения совместно с центром охраны окружающей среды ЦРУ. – Здесь он кивнул капитану со шрамом. – Нас также поддерживает правительство Бразилии и исследовательский отдел компании «Теллукс»

фармасьютикалс».

В этот миг Келли перебила брата, подняв руку. Судя по всему, она подметила замешательство Ната и решила помочь.

– Уверена, у доктора Рэнда есть к нам множество вопросов. Прежде всего, какое он имеет отношение к нашей команде.

Натан кивнул, и Келли продолжила:

– Основная цель операции «Амазония» – узнать судьбу экспедиции вашего отца.

У Ната отвисла челюсть и потемнело в глазах. Его словно огрели чем-то тяжелым – слова дались ему далеко не сразу.

– Но... ведь прошло целых четыре года.

– Мы понимаем, и все же...

– Нет! – Сам не зная как, он вскочил на ноги, опрокинув кресло. – Они мертвы! Они все мертвы!

Профессор Коуве попытался урезонить Ната – положил на плечо руку.

– Натан...

Нат вырвался. Тот роковой звонок... Как будто это было вчера. Он в Гарварде, заканчивает диссертацию. Взял билет на следующий рейс до Бразилии – участвовать в поисках пропавшей команды.

Стоя посреди пакгауза, Нат словно заново переживал все, что с ним творилось в те дни, – слепящую ярость, злость, досаду. Спасатели ушли, а он по-прежнему не сдавался. Да и как он мог сдаться? Ему пришлось умолять «Теллукс фармасьютикалс» послать свой отряд. Ведь исследование проводилось на средства обеих фирм, в основном «Экотека». Целью десятилетней работы была перепись жителей туземных племен и планомерная регистрация их медицинских знаний, пока их еще можно добыть. «Теллукс» отказал Нату в содействии. Корпорация придерживалась мнения, что команда погибла – в схватке с враждебно настроенным племенем или же группой наркоторговцев.

Так думали все, кроме Ната. В последующие годы он потратил миллионы, ища хотя бы намек, малейшую зацепку, упоминание о том, что случилось с учеными. В эту черную дыру он слил все активы «Экотека», подорвав и без того шаткое положение отцовской компании.

Она уже понесла невосполнимый урон в результате обвала на бирже, вызванного исчезновением главы директората. В конце концов заветный источник иссяк. «Теллукс» поспешил прибрать к рукам оставшееся, скупив акции «Экотека» по бросовой цене, а Нат был слишком измучен и удручен, чтобы сопротивляться. В итоге «Экотек» и все его фонды, включая Натана, попали в собственность межнациональной корпорации.

Впереди его ждал еще худший кошмар. Несколько лет протекли в алкогольно-наркотическом угаре и разочаровании. Лишь помощь друзей, таких как Коуве и Манни Азеведо, помогла ему вновь обрести себя. Оказалось, джунгли заглушают боль. День за днем Нат учился жить заново, сам пробивал себе путь и, сколько мог, старался продолжать отцовскую работу, перебиваясь подачками с «Теллукса».

Так было до сих пор.

– Они мертвы! – снова выкрикнул он, упершись в стол руками. – После стольких лет понять, что случилось с отцом... У вас нет ни малейшего шанса!

Натан ощутил на себе сочувственный взгляд изумрудных глаз Келли, ожидающей, пока он совладает с собой.

Наконец она спросила:

– Вам знакомо имя Джеральда Уоллеса Кларка?

Уже готовясь сказать «нет», Нат неожиданно вспомнил: то был один из членов отцовской команды. Он провел языком по губам.

– Да. Бывший военный, в экспедиции возглавлял «боевую пятерку».

Келли глубоко вздохнула.

– Двенадцать дней назад Джеральд Уоллес Кларк вышел из джунглей.

Лицо Ната окаменело.

– Черт, – выругался рядом Манни.

Профессор Коуве подобрал опрокинутый стул и помог Нату присесть.

Келли продолжила:

– К сожалению, Джеральд Кларк скончался в миссионерской деревне до того, как мы смогли определить, откуда он пришел. Таким образом, цель нашей операции – проследить его путь и узнать, что случилось. Мы надеялись, что вам, как сыну Карла Рэнда, будет интересно принять участие в поисках.

Над столом повисла тишина.

Фрэнк прокашлялся и добавил:

– Доктор Рэнд, мы обратились к вам не столько из-за выдающихся заслуг в изучении джунглей и туземных народов, сколько потому, что вы, как никто другой, знали своего отца и его команду. Сведения такого рода были бы очень ценны во время рейда в отдаленную часть джунглей.

Нат все еще не находил слов от потрясения. За него ответил профессор Коуве.

– Теперь мне понятно, почему «Теллукс фармасьютикалс» пошел на финансирование операции, – спокойно проговорил он, кивая Ричарду Зейну. Тот осклабился. – Они никогда не упустят возможности нажиться на

чужой беде.

Ухмылка Зейна исчезла.

Коуве продолжил, переключаясь на Фрэнка и Келли:

– Но какой в этом прок ЦРУ? И для чего понадобилось подключать к делу военных? – Он, подняв бровь, повернулся к рейнджеру. – Не соблаговолите ли просветить нас – вы оба или, может быть, капитан?

Глаза Келли сверкнули. Фрэнк наморщил лоб, озадаченный точным выпадом профессора. Ответила сестра:

– Бывший солдат и эксперт по оружию Джеральд Кларк параллельно выполнял задания для ЦРУ. В экспедиции ему был поручен сбор информации о маршрутах судоперевозок кокаина в экваториальном бассейне.

Фрэнк мельком глянул на Келли, словно та слишком вольно распорядилась секретными сведениями.

Келли продолжила как ни в чем не бывало:

– Остальное вы узнаете только в том случае, если доктор Рэнд согласится сотрудничать. Все прочие данные – лишь для участников операции.

Коуве глянул на Ната с тревожным блеском в глазах.

Натан тяжело вздохнул.

– Если есть шанс узнать, что случилось с отцом, я не намерен его упускать. – Он повернулся к друзьям. – Да вы и сами знаете это.

Нат встал и поднял голову.

– Я пойду.

– Тогда и я тоже. – Манни вскочил с кресла и, оглянувшись вокруг, добавил, пока его не прервали: – Я уже совещался с начальством. Поскольку именно я возглавляю филиал ФУНАИ в этом районе, то могу предъявлять какие угодно условия и ограничивать вашу деятельность по своему усмотрению.

Фрэнк кивнул.

– Нас предупредили об этом час назад. Выбор за вами. Во всяком случае, с моей стороны возражений нет. Я прочел ваше досье. Ваш опыт биолога может пригодиться весьма кстати.

Следующим встал профессор Коуве. Он положил руку Нату на плечо и сказал:

– Раз так, вам потребуется и лингвист.

– Ценю ваше предложение. – Фрэнк помахал азиатке. – Но мы уже все предусмотрели. Доктор Анна Фонг – антрополог, специалист в области изучения туземных племен. Владеет дюжиной различных диалектов.

Натан хмыкнул.

– Не в обиду доктору Фонг, но профессор Коуве знает больше ста пятидесяти. Лучшего эксперта в этой области вам не найти.

– Доктор Рэнд совершенно прав, – вставила Анна. Ее голос оказался тихим и мелодичным. – Профессор Коуве – всемирно известный знаток племен Амазонии. Для нас было бы большой честью заручиться его поддержкой.

– И похоже, – добавила Келли, кланяясь пожилому коллеге, – к нашему счастью, профессор также весьма сведущ в лесной фармацевтике и тропической медицине.

Коуве ответил поклоном на поклон.

– Итак, как экспедиционный медик, я не возражаю против участия профессора, – сказала Келли брату.

Фрэнк пожал плечами.

– Одним больше, одним меньше... – Он повернулся к Натану. – Вас это устраивает?

Натан огляделся.

– Разумеется.

Фрэнк кивнул и объявил во всеуслышание:

– Тогда вернемся к работе. Поскольку мы встретили доктора Рэнда в городе, то идем с опережением графика, но нужно еще многое успеть, если мы намерены выступить на рассвете.

Когда все начали расходиться, Фрэнк обратился к Натану:

– Итак, посмотрим, что еще мы можем для вас прояснить. Брат и сестра О'Брайен направились к одному из кабинетов. За ними прошествовали Натан с друзьями.

Манни обернулся, глядя на суматоху за спиной.

– И чего ради мы в это ввязались?

– Ради чуда, – донесся голос Келли, пока она пропускала всех в кабинет. – Зайдите и сами увидите.

Натан взял снимки агента Кларка и передал остальным.

– Хотите сказать, он отрастил себе новую руку?

Фрэнк обошел вокруг стола и уселся.

– Похоже на то. Отпечатки пальцев совпадают. Сегодня тело отправили на родину, из Манауса в Штаты. Завтра останки пройдут закрытую экспертизу, при поддержке организации «Медея».

– «Медея»? – переспросил Манни. – Где я мог слышать это название?

Келли ответила, не отрывая пристального взгляда от стены с топографическими картами.

– С самого своего основания в тысяча девятьсот девяносто втором году «Медея» активно занималась проблемой сохранения дождевых лесов.

– И что же все-таки такое эта «Медея»? – спросил Натан, выкладывая фото на столе.

– В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году прошло слушание в конгрессе по поводу того, можно ли считать секретные данные, собранные ЦРУ с помощью систем спутникового слежения, пригодными для изучения и мониторинга глобальных изменений окружающей среды или нет. В результате в тысяча девятьсот девяносто втором году была создана «Медея». ЦРУ собрало вместе более шестидесяти ученых из различных связанных с экологией областей, чтобы те анализировали данные, касающиеся природной среды.

– Понятно, – произнес Натан.

– Наша мать, – вставил Фрэнк, – была одним из основателей «Медеи» по линии медицины и проблем вредных отходов. Отец нанял ее, когда служил заместителем директора ЦРУ. Она будет руководить вскрытием агента Кларка.

Манни нахмурился.

– Ваш отец – заместитель директора ЦРУ?

– Бывший, – с горечью произнес Фрэнк.

Келли повернулась к картам спиной.

– Сейчас он директор комитета по окружающей среде при ЦРУ, подразделения, которое Алан Гор создал в девяносто седьмом по настоянию «Медеи». Фрэнк работает с ним.

– А вы? – спросил Натан. – Вы тоже из ЦРУ?

Келли отмахнулась.

– Она самый младший сотрудник «Медеи», – ответил Фрэнк не без гордости. – Высокая честь, между прочим. Потому-то нас и выбрали возглавлять операцию. Я представляю ЦРУ, Келли представляет «Медею».

– Ну разве не семейное дело, – сказал Коуве, усмехнувшись.

– Чем меньше тех, кто знает о задании, тем лучше, – парировал Фрэнк.

– Тогда какую роль во всем этом играет «Теллукс»? – спросил Натан.

Коуве ответил еще до того, как брат и сестра О'Брайены успели открыть рот:

– Неужели не ясно? Работу твоего отца финансировал и «Экотек», и «Теллукс», что сейчас одно и то же. Они владеют любой значимой информацией, полученной в ходе экспедиции. Если команда нашла некий состав с регенеративными свойствами, все права на него принадлежат «Теллуксу».

Натан посмотрел на Келли – та потупила взгляд. Фрэнк прямодушно кивнул.

– Он прав. Но даже в «Теллуксе» очень мало кто знает об истинной цели нашего рейда.

Нат тряхнул головой.

– Отлично. Лучше не придумаешь.

Коуве в утешение положил ему руку на плечо.

– Ну и пусть их, – вмешался Манни. – Каков наш первый шаг?

– Сейчас покажу. – Келли вернулась к картам на черной стене и указала на одну, висящую в центре. – Уверена, доктор Рэнд видел это не раз.

Тот глянул на карту. Он не просто видел – он знал ее, как свои пять пальцев.

– Здесь отмечен маршрут, проложенный отцовской экспедицией четыре года назад.

– Именно, – подтвердила Келли, ведя пальцем вдоль извилистого пунктира от южной оконечности Манауса, по течению Мадейры вплоть до Порту-Велью, где линия уходила на север, в самое сердце Амазонии. – Дальше команда продвигалась зигзагами, пока не достигла небольшой малоизученной области, ограниченной с севера и юга притоками Амазонки.

Келли подвела палец к маленькому крестику на конце пунктира.

– Здесь оборвалась радиосвязь с экспедицией. Отсюда же отправлялись поисковые команды, правительственные и частные. – Она многозначительно посмотрела на Натана. – Что вам известно о ходе поисков?

Нат вышел из-за стола и встал возле карты. К нему возвращалось прежнее, щемящее чувство потери.

– Поиски пришлось на декабрь, в разгар сезона дождей, – вполголоса проговорил он. – Над районом двигалось два мощных циклона. Сначала никто не придавал этому значения, как и некоторым другим фактам. Первый

тревожный сигнал прозвучал, когда задержка сообщения растянулась почти на неделю при ясной погоде. Поначалу никто не испугался всерьез, ведь в экспедицию шли бывалые люди, всю жизнь проводившие в джунглях. Что могло с ними случиться? Но когда провели пробные поиски, оказалось, что все следы экспедиции исчезли, были смыты дождем или затоплены вместе с джунглями. Здесь, – Нат ткнул в нарисованный крестик, – стояла вода, когда прибыли первые спасатели.

Он повернулся к остальным.

– Прошла неделя, потом еще одна. Пусто. Ни знака, ни слова... Пока не услышали тот последний, отчаянный вопль: «Пришлите подмогу... нам не продержаться... Господи, они тут повсюду!!!»

Нат тяжело вздохнул. Воспоминания о пережитом до сих пор не давали ему покоя.

– Сигнал был так засорен помехами, что голос опознать не удалось. Возможно, он принадлежал агенту Кларку.

В глубине души Нат был уверен в том, что говорил отец. Он снова и снова прокручивал пленку – запись его последних слов.

Натан уставился в стол, заваленный документами и фотографиями.

– Три месяца поисковики прочесывали район, но после гроз и наводнений не находили ничего нового. Никаких знаков того, куда направилась экспедиция – на юг или север, запад, восток... – Здесь он пожал плечами. – Да и как они могли что-то найти? Район поисков был обширней Техаса. В какой-то миг все сдались.

– Кроме вас, – мягко вставила Келли.

Натан сжал кулаки.

– А что толку? Мы так ничего и не выяснили.

– До сих пор, – поправила Келли. Она осторожно обошла его и указала на красный кружочек, которого Нат не заметил. Он находился почти в двухстах милях к югу от Сан-Габриеля, у реки Журуа, впадающей в Солимоинш – западную часть Амазонки. – Здесь находится миссия Вауваи, где скончался агент Кларк. Вот туда мы завтра и направимся.

– А потом? – спросил Манни.

– Пойдем по следу Джеральда Кларка. Теперь у нас есть преимущество перед прочими командами.

– Какое же? – полюбопытствовал Манни.

Вместо Келли ответил Натан, стоя почти вплотную к картам на стене.

– Сейчас конец лета. Здесь больше месяца не было ливней, – он глянул через плечо, – так что, возможно, нам удастся отследить его путь.

– Посему рейд приходится разрабатывать срочно и в ускоренном

темпе. – Фрэнк поднялся. Опершись о стену, он мотнул головой в сторону карты. – Мы рассчитываем отыскать следы до того, как начнутся дожди и все смоят. Еще мы надеемся, что у Кларка хватило смекалки оставить какие-нибудь знаки – древесные метки, груды камней и так далее, чтобы провести нас туда, где его держали все эти четыре года.

Фрэнк вернулся к столу и вытащил широкий, сложенный пополам лист рисовальной бумаги.

– Вдобавок мы наняли Анну Фонг и теперь можем опросить всех, кого встретим: крестьян, индейцев, охотников – кого угодно. Посмотрим, не видел ли кто человека с такими отметинами. – Фрэнк развернул и разгладил бумагу, открывая их взорам сделанный от руки набросок. – Это эскиз татуировки с груди и живота агента Кларка. Мы надеемся, что сумеем найти людей, встречавших такой рисунок.

Профессор Коуве вздрогнул. Его реакция не прошла незамеченной.

– Что такое? – спросил Натан.

Коуве указал на бумагу. Она была исчерчена сложным спиралевидным узором, расходящимся от одного стилизованного отпечатка ладони.

– Плохо дело. Очень плохо.

Коуве порылся в карманах и вытащил трубку. Затем вопросительно посмотрел на Фрэнка. Тот кивнул.

Профессор достал кисет и, набив трубку местным сортом табака, зажег с одной спички. Натан отметил необычную для него дрожь в пальцах.

– Что это?

Коуве затаился и с расстановкой ответил:

– Знак бан-али. «Ягуаров крови».

– Вам знакомо это племя? – спросила Келли. Шаман выпустил долгую струю дыма и вздохнул, а затем покачал головой.

– Никому оно не знакомо. Слухи о нем ходят среди старейшин, передаются из поколения в поколение – рассказы о таинственном народе, в чьих жилах течет кровь ягуаров и который может растворяться в воздухе. Встреча с ним грозит смертью любому. Говорят, племя это древнее, как лес, и сами джунгли повинуются ему.

– Но я никогда не слышал о нем, – возразил Натан, – хотя работаю с племенами вдоль всей Амазонки.

– И доктор Фонг, антрополог из «Теллукса», тоже его не знает, –

добавил Фрэнк.

– Ничего удивительного. Ваши отношения с туземцами могут быть сколь угодно близки, но для них вы навсегда останетесь пананакири, чужим среди своих. Они никогда не заговорят при вас о бан-али.

Кат невольно почувствовал себя уязвленным.

– Но я же...

– Нет, Натан. Я не сомневаюсь в твоих трудах и способностях, просто у большинства племен имена обладают особенной силой. Не многие отважатся произнести «бан-али», так; как боятся навлечь на себя их ярость.

Коуве показал на рисунок.

– Если возьмете его с собой, показывайте с предельной осторожностью. Многие индейцы убили бы вас на месте за один этот листок. Для них нет большего нарушения табу, чем позволить такой картинке оказаться в деревне.

Келли нахмурилась.

– В таком случае едва ли агент Кларк заходил в деревни.

– Пожалуй, иначе живым бы он оттуда не вышел.

О'Брайены взволнованно переглянулись, затем Келли повернулась к Натану.

– Экспедиция вашего отца переписывала племена Амазонии. Вдруг он услышал об этих загадочных бан-али или нашел доказательства их существования, а потом решил разыскать?

Манни сложил рисунок.

– Возможно, ему это удалось.

Коуве уставился на тлеющий в трубке табак.

– Дай бог, чтобы мы ошибались.

Чуть позже, уладив большую часть дел, Келли смотрела вслед троице, которую рейнджер провожал до дверей пакгауза. Ее брат тем временем налаживал связь через спутник, чтобы посылать ежедневные отчеты начальству, включая отца.

Келли поймала себя на том, что следит за Натаном Рэндом. Она по-прежнему была в замешательстве от его появления в больнице и того, что произошло между ними. Но казалось, тот нечесаный, немытый оборванец с носилками не имел ничего общего с другим Натом Рэндом – гладковыбритым и прилично одетым. Он и впрямь был довольно красив – светлые волосы, смуглая кожа и серо-голубые глаза. Даже манера удивленно приподнимать одну бровь была по-своему притягательна.

– Келли! – крикнул ее брат. – Тут кое-кто хочет с тобой поздороваться.

Устало зевая, Келли подошла к столу, за которым сидел Фрэнк.

Последние приготовления и проверка оборудования подходили к концу. Келли уперлась ладонями в стол и заглянула в экран ноутбука. При виде двух знакомых лиц она невольно улыбнулась.

– Мама, Джесси ведь давно пора спать. – Она посмотрела на часы и что-то прикинула в уме. – Уже почти полночь.

– По правде сказать, первый час, милая.

Мать Келли вполне могла сойти за ее сестру – те же темно-рыжие волосы, и лишь морщинки у глаз пролегли чуть глубже и на носу сидели небольшие очки. Келли и Фрэнк родились, когда ей было всего двадцать два. Студентке медицинского колледжа и инженеру морской разведки двойня показалась более чем достаточным пополнением семейства. Других детей у них с тех пор не было.

Тем не менее Келли решила повторить судьбу матери, забеременев на четвертом курсе медицинской школы Джорджтауна. Правда, в отличие от матери, прожившей годы с отцом своих детей, Келли развелась с Дэниелом Никерсоном, когда застала его в постели с соседкой по общежитию. К счастью, у того хватило приличий позволить Келли самой воспитывать их годовалую дочь Джессику.

Теперь шестилетняя Джесси стояла бок о бок с бабушкой. На ней была желтая пижама с диснеевской индианкой Покахонтас, а рыжие волосы ерошились, словно девочка только что встала с постели. Она помахала с экрана.

– Здравствуй, мамочка!

– Здравствуй, милая. Хорошо тебе у дедушки с бабушкой?

Джесси с готовностью закивала.

– Сегодня мы ходили в «Чак и Чиз»!

Келли засмеялась.

– Звучит здорово. Жаль, меня с вами не было.

– Мы оставили тебе пиццы.

Стоявшая сзади бабушка закатила глаза подобно всем бабушкам, которым приходилось иметь дело с «Чаком и Чизом».

– Мам, а ты уже видела льва?

Келли не удержалась и прыснула.

– Нет, дочка, львов тут нет. Они живут в Африке.

– А гориллу?

– Нет, они тоже из Африки. Зато мы видели других обезьян.

Джессика сделала большие глаза.

– А ты можешь привезти одну домой? Мне всегда хотелось свою обезьянку.

– Ей у нас вряд ли понравится. Ведь тогда она останется без мамы.
Мать Келли обняла девочку за плечи.

– Ну а нашей маме теперь надо поспать. Завтра ей рано вставать, и тебе, кстати, тоже.

Джессика надулась. Келли наклонилась к экрану.

– Я люблю тебя, Джесси.

Та помахала в ответ.

– Пока, мамочка.

Мать Келли улыбнулась на прощанье.

– Береги себя, дочка. Жаль, что я не с вами.

– У тебя и так полно работы. Кстати, пришел ли... э-э... – Ее взгляд метнулся на Джесси. – Груз в целости?

Лицо матери посерьезнело.

– Примерно в шесть он прошел таможенно в Майами, к нам в Виргинию прибыл в десять. Потом его перевезли в институт «Инстар». По правде говоря, отец все еще там – проверяет, все ли готово к завтрашнему осмотру.

Келли облегченно кивнула, узнав, что тело Кларка благополучно прибыло в Америку.

– Сейчас пойду укладывать Джесси, а завтра вечером снова свяжусь с тобой через спутник. Вы там берегите себя.

– Не волнуйся. Меня сторожит десяток рейнджеров, прямо убойная команда. Мне с ними спокойнее, чем в центре Вашингтона.

– И все-таки присматривайте друг за другом.

Келли оглянулась на Фрэнка, который между тем беседовал с Ричардом Зейном.

– Ладно.

Мать послала ей поцелуй.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже, мамочка.

Связь разорвалась, экран отключился.

Келли закрыла ноутбук и тяжело опустилась на стул рядом. Она вдруг почувствовала себя очень уставшей и поглядела на остальных. Снаряжение в полной готовности дожидалось на «хьюи». С заботами было покончено, и ее мысли вернулись к татуировке-змее, обвинившейся вокруг голубой ладони – символу бан-али, племени-призрака Амазонии.

Два вопроса не давали ей покоя: существует ли народ, наделенный столь сказочными возможностями? И если да, то хватит ли экспедиции десяти рейнджеров?

3

Доктор и ведьма

6 августа, 23 часа 45 минут

Кайенна, Французская Гвиана

Луи Фавре частенько называли пьяницей и негодяем, но только не в глаза. Ни при каких обстоятельствах. Первый горе-смельчак, отважившийся на это, теперь валялся в переулке гостиницы «Сена», грандиозной развалины колониальной эпохи, некогда воздвигнутой на вершине холма с видом на столицу Гвианы.

Еще минуту назад, в полумраке гостиничного бара, этот сопляк задирает одного из завсегдатаев – восьмидесятилетнего старика, бывшего узника острова Дьявола с его жуткой тюрьмой.

Со стариком Луи не разговаривал, но слышал его историю от хозяина бара. Ему, как и прочим ссыльным французам, дали двойной срок: после каторги, отбываемой в адской дыре в десяти милях от континента, заключенным приходилось прожить ровно столько же на колониальной земле. Таким способом Франция обозначала свое присутствие на территории Гвианы. В правительстве уповали на то, что большая часть отверженных кончит свои дни в ссылке. Да и как бы их встретила родина, после стольких-то лет?

Луи частенько наблюдал за стариком, видя в нем родственную душу, изгнанника, как и он сам. Мог часами смотреть, как тот потягивает чистый бурбон с выражением полной безысходности на морщинистом лице. Ему были очень дороги эти тихие моменты. Поэтому, когда в бар ввалился полупьяный англичанин, пихнул старика под локоть, расплескал его выпивку и как ни в чем не бывало прошлепал мимо, не потрудившись компенсировать урон или хотя бы извиниться, – Фавре вскочил с места и встал у него на пути.

– Отвали, лягушатник, – лениво бросил юнец.

Луи все еще загоразживал главный выход из бара.

– Мсье, или вы купите новую выпивку моему другу, или будете иметь дело со мной.

– Я сказал: смойся, пьянь.

Англичанин попытался продвинуться мимо.

Фавре вздохнул и ударом кулака расквасил ему нос, а затем сгреб за лацканы поношенного пиджачка. Посетители снова уткнулись в стаканы,

так что Луи без помех вышвырнул едва отошедшего от удара и долгих ночных возлияний нахала в переулок через заднюю дверь. Он ждал извинений и собирался получить их любыми путями, пусть даже в виде хрипов со сплевыванием крови и выбитых зубов. Когда Фавре дал отдых рукам и ногам, его бывший противник ползал в уличной пыли, залитый кровью и мочой. Напоследок Луи пнул его, упиваясь хрустом ребер, взял с крышки помойного бака оставленную панаму и одернул полы дорогого костюма. Бросив взгляд на туфли (бежевые, лаковая кожа), Фавре нахмурился, вынул крахмаленный платок и стер кровь с носков. Потом искоса глянул на англичанина с мыслью о том, как бы врезать ему еще раз, но опять перевел взор на туфли и рассудил иначе.

Водрузив панаму на место, он вернулся в задымленный бар и подозвал бармена.

– Будьте добры, еще одну для моего друга, – указал он на старика.

Испанец-бармен кивнул и потянулся было за бутылкой, но Фавре перехватил взглядом его жест и погрозил пальцем. Поняв, что пойман с поличным, бармен прикусил губу. Луи всегда требовал лучшего, даже когда угощал друзей. Бармен внял предупреждению и достал бутылку марочного шотландского виски, гордость коллекции.

– Мерси.

Уладив дела, Луи направился к входу в гостиничный вестибюль и по пути едва не столкнулся с консьержем.

Тщедушный консьерж поклонился и рассыпался в извинениях.

– Доктор Фавре! Я как раз вас искал, – произнес он, запыхавшись. – Международный звонок, просят вас пригласить. – Он протянул сложенный листок. – Они отказались продиктовать сообщение, говорят, это срочно.

Луи развернул листок и прочел аккуратно выведенные слова: «Сен-Савен биохимик компани». Французская фармацевтическая компания. Он снова свернул записку и сунул в нагрудный карман.

– Хорошо, я отвечу.

– Кабина для переговоров у нас...

– Я знаю, где она, – перебил его Луи.

Он уже не раз принимал там деловые звонки.

В сопровождении консьержа Фавре прошел к небольшому отсеку за столом регистратора. Оставив провожатого у входа, он уселся на стульчик с обивкой, насквозь пропахшей плесенью и застарелой смесью пота с одеколоном, устроился поудобнее и поднял трубку.

– Доктор Луи Фавре, – представился он сдержанно.

– Бонжур, доктор Фавре, – ответили на другой стороне. – Мы

нуждаемся в ваших услугах.

– Если у вас есть мой номер, полагаю, расценки вам тоже известны.

– Так точно.

– Могу я поинтересоваться, какого класса услуги вам требуются?

– Премьер.

Одного этого слова оказалось достаточно, чтобы Фавре невольно приник к трубке. Высший класс. Это значило, что сумма будет как минимум шестизначной.

– Место?

– Бразильская сельва.

– Моя задача?

Собеседник пустился в подробности. Луи слушал, не делая пометок. Каждая цифра и имя осели у него в памяти, особенно одно из них. Он прищурился и выпрямил спину. Собеседник закончил:

– Следует выследить американскую команду и перехватить все, что им удастся открыть.

– А другая команда?

Ответа не было, в трубке лишь что-то потрескивало.

– Я понял и принимаю задание, – произнес Луи. – Завтра до закрытия банка я должен получить на свой счет задаток – половину суммы. Далее, каждая деталь, касающаяся американской команды, будет высылаться мне по личному факсу, и чем скорее, тем лучше.

– В течение часа вы все получите.

– Отлично.

Послышались короткие гудки. Сделка состоялась.

Луи медленно повесил трубку и откинулся на спинку стула. Мысли о деньгах и многочисленные соображения насчет сбора команды он отодвинул на второй план. В его сознании вспыхнуло одно-единственное имя. Новый клиент упомянул о нем вскользь, видимо не понимая его истинной значимости. Будь по-другому, предложение «Сен-Савена» оказалось бы куда менее щедрым. По правде говоря, Луи согласился бы работать даже за бутылку дешевого пойла. Он прошептал заветное имя, точно смакуя на языке.

– Карл Рэнд.

Семь лет назад Луи Фавре работал биологом на службе у «Баз биоложик националь де решерш», первого во Франции научного общества. Будучи специалистом по экосистемам дождевых лесов, Луи объездил множество стран – Австралию, Борнео, Мадагаскар и Конго. Однако последние пятнадцать лет его исследования касались лесов Амазонии. Луи

часто и помногу путешествовал в этих местах, добиваясь международного признания.

Так продолжалось до тех пор, пока его не угораздило встретить треклятого Карла Рэнда.

Владелец американской фармацевтической фирмы поставил под сомнение научные методы Фавре, после того как стал свидетелем допроса одного из шаманов. Доктор Рэнд не поверил, что упрямого индейца нельзя разговорить иначе, как поочередным отрезанием пальцев, и никакие уговоры не смогли убедить хнычущего янки в обратном. Кожи редкого черного каймана и ягуаровые шкуры, найденные в деревне, доверил к Фавре тоже не прибавили. Рэнд оказался просто не в состоянии понять, что доход с черного рынка может быть неплохим дополнением к образу жизни ученого.

К сожалению, Карл со своими бразильскими друзьями превзошли числом Фавре и его спутников. По приказу местных властей Луи схватили и упрятали за решетку. К счастью, во Франции у него было достаточно связей, чтобы подмазать кое-кого из продажных чиновников и в результате оказаться на свободе, отделавшись легким шлепком.

Однако пощечина Карла Рэнда оказалась гораздо ощутимее. Инцидент навсегда запятнал доброе имя Фавре. Без гроша в кармане, он был вынужден скрываться во Французской Гвиане, где, благодаря своей предприимчивости и старым связям на черном рынке, ухитрился сколотить отряд лесных наемников. Последние пять лет он прикрывал перевозку наркотиков из Колумбии, вел отлов редких и исчезающих животных для частных зоопарков, избавил свет от одного несносного бразильского инспектора, контролирующего золотодобычу в регионе, и даже вырезал небольшую деревушку, жители которой протестовали против вырубki леса на своей территории. В общем, дел хватало везде.

А теперь подвернулось еще одно – проследить за взводом американцев, ищущих пропавшую экспедицию Рэнда, и присвоить все их находки. То есть в конечном итоге стать первым, кто заполучит некий регенеративный состав, который, как полагают, обнаружила команда Рэнда.

Фавре такая просьба не показалась странной. Гонка за новыми препаратами из растений тропических лесов с каждым годом набирала обороты, принося хозяевам многомиллионные прибыли. Поиски «зеленого золота», очередного чудо-лекарства, привели к началу новой, теперь уже амазонской, «золотой лихорадки». В нехоженых лесных дебрях, где миллионы долларов были брошены на нужды вечно голодных фермеров и неграмотных индейцев, коварство и жестокость были частыми гостями.

Они приходили и уходили незамеченными, вдали от посторонних глаз и бойких языков. Год от года джунгли собирали свою дань – тысячи людей гибли от болезней, нападений и увечий. Пропади там еще кто-нибудь – биолог, этноботаник, фармацевт, – что с того?

Здесь каждому что-то перепало, и Луи Фавре был готов поучаствовать в дележе. С усмешкой на губах он встал. Ему было отрадно слышать об исчезновении Карла Рэнда четыре года назад. В ту ночь он напился, славя неудачу врага, а сейчас представился шанс поплясать на костях – выкрасть все наработки старого плута, окропив его могилу свежей кровью.

Луи щелкнул засовом кабинки и вышел наружу.

– Надеюсь, вы остались довольны, доктор Фавре, – залезил консьерж из-за стойки.

– Более чем, Клод, – кивнул тот, – более чем.

Луи подошел к крохотному лифту, древней клетушке с кованой решеткой и деревянным полом, с трудом вмещавшей двоих. Он нажал кнопку шестого этажа, где находились его личные апартаменты. Ему не терпелось поделиться новостями.

Лифт скрипнул, задребезжал и потянулся вверх. Едва дверь открылась, Луи поспешил по коридору к дальнему номеру. Среди немногочисленных постоянных обитателей отеля Фавре занимал многокомнатный номер, куда входили две спальни, тесная кухня, просторная гостиная с зарешеченным балконом и даже подобие кабинета, уставленного книжными стеллажами. Не бог весть какое жилище, но для работы годилось. Персонал был хорошо вышколен и давно успел привыкнуть к чудачествам жильцов.

Луи распахнул дверь и вбежал, мгновенно отметив две небольшие перемены. Сперва он почувствовал знакомый пленительный аромат, наполняющий комнату. Он исходил от горшка на небольшой газовой плите, в котором кипели листья аяхуски, чей отвар под названием «натем» обладал сильным галлюциногенным эффектом. Затем он услышал писк факсового аппарата, доносившийся из кабинета. Определенно, новый работодатель знал свое дело.

– Тшуи! – позвал Фавре.

Он не рассчитывал на ответ, просто у народа шуар было принято извещать о прибытии. Луи заметил, что дверь в спальню была чуть открыта.

Улыбнувшись, он прошел в кабинет и увидел, как факс выплевывает очередной рулон распечатки и тот падает на пол рядом с другими.

Подробности предстоящей миссии.

– Тшуи, у меня отличная новость.

Луи поднял последний листок из груды на полу и просмотрел распечатку. В ней был перечень участников американской команды:

Получено в 22.45 с базовой станции «Альфа».

ОПЕР. «АМАЗОНИЯ», ГРАЖДАНСКИЙ СОСТАВ

Келли О'Брайен, д. м. н.– «Медея»

Фрэнсис О'Брайен – Комитет по охране окружающей среды, ЦРУ

Олин Пастернак – Управление наук и технологий, ЦРУ

Ричард Зейн, д. ф. н.– руководитель проекта, «Теллукс фармасьютикалс»

Анна Фонг, д. ф. н.– сотрудник «Теллукс фармасьютикалс»

ОПЕР. «АМАЗОНИЯ», ВОЕННЫЙ СОСТАВ

75-е армейское десантно-разведывательное подразделение

Капитан Крэг Ваксман

Старший сержант Альберто Костос

Капралы Брайен Конджер, Джеймс Де Мартини, Родни

Грейвз, Томас Грейвз, Деннис Йоргенсен, Кеннет Окамото, Нолан

Воржек, Шамад Ямир.

ОПЕР. «АМАЗОНИЯ», НАНЯТЫЕ НА МЕСТЕ

Мануэль Азеведо – ФУНАИ, подданный Бразилии

Реш Коуве, д. ф. н.– ФУНАИ, представитель туземного населения

Натан Рэнд, д. ф. н.– этноботаник, гражданин США

Луи едва не пропустил последнее имя. А увидев его, крепко сжал распечатку. Натан Рэнд, сын Карла Рэнда. Конечно, иначе и быть не могло. Мальчишка ни за что не упустит возможности поучаствовать в поисках. Фавре закрыл глаза, радуясь такому везению. Похоже, божества дремучего леса решили даровать ему свое покровительство. Кара, которой избежал отец, падет на голову сына. Чем не библейская история?

В этот миг он услышал легкий шорох в комнате напротив, в большей из спален. Луи разжал пальцы, и листок опустился обратно, на кучу бумаги. Будет еще время обдумать детали и сформулировать план. А пока он собирался насладиться предвкушением победы.

– Тшуи! – позвал он еще раз и подошел к спальне.

Дверь отворилась, и комната предстала перед ним в свете свечей и небольшой лампы. На постели под балдахин, полностью нагая, возлежала его пассия. Кровать была несколько шире обычной, крытая белым шелком со сложенной сзади москитной сеткой. Индианка раскинулась на подушках поверх отливающих слоновой костью простыней.

На ее бронзовой коже плясали блики свечного пламени, а вокруг головы венцом разметались пряди великолепных черных волос. Глаза ее были полуприкрыты от истомы и натема – на прикроватном столике стояли две чашки, пустая и полная.

У Луи в который раз перехватило дыхание при виде подруги. Он встретил красавицу три года назад в Эквадоре. Она приходилась женой вождю шуаров, но лишь до той поры, пока этот глупый изменник не вывел ее из себя, за что и был зарублен собственным мачете. Несмотря на то что измены и убийства довольно часто практиковались среди вероломных шуаров, Тшуи изгнали из племени. Ее голой выслали в джунгли, объявив неприкасаемой даже для членов семьи.

В округе ее знали как знахарку, своего рода шамана в юбке, что само по себе было большой редкостью. Она применяла вавек, или искусство наложения злых чар, и своими талантами в области ядов, пыток и забытого искусства тсантсы – высушивания голов – внушала соплеменникам в равной мере уважение и страх. По правде сказать, тогда единственным украшением изгнанницы была сушеная голова мужа на бечевке, приютившаяся меж ее смуглых грудей.

В таком виде Луи нашел это дикое и прекрасное исчадие джунглей. Несмотря на то что во Франции его ждала законная супруга, он оставил женщину себе. Та, впрочем, не противилась, особенно после того, как Фавре с подручными вырезали в отместку за нее всех жителей деревни, включая женщин и детей.

С этого дня они сделались неразлучны. Тшуи, как истая мастерица ведения допросов, прекрасно знающая джунгли, всюду сопровождала Луи. С каждым походом ее страшная коллекция пополнялась – по всей комнате с полок смотрели сорок три тсантсы, каждая не больше сморщенного яблока. Веки и рот их были зашиты, а волосы свешивались с полок подобно бородатому мху. В этом искусстве индианка поистине не знала себе равных.

Как-то раз Луи довелось наблюдать ее за работой. И этого раза оказалось достаточно.

С хирургической точностью она чулком снимала кожу с черепа жертвы, подчас еще живой и сопротивляющейся. Тшуи была настоящей художницей своего жуткого дела. Выварив кожу с волосами в кипятке и высушив ее над углями, индианка при помощи костяной иглы зашивала отверстия и наполняла горячей галькой и песком. Пока кожа сжималась, она пальцами придавала ей форму, добиваясь при этом удивительного портретного сходства.

Луи бросил взгляд на дальний прикроватный столик, где покоился ее

свежий шедевр. То была голова офицера-боливийца, которому вздумалось пошантажировать некоего перевозчика кокаина. Работа поражала детальностью исполнения – от ухоженных усиков до спадающей челки на лбу.

Любой музей мог бы гордиться такой коллекцией. Собственно, персонал «Сены» действительно считал Луи университетским антропологом, собирающим музейные образцы. Если кто и думал иначе, то благоразумно помалкивал.

– Ма шери, – произнес он, обретя голос. – Дорогая, у меня чудесные новости.

Она подкатилась ближе и произнесла что-то отрывистое и призывное. Тшуи вообще редко разговаривала – по словцу то тут, то там. В остальном же, как лесная кошка, она обходилась движением, взглядом или тихим мурлыканьем.

Луи не мог устоять. Шляпа и костюм упали на пол, и спустя мгновение они сравнялись в своей наготе. Его покрытое шрамами тело было мускулистым и поджарым. Он залпом проглотил оставленный настой, пока Тшуи исследовала один из его шрамов, прочерченный от живота к паху. По его спине пробежала дрожь.

В тот миг, когда зелье разлилось по его жилам, обостряя чувства, Фавре ринулся к ней, податливой и манящей, погрузился в ее жаркую плоть. Разгоряченная поцелуями, индианка исступленно полосовала его острыми ногтями.

Вскоре комната покачнулась – алкалоиды чая затевали игру с его воображением. Краски, тень и свет заплясали по стенам. На секунду Луи померещилось, будто ряды иссушенных голов наблюдают за их утехами, будто мертвецы не сводят с него глаз, пока он и Тшуи сходятся во все нарастающем ритме. Это только придало ему возбуждения. Он подмял женщину под себя, не уставая проникать в нее снова и снова с почти звериным рыком, рвущимся из груди.

С полок взирали слепые лица покойников.

Напоследок, прежде чем страсть и острое наслаждение заставили Фавре забыть обо всем, его посетила дикая мысль. Последним трофеем, украшением будуара станет подарок от сына врага, от сына того, кто разорил Луи, – голова Натана Рэнда.

Действие второе

Под пологом

БАРВИНОК

Семейство: Аросупасеае / Кутровые.

Род: Vinca / Барвинок.

Виды: мајор, мiнор / большой, малый.

Народные названия: барвинок обыкновенный, Cezayirmeneksesi, Vincapervinc.

Лечебные части: все растение.

Фармакологические свойства: болеутоляющее, антибактериальное, антибиотическое, противовоспалительное, вяжущее, кардиотоническое, ветрогонное, очищающее, мочегонное, жаропонижающее, гемостатическое, гипотензивное, месячогонное, лактогенное, гепатозащитное, седативное, спазмолитическое, тонизирующее, ранозаживляющее.

4

Вауваи

7 августа, 8 часов 12 минут

Над сельвой

Бразилия

Натан смотрел из окна вертолета. Грохот винта, казалось, оглушал даже сквозь звуконепроницаемые наушники, заключая каждого пассажира в отдельный шумовой кокон.

Под ними во всех направлениях простиралось безбрежное море зелени. С вертолета мир казался сплошным лесом. Бесконечное однообразие зеленого покрывала оживляли лишь редкие деревья-гиганты, поднявшие буйные кроны над головами собратьев, лесные исполины, в чьих ветвях гнездились туканы и хищные гарпии. Еще его прорезали узкие, едва заметные ленточки рек, лениво петляющих в джунглях. В остальном же лес по-прежнему оставался бескрайним, густым и всеильным.

Натан прижался лбом к стеклу. Вдруг где-то там, внизу, его отец? Вдруг они найдут ключ к разгадке?

Душу Ната точили тревога и уныние. Сможет ли он посмотреть правде в глаза? Годы неведения научили его одному: время действительно лечит все, но оставляет грубые, непроходящие шрамы.

С исчезновением отца Нат отделился от мира – сперва на дно бутылки «Джека Дэниелса», потом в объятия наркотиков.

Психиатры в Штатах могли сколько угодно сыпать фразами вроде «проблема покинутости», «кризис доверия» и «клиническая депрессия». Нат же просто чувствовал, что окончательно разуверился в жизни. Близких друзей он не нажил, за исключением Манни и Коуве, а теперь замкнулся в самом себе, оцепеневший и уничтоженный.

Лишь возвращение в джунгли подарило ему подобие душевного покоя. А вот сейчас это...

Готов ли он беречь старые раны? Готов ли снова принять боль?

Головная рация щелкнула, заскрежетал неведомый микрофон и сквозь рокочущий грохот пробился четкий голос пилота.

– Мы в двадцати километрах от Вауваи. Правда, там какой-то дым на горизонте.

Нат попытался заглянуть вперед, но с его места открывалось только то, что было внизу или чуть в стороне от вертолета. Деревня Вауваи должна

была стать перевалочной базой для поисковой команды, исходным пунктом. Сюда планировали забрасывать поставки и отсюда собирались следить за действиями команды в лесу. Два часа назад пара «хьюи» и один черный «команч» вылетели из Сан-Габриеля со стартовыми запасами, оборудованием, оружием и персоналом. По отбытии экспедиции из Ваувай этим же днем предполагалось при помощи «хьюи» наладить между Сан-Габриелем и Ваувай транзит провианта, людей и горючего. «Команч» все время будет находиться в Ваувай, оставленный на крайний случай. Благодаря его вооружению и способности к дальним перелетам группа будет надежно прикрыта с воздуха.

Таков был их план.

– Похоже, дым идет в нашу сторону, – продолжил пилот. – Деревня горит.

Натан отстранился от иллюминатора. «Горит?» Он оглядел кабину. Помимо О'Брайенов, его соседями были профессор Коуве, Ричард Зейн и Анна Фонг. Ряд замыкал невозмутимый тип, который вчера сидел напротив Ната за столом переговоров, с жутким шрамом поперек горла. Этим утром его представили как Олина Пастернака, агента разведки, связанного с правительственным отделом науки и технологии. Его льдисто-голубые глаза нацелились прямо на Ната, хотя лицо оставалось по-прежнему стоически непроницаемым.

Сидящий бок о бок с ним Фрэнк поднес к губам микрофон.

– Приземлится-то можно?

– Отсюда трудно сказать, сэр, – ответил пилот. – Капитан Ваксман сейчас полетит и разведает обстановку.

На глазах у Ната один из вертолетов вылетел из строя и устремился вперед, тогда как их собственный стал заметно отставать. Пока они ждали, «хьюи» пошел на вираж, и Нат заметил столб дыма у горизонта – он пробивался сквозь зеленое покрывало, уходя высоко в небо. Пассажиры сгрудились в кучу, вглядываясь вперед через бортовые оконца.

Келли О'Брайен невольно прижалась к плечу Ната, высматривая огонь. Она шевелила губами, однако наушники и рев мотора полностью глушили ее слова. Келли отодвинулась и поймала на себе взгляд Ната. Она тотчас отвела глаза и чуть заметно зарделась.

В наушниках снова послышался голос пилота:

– Похоже, капитан дает добро. Посадочное поле с наветренной стороны от пожара, так что готовьтесь высаживаться.

Все расселись по местам и пристегнули ремни. Плотная группа вертолетов облетала деревню. Каждый пилот следил за тем, чтобы поток от

винта не сносил дым на посадочную площадку. Источник огня разглядеть пока не удавалось, зато при посадке Нат заметил цепочку людей с ведрами, уходящую к реке.

Показалась дощатая церковь с крашенной известью колокольной. Ее дальний придел был охвачен пламенем, а на крыше стоял человек, поливавший водой деревянную кровлю. Тут немного трянуло – вертолетное шасси ударило в землю, после чего Фрэнк подал сигнал к высадке.

Натан стянул наушники и тотчас попал под оглушительный рев пропеллера. Он отстегнул плечевой карабин и сполз на землю. Выбравшись из-под винтов, Нат встал во весь рост и огляделся. Где-то позади приземлился последний «хьюи». Колеса вертолетов стояли на некогда возделанной почве, теперь покрытой сорняками – верный знак того, что раньше здесь располагался деревенский сад.

По ту сторону двора уже кипела работа. Часть рейнджеров выгружала припасы и оборудование, тогда как остальные бросились к церкви – помогать с тушением пожара.

Мало-помалу шум вертолетов утих и стали слышны голоса – крик командиров, вопли паники позади церкви, гомон солдат, разносящих коробки с приборами.

К Нату подошла Келли, а следом за ней – Фрэнк.

– Надо попробовать встретиться с падре, который нашел агента Кларка. Поговорим с ним, и можно выдвигаться.

Фрэнк кивнул и отправился с сестрой к задним воротам. Нату на плечо легла чья-то рука. Оказалось – профессора Коуве.

– Пойдем поможем, – по-отечески произнес он, показывая на дым.

Нат пошел за профессором. Они прошли через поле и свернули за угол церкви. Там стояла невообразимая кутерьма – носились люди с ведрами и лопатами, дым валил во все стороны, пламя неистовствовало.

– Боже мой, – вырвалось у Ната.

Между речкой и церковью приютилась деревня почти в сотню хижин. Три четверти их были охвачены огнем.

Друзья поспешили вперед – на подмогу водоносной бригаде. Вокруг них суетилась разномастная толпа – смуглые индейцы, белые миссионеры, рейнджеры в камуфляже... После часа совместных усилий все они стали на одно лицо – одинаково покрытые сажей, вместе кашляющие и задыхающиеся в дыму.

Нат носился взад-вперед с ведрами среди тех, кто всеми силами сдерживал наступление огня со стороны горячей части деревни, где

крытые листьями хижины мгновенно вспыхивали, словно гигантские факелы. С прибытием подмоги огонь все же удалось остановить. Не найдя себе выхода, он проглотил все, что оказалось в его власти и в конце концов угас, оставив после себя тлеющие угли, чад и разорение.

В суматохе Нат потерял профессора из виду и теперь присел отдохнуть рядом с высоким, широкоплечим бразильцем. Тот, казалось, едва сдерживал слезы, бормоча по-португальски что-то похожее на молитву. «Миссионер, должно быть», – догадался Нат.

– Прошу простить меня, – сказал он на португальском, стаскивая со рта и носа лоскут, служивший противодымной повязкой. – У вас кто-то погиб?

– Пятеро... Дети... – Голос бразильца дрогнул. – И еще многие пострадали от дыма.

– Что здесь случилось?

Миссионер вынул платок и отер с лица сажу.

– Я... я один во всем виноват. Я ведь должен был это предвидеть...

Он обернулся и глянул на храм с колокольней. Если не считать пятен пепла и копоти, они не пострадали от пожара. Священник опустил лицо в ладони. Спина его тихо вздрагивала от рыданий. Прошла минута, прежде чем он смог продолжить:

– Это я настоял на отправке тела в Манаус.

Натан вдруг понял, с кем говорит.

– Падре Батиста?

Так звали главу местной миссии – именно он обнаружил агента Кларка.

Рослый бразилец кивнул.

– Да простит меня Бог.

Нат повел Гарсия Луиса Батисту из почерневших развалин деревни через нетронутые огнем зеленые поля в сторону церкви. По дороге он кратко представился. Поравнявшись с одним из рейнджеров, покрытым сажой и потом, Натан попросил его направить к ним О'Брайенов. Рейнджер откозырял и удалился.

Нат помог падре взойти по деревянным ступенькам и проводил его внутрь через двустворчатые двери. В церкви было темно и прохладно. Ряды полированных скамей окаймляли центральный проход к алтарю с огромным распятием красного дерева. Зал был почти пуст за исключением нескольких изможденных индейцев, расположившихся на полу и скамьях. Нат пропустил падре вперед и усадил в первом ряду. Гарсия тяжело опустился, не сводя глаз с распятия.

– Все из-за меня.

Он уронил голову и воздел руки в молитве.

Нат сидел тихо, не смея прервать уединения миссионера. Затем двери храма распахнулись, и в проеме показались Келли и Фрэнк в компании профессора Коуве. Все трое были с головы до ног покрыты сажей и пеплом. Нат помахал им рукой.

Приближение незнакомцев отвлекло падре Батисту от молитв. Натан представил священника остальным. Когда все познакомились, он сел возле падре и попросил:

– Объясните нам, что здесь произошло. Как начался пожар?

Гарсия оглядел всех по очереди, тяжело вздохнул и уставился на носки башмаков.

– Всему виной мое легкомыслие.

Келли села по другую руку от священника.

– Что вы хотите сказать? – осторожно спросила она. После секундной паузы падре снова заговорил:

– В ту ночь, когда бедняга вышел из леса, шаман яномамо клял меня за то, что я привел его в деревню. Он предупреждал, что тело должно быть сожжено. – Падре посмотрел Нату в глаза. – Как я мог сделать такое? Наверняка этот Кларк был человек семейный. Возможно, даже христианин.

Натан похлопал его по руке.

– Разумеется.

– И все-таки рано я сбросил со счетов предрассудки индейцев. Я обманулся, сочтя их готовыми принять католичество, многих даже крестил. – Падре качал головой.

– Не стоит себя винить, – подбодрил его Нат. – Просто некоторые верования так сильны, что с ними невозможно расстаться сразу, даже приняв крещение.

Батиста поник головой.

– Поначалу все шло хорошо. Шаман позлился на меня за отказ кремировать тело, но затем немного остыл, узнав, что его вывезут из деревни. По крайней мере, выглядел довольным.

– А что было потом?

– Неделю спустя у двоих детей началась лихорадка. Ничего особенного в том не было – такие вещи случаются каждый день. Но шаман рассудил, что болезнь была вызвана проклятием, которое принес с собой мертвец.

Натан кивнул. Он собственными ушами слышал подобные измышления. В понятии многих индейцев болезни вызываются не столько

травмами или заразой, сколько колдовством шамана из соседней деревни. На этой почве нередко вспыхивали войны.

– Я ничем не смог переубедить их. Через несколько дней заболело еще трое, в том числе ребенок яномамо. У индейцев стали сдавать нервы. Несколько семей даже снялись и уехали. Распевы шаманов и бубны гудели всю ночь напролет.

Гарсия закрыл глаза.

– Я радировал о медицинской помощи, а когда через четыре дня приехал доктор из Джанты, никто из индейцев не позволил ему осмотреть детей. Шаман яномамо их всех подговорил. Я ходил к ним, просил, но они наотрез отказались лечиться. Отдали детвору этому шарлатану.

Нат хмыкнул, услышав острое слово. Он переглянулся с профессором Коуве – тот слегка тряхнул головой, призывая сохранять молчание.

Падре продолжил:

– В одну из ночей умер первый ребенок. Его оплакивала вся деревня. Чтобы скрыть неудачу, шаман объявил место проклятым и призывал срочно покинуть его. Я, как мог, старался остановить панику, но все шло на поводу у шамана. На заре он и его сподручные подожгли свое шабоно и сбежали в джунгли.

Гарсия плакал, не скрывая слез.

– Этот... этот ирод оставил детей там. Он сжег их всех заживо!

Падре закрыл лицо ладонями.

– Тушить огонь было почти некому, вот он и перекинулся на соседние хижины. Если бы вы не подоспели, сгорело бы все. И церковь моя, и паства.

Натан тронул его за плечо.

– Не отчаивайтесь. Мы поможем вам отстроиться заново.

Он оглянулся на Келли с братом, чтобы те подтвердили.

Фрэнк прочистил горло.

– Разумеется. Группа рейнджеров и ученых останется здесь после того, как мы уйдем в джунгли. Так что ваши гости и наши коллеги с радостью согласятся доставить сюда материалы и поработать на восстановление деревни.

Эти слова, видимо, ободрили священника.

– Благослови вас Господь.

Он промокнул глаза и высморкался.

– Сделаем все, что в наших силах, падре, – заверила его Келли. – Но у вас свои сроки, а у нас – свои. Мы надеемся отследить путь покойного прежде, чем пойдут дожди.

– Конечно, конечно, – устало произнес Гарсия и встал. – Расскажу все, что знаю.

Впрочем, рассказ не занял много времени – падре все объяснил по дороге в людские помещения церкви. Столовая превратилась в лазарет для пострадавших от дыма, но тяжелораненых там не было. Гарсия поведал о том, как он убедил нескольких индейцев отправиться по следу покойного на случай, если тот пришел не один. Тропа привела их к реке – притоку Журуа. Лодки на берегу не было, однако дорожка следов уходила в сторону – на запад, в самую чащу тропического леса. Индейцы-следопыты побоялись продолжить путь и вернулись обратно.

Келли прислонилась к окну с видом на сад.

– Кто-нибудь может показать нам этот приток?

Гарсия кивнул. Он только что умылся и, похоже, собрался с чувствами. Первоначальное потрясение сгладилось, и теперь в его голосе и действиях чувствовался металл.

– Я могу позвать Хенаове, моего помощника. Он вас проводит.

Падре указал на низкорослого человечка.

Нат удивился, признав в нем яномамо.

– Он единственный, кто не покинул деревни, – пояснил Гарсия со вздохом. – Остается порадоваться, что милостью Господней хотя бы один из них спасся.

Падре махнул ассистенту и быстро что-то произнес на языке яномамо. Его беглый выговор приятно поразил Ната.

Хенаове кивнул, но в глазах его Нат прочел страх. Что бы ни говорили, индеец все еще оставался во власти вековых предрассудков.

Компания вышла на улицу, где душное марево тотчас окутало их влажным шерстяным одеялом. Они обогнули вертолетную площадку и встретили рейнджеров за работой. В пыли перед десантниками выстроилась цепочка рюкзаков, набитых доверху. У каждого стояло по человеку.

Капитан Ваксман вел проверку снаряжения и подчиненных. Заметив Ната с товарищами, он вытянулся как по команде.

– Готовы к отправке, ждем ваших распоряжений.

Ваксман, которому было больше сорока, являл собой типичного вояку – сурового широкоплечего командира с отутюженной до хруста формой. Картину довершал темный «ежик» стриженных волос.

– Выступаем сейчас, – сказал Фрэнк. – Кое-кто поможет нам сориентироваться.

Он указал на индейца.

Капитан кивнул и развернулся на пятках.

– На плечо! – скомандовал он.

Келли подвела остальных к другой чередой рюкзаков, лишь в половину меньше тех, что достались десантникам. Там Натан нашел прочих членов команды. Анна Фонг увлеченно беседовала с Ричардом Зейном. Оба были одеты в костюмы защитного цвета с логотипом «Теллукса» на плечах. Рядом с ними стоял Олин Пастернак в серой спецовке и черных ботинках – чистых, но изрядно поношенных. Агент нагнулся за самым большим ранцем. Нат вспомнил, что в нем находились приборы для связи со спутником. Однако Олину было не до хрупких приборов, когда он взваливал рюкзак на себя, – его внимание привлек последний участник похода. А точнее, участники.

Нат улыбнулся. Он и Манни не виделись с момента вылета из Сан-Габриеля. Бразильский биолог отправился на другом «хьюи», и причина расставания объявилась тут же. Манни помахал Нату, сжимая в одной руке хлыст, а в другой – кожаный поводок.

– Ну и как Тор-Тор вел себя по дороге? – любопытствовал Натан.

Манни похлопал стокилограммового питомца по бокам.

– Как котенок. Чего только не сделаешь, с нашей-то химией.

Натан заметил, что ягуара пошатывает после транквилизатора. Тор-Тор подался вперед, чтобы понюхать Натову штанину, потом, видимо, узнал запах и ошалело принялся его втягивать.

– Я же говорил, этот увалень к тебе неровно дышит, – усмехнулся Манни.

Нат присел на колено и почесал огромному коту баки, слегка пошлепывая по подбородку. В ответ раздалось громовое благодарное мурлыканье.

– Боже, он так вымахал с прошлого раза.

Олин Пастернак угрюмо покосился на зверюгу, что-то проворчал и отвернулся. Такое пополнение его явно не вдохновляло.

Натан поднялся. Для многих присутствие Тор-Тора означало сплошные проблемы, но Манни стоял на своем. Зверь почти достиг половозрелости и должен был проводить больше времени в джунглях. Переход пойдет ему только на пользу. Вдобавок Манни хорошо натаскал ягуара, а лишней охранник или ищейка в команде никогда не помешает.

У Ната были свои соображения на этот счет. Если они собирались заручиться поддержкой индейцев, то подопечный Манни мог помочь в этом деле. Во всех племенах ягуары считаются священными, и с таким спутником команда завоюет авторитет местных жителей без особых

хлопот. Анна Фонг с ним согласилась. После этого Фрэнк с капитаном Ваксманом мало-помалу сдались, и Тор-Тору позволили участвовать в экспедиции.

Келли предпочла рассматривать зверя издали.

– Надо спешить.

Натан кивнул и поднял свой небольшой рюкзак. Там было лишь необходимое – гамак, москитная сетка, сухой паек, смена одежды, мачете, бутылка с водой и насосный фильтр. Нат мог месяцами скитаться по джунглям, обходясь самым малым. Здешний лес изобилует дарами – от плодов, ягод, пищевых растений и корнеплодов до всевозможной дичи и рыбы, поэтому не было смысла тащить на себе все съестное.

Однако оставалась последняя, немаловажная часть снаряжения. Нат повесил на плечо дробовик. «Со своим стволом все же спокойнее, – рассудил он, – пусть даже десантники и вооружены до зубов».

– Ну что, стартуем? – произнесла Келли. – Мы и так потеряли все утро из-за пожара.

Высокая и стройная, она вскинула на спину рюкзак. Нат невольно залюбовался ее длинными ногами, но тут же сделал над собой усилие и поднял глаза. Рюкзак Келли был помечен большим красным крестом, обозначающим экспедиционную аптечку.

Фрэнк обежал ряды гражданских участников, чтобы убедиться во всеобщей готовности. Перед Натом он задержался, вытащил из кармана выдавшую виды бейсболку и водворил ее на макушку.

Нат тут же узнал кепку – она была на Фрэнке в день их знакомства в больнице Сан-Габриеля.

– Любимая команда? – спросил он, показав на эмблему бостонских «Ред сокс».

– И талисман, – добавил Фрэнк, повернувшись к группе. – Выступаем!

С этими словами череда из восемнадцати человек потянулась в джунгли, ведомая настороженным индейцем.

* * *

Келли очутилась в джунглях впервые. Во время подготовки она просмотрела уйму книг и статей, но знакомство с тропическим лесом прошло совсем не так, как она предполагала.

Шагая вслед за четырьмя рейнджерами, Келли озиралась в изумлении.

Здесь не было ничего общего со старым кино, где подножие леса выглядело конгломератом буйной растительности и ползучих лиан. Совсем напротив – казалось, что они бредут внутри огромного зеленого собора. Где-то в вышине переплетения ветвей образовывали плотный арочный свод, забирая большую часть света и погружая все под собой в зеленоватое сияние. Келли читала, что лишь десяти процентам солнечных лучей удастся проникнуть сквозь сплошной зеленый полог и достичь подстилки. По этой причине нижний лесной ярус, в котором лежал их путь, был на удивление беден растительностью. Джунгли здесь преобразались в царство сумрака и разложения, вотчину насекомых, грибов и корней.

Несмотря на отсутствие зелени, путь через нехоженный лес был отнюдь не легок. Повсюду встречались гнилые стволы и трухлявые ветки, тронутые желтой плесенью и белой сыпью грибов. Скользкий компост из преющей черной листвы так и норовил разъехаться под ногами, а корни-контрфорсы лесных великанов, извивающиеся в опавшей листве, добавляли риска вывихнуть лодыжку.

Зелень в нижнем ярусе, впрочем, тоже встречалась, хотя и не столь обильная. Поверхность земли украшали резные папоротники, остролистые бромелиевые, грациозные орхидеи и стройные пальмы, не говоря уже о вездесущих стеблях-канатах лиан.

Внимание Келли привлек звук шлепка сзади. Ее брат потирал шею.

– Чертовы мухи.

Келли слезила в карман и протянула ему пузырек средства от насекомых.

– Намажь еще.

Фрэнк побрызгал на руки и растер ими шею.

К ним подошел Натан. На нем была шляпа-австралийка с короткими полями, превратившая его в нечто среднее между Индианой Джонсом и Данди по прозвищу Крокодил. Голубые глаза Ната задорно блестели в зеленых отсветах джунглей.

– Зря стараетесь с этим лосьоном, – бросил он Фрэнку. – Мажь не мажь, через минуту его все равно смоем потом.

С этим было трудно поспорить. Прошло лишь пятнадцать минут перехода, а Келли уже взмокла насквозь. Под листовым пологом влажность воздуха приближалась к стопроцентной.

– Ну и как прикажете бороться с москитами?

Нат пожал плечами, криво ухмыльнувшись.

– Никак. Просто не обращать внимания. Ничего не поделаешь. Здесь правит закон джунглей, и порой приходится откупаться.

– Собственной кровью? – возмутился Фрэнк.

– Бросьте, вы еще легко отделались. Здесь водятся твари похуже, и необязательно крупные, вроде пауков-птицеедов или черных скорпионов с ладонь. Больше всего досаждают мелюзга. Вы когда-нибудь слышали о клопе-убийце?

– Кажется, нет, – ответил Фрэнк.

Келли тоже покачала головой.

– В общем, этот клоп славится мерзкой привычкой кусать и гадить одновременно. Потом жертва расчесывает ранку, фекалии попадают в кровотоки, а вместе с ними – тьма простейших под названием трипаносома круции. В результате в срок от года до двадцати – неизбежная смерть от поражения мозга или сердца.

Фрэнк побледнел и сразу бросил чесать шею.

– А еще есть мошка, которая заносит в глаза червей и вызывает болезнь под названием речная слепота. И песчаные мухи – переносчики лейшманиоза, напоминающего проказу.

Келли нахмурилась в ответ на попытки раззадорить ее брата.

– Спасибо, я хорошо знакома с местной заразой. Желтая, тропическая лихорадка, малярия, холера, тиф. – Она вскинула повыше аптечный рюкзак. – Нас готовили к худшему.

– А к кандиру вас тоже готовили?

Келли подняла бровь.

– Что за странная болезнь?

– Это не болезнь. Это обычная рыбка из местных вод, которую иногда называют «зубочисткой». Похожа на угря, только двух дюймов длиной, паразитирует в жабрах более крупных сородичей. Что самое неприятное, любит внедряться в мужской мочеиспускательный канал и там застревать.

Фрэнк передернуло.

– Застревать?

– Растопыривает жаберные крышки с шипами и оседает там, закупоривая мочевой пузырь, из-за чего вы целые сутки будете умирать мучительной смертью.

– И как же от нее избавиться?

Теперь Келли вспомнила приметы и описание повадок этой рыбешки, о которых и впрямь когда-то читала. Она повернулась к брату и как бы между прочим обронила:

– Единственное средство – отрезать пострадавшему член и извлечь паразита.

Фрэнк вздрогнул, прикрывшись руками.

– Отрезать?

– Добро пожаловать в джунгли, – пожал плечами Нат.

Келли насупилась, видя, что он их просто страшит – смеха ради, судя по ухмылке.

– Перейдем к змеям, – продолжил Натан.

– На сегодня достаточно, – слышался из-за его спины голос профессора Коуве, решившего избавить близнецов от «лекций» доктора Рэнда. Он выступил вперед. – Джунгли, несомненно, требуют вдумчивого к себе отношения, что пытался нам столь красочно продемонстрировать доктор Рэнд, однако опасность вовсе не умаляет их прелести. Исцелять они способны ничуть не меньше, чем губить.

– Затем мы здесь и собрались, – подытожил чей-то голос сзади.

Келли обернулась. Это был доктор Ричард Зейн. За его спиной, увлеченные разговором, шагали Анна Фонг и Олин Пастернак. Не отставая от рейнджеров, шествие замыкали Мануэль Азеведо со своим ягуаром.

Келли посмотрела вперед и увидела, что Нат больше не ухмыляется. Он заметно напрягся после внезапной реплики сотрудника «Теллукса».

– А вы-то что знаете о джунглях? – вскипел он. – Вы, помнится, отсиживались в главном офисе в Чикаго... как раз в те годы, когда исчез отец.

Ричард Зейн пригладил эспаньолку, продолжая сохранять невозмутимость, но Келли все же уловила странный блеск в его глазах.

– Я знаю, кем вы меня считаете, доктор Рэнд. Это еще одна из причин, по которой я согласился участвовать в экспедиции. Мы с вашим отцом были большими...

Нат шагнул в сторону Зейна, сжав кулаки.

– Не смейте! – выкрикнул он. – Не смейте говорить, что вы с отцом были друзьями! Я приходил к вам, умолял продолжать поиски, когда правительство их свернуло. Вы отказали. Я читал донесение, отправленное вами из Бразилии в Штаты: «Не вижу необходимости более расходовать средства на бесперспективные поиски доктора Карла Рэнда. Предлагаю сберечь их для других начинаний». Помните эти слова – приговор моему отцу? Если бы вы потрудились убедить кабинет...

– Ничего бы не изменилось, – процедил Зейн. – Раскройте глаза наконец! Решение было принято еще до того, как я выслал отчет.

– Вранье, – отрезал Нат.

– После пропажи экспедиции на компанию обрушилось свыше трех сотен исков – от семей, от страховщиков, от бразильского правительства, от научного фонда. «Теллукс» осаждали со всех сторон. Отчасти из-за этого

мы решили слить активы «Экотека» с нашими. Благодаря им мы избавились от посягательств конкурентов. Они рыскали кругом, как акулы, пытаясь отхватить кусок от экономически обескровленной туши «Теллукса». Мы были не в состоянии спонсировать заведомо безнадежные поиски – нам требовалось как-то выстоять. Решение уже было принято.

Нат по-прежнему глядел исподлобья.

– Вы уж позвольте мне как-нибудь не убиваться по «Теллуксу».

– Если бы мы проиграли, тысячи семей лишились бы работы. Порой приходится идти на суровые меры, и здесь не в чем каяться.

Нат и Зейн еще раз смерили взглядом друг друга. Профессор Коуве попытался разрядить обстановку:

– Что было, то прошло. Если мы хотим чего-то добиться, надо действовать сообща. Предлагаю мир.

Немного помявшись, Зейн протянул ладонь. Натан бросил на нее взгляд и отвернулся.

– Пошли.

Зейн покачал головой и опустил руку, затем посмотрел на профессора.

– Спасибо за попытку.

Коуве глядел вслед удаляющемуся Нату.

– Дайте ему время. Он все еще очень страдает, хотя и старается не подавать виду.

Келли тоже провожала его взглядом. Нат шагал порывисто, ссутулив спину. Она попыталась представить, что чувствовала бы, случись ей потерять мать и отца, но это не укладывалось в ее голове. Она даже не знала, удалось бы ей выбраться из такой бездны горя, тем более в одиночку.

Келли оглянулась на брата, внезапно обрадовавшись тому, что он рядом.

Впереди раздался чей-то голос. Один из рейнджеров прокричал:

– Прямо по курсу река!

Команда продолжала путь, двигаясь параллельно реке, а Натан незаметно для себя оказался в хвосте процессии. Справа от него сквозь зеленую завесу проникали блики с поверхности узкого бурого притока. Прошло уже больше четырех часов с момента поворота. По подсчетам Ната, они прошагали около двенадцати миль. Шли не спеша, так как направление контролировал один из рейнджеров, капрал по имени Нолан Воржек, следопыт со стажем. С индейцем выходило бы быстрее и увереннее, но после встречи с рекой индеец-яномамо отказался двигаться дальше. Он указал на четкие отпечатки ног в береговой почве, которые углублялись в лес вдоль берега.

– Вы идите, – пробормотал он на ломаном португальском, – а я остаюсь с падре Батистой.

Так они и отправились, полные решимости пройти как можно дальше до наступления темноты. Между тем капрал Воржек, несмотря на опыт, не мог соперничать с индейцем, и, оставшись без прежнего провожатого, отряд двигался с черепашьей скоростью. Это дало Натану время пересмотреть сказанное в пылу спора с Зейном. Только теперь он смог успокоиться и трезво обдумать его слова. Быть может, он мыслил слишком предвзято и не учел всех факторов... Кто знает?

Внезапно хруст сломанной ветки слева предупредил о приближении Манни. Они с Тор-Тором держались поодаль от остальных. По соседству с огромной кошкой рейнджеры начинали нервничать и хвататься за винтовки. Единственным, кто проявил интерес к ягуару, оказался капрал Деннис Йоргенсен. Сейчас он шагал рядом с Манни, расспрашивая его о питомце.

И сколько же он съедает в день?

Верзила капрал снял широкополую шляпу и смахнул со лба пот. У него были удивительно белые волосы и светло-голубые глаза, несомненно доставшиеся в наследство от скандинавских предков. Манни похлопал зверя по спине.

– Около пяти килограммов мяса. Но вместе со мной он мало двигается. А вот на воле можно смело прибавить еще столько же.

– Чем же вы намерены кормить его здесь?

Манни кивнул Нату, решившему присоединиться к их компании.

– Здесь ему придется охотиться. Потому-то я и взял его с собой.

– А если он не сумеет?

Манни оглянулся на идущих сзади солдат.

– Всегда найдется, кем закусить.

Йоргенсен слегка побледнел, но потом сообразил, что Манни шутит, и пхнул его локтем.

– Очень смешно.

Капрал зашагал в сторону, чтобы примкнуть к другим десантникам в строю.

Тем временем Манни переключился на Ната.

– Ты как? Я слышал, вы с Зейном сцепились.

– Порядок, – выдавил Натан после долгого вздоха. Тор-Тор потерял его ногу мохнатой мордой, и Нат привычно почесал его за ухом. – Только чувствую себя идиотом.

– Ничего идиотского не вижу. Я и сам ему верю ровно столько, сколько

хватит Тор-Тору, чтобы завалить этого проныру. Чего, впрочем, ждать осталось недолго. – Манни вытянул руку. – Вишь, как вырядился? Он хоть раз в джунглях-то бывал?

Нат улыбнулся – Манни удалось его приободрить.

– А эта доктор Фонг ничего. И костюмчик на ней сидит – будьте здоровы. – Манни приподнял бровь. – Пожалуй, не стал бы гнать ее из палатки, даже наоборот. А с Келли О'Брайен...

Впереди возникла какая-то суматоха, и он умолк на полуслове. Группа остановилась, толпясь у речной излучины. Говорили на повышенных тонах. Манни и Нат устремились туда.

Просочившись в толпу, Натан увидел Анну Фонг и профессора Коуве, согнувшихся над долбленой пирогой. Она была вытащена на берег и наспех заброшена пальмовыми ветвями.

– След шел отсюда, – пояснила Келли.

Нат посмотрел на нее. Лицо доктора, покрытое испариной, казалось почти сияющим. Ее волосы были собраны за скатанный зеленый платок, служивший налобной повязкой.

Профессор Коуве стоял с пальмовой ветвью в руке.

– Сорвана с пальмы мвапу. – Он перевернул ее, чтобы показать неровный слом. – Не срезана, а именно сорвана.

Келли кивнула.

– У агента Кларка не было при себе ножа, когда его обнаружили.

Коуве провел пальцем по сухому пожелтевшему краю листа.

– И, судя по состоянию, ее сорвали около двух недель назад.

Фрэнк наклонился ближе.

– Примерно тогда, когда Джеральд Кларк появился в деревне.

– Именно.

Голос Келли звучал взволнованно.

– Значит, он, бесспорно, пользовался лодкой для переправы сюда.

Натан осмотрел реку. Оба берега были густо покрыты растительностью – плетьюми лиан, пальмами, кустарниками, плющами, мхами и папоротниками. Сама речушка была всего десяти метров шириной – безликий, илесто-бурый поток. У берегов вода была достаточно прозрачной, чтобы проявить грязное каменистое дно, однако уже через метр видимость пропадала.

Под водой могло скрываться все, что угодно: змеи, кайманы, пираньи. Встречались здесь и сомы-великаны, способные откусить ноги незадачливым пловцам.

Капитан Ваксман прорвался вперед.

– Так куда нам теперь направляться? Лодки нам могут подбросить по воздуху, но что дальше?

Анна Фонг подняла руку.

– Думаю, я отвечу на этот вопрос. – Она сбросила остальные ветви с пироги и принялась ощупывать борт своими изящными пальцами. – Судя по манере вырубки и бортам, окрашенным красной краской, лодка принадлежит яномамо. Такая конструкция характерна для их племени.

Нат наклонился и провел рукой вдоль внутренних бортов лодки.

– Она права. Джеральд Кларк приобрел или, скорее всего, украл пирогу у этого племени. Если мы отправимся выше по течению, то сможем расспросить любого яномамо о пропаже пироги или о белом пришельце. – Он обернулся к Фрэнку и Келли. – А потом оттуда продолжить поиск следов.

Фрэнк молча кивнул и обратился к капитану Ваксману:

– Вы, кажется, говорили про лодки?

Тот с готовностью кивнул.

– Я радирую на базу, и нам пришлют пару. Это займет весь остаток дня, так что можно уже начинать разбивать лагерь.

Наметив работу, каждый принялся за обустройство своей части стоянки на некотором расстоянии от реки. Развели огонь. Коуве собрал несколько свиных слив и орехов савари в окрестном лесу, а Манни тем временем, отправив Тор-Тора поохотиться, добыл острой и сетью несколько тропических форелей.

Часом позже над джунглями раздался грохот вертолетов, от которого птицы и обезьяны принялись верещать и метаться между деревьями. Три машины сели на воду, откуда их потом подтянули канатами к берегу. Они были нагружены самонадувными плотами с небольшим лодочным мотором у каждого. Рейнджеры окрестили их «ездовыми калошами». Когда солнце село, у прибрежных деревьев оказались причалены три черные резиновые моторки, готовые к завтрашнему путешествию.

Пока рейнджеры трудились, Нат устроил себе гамак и теперь сноровисто растягивал вокруг москитную сетку. Видя замешательство Келли, никак не справлявшейся с устройством ночлега, он поспешил на выручку.

– Надо добиться того, чтобы сеть нигде не соприкасалась с гамаком, иначе ночью вас будут кусать через ткань.

– Ничего, я сама, – проговорила она, страдальчески морщась.

– Давайте покажу.

С помощью камешков и принесенного рекой топляка Нату удалось

закрепить концы сети на расстоянии, образовав вокруг постели шелковистый полог.

Фрэнк тем временем тоже сражался со своим снаряжением.

– Нет, ну почему нам нельзя спать в мешках? До сих пор с ними было отлично.

– Только не в джунглях, – возразил Нат. – Если будете спать на земле, утром проснетесь с такими соседями – хуже не придумаешь. Змеи, ящерицы, пауки, скорпионы. Впрочем, можете попробовать.

Фрэнк поворчал и продолжил бороться с веревками.

– Отлично, буду спать в чертовом гамаке. Но зачем эта сетка? Нас ведь и так днем ели москиты.

– Ночью в тысячу раз хуже. Если клопы не высосут досуха, то вампиры помогут.

– Вампиры? – переспросила Келли.

– Летучие мыши. Их тут полно. По ночам даже по нужде придется ходить осторожно. Они нападают на все теплокровное.

Глаза Келли заметно округлились.

– Вас прививали от бешенства? – спросил ее Нат.

Она, подумав, кивнула.

– Отлично.

Келли оглядела постель, сооруженную совместными усилиями, и повернулась к нему. Их лица оказались всего в нескольких сантиметрах друг от друга, когда Натан встал на ноги.

– Спасибо.

Нат был опять поражен зрелищем ее глаз – изумрудных с золотистым оттенком.

– Не... не за что. – Он подался к огню и заметил, что все собираются на ранний ужин. – Посмотрим, что у нас с едой.

Атмосфера у костра накалялась, и совсем не от пламени. Подойдя, Нат застал Манни и Зейна в момент перепалки.

– Как можно ратовать за отмену ограничений на вырубку леса? – возмущался Манни, помешивая рыбное филе на сковородке. – Ничто так не уничтожает дождевые леса, как промышленные вырубки. А в Амазонии мы теряем по акру ежесекундно.

Ричард Зейн восседал на бревне, сняв свой пиджак защитного цвета. Он закатал рукава, видимо готовясь к драке.

– Эти цифры сильно преувеличены экологами. Их составляли неучи, которым хотелось скорее напугать, чем просветить. Более точные данные, полученные со спутников, показывают, что девяносто процентов

бразильских лесов остаются нетронутыми.

Манни был готов взорваться.

– Даже если темпы уничтожения преувеличены, как вы утверждаете, все равно то, что утрачено, уже не вернуть. А мы каждый день теряем сотни видов растений и животных. Безвозвратно теряем.

– Это вы так говорите, – сдержанно возразил Ричард Зейн. – Утверждение, что тропический лес не дает поросли после вырубки, есть не более чем устаревший миф. После восьми лет лесозаготовительных работ в джунглях Индонезии скорость восстановления флоры и фауны превзошла все ожидания. То же справедливо и для здешних лесов. В восемьдесят втором году шахтеры расчистили обширную полосу в сельве западной Бразилии. Пятнадцать лет назад ученые обнаружили, что поднявшийся, вторичный лес фактически идентичен первичному. Практика подтверждает, что обоснованная вырубка леса допустима и человек вполне может сосуществовать с природой.

Нату очень захотелось ввязаться в спор. Неужели этот тип смеет защищать уничтожение леса?!

– А как же крестьяне, которые выжигают целые массивы под пастбища и огороды? Их вы тоже поддержите?

– Разумеется, – отвечал Зейн. – На севере Штатов считается даже нормальным периодическое выжигание леса. Оно помогает развитию. Какая разница, там или тут? Когда вид-доминант исчезает под действием вырубки или пожаров, виды-заместители получают возможность для роста, которой у них раньше не было. А ведь именно эти виды наземных растений и кустарников так ценятся фармацевтами. Так чем плохи небольшие пожары и вырубки? Все от них только выигрывают.

В наступившей звонкой тишине раздался голос Келли:

– Вы не учитываете воздействие на природу в целом, вроде парникового эффекта. Разве тропические леса, или, как их часто называют, «легкие планеты», не основной источник кислорода в мире?

– Боюсь, название себя не оправдало, – печально произнес Зейн. – Новейшие исследования с помощью метеоспутников показали, что доля кислорода, производимого лесами, очень низка, если не сказать ничтожна. Это замкнутый мир. Пока лиственный полог активно производит кислород, процессы горения внизу его почти полностью потребляют. В результате суммарный выход равняется нулю. Опять же единственными зонами положительной продукции являются вторичные леса, где молодой подрост обильно выделяет кислород. Получается, что контролируемое сведение лесов идет на пользу атмосфере.

Натан слушал, попеременно обуреваемый сомнением и гневом.

– А что же с теми, кто живет в лесу? За последние полвека туземное население сократилось с десяти миллионов до двухсот тысяч, даже больше. Скажете, тоже на пользу?

Ричард Зейн покачал головой.

– Конечно нет. Это-то и есть настоящая драма. Когда старый шаман умирает, не оставив преемника, мир теряет великое множество невозполнимых знаний. В этом одна из причин того, что я продолжаю направлять средства на вашу работу среди малочисленных племен. Такой труд неоценим.

Натан прищурился, чуя подвох.

– Но ведь люди и лес тесно связаны. Пусть ваши доводы верны, однако с уничтожением леса исчезают некоторые виды. С этим-то вы не поспорите?

– Нет. И все же сторонники «зеленых» сильно преувеличивают потери.

– Даже один-единственный вид может иметь значение. Например, мадагаскарский барвинок.

Зейн порозовел.

– Это скорее исключение, чем правило. Едва ли вы думаете, что такие находки случаются сплошь и рядом.

– Мадагаскарский барвинок? – недоуменно переспросила Келли.

– Розовый барвинок с Мадагаскара служит сырьем в производстве двух мощных противораковых препаратов – винбластина и винкристина.

Келли задумчиво процитировала:

– Применяются при лечении болезни Ходжкина, лимфом, а также в детской онкологии.

Натан кивнул.

– Да, и спасают тысячи детей ежегодно. Растение, подарившее миру эти ценнейшие вещества, у себя на родине числится исчезнувшим. Что, если бы его свойства вовремя не раскрыли? Сколько детей еще погибло бы?

– Как я уже сказал, барвинок – редкая находка.

– Откуда вам знать? Все ваши рассуждения о статистике, спутниках и так далее не стоят одного факта: каждый вид по-своему ценен. Кто знает, какие лекарства будут потеряны из-за бесконтрольного сведения леса? Какое растение может содержать лекарство от СПИДа? Или диабета? Или тысяч разновидностей рака, одолевающих человечество?

– А может, и для отрачивания конечностей, – многозначительно добавила Келли.

Зейн помрачнел и уставился на огонь.

– Кто знает?

– Вот и я о том, – подытожил Нат.

Фрэнк подошел к костру. Казалось, его не интересовал горячий диспут, свидетелем которого они стали.

– Ты сожжешь рыбу, – произнес он, показывая на струйку дыма, поднимающуюся от брошенной сковородки.

Манни встrepенулся и сдернул сковороду с огня.

– Хвала прагматизму мистера О'Брайена, не то давиться бы нам всем сухим пайком.

Фрэнк подтолкнул Келли.

– Олин почти наладил спутниковую передачу для ноутбука. – Он сверился с часами. – Через час должны будем связаться с нашими.

– Хорошо. – Келли посмотрела туда, где Олин Пастернак сутился у спутниковой тарелки с подключенным компьютером. – Возможно, результаты вскрытия Джеральда Кларка дадут нам что-нибудь новое. То, что может оказаться полезным.

Нат прислушался. Должно быть, он слишком долго смотрел на огонь. У него вдруг возникло предчувствие, что всем им стоило довериться старому шаману и сжечь тело. Как верно заметил Ричард Зейн, индейцы больше, чем кто-либо, смыслят в лесных порядках и настроениях. «На боэзи, инги сабе ала сани» – «В своем лесу индеец знает обо всем».

Солнце село. Нат оглянулся на темнеющий лес. Когда джунгли оживали в переключке сиплых уханий и одиноких воплей, легенды дремучего леса обретали форму и плоть. Все казалось возможным в этих забытых местах – даже проклятие бан-али.

Стволовые клетки

7 августа, 17 часов 32 минуты

Институт «Инстар»

Лэнгли, штат Виргиния

Лорин О'Брайен согнулась над микроскопом, когда ее потревожил звонок из морга. Чертыхнувшись, она поднялась со стула, вернула очки со лба на нос и нажала кнопку громкой связи.

– Гистология.

– Доктор О'Брайен, думаю, вам следует спуститься и взглянуть.

Голос принадлежал Стэнли Гиберту, судебному патологоанатому из университета Джона Хопкинса и коллеге по «Медее». Его пригласили освидетельствовать останки Джеральда Кларка.

– Я в некотором роде занята с пробами тканей. Только что села их смотреть.

– Как насчет поражений ротовой полости?

Лорин вздохнула.

– Ваша гипотеза подтвердилась. Плоскоклеточная карцинома. Судя по высокой митотической активности и слабой дифференциации клеток, мы имеем дело с первой группой опухолей. Худшей из того, что я видела.

– Стало быть, язык жертве никто не отрезал. Его сгноил рак.

Лорин едва не передернуло, несмотря на долгую практику. Рот мертвеца изобилдовал метастазами. От языка остался лишь окровавленный сгусток, изъеденный карциномой.

Впрочем, на этом патологии не заканчивались. Во время вскрытия обнаружилось, что все тело покойного было поражено огромным числом опухолей на различных стадиях: рак проник в легкие, печень, почки, селезенку, поджелудочную... Лорин взглянула на стопку стекол, подготовленных для анализа, – препаратов опухолевых тканей и вытяжек костного мозга.

– Когда, по-вашему, начал развиваться рак ротовой полости? – спросил патолог.

– Трудно сказать наверняка. По моим оценкам, шесть-восемью неделями раньше.

На том конце линии удивленно присвистнули.

– Чертовски быстро!

– Знаю. Больше того, осмотр остальных образцов показал сходные сроки развития. Я не нашла ни одной опухоли старше трех месяцев. – Она взглянула на стопку. – Впрочем, осталось еще несколько непроверенных образцов.

– А что у нас с тератомами?

– То же самое. Все в возрасте от одного до трех месяцев. Но...

Доктор Гиберт прервал ее:

– Бессмыслица какая-то. Никогда не видел столько опухолей у одного трупа. Тем более тератом.

Лорин было понятно его удивление. Тератомы представляли собой кистозные образования, состоящие из эмбриональных стволовых клеток, тех самых зародышевых клеток, что способны трансформироваться в любую ткань тела – мышцы, волосы, кости. Опухоли, образованные стволовыми клетками, характерны лишь для некоторых органов – вилочковой железы или яичек. В теле агента Кларка они были повсюду, что и поражало.

– Стэнли, здесь не просто тератомы, а тератокарциномы.

– Что, все сразу?

Она кивнула.

– Все до единой.

Тератокарциномой называли злокачественную форму тератомы, опухоль, образующую беспорядочное смешение элементов мышц, костей, зубов, волос и нервов.

– Первый раз с таким сталкиваюсь. В некоторых участках я находила частично сформированную печень, семенную ткань, даже нервные узлы.

– Что ж, это в некотором роде объясняет нашу находку, – сказал Стэнли.

– Вы о чем?

– Видимо, придется мне еще раз пригласить вас спуститься и посмотреть на все собственными глазами.

– Отлично, – устало выдохнула Лорин. – Сейчас буду.

Она отключила микрофон и, отодвинувшись от стола с микроскопом, потянулась, чтобы размять спину от двухчасового сидения за образцами. Решила было позвонить мужу, однако передумала: у него в управлении наверняка не меньше забот. Через час они все равно встретятся во время конференции с Келли и Фрэнком.

Лорин схватила лабораторный халат и по лестнице спустилась в институтский морг. В ее душе росло беспокойство. Вскрытие трупов до сих пор вызывало тошноту. Ей куда больше подходила чистота гистологической

лаборатории, нежели анатомичка с костепилками, весами и столами из нержавеющей стали. Но сегодня выбрать не приходилось.

Направляясь к двустворчатой двери у дальнего конца длинного зала, она, чтобы отвлечься, принялась размышлять над загадочной историей Джеральда Кларка. Четыре года его считали пропавшим без вести, пока он не вышел из джунглей с новой рукой, несомненным чудом медицины. Однако его тело, в противоположность руке, было изъедено опухолями – результат всплеска канцерогенеза, который начался не раньше трех месяцев назад. В чем причина бурного разрастания опухолей? Почему оказалось так много ужасающих тератокарцином? И наконец, где, черт возьми, Джеральд Кларк пропадал все эти годы?

Лорин покачала головой. Ответы еще только предстояло найти, но она верила в современную науку. Ее ли исследованиями или полевой работой близнецов, тайна будет раскрыта.

Лорин толкнула дверь раздевалки, натянула поверх туфель бахилы, натерла ноздри дезодорирующим составом и надела хирургическую повязку. Закончив приготовления, она вошла в анатомичку.

То, что она увидела, напоминало плохой фильм ужасов. Тело Джеральда Кларка лежало на столе, распластанное, словно лягушка на уроке биологии. Внутренности были вынуты и частью рассованы в мешки с маркировкой биологической опасности, частью уложены на стальные весы. По всей комнате стояли емкости с образцами, залитые формалином и жидким азотом. В итоге все они попадут к Лорин в наилучшем для нее виде – аккуратными стеклышками с бирками, окрашенными и готовыми к изучению.

Едва Лорин вошла, как сквозь ментоловую массу пробилась более острый запах – хлорки, крови, внутренностей, трупных газов. Теперь она старалась вдыхать ртом.

Вокруг суетились мужчины и женщины в залитых кровью передниках, безразличные к жуткому зрелищу. Их действия были выверены и слаженны, настоящая мистерия смерти профессионалов-медиков.

Один из них, высокий и тощий, поднял руку и помахал Лорин.

Она кивнула и направилась к нему мимо одной из сотрудниц. Та наклонила поднос и отправила печень Джеральда Кларка в пакет для отходов.

– Что ты нашел, Стэнли? – спросила Лорин, приблизившись к столу.

Доктор Гиберт ткнул пальцем.

– Хочу, чтобы вы взглянули на это, прежде чем мы удалим.

Они стояли у головного конца наклонного стола с телом Джеральда

Кларка. Кровь, желчь и прочие жидкости стекали по желобкам в противоположный конец, а оттуда – в ведро-приемник. Прямо перед ними лежала голова Кларка с распиленной черепной коробкой и выступающим мозгом.

– Смотрите, – произнес Стэнли, наклоняясь к лиловым полушариям.

Патологоанатом осторожно отделил пинцетом мозговые оболочки, словно приоткрывая занавес. Под пленками отчетливо виднелись складки и извилины коры, покрытые темной сетью артерий и вен.

– Мы обнаружили это, когда отделяли мозг от черепной коробки.

Доктор Гиберт раздвинул полушария. В желобке между ними лежал сгусток размером с грецкий орех. Похоже, он увенчивал мозолистое тело, белесый тяж нервных путей и кровеносных сосудов, соединяющий полушария.

– Я никогда не видел ничего подобного.

Стэнли дотронулся до образования пинцетом.

– Господи! – Лорин так и подскочила: сгусток дрогнул от прикосновения. – Оно... оно шевелится!

– Невероятно, правда? Вот почему я хотел вам его показать. Я как-то читал об этом свойстве тератомических образований – способности реагировать на раздражители. Наблюдали один случай, когда сильно дифференцированная тератома с элементами сердечной мускулатуры сокращалась подобно сердцу.

Лорин обрела голос.

– Но ведь Джеральд Кларк умер две недели назад!

Стэнли пожал плечами.

– Мне видится, при такой локализации она должна содержать большое число нейронов. Большая часть из них, вероятно, все еще в состоянии отвечать на раздражители. Подозреваю, что скоро мы не сможем наблюдать эту реакцию, так как нервы потеряют тургор и мышечные волокна израсходуют весь запас кальция.

Лорин поглубже вздохнула, чтобы собраться с мыслями.

– Пусть так, но для развития рефлекса сгусток должен быть крайне высокоорганизован.

– Несомненно... организация есть. Я сделаю препараты при первой же возможности. Просто подумал, вы захотите сначала осмотреть его вживую.

Лорин кивнула, переводя взгляд с мозговой опухоли на руку покойника. Внезапно ее осенило.

– Интересно, – пробормотала она вслух.

– Что?

Ей снова представился дрогнувший сгусток.

– Большое количество тератом и степень развития одной из них могут помочь нам раскрыть механизм, благодаря которому Кларк получил новую руку.

Патолог прищурился.

– Что-то я не улавливаю...

Лорин посмотрела на него, радуясь шансу отвести взгляд от обезображенного тела.

– Я хочу сказать следующее – разумеется, это всего лишь догадки, – что, если новая рука есть не что иное, как очередная тератома, развившаяся в полноценную конечность?

Стэнли вскинул бровь.

– Как результат направленного канцерогенеза? Живая, действующая опухоль?

– Почему бы нет? Это очень похоже на наше собственное развитие. Наши тела сформировались из одной оплодотворенной яйцеклетки путем ускоренной пролиферации^[2], напоминающей раковую. Только все эти клетки дали начало соответствующим тканям. Не в этом ли цель изучения стволовой клетки – открыть механизм направленного роста? Что заставляет одну клетку становиться клеткой костной ткани, а соседнюю с ней – мышечной или нервной? – Лорин смотрела на распростертое тело Джеральда Кларка, но не испуганно, а удивленно. – Быть может, мы стоим на пути к разгадке.

– А если нам удастся выявить закономерность...

– Это положит конец раковой эпопее и вызовет переворот в современной науке.

Стэнли покачал головой.

– Тогда будем молиться, чтобы ваши сын и дочь преуспели в поисках.

Лорин кивнула и направилась через морг к выходу. Она посмотрела на часы. Кстати о Фрэнке и Келли: подходило время переговоров. Время сверять данные. Она бросила последний взгляд на то, что осталось от Джеральда Уоллеса Кларка.

– Что-то там есть, в этих джунглях, – пробормотала она сама себе. – Только вот что?

* * *

7 августа, 20 часов 32 минуты

Джунгли Амазонии

Келли стояла поодаль от остальных, пытаясь переварить новости, полученные от матери. Она глядела на лес, звенящий серенадами бесчисленных кузнечиков и речных лягушек. Свет костра лишь немного рассеивал тьму, растворяясь в густой лесной мгле.

Джунгли хранили свои тайны.

На переднем плане сгрудилась кучка рейнджеров, занятых установкой системы датчиков движения. Лазерная сетка, наведенная по периметру лагеря, была призвана защитить их от крупных лесных хищников, если тем вздумается незаметно подкрасться.

Келли устремила взгляд за ограду, в темноту леса.

Что там пришлось пережить агенту Кларку?

Чей-то голос раздался у самого плеча Келли, заставив ее вздрогнуть.

– В самом деле, ужасная новость.

Келли обернулась и увидела рядом профессора Коуве. Сколько же он тут простоял? Шаман явно не утратил врожденной способности бесшумно передвигаться по лесу.

– Д-да, – пробормотала она. – Очень неприятная.

Коуве вытащил трубку и принялся набивать ее табаком, а затем раскурил, взметнув сноп искр.

Их окутало облако едкого табачного дыма.

– Как вам гипотеза вашей матери насчет того, что опухоли могут иметь отношение к регенерированной руке?

– Интригующе... быть может, не без оснований.

– То есть?

Келли потеряла переносицу, собираясь с мыслями.

– Перед тем как приехать сюда, я проштудировала кое-какую литературу по теме регенерации. Хотела подготовить себя ко всему, что бы мы ни нашли.

– Хмм... Весьма разумно. Когда идешь в джунгли, знания и подготовка могут решить, жить тебе или умереть.

Келли кивнула и продолжила свою мысль, радуясь возможности выразить ее, заронить в кого-то другого.

– Работая с источниками, я наткнулась на интересную статью в «Анналах Национальной академии наук». В тысяча девятьсот девяносто девятом году команда филадельфийских ученых вырастила колонию мышей с поврежденной иммунной системой. Мыши предназначались для изучения СПИДа и рассеянного склероза. Но когда начали ставить опыты,

вдруг проявился необычный феномен.

Коуве живо повернулся к ней, вскинув бровь.

– Какой же?

– Ученые пробивали отверстия в мышинных ушах – обычный способ маркировки лабораторных животных – и заметили, что ранки зарастали с удивительной скоростью, совершенно не оставляя следов. Они не просто зарубцовывались, а наращивали хрящ, сосуды, кожу, даже нервы. – Келли выдержала паузу и продолжила: – Это открытие побудило главу исследовательской группы, доктора Элен Гебер-Кац, поставить другую серию опытов. Она ампутировала мышам хвосты, и они отрастали. Перерезала зрительный нерв – тот восстанавливался. Даже иссеченная часть спинного мозга сформировалась заново менее чем за месяц. Такая регенеративная активность у млекопитающих отмечалась впервые.

Коуве вынул изо рта трубку.

– И чем это объясняется?

Келли потрянула головой.

– Единственное отличие опытных мышей от остальных заключалось в повреждении иммунной системы.

– Где же здесь связь?

Келли едва сдержала улыбку. Приятно было поговорить на любимую тему, особенно со столь проницательным собеседником.

– Мы знаем, что у животных, известных своей способностью к регенерации – иглокожих, амфибий и рептилий, – иммунная система если и развита, то на зачаточной стадии. Исходя из этого, доктор Гебер-Кац предположила, что миллиарды лет назад эволюция млекопитающих пошла по пути уступки. Чтобы защититься от рака, им пришлось пожертвовать способностью заново отращивать конечности. Видите ли, наша сложная иммунная система устроена таким образом, что подавляет неадекватное размножение клеток, каковым и является рак. С одной стороны, это выгодно, с другой – тот же механизм не дает телу регенерировать утраченную конечность. Иммунная система реагирует на размножение малодифференцированных клеток, необходимое для регенерации, как на канцерогенез, и устраняет его.

– Стало быть, иммунная система – наше спасение и проклятие.

Келли задумчиво смотрела в одну точку.

– Если только не выключить ее чем-то на время. Как у мышей в опыте.

– Или как у Джеральда Кларка? – Коуве пристально посмотрел на нее. – Вы ведь предполагаете, что нечто отключило его иммунную систему, позволив руке вырасти заново, и тот же феномен привел к массовому

развитию опухолей?

– Возможно. Однако на деле бывает гораздо сложнее. Каков механизм? Почему все опухоли развились столь стремительно? – Она покачала головой. – Еще важнее другое: что дало толчок переменам?

Коуве мотнул головой в сторону леса.

– Если такой фактор и существует, он должен быть там. Три четверти всех современных противораковых средств получены из лесных растений. А почему нет растения с обратными свойствами – того, чьи компоненты вызывают рак?

– Биоканцерогена?

– Да, но с благоприятным побочным эффектом... вроде регенерации.

– Звучит невероятно, однако, с учетом состояния Кларка, возможно всякое. По моей просьбе физиологи из «Медеи» проверят состояние иммунной системы Джеральда Кларка и его опухолей. Может, что-нибудь да прояснится.

Коуве выпустил долгую струю дыма.

– Каков бы ни был ответ, он придет не из лаборатории. На этот счет я не сомневаюсь.

– Тогда откуда?

Не говоря ни слова, Коуве указал зажженным концом трубки в темноту джунглей.

* * *

Тянулись часы. Чуть дальше в лесу затаилась чья-то обнаженная фигура – едва не у самой кромки, освещенной пламенем костра. Сухощавое тело лазутчика было раскрашено мудреным черно-синим узором с помощью сажи и сока плодов ме-ну, превращая в живое воплощение сумерек.

С самой вечерней зари он следил за пришельцами. Джунгли научили его быть терпеливым. Как все тешаририн, следопыты племени, он знал, что успех зависит не столько от действий, сколько от умения ждать.

Всю ночь нес свою вахту темный соглядатай за лагерем. Скорчившись, он разглядывал великанов, от которых так и разило непохожестью, пока те кружили и кружили, обходя свое стойбище. Язык их был чуден, но еще чуднее выглядела одежда.

Замерев на месте, лазутчик изучал повадки врага.

Как-то ему на запястье, увязшее в земле, забрался сверчок. Не сводя глаза с лагеря, туземец смотрел, как создание трет одной лапкой о другую, заводя свою сверчковую трель.

Предвестье зари.

Остаться дольше нет нужды. Он плавно поднялся – движение было столь быстрым и тихим, что сверчок так и остался сидеть на вытянутой руке, по-прежнему наигрывая предрассветную песню. Человек поднес руку к губам и сдул удивленного музыканта с необычной сцены.

Бросив последний взгляд на лагерь, индеец растворился в джунглях. Его тренировали бегать по лесным тропам, не потревожив и травинки. Наблюдатель знал, что ему предстоит совершить.

Смерть заберет всех, кроме избранника.

Амазонский фактор

11 августа, 15 часов 12 минут

Джунгли Амазонии

Нат держал палец на спусковом крючке, направив дуло дробовика перед собой. Двадцатифутовый крокодил – дело нешуточное. Этот образчик принадлежал к виду черных кайманов *Melanosuchus niger*, королей среди чешуйчатых хищников Амазонки и ее притоков. Развалившись на илистом пляже, он нежился в жарких лучах полуденного солнца. Темная броня тускло поблескивала, пасть щерилась неровными желтоватыми зубами, почти с Натову ладонь. Выпуклые глазищи в обрамлении щитков казались совершенно черными, холодными и безжизненными – глаза доисторического монстра.

Неподвижный, как утес, кайман будто бы не замечал приближения флотилии.

– Он нападет на нас? – прошептала из-за спины Келли.

Нат пожал плечами, не оборачиваясь.

– По ним не поймешь. Надеюсь, если мы его не тронем, то и он нас не тронет.

Нат сидел на носу средней моторки. Вместе с ним плыли О'Брайены, Ричард Зейн и Анна Фонг. Единственный солдат среди них, капрал Окамото, правил небольшим мотором на корме. Этот приземистый азиат завел привычку почти непрерывно насвистывать, что превратило четырехдневное плавание по широкому притоку в адскую пытку. Хорошо, хоть присутствие чудища на берегу избавило всех от его фальшивого свиста.

Передняя лодка продрейфовала мимо каймана, прижавшись к противоположному берегу. Весь ее правый борт оцетинился дулами М-16, нацеленными в речного хищника.

Экипаж каждой моторки состоял из шести человек. В авангарде шла лодка с тремя солдатами и второй группой штатских – профессором Коуве, Олином Пастернаком и Манни, который расположился посередине вместе со своим ягуаром. Тор-Тор уже плавал на лодках и явно благоволил к такому способу передвижения, томно подрагивая хвостом, прислушиваясь и приглядываясь сквозь полудрему. Замыкала процессию лодка с шестью рейнджерами, ведомая капитаном Ваксманом.

– Пристрелить бы эту тварь, – произнес Фрэнк.

Нат обернулся к нему.

– Нельзя – исчезающий вид. В прошлом веке их почти полностью истребили. Только недавно популяция начала восстанавливаться.

– Почему-то меня это не радует, – буркнул Фрэнк, глядя на водную гладь.

Он натянул бейсболку по самые глаза, как будто хотел под ней спрятаться.

– Сами они каждый год убивают сотнями, – пробормотал Зейн, сидя на корточках у надувного борта. – Топят лодки, нападают на все, что движется. Я читал об одном черном каймане, в чьем желудке нашли два лодочных мотора, проглоченных целиком. Здесь я всецело на стороне мистера О'Брайена. Пара точных выстрелов...

В этот момент первая лодка прошла мимо лежанки чудовища. Та, в которой сидел Нат, отправилась следом, медленно увлекаемая мутным потоком. Сзади ревел мотор.

– Потрясающе, – произнес Нат, проходя всего в десяти метрах от крокодила. Вблизи тот смотрелся настоящим гигантом, пришельцем из другой эпохи. – Чертовски хорош.

– Самец, если не ошибаюсь? – спросила Анна Фонг, разглядывая монстра с живым интересом.

– Похоже на то, если судить по гребням и форме ноздрей.

– Тсс! – шикнул на них Фрэнк.

– Он шевелится! – взвизгнула Келли, отскакивая в дальний конец лодки.

Ричарда Зейна смахнуло туда же.

Бронированная морда медленно качнулась лодке вослед.

– Он просыпается, – сказал Фрэнк.

– Да он и не спал, – поправил его Нат, когда лодка миновала опасный участок. – Просто хотел рассмотреть нас поближе, так же как и мы его.

– Черта с два он мне нужен, – ворчал Фрэнк, не нарадуясь, что чудовище осталось позади. – Да и вообще, шел бы он...

Тут гигантский кайман встрепенулся, молниеносно скользнул по грязи в бурую воду и исчез без единого всплеска. Третью лодку как раз проносило мимо него. Солдаты несколько раз пальнули с борта, но проворство и поспешность, с какой нырнул крокодил, застали их врасплох. Когда пули изрешетили заиленный берег, его уже не было.

– Не стреляйте! – закричал Нат. – Он уходит!

Ничто не держало каймана на берегу, поэтому его первым порывом

было избежать неизвестного. Если только он не расвирепел, почувствовав угрозу.

Один из рейнджеров, рослый черный капрал по имени Родни Грейвз, высунулся по пояс из лодки, глядя под воду с дулом на изготовку.

– Не видать ни...

Все произошло в мгновение ока. Третья лодка взвилась почти на метр в воздух. Нат едва успел заметить толстый чешуйчатый хвост. Стоявший на краю рейнджер стремглав полетел за борт, остальные вцепились руками в ремни и удержались на месте. Лодка с плеском ударилась о воду.

Капитан Ваксман скорчился у рулевого мотора.

– Грейвз!

Голова капрала вынырнула на поверхность в десяти метрах от тройки лодок, ниже по течению. Шляпу смыло водой, но винтовка все еще была у него в руках. Капрал начал грести к ближайшей моторке. Позади него, точно подлодка, всплыла голова крокодила с черными перископами глаз.

Рейнджеры вскинулись, чтобы прицелиться, но напрасно – кайман погрузился обратно прежде, чем кто-либо успел выстрелить.

Нат представил себе, как огромная тварь загребает хвостом, поднимается из мутных глубин к барахтающемуся на поверхности солдату, привлеченная мельтешением рук и ног...

– Вот черт, – ругнулся он про себя, а вслух закричал что есть мочи: – Капрал Грейвз! Замрите! Не двигайтесь!

Никто его не услышал. Именно в эту секунду все вопили капралу, чтобы тот поторапливался. Плеск и паника только усилились. Капитан Ваксман развернул моторку, пытаясь добраться до перепуганного пловца.

Нат снова крикнул:

– Замрите на месте!

В конце концов он отшвырнул ружье и бросился в воду – не столько из-за отваги, сколько от отчаяния, что никто его не слышит. Он плавно скользил под водой, пытаясь что-нибудь увидеть перед собой, однако мутная толща давала лишь метр видимости, скрадывая остальное. Натан ударил ногами и сделал гребок, позволив инерции и стремнине нести себя. Еще под водой он услышал шум мотора последней лодки, уходящей влево.

Нат изогнулся и вынырнул. Родни Грейвз был всего в метре справа от него.

– Капрал Грейвз! Не гребите ногами! Надо прикинуться мертвым.

Нат, в свою очередь, старался не шевелиться, полулежа на спине. Капрал повернулся к нему с расширенными от страха глазами.

– Иди ты! – прокричал он, судорожно хватая ртом воздух.

Его руки и ноги неистово лупили по воде. Спасительная лодка была всего в трех метрах от них. Остальные уже протягивали руки, стремясь вытащить солдата наружу.

Внезапно Нат почувствовал, как что-то большое и быстрое проскользнуло между ним и капралом.

Господи, помоги!..

– Грейвз! – завопил он в последний раз.

Один из спасателей – Нат узнал в нем брата тонущего капрала, Томаса Грейвза, – перегнулся через надувной борт моторки. Двое помощников держали его за ремень. Том вытянул обе руки, устремившись всем телом вперед. Его лицо исказилось от страха за брата.

Родни оттолкнулся ногами и вырвался вперед, протянув руку с растопыренными пальцами.

Том ухватил ее.

– Есть! – завопил он остальным.

Мышцы на его руке напряглись, как стальные канаты.

Два солдата рванули Тома назад, когда тот подтягивал брата к себе. Свободной рукой он вцепился в полевую куртку Родни, промокшую насквозь, и резко откинулся назад, выдергивая того из воды. Родни шлепнулся животом на борт лодки и облегченно рассмеялся:

– Чертов крокодил!

Он извернулся, чтобы вытащить ноги из воды, и как раз в это время огромная разверстая пасть вырвалась на поверхность и захватила их по самые бедра. Челюсти сомкнулись на добыче мертвой хваткой и потащили ее обратно в пучину. Никто был не в силах противостоять усилиям монстра весом более тонны, вырвавшего Родни из рук брата. Мутные воды сомкнулись, и только отзвук его последнего крика все еще звенел над рекой. Рейнджеры стояли на коленях с винтовками в руках, но ни один так и не выстрелил. Целясь вслепую, любой мог попасть в жертву вместо убийцы. Их лица были красноречивее слов. До всех дошел жуткий смысл произошедшего: капрала Родни Грейвза больше нет в живых. Все видели размеры монстра и зубастую пасть, которая уволокла их товарища. Навсегда.

Это же знал и Нат.

Кайман утянет жертву на дно и будет держать до тех пор, пока она не захлебнется. Потом сожрет ее или припрячет под мангровым корнем, чтобы легче было разорвать на куски полуразложившуюся добычу.

Все кончено, капрала уже не спасти.

Нат по-прежнему держался на плаву, стараясь не шевелиться. Кайман,

вероятно, был занят добычей, однако поблизости могли плавать и другие, тем более что течение наверняка разнесло запах крови. Нат не стал рисковать. Он осторожно перевернулся на спину и тихо поплыл, пока чьи-то руки не схватили его и не втащили обратно на борт. Там он оказался лицом к лицу с ошеломленным потерей Томом Грейвзом. Тот все смотрел на свои руки, как будто проклиная их за то, что не смогли удержать брата.

– Мне очень жаль, – проговорил Нат.

Том поднял глаза, и пораженный Нат увидел в них глухую злобу: ведь он-то, Нат, остался цел, в то время как брат принял страшную смерть. Капрал молча отвернулся.

Зато его начальник оказался куда менее сдержанным.

– Что вы там вытворяли, может, объясните? – Слова принадлежали капитану Ваксману, багровому от ярости. – Ведете себя как последний кретин! Вам что, жить надоело?

Нат смахнул мокрые пряди со лба. Уже второй раз за неделю он нырял в воду, чтобы кого-то спасти. Что ни говори, дурная тенденция.

– Я пытался помочь, – промямлил он в ответ.

Накал в голосе Ваксмана заметно ослаб.

– Нас прислали сюда защищать вас, а не наоборот.

К этой минуте Натова лодка подплыла к той, что несла рейнджеров. Он перебрался через борта и вернулся на свое место.

Восстановив порядок, капитан Ваксман махнул впереди сидящим, чтобы отправлялись. Взревели моторы.

Нат услышал, как Том Грейвз попытался возразить:

– Капитан, а как же мой брат... его тело...

– Его нет, капрал. Его больше нет.

* * *

Итак, тройка лодок продолжила путь. Нат уловил застывший взгляд профессора Коуве, сидевшего на другой моторке, и то, как он печально покачал головой. Даже военная тренировка и богатый арсенал не гарантируют защиты от джунглей. Если они захотят, то всегда сумеют взять свое. Это и называлось «амазонским фактором». Все, кто забредал в раскидистый зеленый шатер, становились его заложниками.

Нат почувствовал, как кто-то положил руку ему на колено. Он обернулся и увидел рядом с собой Келли.

Она смотрела невидящим взглядом в пространство, потом вздохнула и тихо сказала:

– Пусть это было глупое вашей стороны, но... – Она посмотрела на Ната. – Вы хотя бы попытались.

После внезапной трагедии Нат не мог осилить даже ответный кивок, однако слова Келли помогли преодолеть холодное опустошение, которое он сейчас чувствовал. Она убрала руку.

* * *

Остаток дня прошел в тишине. Капрал Окамото больше не свистел, управляя мотором. Плыли почти до заката, будто стремились поскорее отдалиться от смерти Родни Грейвза.

Когда разбили лагерь, скорбную весть передали на базу в Вауваи. Уныние царило и за ужином, состоявшим из рыбы, риса и блюда лесного ямса, найденного профессором Коуве неподалеку от лагеря.

Единственной темой для разговора стал сладковатый ямс. Нат поинтересовался, где был собран столь обильный урожай.

– Редко удается найти его в таких количествах.

Перед ужином профессор принес целый рюкзак (умело изготовленный из пальмовых листьев), набитый под завязку диким ямсом.

Коуве мотнул головой в сторону чащи.

– Думаю, я набрел на старый индейский сад. В том же месте росла пара деревьев авокадо и ананасовых розеток.

Келли так и замерла с поднятой вилкой.

– Индейский сад?

За последние четыре дня они не встретили ни единой души. Даже если Джеральд Кларк взял пирогу из деревни яномамо, ее расположение пока оставалось загадкой.

– Сад давным-давно заброшен, – пояснил Коуве, погасив тем самым надежду, которая зажглась у Келли в глазах. – Такие приречные делянки встречаются по всей Амазонии. Местные племена, особенно яномамо, ведут кочевой образ жизни. Сажают деревья, живут год-другой, а после уходят. Боюсь, эта находка для нас мало что значит.

– По крайней мере, лучше, чем ничего, – сказала Келли, не желая проститься с надеждой. – Знак того, что кто-то здесь все-таки есть.

– К тому же ямс чертовски хорош, – поддакнул Фрэнк с набитым

ртом. – А то от риса меня уже тошнит.

Манни усмехнулся, зарывшись пальцами в ягуарову холку. Тор-Тор поужинал сомом приличных размеров и теперь растянулся у огня.

Неподалеку рейнджеры развели второй костер. На закате они помянули боевого товарища и сделали еще угрюмее, лишь изредка выдавливая слово-другое, хотя обычно их гогот и сальные шуточки слышались до самого отбоя и заступления на посты.

– Пожалуй, пора ложиться, – в конце концов произнесла Келли, поднимаясь на ноги. – Завтра еще один длинный день.

Согласное бормотание, зевки – и компания разошлась. Возвращаясь с недолгой прогулки, Нат встретил профессора Коуве – тот курил у своего гамака.

– Профессор? – начал Нат, почувствовав, что Коуве хочет поговорить с ним с глазу на глаз.

– Пройдемся, пока рейнджеры не включили датчики движения.

Шаман повел Ната в лес. Тот пошел следом.

– Что там?

Коуве молча шагал, пока они не очутились в чаще. Два лагерных костра казались всего лишь двумя светляками, сияющими в подлеске. Наконец профессор остановился, глубоко затягиваясь из трубки.

– Зачем вы привели меня сюда?

Коуве щелкнул фонариком. Нат огляделся. Они стояли на небольшой прогалине, где росло лишь несколько деревьев – низкие хлебные деревца, фиги, апельсины. Подрост и кустарник здесь были необычно густыми, полностью устилая почву. Внезапно Нат понял, куда попал: в тот самый заброшенный сад. Он даже заметил пару бамбуковых кольев с подгоревшей верхушкой, воткнутых между растениями. Обыкновенно эти факелы заполнялись ток-ток порошком и поджигались во время сбора урожая в качестве дымной завесы от кровососов. Несомненно, здесь некогда потрудились индейцы.

Натан и раньше видел такие делянки во время своих амазонских странствий, но сейчас, ночью, рядом с одичавшими и заросшими грядками, ему начало казаться, будто лес полон призраков. Он почти ощущал на себе взгляды умерших индейцев.

– За нами следят, – произнес Коуве.

Нат вздрогнул.

– О чем вы?

Коуве провел Ната по саду. Он поднес фонарь к дереву ма-ракуйи и нагнул одну из ветвей.

– Видишь? Ягоды сорваны. – Коуве повернулся. – Пожалуй, в то самое время, когда мы чалили лодки. Некоторые плодоножки еще влажные от сока.

– И вы это заметили?

– Я еще раньше догадывался, – ответил Коуве. – Два дня назад я пошел собирать фрукты перед отплытием и заметил, что кто-то побывал там, где я проходил накануне вечером: несколько веток сломано, дерево свиной сливы наполовину обобрано.

– Это могли сделать лесные звери во время ночной кормежки.

Коуве кивнул.

– Сначала я тоже так подумал и потому не стал рассказывать. Следов не было, как и других мало-мальски весомых улик. Однако регулярность, с которой случались ночные набеги, убедила меня в обратном. Кто-то нас отслеживает.

– Кто?

– Скорее всего, индейцы. Здесь их территория. Они бы сумели проследить, оставаясь невидимыми.

– Яномамо.

– Наверное, – согласился Коуве.

Впрочем, Нат уловил сомнение в голосе профессора.

– А кто же еще?

Коуве прищурился.

– Не знаю. Больше всего меня удивляет, что они не слишком осторожничали. Настоящий лазутчик никогда не выдаст себя. Индейцу было бы зазорно так наследить.

– Вам так кажется, потому что вы тоже индеец. Ни один белый не различил бы этих следов, даже армейский рейнджер.

– Может быть.

В голосе Коуве все еще звучало сомнение.

– Надо предупредить капитана Ваксмана.

– Я не случайно выбрал для начала тебя. Надо ли – вот в чем вопрос!

– Что вы хотите сказать?

– Если это индейцы, прочесыванием леса делу не поможешь. Они – или кто другой на их месте – просто исчезнут. Если мы хотим вступить с ними в контакт, думаю, лучше позволить им прийти к нам самим. Пусть привыкнут к нашим странностям. Пусть первый шаг будет с их стороны, а не наоборот.

Сначала Нат порывался оспорить тактику излишней предосторожности профессора. Ему не терпелось продолжить путь, после

стольких лет найти разгадку тайны исчезновения отца. Ожидание вставало ему поперек горла. Скоро начнутся дожди и смоят последнюю надежду найти пути Джеральда Кларка.

Опять же в царстве Амазонки приходилось играть по ее правилам, о чем напомнила недавняя атака каймана. Метания, борьба лишь приближали поражение. Плыть по течению представлялось наилучшим рецептом выживания.

– Думаю, лучше переждать пару дней, – добавил Коуве. – Прежде всего – убедиться, что я прав. Может быть, прав как раз ты. Может, это всего лишь зверье. Но если прав я, то хотелось бы дать местным возможность выйти по собственной воле, а не распугивать или тащить сюда на прицеле. Так мы точно от них ничего не добьемся.

Наконец Нат признал правоту профессора, но с оговоркой:

– Даем им не больше двух дней. Потом рассказываем остальным.

Коуве кивнул и выключил фонарик.

– Пора бы и нам на покой.

Они быстро вернулись к неярким огням лагеря. Нат переваривал сделанные шаманом выводы и намеки. Он вспомнил, как тот прищурился, высказав сомнение насчет их таинственных гостей. Кто еще мог там быть, кроме индейцев?

Добравшись до места, Нат застал бодрствующими лишь немногих – остальные разошлись по гамакам. Несколько солдат патрулировали периметр лагеря. Коуве пожелал ему спокойной ночи и побрел к своему гамаку, затянутому москитной сеткой. Снимая ботинки, Нат услышал сонное бормотание Фрэнка О'Брайена, лежащего по соседству. «После такого дня всем им должны будут сниться кошмары», – подумалось Нату.

Он забрался к себе и положил руку на глаза, закрываясь от света костра. «Амазонку не перебороть, как бы того ни хотелось. У нее свои пути, свои жертвы. Остается лишь молиться, чтобы ты не стал следующей». Через час-другой таких размышлений Ната сморил сон, оставив напоследок с одной-единственной мыслью.

«Кто на этот раз?»

* * *

Капрал Джим Де Мартини час от часа утверждался в своей ненависти к джунглям. После четырех дней речной переправы ему все опротивело –

вечно сырой воздух, слепни, мошка, несмолкающий птичий гомон и обезьяньи вопли. Вдобавок, что еще омерзительней, повсюду начала расти плесень – на одежде, гамаках, ранцах. Его амуниция провоняла насквозь, точно старый носок, который на месяц оставили в раздевалке. А прошло-то всего несколько дней!

Он держал вахту, стоя в леске рядом с отхожим местом – спиной к дереву, с винтовкой в руках. Ему в напарники отрядили Йоргенсена, который как раз отлучился по нужде. Их разделяло всего несколько ярдов – было слышно, как Йоргенсен, насвистывая, расстегнул брюки.

– Приспичило ему, – проворчал Де Мартини.

Напарник услышал.

– Это все вода чертова...

– Не засиживайся там.

Де Мартини вытряхнул сигарету, задумавшись о судьбе Родни Грейвза. Сам-то он был тогда в первой лодке с гражданскими, однако хороню разглядел, как огромный кайман взвился в воздух и хватил их товарища прямо с моторки. Его передернуло. Немало смертей повидал он на своем веку – в перестрелках, после крушения вертолетов, лодочных пробоин... но все это было ничто в сравнении с сегодняшним кошмаром наяву.

Озираясь, он мысленно клял Йоргенсена. «Долго он там еще?» Де Мартини глубоко затянулся. «Нашел чем руки занять, придурок. Хотя его можно понять». Две женщины в лагере вносили определенный дискомфорт. После разбивки лагеря он сам тайком подглядел за азиаткой, когда та вылезала из куртки. Тонкая блузка промокла насквозь и заманчиво льнула к двум маленьким грудкам.

Капрал отогнал эти мысли, затоптал окурок и выпрямился. Единственным источником света во тьме был его фонарик, примотанный к дулу винтовки. Де Мартини направил его вперед, в сторону кромки воды.

Далеко в чаще, за линией датчиков движения, мелькали и перемигивались огоньки поменьше – светлячки. Капрал вырос на пустынном калифорнийском юге и никогда их не встречал. Мерцание жучков завораживало, уводя все дальше за линию патруля. Тем временем джунгли вокруг шумно вздыхали, шелестя листвой. Толстые сучья поскрипывали, словно стариковские суставы. Лес казался неким живым существом, поглотившим все пришлое без остатка.

Де Мартини посветил фонариком по сторонам. Он доверял парному методу, а в этих проклятых джунглях даже больше, чем когда-либо. Среди рейнджеров бытовала поговорка: «Парный метод может спасти вашу жизнь – по крайней мере, будет кому отвлекать врага».

Слегка струхнув из-за долгой отлучки своей пары, он опять крикнул:

– Эй, Йоргенсен!

– Ну что еще? – огрызнулся тот.

Де Мартини повернулся к нему, как вдруг что-то ужалило его в щеку. Он прихлопнул кровососа, пытаясь раздавить в ладони, однако жало впилось еще глубже, под самую челюсть. Скривившись, капрал хотел было смахнуть тварь рукой, но та плотно пристала к щеке. Всполошившись, он стал судорожно сбивать ее прочь.

– Что за!.. – зашипел он, попятившись. – Кровопийцы чертовы!

Йоргенсен хохотнул неподалеку.

– Ты-то хоть не сидишь с голым задом!

С отвращением озирая окрестности, Де Мартини поднял воротник куртки, чтобы преградить путь остальным пискунам. Когда он повернулся, луч фонарика нашарил что-то блестящее в грязи под ногами. Нагнувшись, он поднял странный предмет – то была связка перьев с торчащим из нее острием дротика. Кончик иглы был влажным от крови. Его крови.

«Вот дерьмо!»

Он быстро присел и хотел крикнуть, но издал лишь полузадушенный сип. Попытался вдохнуть, но понял, что не может заставить грудь подняться. Руки и ноги наливались свинцом. Внезапно он обмяк и завалился на сторону. «Отравлен... парализован», – мелькнула паническая мысль.

Одна рука все еще слушалась его и теперь пауком перебиралась по прикладу, стараясь дотянуться до спускового крючка. Если бы он сумел выстрелить... дать сигнал Йоргенсену...

Тут он почувствовал, что кто-то склонился над ним, наблюдая со стороны темных джунглей. Капрал не мог повернуть голову, ему подсказывало какое-то шестое чувство, животный инстинкт.

Запаниковав еще больше, он потянулся к курку с отчаянной, бессловесной мольбой. Наконец палец зацепился за бородку курка. Если бы он мог, то облегченно вздохнул бы. Но тут перед глазами у него стало темнеть. Он вложил последние силы в один-единственный палец и дернул.

Ничего не произошло.

Он с ужасом понял, что не снял винтовку с предохранителя. Горькая слеза скатилась по его щеке – щеке поверженного, лежащего в грязи. Веки парализовало, и даже зажмуриться стало невозможно.

Наконец наблюдатель перешагнул через распростертое тело и вышел на свет. Странное то было зрелище.

Женщина... обнаженная женщина дивной красоты с длинными

ровными ногами, плавными изгибами полных бедер и крепких округлых грудей. И все же именно глаза – загадочные и словно жаждущие чего-то – приковывали взгляд, пока капрал боролся с удушьем. Она наклонилась, и струящиеся черные волосы упали на его обмякшее лицо.

На долю секунды ему показалось, будто женщина вдыхает в него. Он что-то почувствовал у себя в легких, что-то теплое и дымное. А потом все пропало, сокрытое чернотой джунглей.

* * *

Келли резко проснулась. Отовсюду слышались крики. Она рывком села и выпала из гамака, чертыхаясь, подняла голову.

Костры горели ярче прежнего, обложенные свежими ветками. Языки пламени взметались высоко вверх, распространяя кругом дым и красноватые пляшущие блики.

Поодаль лес то там, то сям пронизывали лучи фонарей, что-то нащупывающих. Оттуда же доносились крики попеременно с приказами.

Келли встала и попыталась выпутаться из натянутой москитной сетки. Неожиданно она заметила рядом Ната и Манни. Оба стояли разутые, в трусах и футболках. Между ними восседал ягуар.

– Что случилось? – крикнула Келли, наконец освободившись.

Стали подтягиваться остальные, все кое-как одетые и ошеломленные. Келли сразу заметила, что зеленые гамаки рейнджеров опустели. Один капрал остался стоять меж двух костров с винтовкой наготове.

Нат ответил на ее вопрос, нагнувшись, чтобы натянуть ботинки.

– Исчез один из патрульных. Нам приказано оставаться, пока остальные обыскивают окрестности.

– Исчез? Кто? Каким образом?

– Капрал Де Мартини.

У Келли перед глазами возник его образ: зачесанные темные волосы, широкие ноздри, неизменный подозрительный прищур.

– Что с ним?

Нат потрянул головой.

– Пока никто не знает. Его словно ветром сдуло.

Со стороны реки донесся резкий окрик. Лучи фонарей тотчас переметнулись туда.

Профессор Коуве подошел и встал рядом. Келли заметила, как они с

Натом переглянулись – словно заговорщики, связанные одной тайной.

На другом краю лагеря возник Фрэнк с фонарем и бросился им навстречу. Он совершенно запыхался. На его пепельно-бледном лице проявилась каждая веснушка.

– Нашли оружие пропавшего капрала. Вы здесь больше всех знаете о джунглях. Нам надо выслушать ваше мнение. Капитан Ваксман просит подойти и осмотреть кое-что важное.

Все дружно шагнули вперед, собираясь идти следом.

Фрэнк вытянул руку.

– Только вы трое.

Келли пробилась вперед.

– Если он ранен, моя помощь тоже понадобится.

Фрэнк поколебался, затем кивнул.

Ричард Зейн рванулся за ней, готовый возмутиться, но Фрэнк покачал головой.

– Тогда там будет не протолкнуться.

Группа спешно отправилась к реке, минуя костры. Ягуар прижимался к хозяину, бесшумно ступая вместе со всеми. Подошли к густым зарослям, за которыми начиналась протока. Вот где были настоящие, «книжные» джунгли – переплетенье кустарников, лиан и деревьев. Команда гуськом углублялась в лесные дебри, ориентируясь на свет многочисленных вспышек. Келли шла следом за Натом. Ей только сейчас бросился в глаза размах его плеч и то, с какой ловкостью он пробирался между деревьями. Несмотря на высокий рост, он играючи огибал кусты и лианы. Келли двигалась за ним и старалась копировать движения, однако лишь спотыкалась и путалась в темноте.

Ее нога вдруг наступила на что-то скользкое. Потеряв опору Келли начала заваливаться на бок, выставив ладони. В эту секунду Нат подхватил ее на руки.

– Осторожно.

– С-спасибо.

Покраснев, она попыталась уцепиться за лиану, чтобы подняться самой, но Нат оттащил ее. Она только и успела, что прикоснуться к ползучему стеблю.

– Что вы... Ай!

Ее пальцы вдруг вспыхнули болью. Келли принялась тереть их о полу рубашки, однако жжение только усилилось, словно она сунула руку в огонь.

– Стойте смирно, – наказал Коуве. – Будете тереть – станет хуже.

Он сорвал пригоршню плотных листьев с какого-то тонкого деревца. Растерев их в руках, профессор взял Келли за запястье и смазал ее кисть маслянистым соком. Жжение тотчас угасло. Келли изумленно смотрела на мятые листья.

– Ку-рун-йе, – пояснил сзади Нат. – Из семейства фиалковых. Дает мощный обезболивающий эффект.

Коуве продолжал растирать пальцы Келли, пока боль не исчезла полностью.

В свете фонарика Фрэнка она увидела, как на кончиках пальцев надулась пара волдырей.

– Ты как? – спросил Фрэнк.

Она кивнула, чувствуя себя глупее некуда.

– Прикладывайте чаще ку-рун-йе, и все пройдет, – закончил Коуве, потцовски сжав Келли плечо.

Нат помог ей подняться и указал на сизую плеть.

– Ее называют «огненная лиана», и не напрасно.

Лиана свешивалась с дерева и лежала под ним спутанным узлом. Если бы не Нат, Келли суждено было упасть напрямиком в эти заросли.

– Стебель и листья выделяют едкие вещества, чтобы отогнать насекомых.

Разновидность химического оружия, – вставил Коуве.

– Вот-вот. – Нат дал знать Фрэнку, что идет, и помахал вокруг. – Заметьте, все это творится прямо у нас под носом. Потому-то местный лес и стал кладезем медикаментов. Природа была настолько изобретательна, что по части уникальных компонентов и составов для химических войн переплюнула наших самых маститых ученых.

Келли слушала с интересом, хотя роль пострадавшей в такой войне ее совсем не устраивала.

Пройдя несколько ярдов, они влились в компанию рейнджеров, окруживших участок леса. Пара солдат держалась поодаль с приборами ночного видения на лице и оружием в руках.

Капрал Йоргенсен стоял навытяжку перед капитаном отряда.

– Еще раз осмелюсь доложить, я отошел по нужде. Де Мартини дежурил у ближайшего дерева.

– А это что?

Ваксман сунул ему под нос сигаретный окурочок.

– Так точно, зажигалку я слышал, но думаю, никуда он не уходил. Когда я застегнулся, его уже не было. Он не говорил насчет того, чтобы пойти к реке.

– Все ваше чертово курево, – проворчал капитан, затем махнул рукой. – Вольно, капрал.

– Есть, сэр!

Тяжело вздохнув, капитан направился к подошедшим, все еще гневно сверкая глазами.

– Осмотрите-ка для меня вот что, – произнес он, окидывая взглядом Ната, Коуве и Манни. Повернувшись, он направил фонарь в сторону площадки с примятой лесной травой. – Тут мы нашли оружие Де Мартини и его окурок, но ни намека на то, где он и что с ним. Капрал Воржек обыскал все вокруг на предмет следов, ведущих отсюда. Их нет. Есть только вытоптаный участок травы, уходящий к реке.

Келли увидела, что неряшливая полоса в самом деле тянулась вплоть до береговой кромки. Камыши в этом месте были смяты и полузатоплены, образуя проход.

– Хотелось бы осмотреть поближе, – вызвался профессор Коуве.

Капитан Ваксман кивнул, передавая фонарь. Нат и Коуве вышли вперед. Манни тоже сделал два шага, но тут ягуар встал на краю участка, утробно рыча и обнюхивая травинки.

Манни взялся за рукоять кнута и стал понукать зверя:

– Вперед, Тор-Тор.

Ягуар заартачился, даже чуть отступил. Коуве оглянулся на них. Он уже стоял на коленях, осматривая что-то у камышей, затем понюхал пальцы.

– Что там? – спросил его Нат.

– Помет каймана. – Он вытер руку о траву и кивнул в сторону рычащего ягуара. – Пожалуй, Тор-Тор со мной согласится.

– В каком смысле? – удивилась Келли.

За профессора ответил Манни.

– Дикая кошка способна определять размер животного по запаху мочи или фекалий. Собственно, в западных штатах даже продают слоновью мочу для отпугивания рысей и пум. Они не осмеливаются подойти к помеченному месту – их нервирует запах такой громадины.

Коуве пробрался сквозь камыши к береговой кромке, бережно выдернул пару сломанных стеблей и жестом подозвал капитана. Келли подошла тоже. Профессор осветил какое-то пятно на скользком берегу. В грязи были отчетливо видны отпечатки когтистых лап.

– Кайман.

Келли уловила странные нотки облегчения в голосе профессора. Они с Натом снова заговорщицки переглянулись.

Выпрямившись, Коуве пояснил:

– Кайманы нередко охотятся вдоль берегов, ловя тапиров и диких свиней, когда те приходят на водопой. Ваш капрал, должно быть, подошел слишком близко к воде и был схвачен.

– Возможно ли, что это тот самый кайман, что напал на капрала Грейвза?

Коуве пожал плечами.

– Черные кайманы довольно смышленные. Раз они поняли, что в наших лодках есть чем поживиться, то могли приплыть следом на звук моторов и залечь здесь до наступления темноты.

– Чтоб ему сдохнуть, ублюдку! – выплюнул Ваксман, сжав кулаки. – Сожрать двоих за день!

Старший сержант Костос выступил вперед. Рослый и темнокожий, он сдержанно отчеканил:

– Сэр, я мог бы вызвать подкрепление. «Хьюи» уже утром привезет сюда парочку наших.

– Давай, – отрезал тот. – А пока мне нужны два патруля в каждой смене – по двое патрульных! Чтобы никто – хоть солдат, хоть гражданский – не смел ходить в одиночку! Никогда! И чтоб всякий раз датчики ставили со стороны реки тоже, не только у леса!

– Есть, сэр.

Капитан повернулся к ним. В его словах не было ни тени тепла, только усталость.

– Благодарю за сотрудничество.

Компания заковыляла обратно. Всю дорогу Келли ощущала пустоту и собственную беспомощность. Еще одного человека не стало... так, сразу. Обходя гнездо огненной лианы, она опасливо на него покосилась. Здесь шла отнюдь не химическая война, а варварская, оголтелая бойня, где сильный пожирал слабого.

Келли почувствовала облегчение, добравшись до лагерных костров с их пламенем, теплом и светом. Огонь действовал умиротворяюще, выхватывая людей – пусть ненадолго – из мрачных объятий джунглей.

Вдруг она поняла, что остальные пристально смотрят на них. Анна Фонг стояла рядом с Ричардом Зейном, а коллега-разведчик Фрэнк, Олин Пастернак, грел руки у огня.

Манни вкратце объяснил, что удалось выяснить. По ходу рассказа Анна закрыла рот ладонью и отвернулась. Зейн покачал головой. Олин был верен себе, бесстрастно уставясь на пламя.

Келли едва замечала, как остальные восприняли новость. Стоя у

костра, она не спускала глаз с Ната и Коуве. Те расположились в стороне, около гамака Ната. Келли искоса наблюдала за ними. Мужчины не сказали друг другу ни слова, но Коуве смотрел вопросительно.

Нат ответил на его немой вопрос, слегка потрянув головой.

Уладив этот сговор без слов, Коуве потянулся за трубкой и отошел чуть подальше, явно нуждаясь в уединении.

Келли отвернулась, оставив профессора в покое, и поймала на себе пристальный взгляд Ната. Она отвела глаза и уставилась в огонь. Ей было неловко и отчего-то страшно. Она сглотнула и закусил губу, вспомнив, как сильные руки удержали ее и спасли. Она опять ощутила его взгляд, жаркий, как солнечный луч, согревающий и бодрящий. Но мало-помалу очарование исчезло.

«Что-то он скрывает?»

Сбор данных

12 августа, 6 часов 20 минут

Лэнгли, штат Виргиния

Лорин О'Брайен опаздывала на работу.

– Джесси! – позвала она, пристраивая апельсин в коробку для завтраков, где уже лежал сэндвич с арахисовым маслом и повидлом. – Спускайся, солнышко! Бегом!

Детский сад находился в двадцати минутах езды, и, чтобы попасть туда, надо было сделать крюк по запруженному автомобилями утреннему Лэнгли.

Она глянула на часы и возвела глаза к потолку.

– Маршалл!

– Уже идем, – ответил голос.

Лорин заглянула за угол. Ее муж спускался с внучкой по лестнице. Джесси оделась, перепутав при этом носки. «Сойдет и так», – пронеслось у Лорин в голове. Она почти забыла, каково быть при детях. Все порядки и графики приходилось менять.

– Я могу отвезти ее в сад, если хочешь, – сказал Маршалл, добравшись до последней ступеньки. – До девяти у меня встреч не назначено.

– Нет, я сама.

– Лорин... – Он подошел и взял ее за подбородок. – Позволь мне помочь.

Она вышла на кухню и хлопнула крышкой коробки для завтраков.

– Ты должен быть у себя в кабинете, и как можно скорее.

Как она ни старалась скрыть волнение в голосе, Маршалл заметил.

– Джесси, не надеть ли тебе свитер?

– Ладно, деда.

Девчушка помчалась мимо входной двери.

Он повернулся к жене.

– У Фрэнка и Келли все просто отлично. Если бы чего-то изменилось, мы узнали бы первыми.

Лорин кивнула, по-прежнему стоя к нему спиной. Она не хотела, чтобы Маршалл увидел ее вот так, с глазами на мокром месте. Вчера вечером до них дошла весть о нападении каймана и гибели первого рейнджера. Другой звонок прозвучал уже после полуночи. По тону мужа

Лорин поняла, что плохие новости на этом не закончились. Звонок в такое позднее время мог значить только одно – с детьми случилось что-то ужасное. Она это чувствовала. Поэтому, когда Маршалл рассказал ей о гибели второго солдата, Лорин малодушно расплакалась. Однако страх уже пустил корни в ее душе – страх, от которого нет избавления. Двое погибших... сколько их будет еще? Остаток ночи она не сомкнула глаз.

– Сейчас к ним должны забросить двух других рейнджеров. Они под надежной охраной, поверь.

Лорин кивнула и шмыгнула носом. Нельзя быть такой глупой. Она ведь сама говорила с детьми вчера ночью – трагедия потрясла их, но не заставила повернуть назад.

– Они ребята крепкие, – добавил Маршалл. – И осторожности им не занимать. Не будут рисковать по пустякам.

Все еще не глядя на мужа, Лорин пробормотала:

– Рисковать? Если они там, это ли не риск?

Маршалл обнял ее сзади за плечи, убрал волосы с шеи и нежно поцеловал.

– Все будет хорошо, – ободряюще шепнул он ей на ухо.

Для своих пятидесяти пяти он был неотразим: темные волосы, чуть тронутые сединой у висков, полные губы, оттеняющие волевою строгостью подбородка. Взгляд его серовато-карих глаз удержал и заморозил ее.

– С Келли и Фрэнком все будет хорошо, – отчеканил он снова. – Слышишь?

Лорин потупилась, но муж не дал ей опустить голову.

– Повтори для меня. Пожалуйста. Мне это тоже нужно.

Она заметила тревожный блеск в его глазах. И хотя слова прозвучали невнятно, одно то, что она сказала их вслух, ободряло.

– У Келли и Фрэнка все будет хорошо.

– Конечно. Это ведь наши дети.

Он улыбнулся ей, и боль в глазах прошла.

– Еще бы.

Она обняла мужа и прижалась к его груди. Потом Маршалл поцеловал ее в лоб и сказал:

– Я отвезу Джесси в сад.

Лорин не стала возражать. Крепко обняв у дверей внучку, она послушно уселась в свой «БМВ». Сорок минут дороги пролетели, как одна. По прибытии Лорин бодро подхватила портфель и направилась ко входу в главный корпус «Инста-ра». Хорошо было снова уткнуться в работу, отвлечься от тяжких раздумий после ночной нервотрепки. Она шла в свое

крыло, навстречу попадались знакомые лица. Сегодня должно поступить заключение иммунологов, и ей не терпелось проверить теорию Келли по поводу изменений в иммунной системе Джеральда Кларка. Сбор предварительных результатов почти ничего не принес. При такой степени злокачественной трансформации тканей было трудно что-либо утверждать.

У дверей кабинета Лорин ждал какой-то человек. Молодой, лет двадцати пяти, бритоголовый, одетый в голубую робу.

– Здравствуйте, доктор О'Брайен, – сказал незнакомец, протягивая руку.

Как глава проекта «Медея» Лорин знала каждого, кто был задействован в исследованиях, но его видела впервые.

– Вы ко мне?

– Меня зовут Хэнк Алвизио.

Имя показалось знакомым. Лорин пожала протянутую руку, судорожно копаясь в памяти.

– Отдел эпидемиологии, – прибавил он, видя ее замешательство.

Лорин кивнула.

– Разумеется. Прошу прощения, доктор Алвизио.

Юноша оказался эпидемиологом из Стэнфорда, знакомым ей лишь по переписке. Его специальностью было изучение путей передачи инфекционных болезней.

– Чем могу помочь?

Он помахал картонной папкой.

– Мне надо вам кое-что показать.

Лорин взглянула на часы.

– Через десять минут у меня встреча в «иммунологии».

– Тем больше поводов это увидеть.

Она отперла дверь кабинета пластиковой карточкой и проводила его внутрь. Включив свет, Лорин прошла к своему столу и предложила доктору Алвизио место напротив.

– Ну, что у вас тут?

– То, над чем я работаю. – Он порылся в бумагах. – Я поднял кое-какие данные, которые могли бы вас заинтересовать.

– Какие данные?

Алвизио поднял голову.

– Я пересматривал медицинские отчеты из Бразилии – на случай, если встретится та же картина заболевания, что и у Джеральда Кларка.

– Пациенты с необъяснимой регенерацией?

Он тонко улыбнулся.

– Нет, конечно. Но я попытался сопоставить эпидемиологические выкладки по раку среди жителей сельвы, особенно в местах кончины Джеральда Кларка. Я подумал, что по частоте онкозаболеваний мы сможем косвенно отследить его путь.

Лорин выпрямилась. Да, идея заманчивая, если не сказать гениальная. Неудивительно, что доктора Алвизио привлекли к работе. Если бы он обнаружил участок, где встречались соответствующие формы рака, это могло бы сузить параметры поиска и, таким образом, сократить время, в течение которого Келли и Фрэнк будут пешком прочесывать джунгли.

– И что же вы нашли?

– Не то, чего ожидал, – ответил он с беспокойством во взгляде. – Я связался со всеми больницами, медпунктами и полевыми госпиталями в той области. Они переслали мне данные за последние десять лет. Все это время я загонял информацию в компьютер, составлял графики.

– Районы с преобладанием таких форм уже выявили? – спросила Лорин с надеждой.

Он покачал головой.

– Ничего общего с опухолями Джеральда Кларка так и не нашли. Похоже, у него исключительный случай.

Лорин постаралась скрыть разочарование, но в ее тоне все-таки появились холодные ноты.

– Тогда что вы мне принесли?

Он вытащил лист бумаги и передал ей. Лорин нацепила узкие лекторские очки. На листе была напечатана карта северо-запада Бразилии. Многочисленные речные русла змейками пересекали карту, сходясь в одном направлении – к Амазонке. Города и поселки выглядели россыпью точек, тяготеющих к берегам рек и каналов. Помимо всего прочего, черно-белую поверхность усеивали маленькие красные крестики. Молодой врач потыкал в них кончиком пера.

– Здесь отмечены лечебные учреждения, откуда я получал данные. Работая с ними, я связался с одним ассистентом из районной больницы в Барселлосе. – Его перо указывало на городок на Амазонке, в двухстах милях выше Манауса. – У них появились проблемы – вспышка вирусной инфекции среди детей и старшего поколения. По слухам, нечто вроде геморрагической лихорадки. Скачки температуры, желтуха, тошнота, стоматит. От этой болезни погибло уже двенадцать детей. Врач из Барселлоса сказал, что никогда не встречал ничего подобного. Он просил помочь, и я согласился.

Лорин нахмурилась, немного досадуя на младшего коллегу. Его наняли

исключительно для этой работы, а не для посторонних дел. Однако она промолчала и дала ему возможность закончить.

– Поскольку я уже наладил контакты в том регионе, мне удалось разослать запросы – не отмечалось ли подобных эпидемий в других пунктах. – Доктор Алвизио вынул еще один лист. На нем была та же самая карта, с реками и красными крестиками. Но здесь некоторые из крестов были обведены синим и помечены датами. – Вот те места, откуда поступили свидетельства о сходных случаях.

Лорин округлила глаза. Так много... По меньшей мере дюжина клиник сигналила о появлении неизвестной болезни.

– Улавливаете связь? – спросил доктор Алвизио.

Лорин вгляделась в карту, затем медленно покачала головой.

Эпидемиолог указал на один из обведенных крестов.

– Я датировал все заявленные случаи. Этот был самым первым. – Он поднял голову и потыкал в место на карте. – Здесь находится миссия Вауаи.

– Там нашли Джеральда Кларка?

Доктор кивнул.

Ей тут же вспомнился первый полевой отчет экспедиции – пожар в миссии Вауаи, учиненный суеверными индейцами. Они всполошились, когда каким-то непостижимым образом заболели деревенские дети.

– Я связался с местными властями, – продолжал доктор Алвизио. Он потыкал ручкой вдоль линии синих кружков с крестиками. – Тело Кларка везли на паровом катере с остановками в каждом из этих пунктов. – Эпидемиолог переходил от одного приречного городка к другому. – Всюду, где провозили тело, вспыхивала эпидемия.

– Боже мой, – ахнула Лорин. – Вы решили, что переносчик – тело?

– Только сначала. Я учитывал и такую возможность. Распространению инфекции из Вауаи могли поспособствовать самые разные организмы. Так как река – основной путь сообщения в регионе, резонно предположить, что возбудитель, кем бы он ни был, отправился тем же путем. Однако общность маршрута еще не доказывала, что именно тело явилось источником патогена.

Лорин облегченно вздохнула.

– Тело им быть не могло. Моя дочь наблюдала за передачей останков перед вывозом из Бразилии. Их предварительно обследовали на наличие самых разнообразных возбудителей – холеры, желтой лихорадки, денге, малярии, тифа, туберкулеза. Здесь нас упрекнуть не в чем. Проверяли по всем патогенам, какие только существуют. Так вот, тело оказалось

«ЧИСТЫМ».

– Боюсь, что нет, – тихо возразил доктор Алвизио.

– С чего вы взяли?

– Это я получил сегодня утром. – Алвизио вытащил из папки последний лист. На нем был отчет из Майами. – Тело Кларка прошло таможенный осмотр в аэропорту Майами. После этого у троих местных детей обнаружили симптомы заболевания. Все они – дети сотрудников аэропорта.

Лорин опустилась на стул, оглушенная страшной новостью, прозвучавшей из уст молодого врача.

– Тогда, чем бы это ни было, оно здесь. Мы привезли его сюда. Вы ведь об этом?

Она взглянула на доктора Алвизио.

Он кивнул.

– Насколько заразна болезнь и насколько опасна?

Алвизио внезапно забубнил себе под нос:

– Трудно утверждать наверняка...

Лорин хорошо понимала, что молодой доктор, коль скоро он здесь оказался, был одним из ведущих специалистов в своей области.

– Каково предварительное заключение? У вас ведь такое имеется?

Он явно стушевался.

– Исходя из первичного анализа трансмиссивности и длительности инкубационного периода, эта дрянь стократ заразнее простой ангины и... и едва не опаснее эболы.

Лорин почувствовала, как бледнеет от ужаса.

– А процент смертности?

Доктор Алвизио опустил взгляд и покачал головой.

– Хэнк?

Ее голос сел от волнения.

Он поднял глаза.

– До сих пор из больных не выжил никто.

* * *

12 августа, 6 часов 22 минуты

Джунгли Амазонии

Луи Фавре стоял на краю лагеря, любуясь рекой в свете зари. То был

миг затишья после длинной ночи. Похитить капрала из-под носа у всего вражеского лагеря оказалось делом нелегким, требующим многочасовой подготовки. И как всегда, его команда потрудились на славу.

По прошествии четырех дней слежка за американцами свелась к обычной рутине. Каждую ночь связной прокрадывался дальше, опережая команду соперников. В чаще леса он занимал позиции для наблюдения – устраивался в густой кроне самых высоких деревьев, которые возвышались над пологом. В периоды слежки он поддерживал радиосвязь с командой наемников. Днем вереница каноэ, вмещающая Луи и его громил, тащилась в десяти километрах позади остальных. Лишь ночью им удавалось подобраться ближе.

Луи развернулся и пошел прочь от реки, углубляясь в лесную чащу. Спрятанный среди деревьев, лагерь оставался невидимым, пока не наткнешься на него вплотную. Фавре озирал окрестности, а сорок его подручных собирались в дорогу. Компания подобралась пестрая – бронзоволицые отщепенцы из разных индейских племен, черные суринамские верзилы, смуглые колумбийцы из наркобизнеса. И все же нашлась общая черта, объединявшая эту разномастную братию: каждого так или иначе закалили джунгли, пометив и сделав пешками в своей беспощадной игре.

Винтовки и ружья, обернутые в парусину, как водится, соседствовали с лежанками хозяев. Арсенал был не менее многоликим, чем сама команда: немецкие МП-5 фирмы Хеклера и Коха, чешские «скорпионы», пистолеты-автоматы «ингрэм», израильские «узи» и даже древние английские «стэны». Каждый выбирал по себе. Луи остановился на компактных мини-«узи». Они обладали всеми достоинствами полноразмерных собратьев, только были четырнадцать дюймов длиной. Фавре оценил их выигрышный дизайн – емкий и смертоносный, как и он сам.

Не удовлетворившись этим, несколько людей занимались заточкой мачете. Скрежет стали о камень смешивался с криками пробуждающихся пернатых и обезьяньим ревом. В рукопашном бою остро отточенный нож мог быть куда эффективнее ружья.

Пока Луи оглядывал лагерь, подошел его старший помощник, высокий туземец из суринамских марунов по имени Жак. Когда ему стукнуло тринадцать, он изнасиловал девочку из соседнего племени, за что и был изгнан родными в джунгли. О том походе юности ему по сей день напоминал жуткий шрам – вырванная пираньей ноздря. Он учтиво склонил голову.

– Доктор.

– Да, Жак?

– Госпожа Тшуи просила передать, что у нее все готово.

Луи вздохнул. Наконец-то. Пленник проявил невиданное упорство.

Порывшись в кармане, он вытащил армейские жетоны и побренчал ими в кулаке, затем отправился к обособленной палатке у границы лагеря. Обычно эту палатку защитной раскраски Луи делил с ней, но не сегодня. От самого заката Тшуи привечала в ней нового гостя.

Фавре обозначил себя:

– Тшуи, дорогая, наш визитер созрел для общения?

Он отодвинул завесу и, согнувшись, протиснулся внутрь.

В палатке стоял нестерпимый жар. В углу горела небольшая жаровня. Его подруга нагишом стояла на коленях перед лагерьной печуркой, сжигая связку сушеных листьев. Клубы пахучего дыма поднимались вверх. Она поднялась на ноги; кожу кофейного цвета покрывала испарина.

Луи глядел на нее, упиваясь картиной. Ему не терпелось взять ее здесь и сейчас, но он совладал с собой. Этим утром их было трое.

Он перевел взгляд на голого мужчину, раскинувшего руки на земляном полу. Единственным предметом на нем был шаровой кляп. Фавре отвернулся, чтобы не видеть кровавого месива, в которое превратилось тело капрала.

Держа в руке жетоны, он подошел к складному шезлонгу и уселся, а затем на ломаном английском прочитал имя, что значилось на одной из пластинок.

– Капрал Джеймс Де Мартини. – Он поднял глаза. – Надежный источник сообщил мне, что вы готовы сотрудничать с нами.

Человек застонал, у него из глаз потекли слезы.

– Стало быть, да?

Избитый и истерзанный десантник кивнул, морщась от боли. Луи задержал на нем взгляд.

«Интересно, что хуже, – думал он, – выносить пытки или наконец расколоться?»

С усталым зевком Фавре вытащил кляп. Им нужны сведения. Прожитые годы научили его, что исход дела, будь то победа или поражение, часто зависел от внимания к мелочам. У него скопились тонны информации по команде конкурентов – не только той, что прислал «Сен-Савен», но и вовремя добытой из самого ближнего круга.

Однако кое-чего по-прежнему не хватало.

Похищение молодого капрала он устроил для того, чтобы устранить досадные пробелы в сведениях о десантной группе соперника, как-то:

огневой мощи, кодах радиосвязи, сроках и графиках передвижения. Кроме того, у военных всегда находились свои негласные цели, свои приказы, не предназначенные для посторонних ушей.

Наконец, все это было затеяно как испытание, небольшая проверка своих боевых качеств.

Рейд прошел без сучка без задоринки. Летучий отряд, экипированный приборами ночного видения, пришел по реке. При первой же возможности они парализовали рейнджера специальным дротиком с кураре, изготовленным Тшуи. Потом замели следы, устроив на берегу фальшивую тропу с отпечатками и пометом каймана. Подруга поддерживала в пленном жизнь, применяя дыхание рот в рот всю дорогу до лагеря, где его оживили с помощью особого противоядия.

Но истинные таланты Тшуи раскрылись этой долгой ночью. Ее искусство пытки не знало себе равных. Боль и удовольствие, применяемые ею, чередовались в каком-то странном гипнотическом ритме, пока пленник не терял самоконтроль.

– Умоляю, убейте, – хрипло стонал он, пуская кровавые пузыри.

– Непременно, мон ами... только сперва ты ответишь на пару вопросов.

Луи подался в сторону, пропуская вперед Тшуи, которая кружила возле капрала, помахивая дымящейся связкой листьев. Он заметил, как сломленный солдат отпрянул от женщины, с ужасом следя за каждым ее шагом. Фавре счел это зрелище более чем возбуждающим, вместе с тем стараясь не отвлекаться.

– Начнем с пары цифр.

В последующие несколько минут он выудил коды и расписания армейского подразделения. Ему не пришлось их записывать – все числа он держал в голове. С этими сведениями прослушать переговоры противника будет проще простого.

Потом он занялся особенностями вооружения десантников: количеством и типом оружия, уровнем подготовки, слабостями, средствами воздушной доставки.

Пленник оказался на редкость разговорчивым. Он бормотал непрерывно, подчас выдавая информацию с избытком:

– У старшего сержанта Костоса в рюкзаке припрятано виски... две бутылки. А в лодке капитана Ваксмана есть короб с упаковкой... напалмовых мини-бомб... а у капрала Конджера – номер «Пентхауза»...

Луи так и подскочил.

– Погодите-ка, мсье. Вернемтесь к капитану. Вы сказали, бомбы?

– Мини-бомбы... ровно дюжина...
– Для чего?
Капрал, должно быть, смутился.
– Джеймс, – подстегнул Фавре.
– Я... я не знаю. Думаю, на случай, если понадобится зачистить какой-то участок джунглей. Или взорвать что-нибудь, что попадет на пути.
– Каков радиус действия такой бомбы?
– Не... – Он всхлипнул, подавляя слезы. – Не могу сказать точно... может, акр... Не знаю.

Фавре оперся локтями о колени.

– Ты мне не врешь, а, Джеймс?

Он поманил пальцем Тшуи. Та слушала их, пока ей не наскучило, а затем уселась на полу, скрестив ноги, и принялась раскладывать новый набор инструментов. По знаку Фавре она оторвалась от своего занятия и, подобно лесной кошке, подползла к безоружному солдату.

– Нет! – вскричал тот, подвывая от страха. – Нет, я уже все рассказал!

Луи откинулся на спинку стула.

– Думаешь, я тебе верю?

– Прошу вас...

– Так и быть. – Он встал и обернулся к любовнице. – Мы закончили, ма шер. Теперь он твой.

Она плавно поднялась на ноги, подставляя щеку для поцелуя. Фавре направился к выходу.

– Не надо, – умоляюще простонал лежащий.

– Не тяни с ним, – походя бросил Фавре. – Уже почти рассвело, скоро отправляемся.

Тшуи улыбнулась, исполненная тайных страстей. Выходя за порог, он видел, как она нагнулась и достала из комплекта орудий костяную иглу с нитью. В последнее время она испытывала новый подход в изготовлении экспонатов для коллекции тсантсы. Теперь ей нравилось зашивать жертвам веки, пока те были еще живы. «Наверное, чтобы лучше передать суть», – подумалось ему. Шуарские шаманы уделяли глазам особое внимание, считая их вратами души.

Позади него раздался пронзительный вопль.

– Тшуи, не забудь кляп, – проворчал Фавре.

Потом он обернулся, что оказалось совсем некстати.

Тшуи сидела над самым лицом капрала Джеймса, зажав его голову между ног и придавив извивающееся тело к земле, орудуя иглой с нитью. Фавре удивленно поднял бровь. Похоже, что Тшуи решила пойти еще

дальше.

– Пардон, ма шерс, – произнес он, выходя из палатки.

Его замечание оказалось несправедливым. Кляп и впрямь не понадобится. Губы капрала были защищены наглухо.

Действие третье

Естественный отбор

БРАЗИЛЬСКИЙ ОРЕХ

Семейство: Lecythidaceae / Лецитисовые.

Род: Bertholletia / Бертоллетия.

Вид: excelsa.

Народные названия: бразильский орех, кремовый орех, Castanheiro do Para, Para-Nut, Castana-de-Para, Castana-de-Brazil.

Лечебные части: плоды, масло семян.

Фармакологические свойства: пищевое, смягчающее, антиоксидантное, инсектицидное.

Деревня

13 августа, полдень

Джунгли Амазонии

Насупившись, Нат взял фал и закрепил его на мангровом дереве.

– Осторожно, – предупредил он пассажиров лодки. – Здесь трясина. Смотрите под ноги.

Он помог Келли перебраться за борт и встать на самый твердый участок берега, сам по колено в грязи и промокший везде, где только возможно.

Подняв голову, он подставил лицо мелкой мороси, опускающейся из затянутого тучами неба. Ночью разразилась гроза – сплошным каскадом воды, который за последний час расплылся плотной воздушно-водяной взвесью. Путешествие проходило безрадостно. Все утро по очереди откачивали воду из лодок. Нат здорово обрадовался, когда капитан устроил обеденный привал. После того как все с его помощью выбрались из лодок, он вскарабкался по скользкому берегу на твердую землю. Повсюду вокруг лес ронял слезы – они капали, сочились, сбегали струями с листьев высоко над головой. Профессора Коуве, казалось, ненастье не беспокоило. Наскоро соорудив куль из пальмовых листьев, он направился в лес на поиски съестного, сопровождаемый мокрым как мышь капралом Йоргенсенем. Судя по кислому выражению лица рослого шведа, прогулка его отнюдь не привлекала. Но капитан Ваксман настоял, чтобы никто, даже бывалый Коуве, не расхаживал по лесу в одиночку.

В лагере по-прежнему царило уныние. Вчера к ним дошла весть о том, что с телом Джеральда Кларка, возможно, «путешествовал» возбудитель неизвестной заразы. Майами и окрестности института, где изучали останки, объявили карантинными зонами. Бразильское правительство также поставило в известность, после чего по всей Амазонии были организованы карантинные центры. Пока болезни подвергались только дети, старики и некоторые взрослые с крайне ослабленным иммунитетом. Здоровые люди проявляли устойчивость. Однако многое все еще оставалось загадкой – природа возбудителя, схемы передачи, лечебные протоколы.

Для решения этих вопросов в институте «Инстар» оборудовали герметичный бокс.

Нат посмотрел на Фрэнка и Келли. Фрэнк обнял сестру за плечи – она все еще была очень бледна. Всю их семью, включая дочь Келли, вместе с семьями других сотрудников изолировали внутри института. Симптомов болезни пока ни у кого не нашли, но на лице Келли читалась тревога.

Нат отвернулся, оставив их наедине, и продолжил путь.

Единственным отрадным обстоятельством было то, что за последние сорок восемь часов никто из членов команды не пал жертвой джунглей. После утраты капрала Де Мартини два дня назад каждый держал ухо востро, памятуя о предупреждениях Ната и Коуве насчет опасностей леса, отдавая дань опыту жителей здешних мест.

Теперь, выходя на берег из лодки или после купания, они проверяли отмели на предмет зарывшихся в ил сомов и электрических угрей. Коуве учил, как избежать встречи со скорпионами или змеей. Никто больше не надевал по утрам ботинки, не вытрясши их как следует.

Нат патрулировал лагерь, кружа по периметру в поиске прочих опасностей – огненных лиан, муравейников, змеиных гнезд. Это становилось привычным делом.

Он заметил двух новых участников, прибывших заменить пропавших товарищей. Те собирали дрова. Оба были первогодками-рядовыми, только что откомиссованными рейнджерами: бронебойного вида гигант с сильным бронкским акцентом, а с ним, что удивительно, женщина – один из первых рейнджеров в юбке. Ее звали Мария Каррера. Лишь недавно, всего полгода назад, в особые войска начали зачислять девушек, после принятия в конгрессе поправки к списку десяти ограничений. Но и теперь новые рекрутши не имели права выходить на передовую и обычно направлялись на задания вроде этого.

Предыдущим утром новички прилетели с перевалочной базы из Вауаи, спустившись по канатам из зависшего над лагерем «Хьюи». Вслед за ними отправились баки с горючим и дополнительными припасами.

То был последний заброс – больше их не предвиделось.

С этого утра команда выйдет из зоны досягаемости грузовых вертолетов, то есть лишится воздушной поддержки. По правде говоря, даже сегодня они пролетели немногим меньше четырехсот миль. Единственной машиной, способной добраться до них даже сейчас, был маленький черный «Команч». Но и тот можно было использовать только в экстренных случаях, вроде эвакуации раненого участника или при необходимости нанесения воздушного удара. Отныне они предоставлены сами себе.

Закончив проверку, Нат вернулся в центр лагеря. Капрал Конджер сгорбился над кучей веточек, выстроенных шалашиком, и пытался спичкой

поджечь сухие листья внутри, однако упавшая капля моментально все погасила. Техасец ругнулся и с отвращением выбросил спичку.

– Все отсырело начисто. Возьму химсредство – оно-то должно загореться!

– Отставить, – бросил капитан Ваксман, стоявший чуть дальше. – Встанем и пообедаем так, без огня.

Манни простонал неподалеку – он вымок до нитки. Единственный член команды, которому досталось еще больше, был Тор-Тор. Ягуар понуро топтался рядом с хозяином. Уши его поникли, со шкуры капало. Нет жальче зрелища, чем мокрая кошка, даже двухсотфутровая.

– Пожалуй, я могу помочь, – подал голос Нат.

Все взгляды устремились на него.

– Есть одна старая индейская хитрость...

Он отошел в лес, разыскивая особенное дерево, которое заметил еще во время обхода. Манни и капитан Ваксман потянулись за ним. Нат быстро нашел высокий ствол с характерной бороздчатой серой корой и, вытащив мачете, пробуравил кору. Из раны стала сочиться густая ржаво-бурая смола. Он обмакнул в нее палец и поднес к носу Ваксмана.

Капитан понюхал.

– Пахнет скипидаром.

Нат похлопал по стволу.

– Это называется копал, от ацтекского слова копалли, что значит «смола». В лесах Центральной и Южной Америк виды этого семейства встречаются повсеместно. Смолу используют для самых разных целей – лечения ран, избавления от поноса, борьбы с простудными явлениями. Ее даже научились применять в современной стоматологии.

– Стоматологии? – переспросил Манни.

Нат воздел липкий палец.

– Если тебе когда-нибудь ставили пломбу, считай, до сих пор держишь ее во рту.

– А нам-то что со всего этого? – спросил Ваксман.

Нат встал на колени и пошарил среди прелых листьев у корней дерева.

– Копал богат углеводородами. Собственно, его даже исследовали в качестве возможного источника горючего. Самый обычный двигатель будет работать на нем лучше и дольше, чем на бензине. – Тут Нат нашел, что искал. – А индейцы знали о его свойствах еще задолго до нас.

Он встал и протянул застывший ком размером с кулак, затем насадил его, словно гриб, на тонкий деревянный колышек.

– Можно спичку?

Капитан Ваксман вытащил одну спичку из водонепроницаемого пенала.

Нат чиркнул ею по коре и поднес пламя к верхушке смоляного комка. Тот моментально вспыхнул ярким голубым пламенем. Нат выставил факел перед собой и зашагал к потухшему кострищу.

– Индейские охотники веками пользовались этим веществом для разведения костров в непогоду. Горит часами, служит растопкой для слегка влажных дров.

Остальные зачарованно уставились на пламя. Фрэнк и Келли подошли в тот момент, когда Нат пристраивал пылающий ком среди листьев и веточек. Очень скоро дрова занялись, поднялось яркое пламя.

– Здорово придумал, – похвалил Фрэнк, грея руки у огня.

Обернувшись, Нат увидел, что Келли смотрит на него со слабой улыбкой. Впервые за последние сутки она улыбнулась.

– Я тут ни при чем, – пробормотал Нат, откашлявшись. – Скажите спасибо индейцам.

– Быть может, скоро мы так и сделаем, – неожиданно вставил Коуве из-за спины.

Все повернулись.

Им навстречу спешили профессор и капрал Йоргенсен.

– Мы нашли деревню, – объявил взволнованный Йоргенсен, указав в направлении, откуда они только что пришли. – Всего в четверти мили отсюда. Она заброшена.

– Или кажется таковой, – вставил Коуве, многозначительно глядя на Ната.

Нат задумался. Те ли это индейцы, что тайно следят за ними? В его душе затеплилась надежда. Все время, пока шли дожди, он волновался, что след Джеральда Кларка попросту смоем водой. Сегодняшняя гроза лишь предвещала наступление амазонского сезона дождей. Времени оставалось все меньше. Зато теперь...

– Деревней займемся немедленно, – сказал капитан Ваксман. – Только сначала я должен отобрать троих, чтобы все там разведать.

Коуве поднял руку.

– Было бы лучше, если бы мы действовали менее агрессивно. Индейцы и так уже знают о нашем присутствии. Полагаю, именно поэтому они покинули деревню.

Капитан приготовился возразить, но Фрэнк жестом остановил его.

– Что вы предлагаете?

Коуве кивнул в сторону Ната.

– Давайте сначала мы сходим... вдвоем.

– Ни в коем случае! – взорвался Ваксман. – Без охраны я вас не пущу. Фрэнк снял шапочку с эмблемой «Ред сокс» и вытер лоб.

– Думаю, нам стоит послушать профессора. Если мы ввалимся вооруженными до зубов, это только отпугнет индейцев, а нам требуется их содействие. Хотя мне, как и капитану, не нравится отпускать вас одних.

– Тогда втроем, – отозвался Нат. – Только пусть наш охранник держит ружье за спиной. Даже в обособленном племени хорошо знают, что это такое.

– Мне бы тоже хотелось пойти, – вставила Анна Фонг. Ее черные волосы липли к лицу и плечам. – С женщиной отряд будет выглядеть менее враждебно. Налетчики обычно не берут с собой женщин.

– Доктор Фонг права, – кивнул Нат.

Капитан Ваксман поморщился. Он явно был не расположен отправлять кучку гражданских в неизвестное стойбище.

– Тогда должна пойти я.

Все взгляды обратились на рядовую Карреру, новую десантницу. Темнокожая девушка-латино с короткими темными волосами поражала своей красотой. Она повернулась к капитану.

– Раз женщины считаются менее воинственными, я лучше всех подхожу для задания, сэр.

Ваксман нехотя согласился.

– Отлично. Я принимаю предложение профессора Коуве на условии, что остальные силы будут находиться в радиусе сотни ярдов от их местоположения. И еще мне нужна постоянная радиосвязь.

Фрэнк посмотрел на Ната и Коуве. Те кивнули.

– Стало быть, вперед.

Келли следила за разделением лагеря. Нат, Коуве, Анна Фонг и рядовая Каррера уже вывели моторку на стремнину, а капитан Ваксман отобрал троих рейнджеров и повел их ко второй «калоше». Они будут грести в сотне ярдов позади первой лодки, держась на безопасном, но достаточном для быстрого удара расстоянии. Вдобавок еще трое отправятся следом по суше во главе с капралом Йоргенсенем. Их отряд займет позицию рядом с деревней. Готовясь к миссии, они раскрасили лица в лесной камуфляж.

Манни попытался примкнуть к уходящей группе, однако Ваксман его осадил.

– Прочие гражданские ждут здесь!

После такого решения Келли оставалось лишь смотреть, как другие собираются в путь. Двое десантников – новоприбывший Эдди Джонс и

капрал Том Грейвз – получили приказ охранять лагерь. Когда отряды ушли своим чередом, Келли услышала, как Джонс буркнул капралу Грейвзу на ухо:

– Не помню, чтобы мы нанимались пасти чертовых овец.

Капрал не ответил, неподвижно глядя сквозь морось, видимо, все еще горюя по брату Родни.

Оставшись одна, Келли пошла туда, где стоял Фрэнк. Формально командующий операцией, он свободно мог оговорить себе место в одной из групп прикрытия, но предпочел дождаться их в лагере. Келли понимала, что вовсе не страх, а тревога за сестру держала его на месте.

– Олин поймал канал связи со спутником, – произнес Фрэнк, беря Келли под руку. – Можем дозвониться домой, как только захочешь.

Она кивнула. Недалеко от костра, под брезентовым пологом, скорчился Олин перед ноутбуком и спутниковой тарелкой. Он деловито стучал по клавишам, напряженно хмурия лоб. Ричард Зейн стоял рядом, наблюдая за его работой.

Наконец Олин поднял голову.

– Готово, – произнес он.

Келли уловила легкий русский акцент, почти незаметный для тех, кто слышал его впервые. Олин попал к ним из КГБ, где когда-то, еще до развала коммунистического строя, работал в отделе компьютерного слежения. Он попросил у США политического убежища всего за месяц перед падением Берлинской стены, а техническое образование и знание русскоязычных программ помогли ему устроиться на какую-то третьестепенную должность при Управлении науки и технологии ЦРУ.

Фрэнк усадил Келли в складное кресло за монитором ноутбука. С тех пор как узнали об инфекции, она настояла на проведении двух конференций ежедневно, оправдывая это тем, что обе стороны должны получать самую свежую информацию. На самом деле она просто хотела знать, все ли в порядке в семье. Отец, мать, дочь Джесси – все находились в эпицентре событий.

Келли уселась, искоса поглядывая на Олина. При нем ей всегда становилось не по себе. Быть может, потому, что он работал на КГБ, в то время как отец на ее памяти всегда служил в ЦРУ. А может, всему виной был шрам, что бечевкой тянулся по его горлу от уха до уха. Олина представили им как безобидного русского хакера. Но если так, откуда у него взялся этот жуткий шрам?

Олин показал на экран:

– Через тридцать секунд нас подключат.

Келли смотрела на маленький экранный таймер, отсчитывающий мгновения перед встречей. Когда время вышло, на экране появилось отцовское лицо. Одет он был обыкновенно, галстук ослаблен, без пиджака.

– Ты похожа на мокрую крысу, – прозвучало с экрана.

Слабо улыбнувшись, Келли провела рукой по волосам.

– Сезон дождей начинается.

– Оно и видно, – усмехнулся отец. – Как там дела?

Фрэнк подался вперед, чтобы попасть в фокус. Он вкратце пересказал, что удалось обнаружить. Пока он говорил, Келли прислушалась к гулкому визгу Натовой моторки. Водяная гладь и нависшие над ней заросли вытворяли фокусы с акустикой. Казалось, лодка все еще близко, но потом звук неожиданно прервался. Должно быть, они добрались до деревни.

– Приглядывай за сестрой, Фрэнк, – напутствовал отец.

– Обязательно.

Теперь настала очередь Келли.

– Как мама и Джесси? – спросила она, держа кулаки под мышками.

Отец ободряюще улыбнулся.

– Просто отлично, как и все мы. Весь институт. У нас пока не обнаружили ни одного случая. Угрозу заражения свели к минимуму, а в западном крыле института устроили семейное общежитие. Кругом столько сотрудников «Медеи», что круглосуточная помощь нам обеспечена.

– Как Джесси все это переносит?

– Как шестилетка, – пожал плечами отец. – Сначала немного боялась переезжать. Теперь освоилась, скачет вовсю с детьми других сотрудников. Впрочем, почему бы тебе не спросить у нее?

Келли села ровнее; на экране появилось лицо дочери, машущей ладошкой.

– Привет, мам!

На глаза навернулись слезы.

– Привет, милая. Тебе там весело?

Дочка с живостью закивала, забираясь деду на колени.

– Мы ели шоколадный торт, а еще я каталась на пони!

Отец, посмеиваясь, добавил поверх внучкиной головы:

– Здесь неподалеку небольшая ферма – тоже попала в карантинную зону. Вот они и привели с собой пони, чтобы детвора не скучала.

– Здорово. Жаль, меня с вами не было.

Джесси заерзала на месте.

– А знаешь еще что? К нам придет клоун и будет делать из шариков разных зверей.

– Клоун?

Отец шепнул в сторону.

– Доктор Эмори из гистопатологии. Чертовски талантливый малый.

– Я его попрошу, и он сделает мне обезьянку, – сказала Джесси.

Келли смотрела на лица родных, позабыв обо всем.

После недолгой беседы на тему клоунов и пони Джесси спустились с колен.

– Миссис Грамерси вот-вот проводит тебя на занятия.

Джесси надулась, но сопротивляться не стала.

– Пока, милая! – крикнула Келли на прощание. – Я тебя люблю!

Дочка снова замахала всей рукой.

– Пока, мам! Пока, дядя Фрэнки!

Келли еле сдержалась, чтобы не прислониться к экрану.

Джесси ушла, и лицо деда заметно помрачнело.

– Есть новости похуже.

– Что?!

– Поэтому мать не пришла. Пока мы ухитряемся контролировать ситуацию, эпидемия во Флориде разгорается. За ночь в клиниках Майами замечено еще шесть случаев, а в окружных больницах – вдвое больше. Зону карантина расширили, но мы не уверены, что успели оградить от инфекции остальные районы. Наша мать и другие по всей стране отслеживают новые сообщения.

– Боже мой, – выдохнула Келли.

– За прошедшие двенадцать часов число случаев возросло до двадцати двух с восемью летальными исходами. По прогнозам лучших эпидемиологов, через каждые полдня цифры будут удваиваться. Собственно в Амазонии волна смертей докатилась до полутысячной отметки.

Келли принялась подсчитывать, бледнея с каждой секундой Фрэнк крепко сжал ее руку. Всего несколько дней – и США число случаев возрастет до десятков тысяч.

– Президент только что подписал приказ о мобилизации Национальной Гвардии во Флориде. По официальной версии, мы имеем дело со вспышкой южноамериканской, весьма опасной формы гриппа. Все, что касается его проникновения в Штаты, держат в секрете.

Келли отстранилась от экрана, словно так было спокойнее.

– Врачебный протокол уже приняли?

– Не совсем. Антибиотики и противовирусные, похоже, бессильны. Все, что мы можем предложить, это симптоматический уход –

внутривенные вливания, жаропонижающие препараты, болеутоляющие. Пока мы не знаем причины, борьба идет с отставанием. – Отец наклонился к экрану. – Вот почему ваша работа решает все. Если вы выясните, что случилось с агентом Кларком, то сможете раскрыть тайну и этой болезни.

Келли кивнула.

Фрэнк ответил севшим до хрипоты голосом:

– Сделаем все, что в наших силах.

– Тогда я, пожалуй, пойду и не буду вас отрывать.

Сдержанно попрощавшись, отец отключил связь.

Келли посмотрела на брата. Она увидела, что по одну сторону от него стоит Манни, а по другую – Ричард Зейн.

– Что мы наделали! – сокрушался Манни. – Может, стоило послушать того шамана из Ваувай – сжечь тело Кларка после смерти...

Зейн покачал головой и промямлил:

– Это не помогло бы. Болезнь так или иначе вырвалась бы из леса. Как СПИД и все остальное.

– О чем вы? – спросила Келли, повернувшись на сиденье.

– СПИД появился тогда, когда в джунглях Африки проложили скоростное шоссе. Мы потревожили древние экосистемы, сами не зная, во что ввязались.

Келли отодвинула кресло.

– Значит, нам и предстоит остановить это. Джунгли породили СПИД, но они же и дали лучшие лекарства против него. Семьдесят процентов препаратов против СПИДа получено из тропических растений. Раз новая чума появилась из джунглей, почему бы лекарству не найтись там же?

– Надо еще суметь отыскать его, – поправил Зейн.

Сидящий в стороне ягуар неожиданно зарычал. Он обернулся и затих, наострив уши и вглядываясь в лежащие позади джунгли.

– Что с ним такое? – спросил Зейн, чуть попятившись.

Манни пошарил взглядом в полумраке дождевого леса, а Тор-Тор тем временем издал низкий предупредительный рык.

– Он поймал запах... Что-то там есть.

* * *

Нат шел по узкой тропе по направлению к маленькой индейской деревне, состоявшей из одной круглой галереи, посередине открытой

солнечным лучам. Приближаясь к постройке, он не услышал обычных для шабано звуков. Ни перебранок хойа, ни женских воплей за дележкой бананов, ни детского смеха. Стояла неестественная, зловещая тишина.

– Без сомнения, строили яномамо, – шепнул он Коуве и Анне Фонг. – Хотя размеры маловаты. Рассчитано не больше чем на тридцать жителей.

Рядовая Каррера шагала позади, держа винтовку дулом вниз, и еле слышно бормотала что-то в рацию.

Анна во все глаза смотрела на шабано.

Нат успел одернуть ее на пути сквозь небольшую дверь галереи, ведущую в самую деревню.

– Вам доводилось бывать среди яномамо?

Анна покачала головой.

Нат прикрыл рот ладонями.

– Клок, клок, клок! – прокричал он. Потом, уже тише, пояснил для нее: – Какой бы заброшенной ни казалась деревня, никогда не приближайтесь к яномамо без предупреждения. Это верный способ получить стрелу в спину. Они привыкли сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы.

– А что, нормальная тактика, – пробормотала Каррера позади.

После того как они целую минуту простояли у входа, Коуве произнес:

– Нет здесь никого. – Он показал за спину. – Ни каноэ у реки, ни сетей, ни рыболовных снастей, ни воплей переполоха у эбисов.

– Эбисов? – переспросила десантница.

– Серокрылых трубачей, – разъяснил Нат. – На вид вроде уродливых кур. Индейцы используют их как пернатых дворняжек. Они всегда поднимают галдеж при чьем-нибудь приближении.

Рейнджер кивнула.

– Значит, без кур нет и индейцев. – Она медленно обернулась, изучая окружающий лес, постоянно начеку. – Дайте мне пойти первой.

С оружием на изготовку она остановилась у ближнего входа, затем согнулась и нырнула головой под полог. Секунду спустя девушка проскользнула за бамбуковый косяк, стараясь держаться вдоль стены из банановых листьев, и крикнула остальным:

– Все чисто, но старайтесь не отставать.

Каррера направилась к центру круглой постройки. Винтовка, как посоветовал Нат, висела вниз дулом. Среди яномамо заряженный лук со стрелой, нацеленной на соплеменника, считался призывом к войне. Нат не знал, насколько жители деревни знакомы с современным оружием, но на всякий случай решил не рисковать.

Он, Коуве и Анна вошли внутрь шабано. По периметру располагались ячейки, принадлежащие отдельным семьям, разделенные между собой завесами из табачных листьев, сосудами из тыкв-горлянок и корзинами. С потолочных балок свешивались опустевшие плетеные гамаки. Пара каменных чаш валялись в центральном проеме. На земле виднелись пятна рассыпанного крахмала из маниоки.

Какая-то цветная вспышка заставила их вздрогнуть – оказалось, промелькнувший мимо попугай, вспорхнувший с кучи побуревших бананов.

– Не нравится мне это, – буркнул Коуве.

Нат понял, что он имеет в виду, и кивнул.

– Почему? – спросила Каррера.

– Когда яномамо переходят с места на место, они обычно сжигают свои старые шабано или, по крайней мере, забирают все мало-мальски пригодное. – Коуве повел рукой вокруг. – Взгляните на эти корзины, гамаки, украшения из перьев... Они бы их не бросили.

– Что нее вынудило их уйти в такой спешке? – спросила Анна.

Коуве медленно покачал головой.

– Что-то такое, чего они испугались.

– Может, мы? – Анна огляделась. – Думаете, они догадывались о нашем приходе?

– Если здесь были индейцы, уверен, они не просто догадывались – они знали. Индейцы глаз не спускают со своего леса. Но я не думаю, что они бежали из-за нас.

– Почему? – спросил Нат.

Коуве ступил за порог одной из ячеек.

– Очаг давно остыл. – Он ткнул кучу бананов, на которой кормился попугай. – Наполовину сгнили. Яномамо так едой не разбрасываются.

Нат понял.

– По-вашему, деревню оставили задолго до нашего прихода?

– С неделю назад, осмелюсь предположить.

– А куда они пошли? – спросила Анна.

Коуве замер на месте, а потом медленно повернулся.

– Трудно сказать. Впрочем, есть кое-что, что может оказаться немаловажным.

Он глянул на Ната – проверить, заметил ли он.

Нат, насупившись, оглядел брошенные пожитки. И тут его осенило.

– Оружия нет.

Среди оставленной утвари не было ни единой стрелы, лука, дубины

или мачете.

– Что бы ни обратило их в бегство, – заговорил Коуве, – они прежде всего спасали свои жизни.

Рядовая Каррера придвинулась ближе.

– Если вы правы и это место давно опустело, мне нужно связаться с отрядом.

Коуве согласился. Она отошла в сторону, бормоча что-то по рации.

Коуве беззвучно поманил Ната в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз. Анна занималась изучением жилых ячеек, роясь в забытых вещах.

Коуве прошептал:

– Эти яномамо не могли за нами следить.

– Тогда кто?

– Какая-то посторонняя группа... Даже не знаю, индейцы ли. Думаю, пришло время уведомить Фрэнка и капитана.

– Думаете, то, что вспугнуло индейцев, теперь у нас на хвосте?

– Не уверен, но если страх перед ним смог прогнать яномамо из дому, мы тоже должны опасаться его, чем бы оно ни оказалось.

Мелкий дождь затих. Пелена облаков начала расходиться, сквозь нее наконец пробилась сверкающая лучи полуденного солнца. После стольких часов, проведенных во мгле, солнечный свет ослеплял.

Где-то вдалеке Нат услышал, как взревел двигатель другой моторки. Скоро здесь окажутся капитан Ваксман и его рейнджеры.

– Вы уверены, что стоит им рассказать? – еще раз спросил Нат.

Но прежде, чем профессор успел что-то сказать, Анна вскочила, указывая на небо к югу от них.

– Посмотрите, сколько там птиц!

Нат глянул туда, куда она показала. Множество птиц поднималось с ветвей – просушить крылья и продолжить поиски пищи. Однако в полумиле к югу над пологом клубилась огромная стая черных птиц, густая, как туман. Тысячи птиц.

Боже правый!.. Нат подбежал к десантнице.

– Одолжите бинокль?

Глаза девушки были тоже прикованы к странному зрелищу. Она отстегнула от куртки миниатюрный бинокль и передала его Нату. Затаив дыхание, тот поднес линзы к глазам. Несколько секунд он наводил аппарат на резкость. В окулярах бинокля стая птиц перестала быть однородной, превратившись в скопление крупных и мелких особей. Многие дрались между собой, атакуя друг друга. Несмотря на видовые различия, всех их роднило одно.

– Стервятники, – произнес Нат, опуская бинокль.

Коуве встал рядом.

– Так много...

– Грифы-индейки, желтоголовые, есть даже кондоры.

– Надо пойти и разведать, – отозвался Коуве.

В его глазах Нат увидел тревогу, как и у остальных. Пропавшее племя... стервятники... Знамение, леденящее душу.

– Нельзя, пока не прибудет отряд, – возразила Каррера.

Рев моторки становился все громче, пока не оборвался где-то совсем рядом. Несколькими минутами позже капитан Ваксман и с ним трое рейнджеров входили в шабано. Рядовая Каррера быстро ввела остальных в курс событий.

– Вторую группу я отправил назад, в лагерь, – сказал капитан Ваксман. – Они приведут остальных. А пока осмотрим, что имеем.

Он ткнул в сторону трех рейнджеров: рядовой Карреры, капрала Конжера и старшего сержанта Костоса.

– Я хочу пойти с ними, – сказал Нат. – Я лучше других знаю эти места.

После недолгого молчания капитан Ваксман вздохнул.

– Разрешаю. – И махнул им, чтобы отправлялись. – Будьте на связи.

Уходя, Нат расслышал, как Коуве приблизился к Ваксману.

– Капитан, я должен вас предупредить кое о чем...

Нат пригнулся и миновал низкий лаз из шабано, радуясь избавлению. Ваксману вряд ли понравится, что они с Коуве молчали о чужих разведчиках в окрестностях лагеря. Нат был просто счастлив переложить оправдания на дипломатичного профессора.

Выйдя в джунгли, двое солдат – Конжер и Костос – устремились вперед, бросив Карреру плестись вслед за Натом, замыкая ряды.

Они трусцой продвигались сквозь мокрые заросли, с опаской ступая по скользкой грязи и сырым слежавшимся листьям. Мелкий ручей сбегал вниз к реке, по которой они прибыли, словно указывая дорогу. Старая охотничья тропа стелилась параллельно ручью, идти по ней было быстрее и приятней. Нат вдруг увидел следы на тропе – давние следы, почти смытые дождем. Кто-то прошел босиком. Он показал их Каррере.

– Наверное, индейцы побежали туда.

Она кивнула, велев двигаться дальше.

Нат продолжал размышлять над увиденным. Паника паникой, но зачем бежать по земле, когда можно воспользоваться рекой?

Разведгруппа взбиралась по тропе против тока ручья. Несмотря на бешеный темп, Нат по-прежнему не отставал от десантников. Лес вокруг

сделался неестественно тихим, почти безмолвным, и это нагнетало тревогу. Нат пожалел, что оставил обрез в лагере.

Он так увлеченно выслеживал индейцев и выискивал скрытые опасности, что чуть не пропустил самого важного. Зато увидев, остановился как вкопанный.

Рядовая Каррера едва в него не впечаталась.

– Вот черт! Надо сказать остальным.

Двое других солдат топали дальше, не замечая возникшей заминки.

– Уморился? – насмешливо спросила Каррера.

– Нет, – отозвался Нат, переводя дух. – Смотрите.

На тонкой ветке болтался мокрый желтый лоскуток – маленький вылинявший квадратик размером с пол-игральной карты. Нат его снял.

– Что это? – спросила Каррера, заглядывая ему через плечо. – Что-нибудь индейское?

– Не похоже. – Он пощупал материю. – По-моему, полиэстер. Синтетика.

Он осмотрел ветку, где висел лоскуток. Сучок был обрублен, а не сломан. Когда Нат разглядывал срез, его внимание вдруг привлекли грубые отметины на древесном стволе.

– А это что такое? – Он протянул руку и отер воду с коры. – Надо же...

– Что там?

Натан отошел, чтобы показать увиденное спутнице. Глубокие порезы на коре складывались в зашифрованное послание.

Каррера с пониманием присвистнула и наклонилась к стволу.

– Похоже, Дж и К в нижней части...

– «Джеральд Кларк», – объявил Нат. – Подпись. Видимо, стрелка показывает, откуда он пришел, или, по крайней мере, где нужно искать следующее послание.

Каррера посмотрела на ручной компас.

– Юго-запад. Все верно.

– А что насчет чисел – семнадцать и пять?

Десантница наморщила лоб.

– Может, число, записанное по военному образцу? Сначала день, потом месяц.

– Получается, семнадцатое мая? Почти три месяца назад.

Обернувшись, Нат уже собирался возразить, когда Каррера подняла ладонь. Другой рукой она прижала к уху рацию. Через мгновение она заговорила.

– Прием. Мы на подходе.

Нат вопросительно поднял бровь.

– Конжер и Костос, – пояснила она. – Наткнулись на трупы.

Ната вдруг замутило.

– Пойдемте, – сухо проговорила она. – Им нужно узнать ваше мнение.

Он кивнул и отправился дальше. Каррера у него за спиной на ходу докладывала капитану о находке.

Нат мельком глянул на свою руку и спохватился, что все еще сжимает клочок полинявшей материи. Вспомнилось вдруг, что Джеральд Кларк вышел из леса босой, в одних брюках. Может быть, он разорвал рубашку, чтобы отмечать деревья с посланиями? Оставил им вроде цепочки из хлебных крошек, ведущей туда, откуда он пришел?

Нат потер лоскуток между пальцев. Впервые за четыре года ему довелось получить осязаемое доказательство того, что хотя бы кто-то из команды отца уцелел. Сам Нат не смел надеяться, что отец до сих пор жив. Более того, он даже не рассматривал такой вариант. Только не сейчас, после стольких лет, когда он почти смирился с утратой. Обрести отца и потерять его снова – этого ему точно не вынести. Нат на миг задержал взгляд на клочке и сунул его в карман.

Тропа уходила все дальше, а он все думал о том, удастся ли обнаружить другие такие же метки. Он понятия не имел о том, что его ждет, но в одном был твердо уверен: поиски не прекратятся, пока он не узнает всей правды об отцовской судьбе.

Каррера чертыхнулась за его спиной.

Нат обернулся и увидел, как она зажимает рот и нос ладонью. Только теперь он почувствовал смрад, разносящийся в воздухе, – запах гниющей плоти.

– Мы здесь! – раздался голос, принадлежащий, как выяснилось, сержанту Костосу. Бывалый рейнджер стоял всего десятью ярдами дальше. Тщательно закамуфлированный, он почти не выделялся на пестром лесном фоне. Нат подошел ближе и замер, потрясенный ужасающим зрелищем.

– Господи Иисусе, – выдохнула Каррера, подойдя следом.

Капрал Конжер, молодой техасец, стоял чуть поодаль с платком на лице, в самом центре побоища. Он размахивал винтовкой, отгоняя грифов, окруженный тучами роящихся мух.

Вся земля была усеяна трупами. Они лежали на тропе, под деревьями,

на берегу ручья – мужчины, женщины, дети. Судя по виду, индейцы, что трудно было утверждать наверняка, глядя на растерзанные лица, конечности, обглоданные до костей, вывалившиеся наружу внутренности. Здесь явно успели поживиться крупные падальщики, оставив мухам, мертвоедам и червям довершать начатое. Только небольшие размеры тел выдавали в них яномамо, беглецов из деревни. Судя по масштабам бойни, все ее жители полегли здесь.

Нат закрыл глаза. В его памяти всплывали знакомые образы, лица индейцев, среди которых он жил, – маленькой Тамы, благородного Таахо... Он неудержимо бросился прочь от тропы и скорчился над ручьем. Тяжело дыша, Нат пытался сдержать подступающий к горлу ком, но напрасно – желудок свело в рвотном спазме. Его вывернуло прямо в поток, разлившийся от последних дождей. Он еще долго стоял, уперев руки в колени и тяжело дыша, пока Костос не рявкнул на него сзади:

– Эй, Рэнд, мы не можем весь день тут торчать. Как полагаете, что тут случилось? Битва с другим племенем?

Нат не отходил от воды, боясь, что желудок снова взбунтуется.

Рядовая Каррера подошла к нему, участливо положила руку на плечо.

– Чем раньше закончим, – тихо сказала она, – тем раньше уйдем.

Натан кивнул, сделал последний глубокий вдох и усилием воли прошел туда, откуда открывался вид на побоище.

– Ну, что скажете? – спросила Каррера.

Поддавая тошноту, Нат ответил вполголоса:

– Похоже, они бежали ночью.

– Почему вы так думаете? – спросил Костос.

Нат взглянул на сержанта, затем ткнул ногой в палку, лежащую возле одного из тел.

– Видите – факел. Верхний конец подгорел. Деревня пустилась в бега в полной темноте.

Он осмотрел тела, пытаясь восстановить ход этой жуткой резни.

– Когда на них напали, мужчины попытались защитить женщин и детей, а когда они погибли, женщины взяли оборону на себя – хотели спастись бегством вместе с детьми. – Нат указал на женский труп подальше в лесу – тело матери, сжимающей мертвого ребенка. – Враг подошел со стороны ручья. – Его рука дрогнула, направленная в сторону груды мужских тел на берегу и в воде. – Видимо, их застали врасплох. Они не успели как следует защититься.

– Мне все равно, в каком порядке их убивали, – оборвал его Костос. – Главное, кто это сделал?

– Не знаю, – ответил Нат. – Нигде нет следов стрел или копий. Правда, противник мог подобрать их после атаки, чтобы восполнить арсенал или замести следы. По таким изувеченным телам невозможно определить причину повреждений, будь то оружие или когти падальщиков.

– Значит, иными словами, у нас ни одной паршивой зацепки...

Костос тряхнул головой и развернулся. Сделав пару шагов в сторону, он заговорил в рацию.

Нат вытер промокший лоб. Его передернуло. Что, черт возьми, здесь случилось?

Наконец старший сержант подошел к остальным и громко сказал:

– Слушай новый приказ. Велено подобрать одно тело, из тех, что обглоданы меньше остальных – доктору О'Брайен на изучение, – и возвращаться в деревню. Есть желающие?

Когда никто не ответил, Костос недобро ухмыльнулся.

– Ладно. Почему-то я так и предполагал.

Он указал на Карреру.

– Не отвести бы вам этого болезного в лагерь? У нас тут мужская работа.

– Есть, сэр. – Каррера поманила Ната к тропе, после чего они вместе спустились в деревню. Отойдя так, чтобы их не услышали, она еле слышно буркнула: – Вот ведь гад...

Нат молча согласился, хотя, по правде сказать, был страшно рад покинуть место побоища. Пусть Костос думает что хочет. Жаль только Карреру. Сам он мог лишь вообразить, что приходилось терпеть женщинам на службе в мужской организации.

Остаток пути проделали в тишине. На подступах к шабано различались знакомые голоса. Натан ускорил шаг. Как хорошо будет вновь оказаться среди живых!.. Он надеялся, что там догадались развести костер. Огибая шабано, Нат встретил Эдди Джонса, рядового, стоящего на страже у входа. За ним расположилась пара рейнджеров, живописно отражаясь в реке.

* * *

Когда они с Каррерой подошли к дверям, Эдди Джонс их поприветствовал, а потом не удержался и выпалил:

– Братцы, вы не поверите, кого мы отловили в джунглях!

– И кого же? – спросила Каррера.

Джонс ткнул большим пальцем на вход.

– Сами гляньте!

Каррера махнула прикладом, отправляя Ната вперед.

Внутри шабано, посреди открытого дворика собралась небольшая толпа. Манни с Тор-Тором стояли чуть в стороне. Завидев Ната, Манни помахал рукой, но в лице не переменялся. Остальные о чем-то спорили на повышенных тонах.

– Он мой пленник!

Капитан Ваксман стоял в компании трех рейнджеров, каждый из которых целился в кого-то, скрытого за группой гражданских.

– По крайней мере, развяжите веревки, – отвечала Келли. – Думаете, легко старику сидеть с перетянутыми ногами?

– Если хотите содействия, – поддакнул Коуве, – так вам его не добиться.

– Сейчас он мне все расскажет, – произнес Ваксман с явной угрозой.

Фрэнк встал у него на пути.

– Я все еще командую операцией, капитан. И я не намерен терпеть издевательств над пленными.

Нат тем временем прошел внутренний двор и присоединился к остальным. Анна Фонг посмотрела на него испуганными глазами. Ричард Зейн стоял немного поодаль, довольно ухмыляясь. Он кивнул Натану.

– Прятался в джунглях. Котяра Манни помог нам его отловить. Слышали бы вы, как он орал, когда ягуар прижал его к дереву.

Зейн сделал шаг в сторону, и Нат наконец увидел пленника. Низкорослый индеец скорчился в пыли со связанными пластиковой лентой руками и лодыжками. Его длинные седые волосы до плеч выдавали в нем одного из старейшин. Он сидел напротив остальных, бормоча что-то себе под нос. Его взгляд перебегал с винтовочных дул на Тор-Тора, прохаживающегося взад-вперед неподалеку.

Нат прислушался к бормотанию. Язык яномамо. Он придвинулся ближе и услышал шаманский наговор, оберег против злых духов. Нат понял, что перед ними, несомненно, шаман. Пришел ли он из деревни? Неужели уцелел в резне?

Взгляд индейца неожиданно уперся в Ната, ноздри раздулись.

– Смерть коснулась тебя, – произнес он на родном наречии. – Ты знаешь. Ты видел.

Нат понял, что старик, должно быть, почувствовал трупный смрад, исходящий от его одежды и тела. Он сел на колени перед индейцем и

спросил на языке яномамо:

– Хайя. Дедушка, кто вы? Вы из этой деревни?

Тот покачал головой, насупив брови.

– Эта деревня помечена шавари – злыми духами. Я пришел сюда, чтобы отдаться в руки бан-али. Но было поздно.

Споры вокруг прекратились. Все следили за их разговором. Келли прошептала сзади:

– Никто до вас не мог из него слова вытянуть, даже профессор.

– Зачем вы ищете встречи с «ягуарами крови», бан-али?

– Хочу спасти свою деревню. Мы послушались их – не сожгли тело набе, белого человека со знаком раба бан-али. Теперь всех наших детей поразило их колдовство.

Внезапно Нат понял. Белый, отмеченный бан-али, это, несомненно, Джеральд Кларк. Если так, то...

– Вы из Вауваи.

Старик кивнул и сплюнул в пыль.

– Будь проклято это место. Будь проклят тот день, когда мы ступили за ворота этой деревни набе.

Нат догадался, что перед ним был тот самый шаман, который пытался лечить заболевших детей, а потом поджег деревню в надежде защитить остальных. Как шаман и признался, он потерпел неудачу. Зараза продолжала распространяться среди детей его племени.

– А почему вы выбрали эту деревню? Как вы сюда добрались?

– Я проследил по следам набе и нашел его каноэ. Увидел роспись и понял, что он приплыл отсюда. Мне знакомы все здешние тропы. Я пришел искать встречи с бан-али, отдать им себя. Умолять, чтобы сняли заклятье.

Нат опустил на землю. Мучимый виной, шаман пришел принести себя в жертву.

– Но я опоздал. Я застал в живых лишь одну женщину. – Он посмотрел туда, где случилась резня. – Я дал ей воды, и она поведала мне о гибели деревни.

Нат резко выпрямился.

– Что он сказал? – спросил капитан Ваксман.

Нат отмахнулся.

– Что же произошло?

– Три луны назад охотники нашли белого человека, больного и отощавшего до костей. Увидели знаки. Испугавшись, что он придет в деревню, они отобрали все его пожитки, заперли в клетку и оставили далеко в лесу, собираясь держать там, пока не заберут «ягуары». Охотники

приносили еду и ухаживали за ним, боясь причинить вред тому, кто принадлежал бан-али. Но набе становилось все хуже. Потом, с новой луной, заболел один из сыновей охотников.

Нат кивнул. Зараза начала распространяться.

– Шаман объявил их проклятыми и потребовал смерти набе. Они должны были сжечь его тело, дабы умиловить гнев бан-али. Однако на следующее утро клетка белого человека оказалась пуста. Решив, что его взяли бан-али, они поначалу утешились. Только потом обнаружилась пропажа каноэ, но было уже поздно.

Индеец понизил голос.

– Через несколько дней сын охотника умер, и болезнь перешла на других. А неделю назад одна из женщин пошла в сад за бананами и, вернувшись, увидела рисунок на внешней стене шабано. Неведомо, кто его сделал. – Индеец качнул головой в юго-западную часть постройки. – Он все еще там – знак бан-али.

Нат прервал рассказчика и обернулся к остальным. Он быстро пересказал все, что узнал от индейца. По ходу рассказа глаза членов экспедиции округлялись все больше и больше. Потом капитан Ваксман послал Йоргенсена осмотреть стену. Пока дожидались, Нат убедил Ваксмана разрезать путы на запястьях пленного шамана. Капитан согласился, поскольку тот уже пошел на сотрудничество. Через несколько минут шаман сидел на земле с флягой в руках и пил чуть не взахлеб.

Келли присела рядом с Натом.

– С точки зрения медика, его история не лишена смысла. Держа Кларка на расстоянии, племени удалось почти полностью его изолировать. Но с развитием болезни то ли он сам стал заразнее, то ли охотник, чей сын заболел первым, как-то ухитрился ее подхватить. Так или иначе, вспыхнула эпидемия.

– И племя запаниковало.

У них за спиной в дверях показался Йоргенсен, хмурый, как туча.

– Старикан прав. На стене кое-что намалевано. Один в один татуировка агента Кларка. – Он брезгливо поморщил нос. – Правда, пахнет она, словно рисовали пороссячьим дерьмом или вроде того. Вонь жуткая.

Фрэнк помрачнел и обратился к Нату:

– Поспрашивайте шамана, может, удастся выяснить еще что-нибудь.

Нат кивнул и повернулся к индейцу.

– Что произошло после того, как нашли символ?

Шаман скривился.

– Племя пустилось в бега той же ночью, но... что-то настигло их по

дороге.

– Что именно?

Тот насупился.

– Женщина, рассказавшая все это, была при смерти. У нее начался бред. Что-то о реке, которая поднялась, чтобы их поглотить. Они повернули обратно, но что-то пробралось по ручью и отрезало им путь назад.

– Что? Кто отрезал им путь? Бан-али?

Шаман отхлебнул из фляги.

– Нет, судя по ее словам.

– Кто тогда?

Старик заглянул Нату в глаза, чтобы тот убедился в его искренности.

– Джунгли. Она сказала, что джунгли поднялись из реки и напали.

Пришла очередь Натана хмурить брови.

Шаман пожал плечами.

– Остальное мне неизвестно. Женщина умерла, и ее дух отошел, чтобы воссоединиться с духами племени. Через день – сегодня – я услышал, как вы поднялись по реке, и пошел посмотреть, кто такие. – Он глянул через плечо на ягуара Манни. – Меня выследили. Запах смерти пристал ко мне так же, как к тебе.

Нат уселся на пятки и окинул взглядом Манни. Биолог держал Тор-Тора на поводке – зверь оцетинил загривок и возбужденно метался из стороны в сторону, одержимый страхом.

Остальное перевел Коуве:

– Это все, что он знает.

Ваксман подозвал Йоргенсена, и тот перерезал путы на лодыжках старого шамана.

– Что скажете? – спросила Келли, по-прежнему сидящая рядом.

– Не знаю, – пробормотал Нат, вспоминая усеянный трупами лес вверху по тропе.

Он-то решил, что нападение началось с той стороны ручья; однако, если верить рассказу очевидицы, враг таился в самом ручье.

В беседу включился Коуве:

– Эта история тесно переплетается с легендой о бан-али. Говорят, они способны повелевать джунглями.

– Но кто мог напасть из ручья и убить всех туземцев? – недоумевала Келли.

Коуве медленно покачал головой.

– Не представляю.

Их внимание привлекла суэта у дверей. В шабано протиснулся

старший сержант Костос, волоча за собой носилки. Поверх лежало мертвое тело. Тело одной из жертв.

У них за спиной раздался пронзительный вопль индейца.

Нат обернулся.

Шаман пятился к стене с выпученными от страха глазами.

– Уберите проклятье! Вы призовете на нас бан-али!

Йоргенсен попытался обуздать старика, но, несмотря на возраст, индеец был поджарым и мускулистым. Он вырвался из его рук, перебежал к другой хижине и, взбираясь по гамаку, как по лестнице, поднялся на кольцевидную крышу шабано.

Один из десантников прицелился.

– Не стреляйте! – воскликнул Нат.

– Отставить, капрал, – приказал Ваксман.

Шаман остановился на крыше и повернулся к стоящим внизу.

– Мертвые принадлежат бан-али. Они своего не оставят, увидите!

С этими словами шаман нырнул с крыши вниз и растворился в лесу.

Ваксман послал ему вдогонку двух рейнджеров.

– Зря время тратите, – поморщился Коуве. – От страха он так спрячется, что вам его не найти.

Профессор как в воду глядел. Шамана больше не видели.

Для расследования причины смерти погибшего индейца Келли ближе к вечеру отгородила себе в шабано рабочий уголок, где и принялась за дело. Нат повел капитана и Фрэнка к дереву, на котором Джеральд Кларк оставил координаты пути.

– Как пить дать, написал перед поимкой, – произнес Фрэнк. – Бедняга. Так близко подобраться к цивилизации – и угодить в плен, а потом под замок. – Фрэнк покачал головой. – Почти на три месяца.

По возвращении в шабано они застали команду за приготовлениями: на ночь разжигали костры, выставляли патрули, готовили ужин.

Назавтра планировалось распрощаться с рекой и дальше идти пешком, придерживаясь пути Джеральда Кларка.

Солнце уже садилось, а на столе появились готовые рыба и рис, когда Келли наконец выбралась из своего передвижного морга. Устало зевая, она опустила на раскладной стул и, глядя в огонь, сообщила:

– Насколько мне удалось выяснить, он умер от отравления. Остались свидетельства мучительной агонии – прокушенный язык, признаки судорог спинных мышц и конечностей.

– Чем же он был отравлен? – спросил Фрэнк.

– Для анализа потребуется целая токсикологическая лаборатория. Я

даже не знаю, как яд попал в тело. Может, с дротиком, стрелой или копьем. Не будь тело так разодрано падальщиками, я, может, и смогла бы дать определенный ответ.

Нат смотрел на закат, прислушиваясь к обсуждению. Он вспомнил слова исчезнувшего шамана: «они своего не оставят» – и задумался над резней у тропы и болезнью, поражающей все новые жертвы здесь и на его родине. У него появилось тягостное предчувствие, что последний час уже не за горами.

Ночное нападение

14 августа, 0 часов 28 минут

Джунгли Амазонии

Келли внезапно проснулась и едва не выпала из гамака. Ей приснился кошмар. Содержание его Келли не помнила, кроме того, что он был как-то связан с погоней и мертвецами. Она глянула на часы. Светящееся табло показало, что уже за полночь.

Окружавшее ее шабано было объято сном. Не спали только часовые – тот, что стоял у костра, и его напарник, стерегущий вход. Еще одна пара патрулировала снаружи. Остальные улеглись по гамакам, восстанавливая силы после ужасов прошедшего дня.

Неудивительно, что ей снились кошмары – вспомнить хотя бы рассказы о резне, изуродованный труп на ее столе, растущее напряжение, и все это на фоне постоянного страха за семью, оставшуюся дома, в Виргинии. Подсознанию Келли многое пришлось перемолоть, пока она лежала, забывшись сном.

Вечерняя сводка из Штатов оказалась не лучше дневной. Были выявлены еще двенадцать случаев заболевания и три смертельных исхода – скончались двое детей и пожилая сиделка из Палм-Бич. В то же время в бассейне Амазонки смерть и болезнь бушевали подобно пожару в засуху, охватывая все новые поселения. Люди либо замуровывали себя в домах, либо спасались бегством. В Манаусе покойников жгли прямо на улицах.

Мать Келли заверила, что среди исследовательской группы «Инстара» пока не зарегистрировали ни одного случая. Однако и победу было праздновать рано. Согласно последним данным, собранным при анализе отчетов из Амазонии, где развитие эпидемии прослеживалось с самого начала, инкубационный период продолжался от трех дней и более, вплоть до недели. Все зависело от состояния здоровья пациента в момент заражения. Чаще других заболевали дети, не получавшие достаточного питания или ослабленные паразитами.

Бактериальные патогены, судя по заверениям центра по контролю заболеваний, не могли спровоцировать такую вспышку, тогда как различные вирусологические экспертизы были еще не закончены. А значит, причина до сих пор оставалась невыясненной.

Несмотря на общую тревожность статистики, были известия и похуже.

Мать выглядела бледнее обычного, когда сообщала Келли подробности по спутниковой связи.

– Теперь мы знаем, что болезнь может передаваться воздушно-капельным путем, не требуя физического контакта.

Келли понимала, что это значит. Раз патоген свободно передается от человека к человеку, изолировать больных будет невероятно сложно. А при таком коэффициенте смертности...

– Остается одна надежда, – подытожила мать. – Нам нужно лекарство.

Келли достала из-под гамака фляжку и медленно отпила из нее. Мгновение – и она села, почувствовав, что заснуть уже не удастся. Стараясь не шуметь, выбралась из гамака. Постовой у костра заметил движение и резко повернулся. Одеваться не было нужды – она спала не раздеваясь. Отряхнув слегка помятые серую футболку и коричневые брюки, Келли сунула ноги в ботинки. Рейнджеру она показала на дверь – мол, захотела размяться, не будя остальных.

Тот кивнул.

Келли крадучись прошла к выходу из шабано. Вынырнув из дверей, она столкнулась с рядовой Каррерой, караулившей выход.

– Вышла подышать, – шепнула ей Келли.

Десантница кивнула и показала винтовкой в сторону реки.

– Не вы одна.

Келли увидела чью-то фигуру, стоящую у реки в нескольких ярдах дальше по тропе.

Очертания подсказали, что перед ней Натан Рэнд. Он был один, если не считать двоих рейнджеров чуть выше по реке. Тех выдавали огоньки фонарей.

– Держитесь подальше от воды, – предупредила рядовая Каррера. – У нас и так мало датчиков движения, чтобы охранять реку помимо всего прочего.

– Обязательно. – Она слишком хорошо помнила, что случилось с капралом Де Мартини.

Удаляясь от шабано, Келли заслушалась песней кузнечиков и приглушенным кваканьем бесчисленных лягушек, сливающимися в умиротворяющий лесной напев. Вдалеке порхали среди ветвей светлячки и чертили над рекой изящные огненные дуги.

Одинокий наблюдатель услышал ее шаги и обернулся. В зубах у него торчала сигарета, кончик которой красной искрой рдел в темноте.

– Не знала, что вы курите, – сказала Келли, становясь рядом с ним и глядя на реку.

– Я и не курю, – усмехнулся он, выпуская долгую струю дыма. – Только немного. Стрельнул у капрала Конжера. Месяца четыре, а то и пять не притрагивался, а тут... не знаю, в чем дело... наверное, нужен был повод прийти сюда. Развеяться.

– Понимаю. Я сама якобы вышла подышать.

Она протянула руку, и он передал сигарету. Келли глубоко затянулась и выпустила дым, а с ним – свое напряжение.

– Что может быть лучше чистого воздуха!

Она вернула сигарету. Нат сделал последнюю затяжку, уронил окурок и затоптал его.

– Пора с этим кончать.

Они постояли молча, глядя, как река струится под берегом. Над водой промелькнула пара летучих мышей-рыболовов, откуда-то издали послышался птичий крик – протяжный и заунывный.

– У нее будет все хорошо, – вдруг проговорил Нат, точнее, прошептал.

Келли посмотрела на него.

– Что?

– Я о Джесси, вашей дочери... все будет хорошо.

На мгновение у Келли перехватило дыхание. Она не нашла что ответить.

– Простите, – пробормотал Нат. – Лезу не в свое дело.

Она тронула его за локоть.

– Нет, я вам очень признательна. Честно. Просто я не думала, что мое беспокойство так очевидно.

– Даже для опытных врачей семья – прежде всего.

Келли ненадолго замолкла, а затем проговорила вполголоса:

– Дело не в этом. Джесс у меня одна, одной и останется. Других детей у меня быть не может.

– А что случилось?

Келли сама не понимала, почему она взялась обсуждать это с Натом. Достаточно того, что так ей стало легче озвучить свои опасения.

– Когда я рожала Джесси, возникли осложнения, меня срочно прооперировали. – Она посмотрела на Ната и отвела взгляд. – С тех пор я больше не могу иметь детей. Извините. Давняя история, я уже свыклась. Но теперь Джесси в опасности, и...

Нат вздохнул и уселся на поваленный ствол.

– Мне все это знакомо. Застрали здесь, в джунглях, волнуетесь за родных, а приходится двигаться дальше, как-то крепиться.

Келли присела рядом.

– Как и вам приходилось поначалу, когда потеряли отца.

Нат уставился в реку и медленно произнес:

– Дело не просто в страхе и беспокойстве. Начинаешь винить себя...

Келли отлично его понимала. Что она сделала, чтобы вызволить дочь из беды? Шатается в джунглях, вместо того чтобы лететь домой первым рейсом.

И снова повисла неловкая пауза, становясь все горше с каждой секундой.

Наконец Келли задала вопрос, который беспокоил ее с тех пор, как они встретились.

– Тогда зачем вы здесь?

– Что вы имеете в виду?

– Ведь вы потеряли в Амазонии и мать, и отца. Зачем вы вернулись?

Нат потер ладонь о ладонь, молча глядя вниз между ботинок.

– Простите. Вы правы, это меня не касается.

– Нет, – поспешно возразил он, глянул на нее, затем отвел взгляд. – Я... я просто пожалел, что раздавил тот окурок. Сейчас бы он мне пригодился.

Келли улыбнулась.

– Точно, сменим тему.

– Да нет, все нормально. Просто вы застали меня врасплох. А ваш вопрос... не так-то просто разобраться в себе самом, да еще суметь это выразить. – Он откинулся назад. – Когда я потерял отца – то есть разуверился, что вообще удастся его найти, – я уехал из джунглей и поклялся не возвращаться. Но и в Штатах боль преследовала меня. Я пытался топить ее в выпивке, заглушать наркотиками... ничего не вышло. Затем, год назад, я очнулся – по пути сюда. Трудно сказать почему. Пошел в аэропорт, купил билет в кассе и не успел опомниться, как приземлился в Манаусе.

Нат замолчал. Келли слышала за спиной его дыхание – тяжелое и взволнованное. Она робко положила руку ему на колено. Не говоря ни слова, он накрыл ее своей.

– Когда я снова очутился в лесу, боль стихла, ее стало легче выносить.

– Почему?

– Не знаю. Да, здесь родители умерли, но и жизнь они прожили тут же. Здесь их вторая родина. – Нат тряхнул головой. – Наверное, я говорю чепуху.

– А по-моему, нет. Здесь вы гораздо ближе к ним.

Она почувствовала, как Нат позади напрягся. И замолчал.

– Нат?

Он ответил севшим голосом:

– Я не мог описать... Но вы правы. Здесь, в лесу, они окружают меня повсюду. Здесь я вспоминаю их отчетливее всего. Как мама учила меня толочь маниоку для крахмала, а отец – определять деревья по листьям... – Нат повернулся к ней. – Здесь и мой дом.

На его лице читались сразу и радость и горе. Келли почувствовала, как ее манит к нему, как притягивает глубина его чувства.

– Нат...

Вдруг их насторожил странный плеск на реке. Всего в нескольких ярдах от берега из воды выстрелила узкая струя высотой фута в три. Там, откуда она поднялась, колыхнулось в воде что-то крупное и тотчас исчезло.

– Что это было? – вскрикнула Келли.

Она приподнялась, готовая бежать без оглядки.

Нат обнял ее за плечи и удержал рядом.

– Не бойтесь. Это всего-навсего бото, пресноводный дельфин. Чаще встречаются в глухих местах вроде этого, плавают небольшими стайками.

Словно в подтверждение из воды вырвалась еще пара «гейзеров», поднимая высоко над рекой тучи брызг. На этот раз Келли, будучи предупрежденной, не испугалась и успела разглядеть некрупные спинные плавники, вздымающиеся на поверхность и уходящие в глубину – и все за считанные секунды.

– Как быстро они плывут, – заметила Келли.

– Наверное, охотятся.

Усевшись на старое бревно, они увидели, как мимо пронеслась целая вереница дельфинов – выпрыгивая из воды и пуская фонтаны. Посвист и щелчки, которые издавала стая по пути, разносились по округе пугающим эхом. Вскоре начало казаться, будто река закишела дельфинами, рвущимися против течения.

Нахмурившись, Нат поднялся с места.

– Что случилось? – спросила Келли.

– Не знаю.

Один из дельфинов вылетел на отмель у их ног. Он шлепнулся в береговой ил, едва не впечатавшись в него, после чего вильнул хвостом и ушел на глубину.

– Они чем-то напуганы.

– Чем же?

Нат покачал головой.

– Ни разу не видел такого странного поведения. – Он оглянулся в ту

сторону, где стояли патрульные рейнджеры, тоже зачарованно глядя на дельфины гонки. – Нужно раздобыть свет.

Нат поспешил вдоль береговой кромки, направляясь к солдатам. Келли – за ним, все больше приходя в волнение. Поставые стояли в том месте, где от реки отделялась небольшая протока.

– Капрал Конжер, могу я одолжить ваш фонарь? – спросил Нат.

– Это просто дельфины, – произнес другой голос, старшего сержанта Костоса. Смуглолицый сержант покосился на них. – Мы-то за ночь уж навидались чертовых тварей. Правда, о чем это я – вы же все по ночам дрыхнете, как сурки.

Младший рейнджер оказался более сговорчивым.

– Держите, доктор Рэнд, – сказал капрал Конжер, передавая ему фонарь.

Нат взял фонарь, пробормотав слова благодарности, и пошел вдоль ручья, светя против течения. Дельфины продолжали прибывать, но уже в меньших количествах. Келли видела, как Нат слегка расфокусировал луч, направляя его на воду.

– Черт, – выругался он.

Там, где свет фонаря почти обрывался, река у поверхности бурлила и пенилась, словно волны катились по острым порогам. Вот только «пороги» плыли прямо в их сторону, как будто их сносило течение.

– Что это? – удивилась Келли.

Тотчас на берег выскочил другой дельфин, распластавшись в грязи. Этот не сразу соскользнул в воду – он скорчился на берегу с тонким и жалобным визгом. Нат осветил его. Келли ахнула и попятилась.

Дельфин был без хвоста. Их взглядам предстало разорванное брюхо, вывалившиеся внутренности. Затем несчастное создание смыло набежавшей волной.

Нат заново осветил реку. Пенные гребни приближались с пугающей быстротой.

– Это еще что? – спросил капрал Конжер с тexasской неспешностью. – В чем там дело?

Выше по реке тишину ночи прорезал свиной визг. Птицы вспорхнули из гнезд. Обезьяны сердито затывкали спросонья.

– В чем дело? – повторил тexasец.

– Дайте мне свой прибор ночного видения, – потребовал Нат.

Келли встала у него за спиной.

– Что там?

Нат вцепился в прибор, поданный рейнджером.

– Я пару раз видел, чтобы река вот так пенилась, но не настолько.

– Из-за чего это? – спросила Келли.

Нат поднес прибор к глазам.

– Пираньи. Адски голодные.

Сквозь линзы ночного видения все вокруг вспыхнуло однотонно-зеленым. Очень скоро Нат направил окуляры туда, где река пенилась, и навел их на резкость. В бурлящей воде он заметил мерцающие плавники дельфинов, загнанных острозубыми убийцами, и серебристый блеск чешуи самих хищников, дерущихся за кусок мяса.

– Нам-то что за беда? – спросил Костос с нескрываемым презрением. – Пусть чертовы твари прикончат дельфинов. На суше до них дела нет.

Так-то оно так, но Нату вдруг вспомнились изувеченные тела индейцев и их водобоязнь. Не этого ли они страшились? Неужели здешние воды так кишели пираньями, что даже индейцы побоялись путешествовать по реке? Не это ли погнало их пешком среди ночи? А повадки пираний, нападающих на дельфинов... было в них что-то неестественное. Нат никогда прежде не слышал о таких бойнях.

Его внимание привлекла какая-то возня. Он отвел прибор от бурлящей воды и увидел чей-то остов, лежащий на берегу. Тот, по-видимому, принадлежал дикой свинье – пекари. Была ли это та самая свинья, чей визг они слышали еще секунду назад? Вокруг остова прыгали твари помельче – несколько существ, которых можно было бы принять за лягушек-быков, если бы они не вгрызались в останки свиньи, волоча их к реке.

– Что за черт... – пробормотал Нат.

– Что там? – спросила Келли. – Что вы видите?

Нат пощелкал регулятором расстояния, настраивая окуляры на передний план. Он увидел, как все больше и больше «лягушек» выпрыгивали из воды и набрасывались на свиной остов. К ним присоединялись все новые и новые, вылетая высоко на берег, скрываясь в прибрежной листве. У него на глазах из леса выскочила крупная капибара, припуская вдоль скользкого берега. Казалось, огромная морская свинка несется вскачь у реки. Внезапно она рухнула на землю, словно запутавшись в собственных ногах. Тело животного забилося в судорогах. Из воды взмывали и падали странные твари, набрасываясь на новую жертву.

Нат осознал, что перед ним. Должно быть, то самое, что видели деревенские жители. Ему вспомнились шамановы слова: джунгли поднялись из реки и напали на них. Капибара больше не трепыхалась. Разве Келли не упоминала о признаках судорог у исследованного ей тела?

Он сорвал с себя окуляры. Линия вспененной воды оказалась всего в

тридцати ярдах от них.

– Скорей! Надо перебираться подальше от реки! От любых водоемов!

Сержант Костос хмыкнул.

– О чем, черт побери, вы толкуете?

Капрал Конжер забрал свой прибор.

– Может, нам стоит прислушаться к доктору...

Что-то вдруг сбило каску капрала набок, влажно плюхнувшись наземь.

– Господи Иисусе...

Натан опустил горящий фонарь. В грязи перед ним сидело странное существо, немного оглушенное от удара. Выглядело оно как уродливый головастик, но уже с развитыми задними ногами. Не успел никто пальцем пошевелить, как оно подпрыгнуло снова, вцепляясь в бедро Конжера зубастыми челюстями. Капрал охнул и сшиб тварь прикладом, затем сделал несколько нетвердых шагов.

– Эта дрянь еще и кусается!

Костос занес ногу в сапоге и припечатал тварь пяткой, раздавив ее и разбрызгав по берегу потроха.

– Уже нет.

Плотной группой они поспешили прочь от реки. Конжер прихрамывал рядом, ощупывая ногу в спецовке. В плотной ткани зияла дыра, а когда солдат поднял руку, Нат заметил у него на пальцах кровь.

– Прямо кусок отхватила, – нервно усмехнулся Конжер.

Не прошло и минуты, как они уже стояли у входа в шабано.

– Что случилось? – спросила рядовая Каррера.

Нат показал на реку.

– То, что сгубило индейцев, движется прямо на нас. Надо убираться отсюда.

– Пока охраняйте свой пост, – приказал Костос Каррере. – Конжер, срочно показаться врачу, я на доклад к капитану.

– Моя аптечка внутри, – сказала Келли.

Конжер прислонился к бамбуковой свае.

– Сержант, мне что-то нехорошо.

Все взгляды устремились в его сторону.

– Перед глазами плывет.

Келли бросилась помогать.

Нат увидел, как из его рта потянулись нити слюны, затем голова запрокинулась, а за ней изогнулось все тело, сотрясаясь в конвульсиях.

Сержант Костос успел подхватить падающего.

– Конжер!

– Внутрь его! – бросила Келли, ныряя под перекладину входа.

Рейнджер взвалил на себя тело напарника и потащил к двери. Ему это с трудом удавалось – того сильно трясло. Рядовая Каррера закинула винтовку за спину и наклонилась, чтобы помочь.

– Пост не бросать, рядовая! – рявкнул сержант и повернулся к Нату. – Да подержите же, черт возьми, ноги!

Нат кинулся вперед и зажал ступни Конжера под мышкой. Казалось, в руках у них был вырванный высоковольтный кабель – тело извивалось и корчилось.

– Пошел!

Они вдвоем протащили солдата сквозь узкие двери. Остальные повскакали с постелей, разбуженные переполохом.

– Что случилось? – спросил Зейн.

– С дороги! – взревел Костос, сбив его с ног.

– Сюда! – крикнула им Келли. Она уже открыла набор первой помощи и стояла со шприцем в руке. – Кладите его и держите ровно.

Костос навалился на плечи капрала, прижав его к полу, но голова так и продолжала колотиться вверх-вниз, словно рейнджер пытался отключить сам себя. На губах показалась пена, а там, где он прикусил их зубами, – с кровью.

– Господи, Конжер!

Келли распорол скальпелем его правый рукав и быстро вонзила иглу. Впрыснув содержимое шприца, она села на пятки, чтобы следить за изменениями, по-прежнему держа солдата за запястье.

– Ну же, ну...

Неожиданно сведенное судорогой тело расслабилось.

– Слава богу, – выдохнул Костос.

Келли, однако, не выглядела облегченной.

– Проклятье! – Она бросилась к телу, проверила на шее пульс, затем растолкала других и начала массаж сердца. – Кто-нибудь, сделайте искусственное дыхание!

Рейнджеры слишком растерялись, чтобы отреагировать быстро.

Натан отпихнул Костоса в сторону, вытер пену со рта Конжера и начал вдвухать воздух согласно с толчками Келли. Он целиком сосредоточился на том, чтобы не выбиваться из ритма, и едва различал слова того, что обсуждалось вокруг.

– Какая-то прыгучая дрянь вроде рыбы, – объяснял Костос. – Выскочила и укусила Конжера за ногу.

– Дело в яде! – бросила Келли, запыхавшись. – Она еще и ядовита.

– Никогда не слышал о таких тварях, – проговорил Коуве.

Натан хотел поддакнуть, но был слишком занят спасением жизни солдата.

– Их тысячи, – продолжал Костос, – шли вниз по течению, прямо сюда.

– Что будем делать? – спросил Зейн. Голос капитана Ваксмана перекрыл остальные.

– Прежде всего, не паниковать. Капрал Грейвз и рядовой Джонс охранять периметр вместе с рядовой Каррерой.

– Стойте! – прокричал Нат между выдохами.

– Что еще? – накинулся на него Ваксман.

Нат заговорил вперебивку, чередуя слова и выдохи в отчаянной попытке оживить Конжера.

– Мы... слишком близко к ручью. Он течет как раз за шабано.

– Ну и?

– Они нападут из ручья... как было с индейцами. – От частого дыхания у него кружилась голова. Он еще раз дохнул капралу Конжеру в рот и поднялся. – Надо бежать. Как можно дальше от воды до наступления дня. Твари ноч...

Он снова припал к умирающему.

– Что вы хотите сказать?

За него ответил профессор Коуве.

– Нападение на индейцев произошло ночью. Теперь еще это. Натан считает, что существа ведут ночной образ жизни. Если до рассвета мы сумеем избежать столкновения, то наверняка спасемся.

– Но здесь есть убежище, безопасная зона. Что нам какие-то рыбы-лягушки?

Нат вспомнил зрелище в черно-белых тонах прибора – выпрыгивающих из реки существ, которые приземлялись высоко на деревья.

– Шабано не защитит! – прохрипел он, порываясь нагнуться, но тут чья-то рука удержала его за плечо.

– Бесполезно. Конжер мертв. – Келли повернулась лицом к остальным. – Мне очень жаль. Яд слишком быстро разнесся по телу. А без противоядия...

Она печально покачала головой.

Нат не мигая смотрел на застывшее тело молодого техасца.

– Проклятье... – Он встал на ноги. – Надо убираться.

Прочь от воды. Далеко ли эти твари забредают от рек и ручьев – не

знаю, но у того, что я видел, были жабры. Скорее всего, они не смогут долго обходиться без воды.

– Что вы предлагаете? – спросил Фрэнк.

– Перебраться повыше. Избегать реку и тот ручеек. Думаю, индейцы решили, что следует опасаться только реки, а хищники пробрались по ручью и напали на них из засады.

– Вас послушать, так эти твари умеют думать.

– Нет, мне такое и в голову не приходило. – Нату вспомнилось бегство дельфинов (когда крупная рыба почему-то осталась цела), вспомнилось нападение на свинью и капибару. Картина начала проясняться. – Похоже, их привлекают только теплокровные животные. Не знаю... может, они настраиваются на тепловые волны или что-то вроде того, обшаривая воду и прибрежные участки в поисках добычи.

Фрэнк повернулся к капитану.

– Доверимся доктору Рэнду.

– Согласна. – Келли указала на тело капрала. – Если один укус способен вызвать такое, нам нельзя рисковать.

Ваксман накинулся на Фрэнка:

– Может, вы и командуете операцией, однако в вопросах безопасности мое слово – закон.

В дверях показалась голова рядовой Карреры.

– Там такое творится! Из реки прет что-то жуткое. Одна из моторок только что лопнула.

За стенами шабано джунгли огласились обезьяньими воплями и криками птиц.

– Значит, альтернативой меньше, – зло вставил Нат. – Если они проберутся по ручью и обойдут нас, то отрежут путь к отступлению, и тогда очень многие разделят участь Конжера... или индейцев.

Поддержка подоспела оттуда, откуда Нат ее совсем не ждал. В разговор вклинился Костос:

– Доктор прав. Видел я этих тварей. Уж если решат напасть, их ничто не остановит. – Он обвел жестом вокруг. – И уж точно не эти хлипкие стены. Мы тут торчим, как наживка, сэр.

После секунды раздумий Ваксман согласился.

– Собрать снаряжение.

– А как быть с датчиками движения снаружи? – спросил Костос.

– Бросить. Нечего там сейчас делать.

Костос кивнул и направился выполнять приказ. Вскоре, один за другим, они надели рюкзаки. Рейнджеры вырыли капралу Конжеру

неглубокую могилу. Каррера стояла у выхода, полусогнувшись и глядя на реку и лес сквозь прибор ночного видения.

– У реки возня прекратилась, но я слышу какой-то шорох в кустах.

По ту сторону перегородки звуки джунглей умолкли.

Нат подошел к двери и припал на колено рядом с Каррерой. Он был готов и экипирован, сжимал в руке дробовик.

– Что видно?

Каррера поправила прибор.

– Ничего. Лес слишком густой, чтобы так далеко заглянуть.

Нат выглянул за дверь. Где-то хрустнула ветка. Затем из-за деревьев пулей выскочила мелкая лесная лань и промчалась мимо того места, где сидели Нат и Каррера. Оба охнули от испуга и шмыгнули внутрь, не успев сообразить, что зверь безобиден.

– Боже! – Каррера чуть не прыснула от смеха.

Лань задержалась у края круглой постройки, прядая ушами.

– Кыш! – крикнула десантница, махнув винтовкой для предупреждения.

Вдруг что-то свалилось с дерева прямиком лани на спину. Та сразу взвизгнула от боли и страха.

– Быстро внутрь! – велел Нат Каррере.

Она развернулась назад, а Нат в это время прикрывал ее из обреза. С лесной опушки к лани скакнула еще одна тварь, а за ней еще – из подлеска. Лань сделала пару неровных шагов и завалилась на бок, судорожно брыкаясь.

Сбоку, со стороны ручья, взревел датчик движения.

– Они здесь, – прошептал Натан.

Каррера, стоя по соседству, сорвала с себя прибор ночного видения и щелкнула фонарем. Между деревьев к реке протянулась светлая полоса. По обе стороны лес оставался темным, непроницаемым.

– Не видать ни...

Тут что-то плюхнулось на тропинку всего в нескольких ярдах от них.

Под этим углом существо, казалось, состояло из одних ног с длинным перепончатым хвостом, волочащимся сзади. Оно подскочило чуть ближе. Из-под пары черных выпученных глаз щерилась открытая пасть, поблескивая зубами в ярком свете, как у странной помеси жабы с пиранией.

– Это что за дрянь? – прошептала Каррера.

Тварь прыгнула на ее голос. Нат спустил курок.

Залп дробовика изрешетил гадину насквозь, отбросив назад. Этим-то Нат и нравился его дробовик – он не требовал точной наводки, а потому

отлично подходил для встреч со змеями, скорпионами и – в частности – ядовитыми амфибиями.

– Назад, – скомандовал он и накрепко захлопнул дверцу. Пусть она была лишь тонкой перегородкой из плетеных банановых листьев, зато могла на время сдержать натиск чудовищ.

– Здесь только один выход, – сказала Каррера.

Нат поднялся и одной левой отцепил с пояса мачете.

– Мы в шабано, не забывайте. – Он указал острием на дальнюю стену, противоположную и реке, и ручью. – Можно сделать его где угодно.

Фрэнк и капитан Ваксман пошли вслед за ним через срединный дворик. Ваксман складывал полевую карту.

– Они уже там, – сказал Нат. Он встал у задней стены, поднял мачете и принялся прорубаться сквозь пальмовую плетенку. – Уходить надо сейчас.

Ваксман кивнул, затем крикнул остальным и махнул рукой вперед.

– Все сюда! Пошли!

Нат прорубил в стене неровную дыру, отбрасывая по сторонам мусор. Ваксман приказал Окамото возглавить марш. В руках у того Нат заметил необычного вида оружие.

– Огнемёт, – пояснил Окамото, поигрывая стволом. – Будет нужно – прождемся.

Он нажал на курок, и тотчас из дула полыхнула струя ярко-рыжего пламени, словно трепещущее змеиное жало.

– Отлично. – Нат похлопал капрала по плечу.

После стольких дней, проведенных в одной лодке, Нат проникся симпатией к рулевому, хотя фальшивый свист азиата до сих пор выводил его из себя.

Окамото подмигнул Нату и не раздумывая юркнул в проход. Нат успел заметить небольшой бак с горючим у него за спиной. Следом, рассыпавшись по обе стороны, отправились четверо рейнджеров: Воржек, Грейвз, Джонс и Костос, вооруженные М-16 с гранатометами. Едва рейнджеры задели лазеры датчиков движения, как заново взвыли сирены.

– Теперь гражданские, – скомандовал Ваксман. – Шагайте кучнее. Старайтесь держаться в нашем кругу.

Первыми проскочили Ричард Зейн и Анна Фонг, затем – Олин и Манни с Тор-Тором в хвосте. Наконец выбрались Келли, Фрэнк и Коуве.

– Скорей, – позвала Келли Ната.

Он кивнул, оглядывая напоследок шабано. Ваксман следил за остальными солдатами, прикрывающими движение с тыла. Двое рейнджеров согнулись над чем-то в середине двора.

– Вперед, парни! – приказал Ваксман.

Рейнджеры выпрямились. Один из них, капрал по имени Шамад Ямир, показал Ваксману большой палец. Разговаривал он неохотно, всякий раз с сильным пакистанским акцентом. Кроме этого Нат знал о нем только одно – в отряде Ямир числился экспертом-подрывником. Поэтому устройство, оставленное во дворе, Нат разглядывал с подозрением. Капитан, перехватив этот взгляд, ткнул винтовкой в сторону отверстия.

– Нужно особое приглашение, а, доктор Рэнд?

Нат провел языком по губам и отправился вслед за О'Брайенами. Оказалось, рядовая Каррера снова его прикрывала. Теперь и она вооружилась огнеметом. Прищурившись, десантница оглядела чернеющий впереди лес. Ваксман и Ямир выходили из шабано, замыкая ряды.

– Не разбредаться! – прикрикнул Ваксман. – Стрелять и поджаривать все, что движется.

Каррера произнесла у Ната за ухом:

– Рванем до холма в пяти километрах отсюда.

– Откуда вы знаете, где он?

– Из карты.

Ее голос прозвучал неуверенно.

Нат вопросительно оглянулся. Каррера кивнула вбок и вполголоса пояснила:

– Ручья на ней не было.

Келли покосилась на шептунов и прошла мимо. Нат вздохнул. Неточность карт была ему не в новинку. Водоёмы лесных чащ донельзя изменчивы, и если границы озер и болот определялись по сезонам дождей, то мелкие речушки и ручьи еще чаще меняли свои очертания. Большая часть их оставалась безымянной и на картах вовсе отсутствовала. Но холм, по крайней мере, был.

– Не останавливаться! – приказал сзади Ваксман.

Тесным звеном команда неслась в джунгли. Нат озирался по сторонам, внимательно ловя любые подозрительные шорохи.

Где-то вдалеке слышался плеск ручья. Нат представил, как индейские поселенцы бегут по тропинке, не догадываясь об опасности, затаившейся рядом, не зная о скорой гибели...

Он натолкнулся на Келли и Фрэнка. Лес перед ними осветился языками пламени – капрал Окамото расчищал путь. Перебросившись парой слов, участники продолжали взбираться на пологий холм, отделявший их от реки, во все глаза озирая окрестные джунгли.

После почти двадцатиминутного подъема Ваксман обратился к

солдату, шедшему рядом.

– Запаливай свечку, Ямир.

Нат глянул через плечо. Шамад Ямир повернулся лицом в обратную сторону, забросил на спину винтовку и вытащил какое-то портативное устройство.

– Радиопередатчик, – подсказала Каррера.

Ямир поднял устройство и вдавил кнопку, отчего тот часто замигал красным.

– Что это зна... – нахмурился Нат.

Раздалось приглушенное «бум». Участок леса вспыхнул огненным шаром. Пламя озарило полнеба и разметалось по окрестностям.

Нат оторопело попятился. Остальные гражданские вскрикнули от неожиданности. Полыхающая сфера стремительно сдулась, оставив, однако, добрый клочок леса полыхать, словно факел. Сквозь красноватую дымку (ни дать ни взять адское пекло) в лесу просматривалась выжженная воронка, внутри которой голыми столбами торчали обугленные стволы. Не меньше акра в диаметре. От шабано не осталось и следа; даже датчики движения смолкли, испепеленные взрывом.

Нат не нашел слов от потрясения, только бросил на Ваксмана яростный взгляд.

Капитан жестом велел продолжать путь.

– Не останавливаться.

Каррера подтолкнула Ната вперед.

– Беспроигрышный вариант. Подчищаем за собой.

– Что это было? – спросил Коуве.

– Напалмовая бомба, – отчеканил капрал. – Недавно введены для боев в джунглях.

– Почему нам никто не сказал? Могли бы хоть предупредить! – заявил Фрэнк во всеуслышание, шагая едва не спиной вперед.

Капитан Ваксман ответил на ходу, по-прежнему подгоняя остальных:

– Мне приказано – я командую и обсуждать свои планы не собираюсь. Мое дело – безопасность.

– За что я вас и ценю, капитан, – вставил Зейн, обернувшись. – Лично я целиком и полностью вам доверяю. Надеюсь, это гадючье гнездо уничтожено?

– Похоже, не совсем, – проговорил Олин, прищурившись.

Их русский компаньон указал на ручей, открывшийся глазам в свете пламени. Участок русла по другую сторону огня так и кишел скачущими наперегонки сотнями сотен мелких тварей. И этот сбитый косяк рвался

против течения, словно лососи на нересте.

– Шевелитесь! – взревел Ваксман. – Нужно выбраться на возвышение!

Партия ускорила шаг. Все карабкались по склону, в спешке перестав оглядываться на горящий лес. Путь вправо теперь был отрезан стаей существ.

Впереди показался их лоцман в свете струй огнемета.

– Прямо по курсу вода! – прокричал Окамото.

Все устремились к нему.

– Боже правый, – обронила Келли.

Пятьюдесятью ярдами ниже тропу перерезал еще один ручей – шириной всего десять ярдов. Склон позади него продолжался до самого холма, куда лежал их путь.

– Ручей тот же самый? – спросил Фрэнк.

Тут из темноты вышел Йоргенсен с прибором ночного видения в руках.

– Я там немного разведал. Это приток того же ручья. Впадает в него чуть подальше.

Ваксман выругался.

– Не лес, а чертов аквапарк какой-то!

– Пока есть время, надо переходить, – сказал Коуве. – Скоро эти отродья и сюда доберутся.

Ваксман подозрительно вглядывался в неторопливый поток. Затем подошел к Окамото.

– Посветите-ка.

Рейнджер выстрелил из огнемета над самой водой, но мутные глубины ручья так и остались непроницаемы.

– Сэр, позвольте мне пойти первым, – вызвался Окамото. – Посмотрю, вдруг все чисто, а?

– Только осторожней, сынок.

– Само собой, сэр.

Поглубже вздохнув, Окамото поцеловал нательный крест и шагнул в воду. Там он побрел, держа огнемет на уровне груди.

– Течение так себе. Хотя глубоковато...

У середины ручья вода дошла ему до пояса.

– Скорее, – пробормотал Фрэнк, держа за него кулаки.

Наконец Окамото вышел на противоположный берег и, ухмыляясь, повернулся к остальным.

– Кажись, все спокойно.

– Пока, – вставил Коуве. – Нужно спешить.

– Пошли! – скомандовал Ваксман.

Все скопом бросились в воду. Фрэнк держал Келли за руку, Нат помогал идти Анне Фонг.

– Я неважно плаваю, – сказала она неизвестно кому. За ними отправились рейнджеры, подняв винтовки над головой.

На том берегу их поджидал крутой склон. Мокрые ботинки и скользкая грязь, раскисшая от недавних дождей, делали подъем еще опаснее. Группа все больше сбавляла шаг, растягиваясь длинной вереницей.

Из темноты вынырнул Йоргенсен, опять с «ночным биноклем» в руках.

– Капитан, – начал он, – я проверил тот, старый ручей. Похоже, вода успокоилась. Тварей больше не видно.

– Они там, – сказал Натан. – Просто перестали беситься.

– А может, раз огонь стих, они вернулись в главное русло? – с надеждой предположил Йоргенсен.

Ваксман нахмурился.

– Вряд ли можно полагаться на...

Резкий вскрик перебил капитана.

Кто-то слева вдруг сорвался со скользкого, грязного склона, рейнджер. Эдди Джонс. Он размахивал руками и ногами, тщетно пытаясь остановить падение, отчаянно бранясь. Его пальцы вцепились было в чахлый кустик, но тот с корнем вырвало из земли. Ударившись о выбоину в склоне, Джонс полетел вниз стремглав, уже без оружия, и приземлился в злосчастный ручей.

Двое рейнджеров – Воржек и Грейвз – бросились на помощь. Капрал вынырнул, давясь и отхаркивая воду.

– Мать их так! – Он подгреб к берегу. – Чертовы джунгли!

Поправляя шлем, рейнджер отвесил пару эпитетов посочнее и стал вылезать из воды.

– Тише, Джонс... вот так, потихонечку, – подсказывал Воржек, ощупывая лучом фонаря его мокрую форму. – Я бы дал тебе все десять баллов по лесному слалому.

– Засунь их себе... – огрызнулся Джонс, нагнувшись, чтобы отцепить клейкий тяж водорослей у себя со штанины. – Фу-у.

И тут только Грейвз заметил – что-то двигалось по рюкзаку напарника.

– Джонс...

– Что?

Тот поднял голову, не разгибаясь.

Оно прыгнуло, вцепляясь в мягкое горло под подбородком капрала. Он

подскочил.

– Что за черт! – И отодрал тварь от шеи. Хлынула кровь. – Аааааа!

Ручей вдруг словно вскипел, выплеснув целую дюжину выродков. Они прыгали на солдата, вцеплялись ему в ноги. Джонс завалился на спину, его лицо перекосило в агонии. Ручей принял его с громким всплеском.

– Джонс!

Воржек сделал шаг вперед.

Прямо перед капралом, чуть ему не под ноги плюхнулось новое существо, подрагивая жаберными крышками. Воржек, как и Грейвз, вскарабкался выше.

Тело Джонса корчилось на отмели. Его словно швырнули в кипящий котел.

– Назад! – взвыл Ваксман. – Всем подняться наверх!

Воржеку и Грейвзу не пришлось повторять дважды. Им вдогонку из ручья выскакивали все новые полчища тварей.

Забыв об осторожности, группа взметнулась наверх – кто ползком, кто на четвереньках. Келли вдруг не удержалась на ногах. Ее грязная рука выскользнула из ладони брата, она скатывалась все дальше в гибельном слаломе.

– Келли! – закричал Фрэнк.

Нат стоял ниже на пару ярдов и потому успел схватить ее за талию и придавить собой сверху, едва не потеряв обрез. Манни подбежал к ним и рывком поставил обоих на ноги.

Около него крутился Тор-Тор, пытаясь поучаствовать в общей свалке. Бразилец отмахнулся.

– Тащи наверх свой мохнатый зад.

Троица оказалась в самом хвосте. Фрэнк дожидался чуть выше.

Из числа прочих одна рядовая Каррера была по-прежнему рядом. Она прикрывала их сзади, поливая склон пламенем размеренно гудящего огнемета.

– Давайте нагонять всех, – выдавила она, пятась по склону, подгоняя их выше.

– Спасибо, – сказала Келли и пошарила взглядом, ища остальных.

Потом они поравнялись с Фрэнком. Тот снова взял сестру за руку.

– Никогда так больше не делай.

– Я же не специально...

Нат, присматривавший за ними сзади, вдруг перехватил взгляд Карреры, исполненный ужаса. Минутная заминка оказалась роковой – одно из существ прыгнуло на десантницу из подлеска, минуя огненную

преграду.

Каррера упала на спину, взметнув пламя высоко вверх. Тварь ухватила ее за ремень и начала извиваться в поисках сочного куска.

Прежде чем кто-нибудь успел сообразить, что делать, раздался громкий хлопок. Тварь рассекло пополам и отшвырнуло назад. Каррера и Нат разом повернулись и увидели, как Манни убрал хлыст на прежнее место.

– Что, так и будем сидеть и смотреть? – спросил Манни.

Нат помог Каррере встать на ноги. Компания отправилась дальше, набирая ход. Наконец они достигли вершины. Нат посчитал, что подъем сможет отрезать их от земноводных существ. Остальные уже стояли на самом верху.

– Нельзя останавливаться, – сказал Нат. – Чем больше между нами суши, тем лучше.

– Хорошая теория, – подтвердил Коуве. – Хотя на практике все гораздо серьезнее. – Шаман указал вниз, по дальнюю сторону холма.

Нат проследил за его рукой. С их высоты ручей казался серебряной лентой, сияющей в лунном свете. Со стоном Нат осознал, что ручей был все тем же, от которого они бежали все это время. Нат медленно обернулся. Теперь-то он понял, где был допущен просчет. Всего один, зато роковой.

– Мы на острове, – смятенно подытожила Келли.

Нат осмотрел ручей и увидел, что русло внизу разделялось на два рукава, которые огибали холм с обеих сторон, чтобы затем вновь слиться в едином потоке. Действительно, команда оказалась на острове, меж смертоносных ручьев, со всех сторон окруженная водой.

Ната замутило.

– Мы в ловушке.

* * *

2 часа 12 минут

Западное крыло института «Инстар»

Лэнгли, штат Виргиния

Лорин О'Брайен согнулась за чашечкой кофе в общей столовой. Только в такой поздний час она наконец смогла найти время для себя. Остальные изолированные сотрудники «Медее» либо уже спали в импровизированных спальнях, либо трудились в лабораториях. Даже Маршалл давно удалился к

себе вместе с Джесси. Рано утром его вызывали на совещание с участием представителей центра контроля заболеваний, двух глав комитетов и директора ЦРУ. По образному выражению Маршалла, все это время они «устраивали разборки на пороховой бочке». Такова была правительственная метода. Вместо того чтобы решать проблему сообща, начальство разных мастей продолжало переводить стрелки и прятаться по щелям. Целью Маршалла было перетряхнуть старые порядки. Требовался железный план действий. Пока пятнадцать карантинных зон содержались пятнадцатью разными способами. Царила полнейшая неразбериха.

Лорин со вздохом задержала взгляд на грудях бумаг и распечаток, разбросанных по столу. Ее команда до сих пор билась над одним простым вопросом: в чем причина болезни?

Исследования и тесты велись по всей стране – от Атланты до Сан-Диего. Правда, институт «Инстар» стал научным «пунктом номер один» в том, что касалось изучения болезни.

Лорин отодвинула доклад доктора Шелби об использовании почечных клеток обезьяны в качестве культуральной среды. Опыт провалился. Пока возбудитель не обнаруживался ни одним из стандартных методов выявления, как-то: посева в аэробных и анаэробных условиях, микологическая экспертиза, электронная микроскопия, гибридизация в точке на носителе, полимеразная цепная реакция. Каждый отчет заканчивался одними словами: результат отрицательный, рост нулевой, анализ недостоверный... какие только термины не использовали, чтобы обозначить неудачу!

Пейджер по соседству с остывшей чашкой кофе вдруг зажужжал и закружился по пластиковой столешнице. Лорин едва успела подхватить его на краю.

– Кому это приспичило звонить среди ночи? – пробормотала она, глядя на экран.

Программа идентификации номера определила абонента как биологическую лабораторию «Лардж скейл». Название незнакомое, код области указывал на северную Калифорнию. Должно быть, какой-нибудь техник запрашивал номер факса или протокол передачи данных. И все же...

Лорин встала, сунула пейджер в карман и направилась к стене, где висел телефон, когда услышала скрип входной двери. Обернувшись, она с удивлением обнаружила там Джесси в пижаме – та сонно терла глаза.

– Бабушка...

Лорин повесила трубку и подошла к внучке.

– Ты зачем вылезла, детка? Ты же должна спать.

– Я тебя везде искала.

Лорин опустилась на корточки.

– Что такое? Опять страшный сон?

В первые ночи здесь Джесси мучили кошмары, вызванные карантином и непривычной обстановкой, потом она быстро освоилась и завела новых друзей.

– У меня живот болит, – сказала девочка.

Глаза ее блестели, словно она вот-вот заплачет.

– Ну, милая, вот тебе и мороженое на ночь. – Лорин протянула руку и подтянула внучку к себе. – Сейчас нальем тебе водички и отправим обратно...

Лорин осеклась, только сейчас заметив, как девочка горяча. Она приложила ладонь ко лбу Джесси.

– Господи... – вырвалось у нее.

Ребенок пылал.

* * *

2 часа 31 минута

Джунгли Амазонии

Фавре стоял у палатки, когда со стороны реки показался верный Жак. Лейтенант принес с собой нечто размером не больше арбуза, завернутое в мокрое одеяло.

– Доктор, – сдержанно начал туземец-марун.

– Жак, что ты выяснил?

Он посылал его и еще двоих людей расследовать взрыв, который произошел чуть за полночь. Шум и грохот разбудили всю его команду спустя считанные минуты после отбоя. Утром того же дня Луи узнал о находке шабано и судьбе его прежних обитателей. А потом этот взрыв... Что там у них происходит?

– Сэр, деревня сожжена дотла, большая часть прилегающего леса – тоже. Ближе мы не смогли подобраться – огонь еще не погас. Утром должно получиться.

– А что та команда?

Жак глянул на ноги.

– Исчезла, сэр. Я оставил там Малахима и Жабу – пусть присматривают.

Луи сжал кулаки, кляня свою самонадеянность. После удачного похищения он решил, что добыча уже у него в руках, а теперь нате вам! Должно быть, одного из шпионов заметили. Раз лисица узнала, что на нее спустили собак, задача Луи многократно усложнялась.

– Собери остальных. Если рейнджеры бегут от нас, нельзя дать им уйти далеко.

– Есть, сэр. Но, доктор, я не уверен, что они бегут именно от нас.

– С чего ты взял?

– Когда мы гребли к зоне пожара, к нам вынесло тело из какого-то притока.

– Тело?

Луи испугался, что его «крота» рассекретили и послали в виде предупреждения.

Жак развернул одеяло и вывалил содержимое на усыпанную листвой землю. Там была человеческая голова.

– Плавала рядом с туловищем.

Нахмурившись, Луи опустился на колени и осмотрел голову – вернее, то, что от нее осталось. Лицо было начисто съедено, но, судя по бритой макушке, принадлежало одному из рейнджеров.

– С телом то же самое, – добавил Жак. – Обглодано до костей.

Луи поднял глаза.

– Что с ним случилось?

– По-моему, пираньи, если верить Следам зубов.

– Точно?

– Точнее некуда.

Жак ткнул себя в огрызок носа, напомнив о том, что еще в юности познакомился с лютыми речными хищниками.

– Они объели его уже мертвым?

Жак пожал плечами.

– Если нет, мне жалко ублюдка.

Луи поднялся на ноги, устремив взгляд на реку.

– Что, черт возьми, там творится?

14 августа, 3 часа 12 минут

Джунгли Амазонии

На вершине острова-холма стоял Нат со товарищи. Их окружала цепочка рейнджеров, которых осталось теперь всего восемь. «По одному на каждого, – подумалось Нату, – прямо личные телохранители».

– А нельзя ли сбросить еще одну напалмовую бомбу и расчистить дорогу от этой нечисти? – спросил Фрэнк, который стоял рядом с капитаном Ваксманом. – Скатить ее вниз и пригнуться, чтобы не накрыло.

– Если нас не поджарит взрыв, то горящий лес припрет аккурат к ядовитой дряни.

Фрэнк вздохнул, не сводя глаз с темной чащи.

– А как насчет ваших гранат? Набросать бы их в несколько залпов и проскочить в перерывах.

Ваксман сдвинул брови.

– Слишком рискованно класть их так близко. Да и где гарантии, что поубивает всю мразь, что прячется за стволами. Их тут пруд пруди. Мой приказ – держать высоту, пока не рассветет.

Фрэнк скрестил руки на груди – план его вовсе не радовал.

В ночи то и дело вспыхивало пламя – капрал Окамото и рядовая Каррера караулили холм с обеих сторон, подсвечивая его огнеметами. Несмотря на то что тварей не было видно в течение получаса, они все еще таились неподалеку. Прилегающий лес наполнила мертвая тишина – ни пения птиц, ни криков обезьян. Даже насекомые, казалось, жужжали и пищали шепотом. И все же там, куда не проникал свет фонарей, раздавался шорох листвы под лапами невидимых лазутчиков, крадущихся через подлесок.

В фокусе «ночных биноклей», наведенных на окружающие русла ручьев, существа до сих пор прыгали с берега в воду и обратно. Видимо, гипотеза Ната оказалась верна: жабродышащие твари были вынуждены время от времени возвращаться к воде, чтобы освежиться.

Рядом, на куче листьев, набросанных поверх грязи, присел Манни, работая в свете карманного фонаря. Над ним склонились Келли и Коуве. Чуть раньше ему удалось, рискуя жизнью, прорваться к опушке и подобрать одно из существ, попавших в струю огнемета. Экземпляр

оказался примечательный, несмотря на обугленные бока. Длина его от кончика хвоста до острозубой пасти составила около фута. На голове выступали большие черные глаза, обеспечивая круговой обзор. Сильные мускулистые ноги длиной почти с туловище оканчивались перепончатыми лапами с присосками на пальцах.

В присутствии остальных Манни произвел упрощенное вскрытие, ловко орудуя скальпелем и пинцетом из медицинского набора Келли.

– Потрясающе, – наконец пробормотал бразилец.

Нат встал поближе вместе с Келли и Коуве – послушать объяснение биолога.

– Явно какая-то химерная форма. Сочетание признаков разных видов.

– Как это? – удивилась Келли.

Манни сдвинулся в сторону и вытянул руку с пинцетом.

– Натан был прав. Хотя их кожа и не покрыта чешуей, как у рыб, зато дыхательная система соответствует обитателям водной среды. Жабры, а не легкие. А вот ноги – обратите внимание на полосы – определенно от земноводного. Узор в точности повторяет расцветку *Phobobates trivittatus*, полосатой лягушки-листолаза – самой крупной и наиболее ядовитой представительницы своего семейства.

– Так ты хочешь сказать, это лягушка-мутант?

– Сначала я так и подумал. Наша тварь напоминает головастика, замершего в развитии на стадии, когда жабры еще не рассосались и сформированы только задние ноги. Сомнения появились, когда я продолжил вскрытие. Первое, что бросается в глаза, – несоразмерность. Фантастические габариты и вес даже для крупнейшего из листолазов. – Манни перевернул распластанное существо и указал на зубы и глаза. – Вдобавок полностью выпадает из картины форма черепа. Он уплощен не в спинно-брюшном, как у лягушки, а в боковом направлении, что больше характерно для рыб. Да что там, само строение черепа, челюсти и зубов практически принадлежит обычнейшему хищнику Амазонки – *Serrasalmus rhombeus*. – Манни оторвался от трудов. – Черной пиранье.

Келли откинулась.

– Не может быть!

– И я так сказал бы, не лежи она сейчас передо мной. – Манни сел на пятки. – Всю жизнь проработал с животными Амазонии и не встречал ничего подобного. Истинная химера – существо, соединяющее в себе признаки лягушки и рыбы!

Нат пристально разглядывал распластанную перед ним тварь.

– Как такое возможно?

Манни покачал головой.

– Не знаю. А как возможно, чтобы человек регенерировал руку? Думаю, если здесь водятся подобные химеры, мы на верном пути. Что-то там есть. Экспедиция твоего отца откопала мутаген выдающейся силы.

Нат бросил взгляд на иссеченные останки. Что, черт возьми, он нашел?

Тут донесся голос Карреры. Ее сторожевой пост располагался с северной стороны холма.

– Они снова идут!

Нат настороженно вытянул шею.

Лесные шорохи с севера стали громче, словно джунгли зашевелились.

Каррера пустила струи пламени ниже по склону, и те развеяли темную завесу. В свете пламени отразились сотни бусинок-глаз, усеивающих и подлесок, и сами деревья. Одно из существ ринулось с пальмового насеста и приземлилось в огневой зоне. Раздалась короткая очередь, и тварь изрешетило в кровавое месиво.

– Все назад! – крикнула Каррера. – Они наступают!

Отовсюду – с земли и деревьев – скакали и сыпались тельца, не страшась ни огня, ни выстрелов. Казалось, твари решили побороть их числом. У Ната перед глазами встало индейское побоище. Все повторялось. Он сбросил с плеча обрез, прицелился и сбил одну из зубастых убийц прямо влет, когда та прыгнула с ветки у Карреры над головой. Вниз упали лишь кровавые ошметки.

Им пришлось скучиться и, оставив вершину, спуститься по южному склону. Выстрелы и стволы огнеметов светились в ночи. Вокруг заплясали лучи фонарей, заставляя каждую тень подпрыгивать и смещаться.

Ведя вверенных ему гражданских вниз по склону, капрал Окамото поливал перед собой огненными струями.

– Похоже, тут пока чисто, – выкрикнул он.

Нат рискнул осмотреться. Сквозь лес хорошо различался второй рукав речушки, огибавший южную оконечность холма.

– А почему с этой стороны нет ни одной твари? – смущенно спросила Анна.

Ответил ей Зейн, который то и дело испуганно поглядывал через плечо.

– Возможно, они все собрались по ту сторону для решающего удара.

Нат смотрел сверху вниз, на поток. На вид он казался спокойным и тихим, но Нат и не думал обманываться. Он вспомнил, как капибара, крупнейший из грызунов, выбежала из леса и, помчавшись вдоль реки,

попала в засаду.

– Они загоняют нас, – пробормотал он.

– Что? – переспросила Келли.

– Они хотят, чтобы мы подошли к реке. Стая загоняет нас в воду.

Его услышал Манни.

– Думаю, Нат прав. Если не считать способности передвигаться по суше на короткие расстояния, изначально они существа водные, а потому для них лучше подогнать жертву как можно ближе к воде, прежде чем расправиться с ней.

Келли оглянулась на шеренгу рейнджеров, извергающих пламя, прикрывая все подступы к ним сзади.

– Какие у нас альтернативы?

Окамото, подойдя ближе других к речушке, замедлил шаг, глядя на нее, как и все, с явным недоверием.

Капрал повернулся к Ваксману, идущему позади.

– Сэр, я попытаюсь пройти. Как в тот раз.

Ваксман кивнул.

– Осторожней, капрал.

Окамото направился к ручью.

– Нет! – вскричал Нат. – Я уверен – там западня!

Окамото посмотрел на него, затем перевел взгляд на Ваксмана. Тот жестом послал его вперед, продолжать путь.

– Нам надо убраться с острова.

– Стойте, – вклинился Манни. В его голосе звучала болезненная решимость. – Я... я лучше отправлю Тор-Тора.

К этому моменту вся группа собралась вместе. Ваксман уставился на ягуара, потом согласился.

– Давай.

Манни повел ягуара к темнеющим водам.

Нат лихорадочно соображал, что же делать. Прыгнуть туда сейчас было равносильно самоубийству. Он понимал это с той же определенностью, с какой знал, что утром взойдет солнце.

Но Ваксман был прав – перебраться на ту сторону необходимо. Нат прокручивал в голове всевозможные комбинации. Вереочный мост над водой? Невыполнимо. Да и сумей они его протянуть, тварям будет нипочем такая высота. Группа окажется для них не более чем наживкой на веревке.

Забросать гранатами? Ручей слишком длинный. Всех, кого убьет взрывом, быстро заменят те, что выше. Они метнутся против вялого течения и набросятся на команду во время перехода вброд.

Нет, требовалось другое – то, что могло очистить весь рукав целиком... но что именно?

И тут Ната осенило. Ответ был у него перед глазами всего пару дней назад.

Манни и Тор-Тор уже подходили к берегу. С ними шел Окамото, освещая дорогу.

– Стойте! – крикнул Нат. – У меня идея!

Манни остановился.

– Какая? – спросил Ваксман.

– Если верить Манни, эти твари ближе всего к рыбам?

– Ну и?

Нат сделал вид, что не заметил брошенного капитаном взгляда, и обратился к Коуве:

– У вас есть с собой толченые плети айяэйи?

– Разумеется, но при чем... – Профессор замер на полуслове. – Великолепно. Я должен был сам догадаться.

– О чем? – спросил Ваксман, все больше недоумевая.

Позади, выше по склону, линейка рейнджеров из последних сил сдерживала напор хищников с помощью ружей и огня.

У реки поджидал Окамото.

– Индейцы используют порошок айяэйи во время рыбалки, – наскоро объяснял Нат. Он вспомнил короткую сцену на реке, которую застал вместе с Такахо, когда они везли Таму в Сан-Габриель: женщина сыпала на воду черный порошок, а мужчины тем временем копьями и сетями собирали парализованную рыбу ниже по течению. – Стебли лианы содержат ротенон – мощный токсин, который вызывает удушье у рыб. Эффект почти моментальный.

– Так что вы предлагаете? – спросил Ваксман.

– Мне знаком этот метод. Я отнесу кiset выше по течению и отравлю ручей. Как только токсин смочет ниже, он парализует всех тварей, какие там есть.

Ваксман прищурил глаза.

– И это сработает?

– Должно, – ответил Коуве, роясь в рюкзаке, – если существа действительно жабродышащие.

Тут профессор оглянулся на Манни.

Биолог кивнул, глядя веселей.

– Не сомневаюсь.

Ваксман вздохнул и жестом отозвал Окамото и Манни от воды. Когда

капитан повернулся к Нату, у него за спиной прогремел взрыв.

Земля, листья и ветки – все полетело в воздух: кто-то бросил гранату.

– Твари прорываются! – закричал сержант Костос.

Ваксман ткнул пальцем в Ната:

– Пошел!

Тот развернулся.

Профессор Коуве достал из рюкзака большой кожаный кисет и передал Нату.

– Будь осторожен.

Нат поймал одной рукой мешочек, дал отмашку обрезом.

– Каррера! – позвал Ваксман десантницу и ткнул в сторону Ната. – Прикрой его.

– Есть, сэр.

Рядовая спустилась по склону с огнеметом наперевес, сдав пост Окамото.

– Как только заметите рыбу, плывущую кверху брюхом, – наказывал Нат остальным, – бегите на ту сторону. Да, течение здесь небольшое, но мне неизвестно, насколько хватит токсина.

– Я буду держать всех наготове, – сказал Коуве.

Нат оглядел их и встретил взгляд Келли, прижавшей ладонь к шее. Он ободряюще улыбнулся ей и направился прочь.

Вдвоем с рядовой Каррерой они мчались против течения, стараясь не приближаться к воде. Нат бежал сзади, тогда как десантница пробивала путь им обоим, то и дело поливая перед собой из огнемета. Оставив позади дымящийся подлесок, они понеслись дальше. Нат обернулся. Место, где он оставил товарищей, теперь угадывалось лишь по зеленоватому свечению между деревьям.

– Видать, гады почуяли заваруху, – сказала Каррера, задыхаясь от быстрого бега. Она указала свободной рукой на ручей. Несколько всплесков обозначили те места, где твари начали выпрыгивать из воды, преследуя беглецов.

– Не стойте на месте, – подгонял ее Нат. – Уже недалеко.

Они мчались дальше под звуки приглушенных всплесков и треска в кустах от сыплющихся туда тушек.

Наконец они достигли участка, где основной поток раздваивался на северный и южный рукава, огибавшие холм. Русло здесь было узким, течение – стремительным. Волны накатывали на камни, сбиваясь в пузырящуюся пену. Из воды выскакивали все новые твари, поблескивая гладкими боками в свете пламени.

Нат переждал, пока Каррера выпустила упреждающую струю. Существа корчились на илистой отмели, кое-кто пытался улизнуть в реку с подпаленной шкурой.

– Теперь или никогда, – сказала Каррера.

Вскинув обрез на плечо, Нат проскочил перед ней с кисетом порошка в руке и рывком ослабил кожаный ремешок.

– Да сыпьте все прямо так, – посоветовала Каррера.

– Нет, надо убедиться, что разошлось равномерно.

Нат шагнул еще ближе к реке.

– Осторожно.

Каррера двинулась следом, поливая огнем все вокруг. Нат подобрался к самой кромке.

Каррера, полусидя, окатывала пламенем водную поверхность, готовясь поджарить каждого, кто посмеет высунуться.

– Давай!

Нат кивнул и свесился над водой, вытянув руку с зажатым в ней кисетом. На движение из воды что-то прыгнуло. Нат вовремя отдернул кисть, чтобы избежать укуса. Вместо этого тварь вцепилась бритвенно-острыми зубами в край его рукава и повисла на нем.

Нат взмахнул рукой – ткань затрещала, и мерзкое создание улетело далеко в лес.

– Вот черт!

Не дожидаясь второго раза, Нат поспешно высыпал в воду порошок, как следует его разбрасывая – чтобы лучше растворялся.

Каррера отчаянно работала огнеметом. Похоже, все твари в реке устремились сюда, к ним.

Нат вытряхнул остатки порошка в реку и бросил туда же кисет. Провожая взглядом быстро уносящийся мешочек, он молился об одном – лишь бы план сработал.

Каррера оглянулась. За ней Нат заметил новых прыгунов, перемахивающих по ветвям в глубь леса.

– Есть проблема, – сказала десантница.

– Какая?

Она подняла огнемет и выпустила пламя в направлении джунглей. Напор пламени из дула ослабевал на глазах, словно у водяной струи из только что перекрытого шланга.

– Горючее кончилось, – пояснила она.

* * *

Фрэнк О'Брайен стоял бок о бок с сестрой, охраняя ее. Порой он мог поклясться, что может читать ее мысли. Так было и сейчас. Келли смотрела на реку, дожидаясь вместе с Манни и Коуве какого-нибудь знака, подтверждающего, что план Ната удался. Но еще Фрэнк заметил, как сестра то и дело поглядывала на джунгли, в сторону тропинки, которой ушли ученый и девушка-солдат. Не укрылся от него и блеск в глазах Келли.

Громыкнула очередная граната. Сквозь лесной полог посыпался град осколков и мусора. Автоматные очереди вокруг почти не замолкали. Шеренга рейнджеров мало-помалу отступала к кучке гражданских. Скоро им не останется ничего, кроме как пятиться к ручью и встретиться с тем, что таилось в его водах.

Анна Фонг ждала рядом с Зейном и Олином Пастернаком, сторожившим теллуксовца с девятимиллиметровой «береттой» в руке. Крупнокалиберный пистолет плохо подходил для стрельбы по таким мелким и подвижным мишеням.

Сзади раздался рык ягуара Тор-Тора.

– Смотрите! – вскрикнула Келли.

Фрэнк обернулся. Его сестра стояла с фонарем в руке, освещая ручей. Тут он тоже увидел их в луче фонаря – маленьких глянцевых существ, всплывающих из глубины и дрейфующих мимо по течению.

– Ему удалось! – радостно воскликнула Келли.

Профессор Коуве шагнул чуть ближе к ручью. Одна из лягушкопираний ринулась на него из воды, но шмякнулась боком в грязь. Пару секунд она трепыхалась, а затем замерла. Оцепенела. Коуве и Фрэнк переглянулись.

– Другого шанса не будет. Идти нужно сейчас.

Фрэнк вытянул шею, засек чуть выше по склону капитана Ваксмана и прокричал во всю мочь, чтобы его услышали сквозь ружейный огонь:

– Капитан Ваксман! План Рэнда сработал! – Фрэнк помахал рукой. – Можно переходить! Уже!

Ваксман ответил кивком и прогремел следом:

– Так держать, бойцы! Отходим к ручью!

Фрэнк тронул козырек своей счастливой бейсболки и подошел к Келли.

– Пора.

Манни опередил их.

– Мы с Тор-Тором пойдем первыми. Вскрытие проводил я, так что мне и опробовать план. – Не дожидаясь ответа, Манни с питомцем приблизились к кромке воды. Мгновение – и Манни, глотнув воздуха, бросился в поток. Этот рукав оказался глубже предыдущего; вода дошла биологу по грудь. Тор-Тору пришлось перебираться вплавь.

Но вот Манни уже вскарабкивался на противоположный берег. Поднявшись, он обернулся.

– Скорее! Пока все спокойно!

– Шевелитесь! – скомандовал Ваксман.

Гражданские пошли вброд вместе, цепочкой вытянувшись по течению.

В воде плавали сотни тварей. Людям приходилось пробираться среди оцепеневших тел, распихивая по сторонам и опасаясь острых зубов, торчащих из неподвижных разинутых пастей. Фрэнк, не дыша от страха, молился, лишь бы те так и оставались неподвижными.

Добравшись до берега, компания, едва не паникуя, вышла из воды. За ними перебирались рейнджеры – ринулись в воду при полном вооружении, даже не глядя на то, что их окружало. Когда они взбирались на сушу, по ту сторону ручья показалась первая группа тварей, что вернулись к воде освежиться. Пара лягушкопираний выскочила из леса и направилась к ручью, однако остановилась у самой кромки, хлопая жаберными крышками.

«Похоже, опасность почуяли», – смекнул Фрэнк. Но выбора у них не было – на суше они задыхались. И вот, словно повинуюсь чьему-то тайному приказу, все скопище пираний-мутантов устремилось в воду.

– Уходим! – распорядился Ваксман. – На отравленную воду больше рассчитывать нельзя.

Отряд побежал прочь от ручья, на покрытые лесом возвышенности. Свет фонарей по-прежнему стягивался к воде и берегам. Однако по прошествии нескольких минут стало ясно, что гонка окончена. То ли отраву до сих пор не смыло течением, то ли выродки наконец-то сдались.

– Вот и все, – выдохнул Фрэнк.

Келли, по-прежнему чем-то озабоченная, стояла рядом, шаря лучом фонаря по дальнему берегу.

– Где же рядовая Каррера? – спросила она вполголоса, затем повернулась к брату. – И где Нат?

Выше по реке внезапно прогремел взрыв, эхом отдаваясь в лесу.

Келли испуганно посмотрела на Фрэнка.

– Они в беде.

* * *

Нат вскинул обрез и подстрелил еще одну тварь, у какой хватило наглости приблизиться. Каррера сбросила с плеча канистру с горючим для огнемета и нагнулась над ней.

– Долго еще? – спросил Нат, глядя во все глаза по сторонам, чтобы ничего не упустить.

– Почти готово.

Он посмотрел на ручей. В свете фонаря Карреры было заметно, что яд начал действовать. Ниже по течению стали всплывать его первые жертвы, но поток быстро увлекал их прочь.

Узкая протока позади них была чиста от тел и не внушала доверия. Такое стремительное течение наверняка разнесло порошок дальше, поэтому оставаться здесь было небезопасно. Следовало спуститься вместе с отравой по течению и отыскать безопасный брод в том месте, где течение становилось ленивее и где яд все еще действовал... только вот от спасения их отделяли полчища засевших в лесу тварей.

– Готово, – сказала Каррера и встала.

Она подхватила с земли свой агрегат и туго затянула крышку канистры, высунув наружу самодельный фитиль. Для работы огнемета горючего было слишком мало, но вполне хватало для другой цели. Так они надеялись.

Нат прикрывал их с обрезом.

– Вы уверены, что все получится?

– Неплохо бы.

И это-то были слова ободрения, в которых он так нуждался!

– Еще раз, куда целить? – спросила Каррера, приблизившись.

Нат повернул дуло ружья и указал на дерево с серой корой почти в тридцати ярдах ниже по ручью.

– О'кей. – Каррера запалила фитиль от газовой горелки. – Приготовились.

Она отвела руку назад и со всего маху швырнула канистру в воздух. Нат затаил дыхание. Канистра, кувыряясь, полетела и рухнула напрямик у корней того самого дерева.

– Выходит, недаром нас гоняли играть в софтбол^[3], – пробубнила Каррера про себя, а затем крикнула Нат: – Ложись!

Оба бросились в листья. Нат, падая, придержал ружье дулом вперед. И очень вовремя. Из кустов выскочила зубастая тварь и приземлилась в

нескольких дюймах от его носа. Нат откатился и наподдал ей ударом приклада. Перевернувшись потом на живот, он посмотрел на десантницу.

– А это бейсбол, – проговорил Нат. – Университет, старшие курсы.

– Лежать!

Каррера дотянулась и ткнула его лицом в грязь.

Раздался оглушительный взрыв, сверху посыпались куски шрапнели. Нат оглянулся. Задумка Карреры и впрямь удалась. Ее стараниями полупустой бак для горючего превратился в огромный «коктейль Молотова». Ночь вспыхнула пламенем.

Каррера подобралась и села.

– А как там...

Теперь уже Нату пришлось швырять ее наземь. Второй взрыв показался им разрядом молнии – треск дерева в сочетании с гулким ударом. Окрестные джунгли прошило насквозь горящими кусками копала-смолы.

– Проклятье! – выругалась Каррера. Ее рукав загорелся, но она быстро затушила его о рыхлую землю.

Нат встал на ноги, довольный своей работой. Вместо дерева, служившего им мишенью, красовался расщепленный пень, на котором плясали голубоватые язычки пламени. Как Нат и ожидал, богатый углеводородами сок сыграл роль горючего и вкупе с импровизированной гранатой превратил ствол в естественную бомбу, вдобавок подпалив прибрежную полосу.

– Бежим! – кричал Нат, поравнявшись с Каррерой.

И они припустили сквозь горящий и изрешеченный участок леса параллельно ручью, пока не добрались туда, где стало заметно действие снадобья – тушки смертоносных существ и прочей рыбы заполнили все русло.

– Сюда!

Нат забежал в воду и отчасти поплыл, отчасти зарылся в эту гущу, прокладывая себе путь. Каррера – за ним.

Не прошло и минуты, как они взобрались на тот берег.

– Ай да мы! – рассмеялась Каррера.

Нат вздохнул. Где-то вдали он высмотрел свет таких же, как у них, фонарей. Отряд тоже сумел перейти.

– Пойдем посмотрим, все ли в порядке с остальными.

Помогая друг другу подняться, они заковыляли прочь от речушки, держа курс на лагерь товарищей.

Едва они вышли из леса, как были встречены воплями радости.

– Так держать, Каррера, – произнес Костос, широко улыбаясь.

Ната приветили не менее радушно. Келли обхватила его за шею и крепко обняла.

– Вы молодец, – прошептала она ему в ухо. – Справились.

– И даже вовремя, – заметил Нат с кивком головы.

Фрэнк похлопал его по спине.

– Отлично сработано, доктор Рэнд, – отчеканил капитан Ваксман и отвернулся, чтобы собрать бойцов. Никто не хотел оставаться близко к ручью, будь тот отравлен или чист.

Келли опустила руки, но сначала поцеловала Ната в щеку.

– Спасибо... спасибо, что спасли нас. И за то, что вернулись целым.

И она упорхнула, оставив Ната в некотором замешательстве.

Каррера пихнула его локтем в бок и подмигнула.

– Похоже, кое-кто обзавелся подружкой.

* * *

10 часов 2 минуты

Джунгли Амазонии

Луи стоял в центре воронки на речном берегу. В воздухе все еще чувствовался едкий запах напалма. За спиной у Фавре его люди разгружали каноэ и вскидывали на плечи поклажу. Дальше они пойдут пешком.

С зарей небо затянулось тучами, и сверху посыпалась мелкая изморось, гася последние курящиеся огни. Испарения не уносились ветром, а наполняли эту вымершую лощину густым призрачно-белым туманом.

Чуть поодаль бродила пассия Фавре, удрученно и горестно осматривая лес, словно ей самой нанесли тяжкую рану. Она медленно обошла шест, воткнутый в землю с насаженным на него странным созданием. То была одна из причудливых тварей, с какими сражался другой отряд. Луи ни разу не встречал подобных существ, как и Тшуи, судя по выражению ее лица. Она разглядывала находку, как птица – червя, склонив голову набок.

Жак возник у Фавре за спиной.

– Вам сигнал... на специальной частоте.

– Наконец-то, – выдохнул он.

Парой часов раньше, перед рассветом, вернулся один из разведчиков, с безумными глазами и полуживой от страха. Он доложил, что его напарник – приземистый колумбиец по прозвищу Жаба – был атакован одним из

существ и умер в мучениях. Он, Малахим, еле уцелел. К несчастью, его сведения о местонахождении чужой команды оказались более чем обрывочны. Судя по ним, группа рейнджеров, преследуемая вдоль речного притока, спасалась от тех же существ и сейчас направлялась к юго-западу. Но куда именно?

у Луи был способ разузнать это. Он взял у Жака из рук рацию. Она была связана напрямую с крошечным передатчиком, который нес один из участников экспедиции противника – его «крот», посаженный воякам под нос за немалые деньги.

– Спасибо, Жак.

С рацией в руке Луи отошел в сторону на несколько ярдов. Сегодня у него уже был один разговор – со спонсорами, французской «Сен-Савен компани». Похоже, в Амазонском бассейне и в Штатах разгорелась какая-то эпидемия – что-то связанное с мертвым телом. Ставки росли. Луи потребовал прибавки собственного жалованья, ссылаясь на все большую опасность предприятия. Как он и думал, «Сен-Савен» согласился. Лекарство от новой болезни принесет его заказчикам миллиарды. Что им теперь лишняя пара потраченных франков?

Луи поднял рацию к уху.

– Фавре у аппарата.

– Доктор Фавре. – В голосе на том конце послышалось облегчение. – Слава богу, я вас нашел.

– Я ждал вашего звонка. – Фавре взял угрожающий тон. – Вчерашней ночью я потерял хорошего парня потому, что кое-кто не позаботился предупредить нас о ядовитых головастиках.

Последовала долгая пауза.

– Мне... Я прошу прощения. Не смог вырваться во всей этой суматохе и позвонить. По правде сказать, сейчас первый раз, когда меня отпустили по нужде в одиночку.

– Чудно. Теперь рассказывайте, что за суматоха помешала вам связаться со мной.

– Это был суший кошмар. – Следующие три минуты шпион расписывал ему подробности произошедшего. – Если бы Рэнд не насыпал свою отраву для рыб, нам всем пришел бы конец.

При упоминании Рэнда пальцы Фавре с силой стиснули трубку. Одного звука этого имени было достаточно, чтобы волосы у него на загривке поднялись дыбом.

– И где же вы все сейчас?

– Пока движемся на юго-запад, в поисках очередной метки Джеральда

Кларка.

– Очень хорошо.

– Но...

– В чем дело?

– Я хочу выйти из игры.

– Пардон, мон ами?

– Вчера ночью меня чуть не убили. Я надеялся, что, может быть, вы... ну, не знаю, подобрали бы меня, когда я отстану от своих. Я бы не поспешил за безопасное возвращение к цивилизации.

Луи закрыл глаза. Похоже, «крот» почуял, что запахло жареным. Что ж, придется подстегнуть животинку.

– Что ж, если вы решили оставить свой пост, я, конечно, найду вас.

– С-спасибо. Я бы...

Его прервали.

– И будьте уверены, когда это случится, ваша смерть будет самой долгой, мучительной и постыдной. Если вы знакомы с моим досье, уверен, знаете и о том, насколько я изобретателен.

На противоположном конце замолчали. Фавре представлял себе, как его соглядатай трясется и мечется от страха.

– Я все понял.

– Великолепно. Рад, что мы с этим разобрались. Перейдем к более важной теме. Похоже, что наш обоюдный французский клиент предъявил к нашим услугам особые требования. Боюсь, вам предстоит еще кое-что сделать.

– Ч-что?

– Из соображений безопасности и ради обеспечения собственных прав на то, что нас ждет, клиент пожелал отрезать любую связь конкурента с внешним миром, по возможности быстро и не вызывая подозрений.

– И как, по-вашему, мне это повернуть? Да, меня снабдили компьютерным вирусом для замедления работы со спутником, но у рейнджеров собственное коммуникационное оборудование. К нему и близко не подобраться.

– Нет проблем. Вы запускаете вирус, а рейнджеров я возьму на себя.

– Но...

– Расслабьтесь. Одного я вас не оставляю.

Линия опять словно вымерла. Луи улыбнулся. Похоже, агент был вовсе не рад услышанному.

– Свяжитесь со мной еще раз, сегодня же, – произнес Фавре.

Недолгое молчание.

- Я попытаюсь.
- Пытаться не надо. Надо делать.
- Да, доктор.

Связь прервалась.

Луи опустил рацию и направился к Жаку.

– Мы уже должны были выйти. Та команда нас здорово обошла.

– Хорошо, сэр.

Жак удалился собирать и строить людей.

Тут Фавре увидел, что Тшуи все еще стоит у наколотого на шест создания. Если ему не почудилось, она смотрела испуганно. Луи засомневался. Возможно ли? До сих пор индианка не выказывала подобной реакции, будто страх был ей неведом. Он подошел и привлек Тшуи к себе. Она едва уловимо дрогнула в его объятиях.

– Тсс, ма шерИ. Здесь бояться нечего.

Тшуи прильнула к нему, все же продолжая поглядывать на кол. Она прижалась теснее, испустив легкий стон.

Луи призадумался. Быть может, ему следовало учесть молчаливые опасения любовницы. Отныне он будет действовать осторожнее и хитрее. Другую команду едва не уничтожили водные хищники, прежде им не знакомые. Очевидно, те идут по верному следу. Но что, если на этом опасности не закончились?

Обозначив угрозу, Фавре неожиданно уяснил, что выгодно отличало его отряд от отряда конкурентов. Прошлой ночью тем удалось выжить лишь благодаря своей находчивости и смекалке, тогда как команде Луи не составило труда пройти тот же путь. Так почему бы не сделать так снова? Почему бы не сесть им на хвост, дожидаясь, пока они одни разгромят всех врагов?

– А потом нам останется сплясать на трупах и забрать приз, – пробормотал Луи. Снова довольный собой, он наклонился и чмокнул Тшуи в макушку, приговаривая: – Не бойся, любовь моя. Победа за нами.

* * *

10 часов 9 минут

Больничная палата института «Инстар»

Лэнгли, штат Виргиния

Лорин О'Брайен сидела у койки, забыв про книгу в руках. Это была

«Зеленая яичница с ветчиной» доктора Зюсса – любимая внучкина сказка. Джесси крепко спала, свернувшись калачиком. На заре кризис пошел на спад. «Коктейль» из жаропонижающих и противовоспалительных сделал свое дело, мало-помалу сбив температуру с тридцати девяти до нормальной. Никто точно не знал, подхватила ли Джесси новую заразу – ведь простуда у детей встречается сплошь и рядом. Однако на «авось» полагаться не стали.

Палата, в которой спала девочка, представляла собой замкнутое помещение, герметичное, снабженное воздушным затвором, способным предотвратить возможное распространение инфекции. Сама Лорин была одета в цельный одноразовый комбинезон с кислородной маской. Поначалу она отказалась его надеть, боясь еще больше напугать Джесси. Однако того требовали правила посещения карантинной зоны для персонала и посетителей. Когда Лорин в первый раз зашла в комнату в этой униформе, Джесси и впрямь испугалась, но потом родное лицо в окошке маски и ласковые слова ее успокоили. Лорин всю ночь не отходила от внучки, пока у той брали кровь, осматривали и вводили лекарства. Наконец юные годы взяли свое – девочка забылась сном.

Легкий шорох возвестил Лорин о чьем-то приходе. Она неловко обернулась в комбинезоне и увидела знакомое лицо за точно такой же маской. Лорин положила книгу на столик и встала.

– Маршалл.

Муж подошел и заключил ее в пластиковые объятия.

– Я посмотрел график перед тем, как зайти. – Его голос казался каким-то далеким и металлическим. – Жар спал.

– Да, он пошел на убыль пару часов назад.

– Из лаборатории что-нибудь слышно?

Лорин уловила испуг в его тоне.

– Нет. Болезнь подозревать слишком рано.

Не зная природы возбудителя, провести экспресс-тест было невозможно. Диагноз пока ставился на основании трех клинических признаков: стоматитов, микрокровоизлияний слизистой и резкого падения общего количества лейкоцитов.

Однако все эти симптомы развивались не ранее тридцати шести часов с первоначального подъема температуры. Ожидание будет долгим. Если только...

Лорин попыталась сменить тему.

– Как твое совещание с ЦКЗ и ребятами из кабинета?

Маршалл тряхнул головой.

– Пустая трата времени. Чтобы шумиха улеглась и эти демагоги наладили нормальный порядок действий, потребуется неделя. Единственная хорошая новость – Блейн из ЦКЗ поддержал мою идею закрыть границу штата Флорида. Странное дело.

– Ничего странного, – сказала Лорин. – Я ему всю неделю посылала данные, включая бразильские. Прогнозы чертовски пугающие.

– Должно быть, он таки проникся. – Маршалл пожал ей руку. – Спасибо.

Лорин тяжело и шумно вздохнула, глядя на кровать.

– Может, приляжешь? А я пока посижу с Джесси. Тебе надо вздремнуть. Ты ведь всю ночь на ногах.

– Все равно мне не спится.

Маршалл обнял ее за талию.

– Раз так, хотя бы выпей кофе и перекуси. Через пару часов у нас разговор с Фрэнком и Келли, помнишь?

Лорин прижалась к нему.

– Что же мы скажем Келли?

– Правду. У Джесси жар, но паниковать пока рано. Заразилась она или нет – мы точно не знаем.

Лорин кивнула. Они помолчали немного, затем Маршалл предупредительно подвел ее к дверям.

– Иди.

Лорин вышла сквозь двери с воздухозатвором и спустилась через холл в раздевалку, где сняла с себя комбинезон и надела лабораторный костюм. Выйдя из раздевалки, Лорин заглянула на пост медсестер.

– Из лаборатории никого не было?

Маленькая медсестра-азиатка шлепнула перед ней пластиковую папку.

– Пришло по факсу минуту назад.

Лорин щелчком открыла застежку и нашла страницу результатов биохимических и гематологических анализов крови. Ее палец пробежал вниз по списку. Биохимия выглядела нормальной, как и ожидалось, но тут она задержала ноготь у графы значений общего количества лейкоцитов:

ОКЛ: 2130 (Н) 6000-15000

Лейкоцитов мало, очень мало, что было одним из трех симптомов, сопутствующих развитию болезни.

Трясущимся пальцем она пробежала отчет до раздела, в котором конкретизировалось содержание различных типов белых кровяных телец. У нее в памяти всплыл момент ночного разговора с доктором Алвизио, где он упомянул о некоей закономерности, выведенной при компьютерной

обработке данных: количественном скачке содержания в крови базофилов – определенной группы лейкоцитов – на фоне снижения их общего числа, наблюдаемом на самом первом этапе развития болезни. Хотя рано было судить наверняка, закономерность, похоже, сохранялась у всех пациентов и могла поспособствовать ранней диагностике новой чумы.

Лорин дошла до последней графы.

Подсчет базофилов: 12 (В) 0-4

– Боже мой.

Она опустила сводки на стойку медсестры. Уровень базофилов у Джесси превышал норму, причем очень сильно. Лорин закрыла глаза.

– Вам плохо, доктор О'Брайен?

Она не слышала слов медсестры. Ее мысли заполнила ужасающая догадка: Джесси заразилась.

* * *

11 часов 48 минут

Джунгли Амазонии

Келли тянулась за остальными – невероятно уставшая, но полная решимости продолжать путь. Они шли всю ночь с частыми остановками на привал. Прошагав после нападения полных два часа, отряд до рассвета устроился во временном лагере, пока рейнджеры связывались с перевалочной базой в Вауваи. Было решено двигаться дальше по крайней мере до полудня, а там настроить спутниковый канал. После этого команду ждал полудневный отдых с перегруппировкой и обсуждением плана дальнейших действий.

Келли посмотрела на часы. Слава богу, близился полдень. Она уже слышала, как Ваксман бурчал что-то насчет выбора места для дневки.

– И смотрите, чтобы подальше от воды, – наказывал он.

Весь день напролет отряд сторонился всяческих луж и ручьев, обходя их или проскакивая в бешеном темпе. Однако случаев нападения больше не было.

Манни предположил следующее:

– Возможно, эти создания обитают лишь на небольшой территории. Потому мы, наверное, и не встречали раньше эту страсть.

– Тем лучше для нас! – невесело заключил Фрэнк.

И они вновь потащились вперед. Утренняя роса, просыхая, завесила

окружающее густой пеленой тумана. Влага тянула к земле все подряд – одежду, поклажу, ботинки, но каждый безропотно продолжал идти. Людям хотелось убраться подальше от ужасов прошлой ночи.

Откуда-то спереди донесся крик рейнджера:

– Поляна!

Это был капрал Воржек. На него, как на следопыта, в отряде возлагалась двойная задача, включавшая поиск следов пребывания Джеральда Кларка.

– Отличное местечко для лагеря!

– И как раз вовремя, – вздохнула Келли.

– Проверить! – сказал Ваксман. – И убедиться, что поблизости нет ручьев.

– Есть, сэр! Костос уже разведывает местность.

Нат, шедший чуть впереди от Келли, прокричал:

– Осторожнее! Там может быть...

Его прервал вопль. Кричали от боли.

Все словно примерзли к земле, за исключением Ната – тот метнулся вперед.

– Черт, ну хоть кто-нибудь будет меня слушать? – бормотал он на бегу. Оглянувшись на Келли и Коуве, он добавил: – Потребуется ваша помощь. Подходите оба.

Келли устремилась вослед.

– Что случилось? – спросила она Коуве.

Мудрый индеец уже снял рюкзак и развязывал шнуровку.

– Супай чакра, судя по всему. Сад дьявола. Идемте.

«Сад дьявола»? Название Келли совсем не понравилось.

Капитан Ваксман приказал прочим рейнджерам оставаться с гражданскими, тогда как сам он и Фрэнк отправились вслед за Натом.

Келли выбежала вперед и увидела двух катающихся по земле рейнджеров. Казалось, они сцепились между собой – один извивался в пыли, другой бил его сверху рукой. Нат помчался к ним.

– Снимите с меня это дерьмо! – вопил тот, что лежал на земле, покотившись через подлесок.

Это был сержант Костос.

– Стараюсь, – огрызнулся Воржек, продолжая охаживать Костоса по бокам.

Нат отпихнул капрала в сторону.

– Прекратите! Так они еще больше рассвирепеют! Сержант Костос, лежите смирно! – приказал он первому солдату.

– Да они меня живьем жрут!

Теперь Келли подобралась достаточно близко, чтобы заметить огромных – почти дюймовой величины – черных муравьев, облепивших капрала со всех сторон. Похоже, их там была не одна тысяча.

– Перестаньте двигаться, и они отстанут.

Костос бросил на Ната испепеляющий взгляд, но сделал, как было велено: перестал трясти кусты и замер, тяжело дыша.

Келли увидела, что руки и лицо сержанта покрылись красными волдырями, словно кто-то тушил об него сигареты.

– Что случилось? – спросил подоспевший Ваксман.

– Назад.

Нат отгеснил всех подальше от Костоса.

Костоса трясло. Келли увидела, как от боли у него выступили слезы. Судя по всему, он испытывал адские муки. Но предложение Ната оправдало себя. Муравьи перестали кусать неподвижное тело и поползли с него прочь, исчезая среди палой листвы.

– Куда это они? – спросила Келли.

– К себе домой, – ответил Коуве. – Это муравьи-солдаты.

Он показал за деревья, растущие на первом плане. Там в нескольких ярдах по курсу открывалась лесная прогалина, такая чистая и гладкая, словно кто-то невидимый долго работал там метлой и секатором. В центре площадки стояло мощное дерево, широко раскинув ветви вокруг, этакий гигант-одиночка.

– Это дерево-муравейник, – продолжил профессор. – Колония поселилась внутри него.

– Внутри?

Коуве кивнул.

– Всего один из множества вариантов развития отношений между растением и животным, растением и насекомым. В процессе эволюции у этих деревьев появились особые полые ветви и сосуды, дающие муравьям кров, а иногда и стол – в виде особых сахаристых выделений. Впрочем, муравьи тоже не остаются в долгу. Мало того что отходы жизнедеятельности колонии помогают удобрять дерево, муравьи также активно защищают его от посягательств – других насекомых, птиц и зверей. – Здесь Коуве мотнул головой в сторону прогалины. – Они уничтожают все, что растет рядом с деревом, выгрызают из кроны лианы и плети лазающих растений. Вот почему такие места в джунглях называются «супай чакра» – «сады дьявола».

– Что за странные отношения!

– Пожалуй. Зато они выгодны обоим видам – и дереву, и насекомому. Более того, один из них не может существовать без другого.

Келли не сводила глаз с прогалины, дивясь поразительной изобретательности природы. А еще несколькими днями раньше она видела орхидею, чей цветок местами повторял форму гениталий некоторых видов ос. Чтобы привлекать их для опыления.

Иные растения выделяли сладкий нектар для самых разных опылителей. И отношениями цветов – насекомое дело не заканчивалось. Плодами некоторых деревьев питались особые виды животных и птиц, и семена приобретали всхожесть, лишь минуя их кишечник. Непостижимо, но факт – эволюция так тесно переплела жизни здешних обитателей, что каждый неизбежно попадал в сложнейшую сеть взаимоотношений и взаимозависимостей.

Нат присел рядом с сержантом, чем отвлек Келли от размышлений. Муравьи к тому времени расползлись.

– Сколько раз я вам говорил: «Смотрите, к чему прислоняетесь!»

– Да я их не видел! – обиженно вскинулся Костос. – И мне нужно было отлить!

Келли заметила, что у него все еще расстегнута ширинка. Нат сокрушенно качал головой.

– У муравьиного дерева?

– Муравьи остро реагируют на химические сигналы, – объяснил Коуве, попутно шаря в рюкзаке. – Запах мочи, видимо, был воспринят ими как знак нападения на колонию.

Келли подготовила шприц с антигистаминным препаратом, а Коуве выудил из рюкзака пригоршню листьев и принялся растирать их в ладонях. Келли узнала и листья, и запах маслянистой мякоти.

– Ку-рун-йе? – спросила она.

– А вы молодец, – улыбнулся индеец.

Этим же средством профессор воспользовался, когда лечил волдыри на ее пальцах от ожога огненной лианой. Мощный анальгетик, обезболивающее. Два доктора принялись обрабатывать пациента. Келли впрыснула сержанту комбинацию противоаллергического со стероидным противовоспалительным, а Коуве густо намазал его руку экстрактом ку-рун-йе, показывая, как это делается.

Лицо сержанта тотчас просветлело от облегчения. Он выдохнул и взял горстку листьев.

– Дальше я сам, – произнес он стеснительно.

Капрал Воржек помог ему подняться.

– Надо держаться отсюда подальше, – сказал Нат, – если не хотим ночевать около муравейника. Еда может привлечь их фуражиров.

Капитан Ваксман махнул головой в знак согласия.

– Значит, пойдём дальше. Мы и так потеряли здесь уйму времени.

Он глянул на ковыляющего сержанта, и взгляд этот был отнюдь не сочувственным.

Следующие полчаса отряд преодолевал милю за милей под пологом леса, а ему вслед неслись вопли и уханье капуцинов и шерстистых обезьян. Манни показал спутникам на карликового кроху-муравьеда, восседающего на суку. Тот прирос к месту от страха и сделался похожим на чучело с глазами-бусинами и шелковистым мехом. Куда меньше дружелюбия (зато столько же искусственности благодаря неоновозеленой чешуе) было в лесном гремучнике, свешивающемся с пальмового листа.

Наконец из авангарда послышался ещё один крик. Кричал капрал Воржек.

– Я тут нашел кое-что!

«Только бы не очередной муравейник», – взмолилась про себя Келли.

– Похоже, послание от Кларка!

Команда ринулась к капралу. Возле него на небольшом возвышении росло большое дерево бразильского ореха. Обширная крона укрывала площадку, устланную опавшими листьями и старыми плодами. Чуть выше на стволе болталась провязанная к нему ленточка – лоскуток, промокший насквозь. Подтянулись остальные, но Воржек замахал им, чтобы не приближались.

– Я нашел здесь следы ботинок, – пояснил он. – Смотрите не затопчите их.

– Ботинок? – вполголоса переспросила Келли.

Капрал тем временем обошел дерево и встал позади него.

– Вижу след, который ведет сюда! – возвестил он.

Капитан Ваксман и Фрэнк пошли к нему.

Келли наморщила лоб.

– Помнится, Джеральд Кларк вышел из леса босой.

– Так и есть, – ответил Нат, выжидая с остальными. – Шаман яномамо, которого мы взяли в плен, упомянул, что деревенские индейцы отобрали все его пожитки. Должно быть, ботинки остались у них.

Келли кивнула.

Ричард Зейн ткнул в сторону дерева.

– Что, очередное послание?

Все ждали разрешения подойти ближе. Капитан Ваксман и Фрэнк

возвратились, оставив Воржека изучать следы.

Отряды дали знак продвигаться вперед.

– Заночуем здесь, – объявил Ваксман.

Облегченно вздыхая, команда подошла к дереву. Под ногами захрустели прошлогодние орехи. Келли приблизилась к стволу одной из первых и снова увидела их – отметины-знаки, глубоко вырезанные на коре.

– Снова «Дж. Кларк», – сообщил Нат и вытянул руку в направлении, указанном стрелкой. – Строго на запад. Туда же, куда указывают и следы, которые нашел Воржек. Датировано седьмым мая.

– Седьмым мая? – Олин прислонился к стволу. – Значит, Кларку понадобилось десять дней, чтобы добраться до деревни? Долго же он плелся.

– Ну, он-то не шел напрямик, как мы, – заметил Нат, – а время, скорее всего, потратил на поиски жилых мест, цивилизации. Возможно, он возвращался по своим же следам.

– И к тому же болел, – добавила Келли. – Если верить экспертизе, проведенной моей матерью, рак уже должен был поразить его. Стало быть, он часто останавливался передохнуть.

Анна Фонг печально вздохнула.

– Если бы ему удалось добраться быстрее... сообщить, где был все это время.

Олин отстранился от дерева.

– Кстати о сообщении. Мне пора налаживать спутниковую связь. Через полчаса начинаю трансляцию.

– Я помогу, – сказал Зейн и отправился за ним.

Остальные разбрелись кто куда – натягивать гамаки, собирать хворост, раздобыть местных плодов.

Келли занялась организацией собственного ночлега, натягивая москитную сетку не хуже заправского следопыта. Фрэнк корпел рядом.

– Келли...

По тону сказанного она поняла, что предстоит непростой разговор.

– Что?

– Я думаю, тебе надо вернуться.

Келли бросила подтягивать сетку и обернулась.

– Что это значит?

– Я говорил с капитаном Ваксманом. Когда он доложил начальству о нападении, ему приказали отсеять второстепенных сотрудников после того, как мы разобьем лагерь. Прошлой ночью мы были на грани. Они больше не хотят рисковать людьми. К тому же рейнджеры сбавили из-за нас в темпе. –

Фрэнк глянул через плечо. – Чтобы ускорить поиски, решено оставить Анну и Зейна здесь, вместе с Манни и Коуве.

– Но...

– Олин, Нат и я пойдем дальше с рейнджерами.

Келли встала лицом к брату.

– Я не второстепенная, Фрэнк. Я здесь единственный врач и отстаю не больше тебя.

– Капрал Окамото обучался на полевого медика.

– Все равно без диплома врач не врач.

– Келли...

– Фрэнк, не начинай.

Он отвел взгляд.

– Все уже решено.

Келли обошла его сбоку, вынуждая посмотреть ей в глаза.

– Скажи лучше «я решил». Ты же возглавляешь операцию!

Наконец Фрэнк взглянул на сестру.

– Хорошо, решение принимал я. – Его плечи поникли, он опять отвернулся. – Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Келли вспыхнула, дрожа от негодования. У нее не осталось сомнений в том, что идея целиком принадлежала брату.

– Мы вышлем им точные координаты этого места и оставим двоих рейнджеров для охраны. Вас эвакуируют, как только смогут снарядить бразильский вертолет снабжения с соответствующей зоной охвата. Наша же группа – шесть рейнджеров плюс нас трое – в ближайшее время двинется дальше.

– Когда?

– Передохнем до обеда и отправляемся. Будем идти до заката. Теперь, когда мы разыскали след Кларка, малой группой пройдем куда быстрее.

Келли закрыла глаза, выдохнув сквозь зубы. Предложение было вполне резонным. Учитывая скорость, с которой эпидемия охватывала один штат за другим, время определяло все. К тому же, если команде удастся что-то найти, исследователей смогут забросить по воздуху прямо туда.

– Похоже, у меня нет выбора.

Фрэнк промолчал, подтягивая гамак: привал обещал быть недолгим.

Напряжение разрядил неожиданный окрик. Их подозвал Олин, занятый наладкой спутниковой связи:

– У нас все готово!

Келли пошла за Фрэнком к ноутбуку, в который раз накрытому водонепроницаемым тентом.

Олин сгорбился за клавиатурой, бегая пальцами по клавишам.

– Черт, никак ввод не удастся, – выругался он, не отрываясь от работы. – Все промокло насквозь... Ага, понеслось! – Он выпрямился. – Поймал!

Экс-кагэбэшник отодвинулся в сторону. Келли примостилась рядом с Фрэнком. На экране показалось чье-то лицо, мерцающее и подернутое цветным муаром.

– Лучше не вышло, – шепнул Олин сбоку.

На них смотрел отец. Его волевое лицо даже через пелену помех выглядело суровым и безрадостным.

– Я слышал о вчерашней ночи, – сказал он вместо приветствия. – Рад, что вы оба живы и здоровы.

Фрэнк кивнул.

– У нас все отлично. Устали вот, а так полный порядок.

– Я слышал армейский отчет, но лучше вы сами бы обо всем рассказали.

Фрэнк и Келли кинулись вразнобой описывать нападение диковинных существ.

– Химера? – переспросил отец, когда они закончили. – Помесь рыбы с лягушкой?

– Так думает здешний биолог, – вставила Келли, многозначительно посмотрев на Фрэнка: мол, Манни и тот пригодился.

– Что же, теперь все сходится, – произнес отец, откинувшись и глядя на одну Келли. – Час назад из Форт-Брэгга со мной связался главнокомандующий специальных войск и рассказал о новом, скорректированном плане.

– Каким таким плане? – вылез из-за спины Зейн.

Фрэнк отмахнулся.

Старший О'Брайен продолжил:

– Учитывая ситуацию с нашей чертовой эпидемией, я всецело на стороне генерала Корсена. Необходимо лекарство, и счетчик времени уже включен.

Келли тут же подумала возмутиться своим исключением из команды, но прикусила язык, понимая, что отец явно будет не на ее стороне. Он с самого начала не хотел отпускать дочку неизвестно куда.

Фрэнк нагнулся к экрану.

– Как дела в Штатах?

Отец тряхнул головой.

– Пусть лучше мать расскажет об этом.

И отошел в сторону.

У Лорин был измученный вид, под глазами залегли тени от недосыпания.

– Число случаев... – Она прокашлялась. – Число случаев за эти полсуток возросло втрое.

Келли вздрогнула. Так быстро...

– Главным образом во Флориде, но теперь они наблюдаются и в Калифорнии, Джорджии, Алабаме и Миссури.

– А что насчет Лэнгли? – спросила Келли. – У вас в институте?

Ее родители переглянулись.

– Келли, – начал отец опасно, в точности как Фрэнк минуту назад, – только не паникуй.

Она вцепилась в сиденье, чувствуя, как ком подступил к горлу. «Не паникуй»? Как можно быть спокойной после такого?

– В чем дело?

– Джесси заболела...

Того, что было сказано после, Келли уже не слышала. У нее потемнело в глазах. Больше всего на свете она боялась услышать такое – с первой минуты, как услышала о существовании заразы. «Джесси заболела».

Видимо, отец заметил, как она осела на стуле, побледнев и дрожа всем телом. Фрэнк обнял ее за плечи.

– Келли, – снова начал отец. – Мы не знаем, та ли это болезнь. Пока у нее просто жар, и к тому же он сбивается лекарствами. Когда мы пошли вам звонить, она ела мороженое и щебетала, как птичка.

Мать положила руку отцу на плечо и заглянула в глаза.

– Скорее всего, это вовсе не то, верно, Лорин?

Та улыбнулась.

– Нет-нет, я уверена.

Фрэнк облегченно вздохнул.

– Слава богу. Еще у кого-нибудь видели подобные симптомы?

– Ни у кого, – заверил отец.

Келли же пристально смотрела на мать. Ее улыбка казалась вялой, натянутой. Она потупилась.

Келли закрыла глаза. «Боже мой...»

– Скоро увидимся, – закончил отец.

Фрэнк толкнул сестру локтем. Та кивнула.

– Да уж, скоро...

Сзади опять прорезался голос Зейна:

– Что ваш отец имел в виду под «скоро увидимся»? Что за

корректировка планов? Что вообще происходит?

Фрэнк еще раз обнял Келли, напоследок.

– Джесси в порядке, – прошептал он. – Сама убедишься, когда попадешь домой.

Потом он повернулся, чтобы разделаться с вопросами Зейна.

Сзади разгорались бурные споры, а Келли так и сидела, застыв у погасшего монитора. Перед ее мысленным взором снова промелькнула вымученная улыбка матери, стыдливо потупленный взгляд. Она читала по ее лицу лучше кого-либо еще, даже лучше отца. Мать солгала ей. Она видела правду, скрытую за увещеваниями. Джесси заразилась. Ее мать так считала – Келли знала это наверняка. А раз она так считала...

Келли разрыдалась, больше не в силах сдерживаться. Увлеченные обсуждением планов предстоящего перехода, другие не замечали ее слез.

Она закрыла ладонью лицо.

– Господи, только не это...

14 августа, 13 часов 24 минуты

Джунгли Амазонии

Нату не спалось. Лежа у себя в гамаке, он знал, что должен отдохнуть перед следующим этапом путешествия. Пройдет всего час, и они тронутся в путь. Правда, кое-что до сих пор оставалось нерешенным. Пока поллагеря завалилось на боковую, другая его часть продолжала втихую спорить о разделении команды.

– Мы могли бы просто двигаться следом, – предлагал Зейн. – Не пристрелят же они нас, в самом деле?

– Нам следует считаться с приказами, – спокойно проговорил Коуве, хотя Натан знал, что профессору не больше представителя «Теллукса» улыбается быть выброшенным из отряда.

Нат повернулся к обоим спиной, хорошо понимая их досаду. Если бы его решили оставить в числе остальных, воякам пришлось бы вязать Натана по рукам и ногам, чтобы он не отправился дальше сам. Опустив голову, он вдруг увидел Келли, лежащую в гамаке с открытыми глазами. Она одна не противилась роспуску. Тревога за дочь прямо-таки читалась у нее на лице. Пока Нат рассматривал ее, она повернулась, и их взгляды встретились. Глаза Келли были припухшими от слез.

Нат оставил попытки уснуть и вылез из гамака, потом подошел к ней и сел рядом на корточки.

– Джесси поправится, – тихо сказал он.

Келли молча воззрилась на него, затем, преодолевая боль глухо произнесла:

– У нее эта самая болезнь.

Нат наморщил лоб.

– У страха глаза велики. Ведь нет никаких доказательств, что...

– Мне все и так видно – по лицу матери. Ей никогда не удавалось от меня что-то скрыть. Она знает, что за болезнь у Джесси, и пытается меня пожалеть.

Нат растерялся. Протянув руку под сетку, он молча положил ее Келли на плечо, про себя утешая и желая ей крепиться. Вслух же проговорил – тихо, но решительно:

– Если то, что вы думаете, правда, я добуду вам лекарство. Обещаю.

Его пылкая речь вызвала слабую улыбку. Келли пошевелила губами, а слова так и остались невысказанными. И все же Нат понял ее без труда. Она говорила «спасибо». Келли порывисто отвернулась, пытаясь скрыть слезы, что катились из глаз.

Нат поднялся, оставив ее наедине со своим горем. Увидев, как Фрэнк с Ваксманом держат совет, склонившись над распластанной на земле картой, он направился к ним. Оглянувшись на Келли, Нат повторил про себя обещание. «Я добуду лекарство».

Рассматриваемая карта оказалась топографической схемой местности. Капитан Ваксман провел по ней пальцем.

– Если идти отсюда строго на запад, рельеф поднимается в направлении перуанской границы. Но там нас ждет мешанина из скал и ущелий, суший лабиринт. Заблудиться в нем проще простого.

– Нам придется выискивать вехи, оставленные Кларком, – сказал Фрэнк и поднял глаза, увидев приближающегося Ната.

– Вам следует держать вещмешок наготове. Скоро мы выступаем, чтобы успеть пройти как можно больше засветло.

– Буду готов в пять минут, – заверил Нат.

Фрэнк встал.

– В таком случае выдвигаемся.

Прошло полчаса – и команда была в сборе. Рейнджерский прибор радиосвязи «Сат-Ком» было решено оставить в лагере на случай, если другому отряду понадобится согласовать действия с бразильской армией, которой предстоит перебросить их обратно. Авангард будет поддерживать связь как и прежде – через спутниковую систему ЦРУ.

Нат взвалил на плечо дробовик и встряхнул рюкзак на спине, пристраивая его поудобнее. Согласно плану, идти предстояло быстро, с несколькими редкими привалами, пока не потемнеет.

Ваксман поднял руку, и группа устремилась в лес, возглавляемая капралом Воржеком.

Уходя, Нат оглянулся. Он успел попрощаться с друзьями – Коуве и Манни. Теперь за ними стояли двое десантников-телохранителей: капрал Йоргенсен и рядовая Каррера. Девушка подняла ружье. Нат в ответ помахал.

Сначала Ваксман планировал оставить капрала Грейвза, приняв во внимание смерть его брата Родни. На что Грейвз возразил: «Сэр, это задание стоило жизни моему брату и товарищам. Если позволите, я хотел бы пойти до конца. За его честь... Да и за всех наших братьев». Ваксман согласился.

Без лишних слов команда припустила по лесу. Из-за туч наконец-то показалось солнце, и влажное пространство под кронами быстро превратилось в парную. Не прошло и пяти минут, а лица путников уже лоснились от пота.

Нат шагал рядом с Фрэнком О'Брайеном. Каждые несколько ярдов тот стаскивал бейсболку и вытирал влагу, сбегаящую струйкой с виска. Нат повязал на лоб носовой платок – защитить глаза от пота. Куда сложнее оказалось избавиться от докучливых черных мух и мошки, привлеченных солью и запахом.

И все-таки, несмотря на жару, духоту и непрерывный писк за ушами, двигались они споро. По подсчетам Ната, за пару часов было пройдено около семи миль. Пока углублялись к западу в джунгли, Воржеку все еще удавалось находить отпечатки ботинок на голой земле, хотя и с трудом – следы оказались наполовину залиты вчерашним дождем.

Перед Натом мелькала спина Окамото, который опять затянул свои фальшивые напевы. Натан вздохнул. Неужели и без того им мало невзгод?

На ходу Нат, как всегда, смотрел в оба – отслеживал любую опасность, из-за которой отряд мог потерять в темпе, будь то змея, огненная лиана или дерево-муравейник. Каждый поток переходился с особыми предосторожностями. Правда, никаких следов лягушкочерпаний они больше не встретили. Высоко над головой, на одной из ветвей Нат углядел трехпалого ленивца, совершенно равнодушного к незванным гостям. Он взирал на процессию через плечо, неторопливо передвигаясь вместе с людьми. Ленивцы кажутся медлительными и дружелюбными, но, будучи ранены, способны, по слухам, выпустить кишки любому, кто окажется рядом. Их когти-крюки остры, словно лезвия. Сейчас же обитатель леса продолжал свой неспешный променад среди крон.

Оборачиваясь, Нат краем глаза заметил, как с дерева в полумиле от них что-то сверкнуло, и задержался, чтобы рассмотреть необычный предмет.

– Что такое? – спросил Фрэнк, увидев, как Натан остановился.

Блик тотчас пропал. Нат тряхнул головой. Может, всего лишь мокрый лист дрогнул в солнечном луче?

– Ничего, – сказал он и махнул Фрэнку идти вперед, а сам остаток дня продолжал поглядывать через плечо.

Его не оставляло ощущение, будто за ними следят, шпионя откуда-то сверху; и чем ближе к закату клонился день, тем сильнее становились его подозрения.

Наконец он повернулся к Фрэнку.

– Меня кое-что беспокоит. То, что мы упустили из виду после первого нападения – там, в деревне.

– Что?

– Помните, Коуве утверждал, что за нами следят?

– Да, но он не был уверен на все сто. Какие-то сорванные фрукты и шорох в кустах по ночам. Ни следов, ничего определенного.

Нат глянул за спину.

– Предположим, профессор был прав. Если так, кто может выслеживать нас? Это не индейцы из деревни – они были мертвы задолго до того, как мы вошли в джунгли. Так кто же это?

Фрэнк проследил за его взглядом.

– Думаете, за нами все еще следят? Заметили что-нибудь?

– Нет, не совсем... Только странный блик на деревьях за нами. Наверное, померещилось.

Фрэнк кивнул.

– Все равно я пойду извещу капитана Ваксмана. Излишняя предосторожность не помешает.

И Фрэнк пошел вперед, догоняя командира отряда, который шел рядом с Олином Пастернаком.

Оставшись один, Нат взгляделся в окружающий сумрачный лес. Он вдруг засомневался, что пропустить всех вперед было так уж умно с его стороны.

* * *

17 часов 12 минут

Джунгли Амазонии

Манни вычесывал шкуру Тор-Тора, и совсем не гигиены ради – с этим ягуар отлично справлялся своим шершавым языком. Просто эта каждодневная процедура доставляла удовольствие им обоим. Манни почесал огромному коту брюхо, а тот ответил низким рыком. Биолог и сам был готов зарычать, но не так умильно-расслабленно. Мануэль ненавидел, когда его оставляли за бортом.

Услышав какой-то шорох поблизости, он оглянулся. Подошла Анна Фонг, антрополог.

– А мне можно? – спросила она, показывая на ягуара.

Манни слегка удивился. Он и раньше замечал, как она смотрит на

ягуара, но думал, что ею двигал страх, а не любопытство.

– Конечно, – ответил он, похлопывая рядом с собой.

Анна села, и Манни вручил ей щетку.

– Больше всего он любит, когда чешут брюхо и холку.

Антрополог согнулась над вытянутой кошачьей фигурой. Протянув руку, она опасливо поглядывала на Тор-Тора, наблюдающего за ее действиями, затем не спеша опустила щетку и провела по густой шкуре.

– Он просто красавец. Дома в Гонконге я видела, как дикие кошки из зоопарка ходят взад-вперед в своих клетках. Как, должно быть, чудесно вырастить одну из них самому.

Манни нравился ее выговор – мягкий, с чуть неправильной дикцией и до странного вежливый.

– Чудесно, говорите? Да на него уходит весь мой домашний бюджет, не говоря уже о двух изодранных диванах и бог знает каком количестве ковриков.

Анна улыбнулась.

– И все-таки, думаю, он того стоит.

Манни в душе был согласен, но не спешил утверждать это вслух. Как-то не по-мужски было распространяться о Любви к своему мохнатому увальню.

– Скоро придется его выпускать.

Как ни пытался он это скрыть, Анна услышала горечь в его словах. Она заглянула ему в глаза, ободряя.

– Уверена, он все равно того стоит.

Манни робко улыбнулся. «Еще бы».

Анна продолжала массировать зверя, а Манни наблюдал за ней сбоку. Одну из прядей шелковистых волос она убрала за ухо. И еще Анна едва заметно морщила нос всякий раз, увлекаясь расчесыванием ягуарова меха.

– Все сюда! – прокричал чей-то голос, прерывая идиллию.

Они обернулись.

Стоявший поблизости Йоргенсен опустил рацию и качнул головой. Потом он повернулся лицом к собравшимся.

– Слушайте все. У меня есть две новости – хорошая и плохая.

Шутка не удалась – со всех сторон послышался недовольный ропот.

– Хорошая в том, что бразильская армия снарядила «вертушку», чтобы вывезти всех нас отсюда.

– А плохая? – спросил Манни.

Капрал нахмурился.

– Ее придется ждать еще пару дней. В регионе бушует новая чума,

поэтому все вертолеты нарасхват. Так что сейчас наша эвакуация – дело третьестепенной важности.

– Два дня?! – повторил Манни, забирая у Анны щетку. В его тоне сквозило раздражение. – Мы могли бы еще идти и идти.

– У капитана Ваксмана на то были свои соображения, – пожал плечами Йоргенсен.

– А как же «команч», оставленный в Вауваи? – вклинился Зейн, развалившийся в своем гамаке и тихо покуривавший.

Рядовая Каррера ответила, не отрываясь от дела – чистки оружия.

– Это всего-навсего двухместный вертолет-истребитель. Кроме того, «команч» держат в резерве, чтобы в случае чего прикрыть основную команду.

Манни тряхнул головой и украдкой глянул на Келли О'Брайен. Она сидела в гамаке, устало глядя перед собой, ничего не замечая. Вот кому ожидание покажется сущим адом. Еще два дня потерять, прежде чем встретиться с больной дочерью!

Вдруг заговорил Коуве, стоявший у мощного бразильского ореха. Некоторое время он изучал грубые метки, вырезанные на коре Кларком, а теперь вопросительно склонил голову.

– Никому не кажется, что пахнет дымом?

Манни принял, но воздух вроде бы был чист.

Анна наморщила лоб.

– Я что-то чувствую...

Коуве обогнул основание ствола с чуть приподнятым носом. Даже после долгой разлуки с родными лесами индейское чутье не подвело профессора.

– Туда! – крикнул он остальным.

Группа сорвалась следом. Каррера поспешно собрала свою М-16, тут же взвалив на плечо.

К югу от лагеря, примерно в сотне футов от него, у самой земли плясали язычки пламени. Сквозь проемы в листве поднимался тонкий столб серого дыма, уходя к небесам.

– Я на разведку, – сказал Йоргенсен. – Всем оставаться с Каррерой.

– Я с вами, – добавил Манни. – Если там кто-то есть, Тор-Тор его унюхает.

Вместо ответа Йоргенсен отстегнул от пояса пистолет и передал его Манни. Они не без опаски зашагали в глубь леса. Манни подал знак рукой, и Тор-Тор потрусил впереди, вместо вожака.

У них за спиной Каррера приказала группе не разбредаться.

– Будьте начеку!

Манни потянулся за питомцем, идя вровень с Йоргенсенем.

– Огонь на земле, – прошептал он.

На подходе капрал подал знак действовать тихо.

Оба мужчины напрягли все свои чувства, высматривая едва заметное движение тени, выслушивая хруст веточки, выискивая приметы затаившейся угрозы. Сделать это оказалось непросто среди гомона птиц и обезьяньих серенад. Приближаясь к чадящим огням, Манни и рейнджер замедлили шаг.

Тор-Тор подошел к костру первым – выиграла любопытная кошачья натура. Но в нескольких ярдах от дымного пламени он вдруг приник к земле и зарычал, а потом попятился, не сводя глаз с огня.

Разведчики замерли. Йоргенсен предупреждающе поднял руку – ягуар что-то учуял. Он показал Манни пригнуться и занять оборонительную позицию, а сам отправился дальше. Манни затаил дыхание, наблюдая за тем, как капрал бесшумно крадется сквозь лес, осторожно переступая с оружием на изготовку.

Биолог же продолжал озираться по сторонам, глядя в оба и наострив уши. Тор-Тор опять очутился рядом. Теперь он сидел молча – желтые глазища горят, шерсть на загривке поднялась дыбом. Манни услышал, как кот недовольно зафыркал, и вспомнил его реакцию на помет каймана в ту ночь у реки. Он определенно что-то почуял... и это его напугало.

Выброс адреналина обострил и чутье хозяина. Настороженный поведением ягуара, Манни тоже начал различать странный привкус у дыма – металлический, едко-горький. Дерево так не дымило бы. Встав во весь рост, Манни собрался предупредить Йоргенсена, но тот уже подошел к огню. Бразилец заметил, что солдат, рассмотрев кострище как следует, вздрогнул от неожиданности. Он медленно обошел чадящий участок, держа винтовку дулом наружу. В лесу было спокойно, ничто не угрожало. Йоргенсен прождал полных две минуты и наконец подозвал Манни.

Облегченно выдохнув, Манни приблизился. Тор-Тор продолжал сидеть сзади, не желая подходить к костру.

– Поджигатели, похоже, сбежали, – сказал Йоргенсен. Он указал на огонь. – Думали нас напугать.

Теперь-то Манни увидел разметавшееся по земле пламя. Горело вовсе не дерево, а какая-то вязкая маслянистая масса, размазанная по расчищенной от листьев площадке. Масса давала слепяще-яркое, но холодное пламя. Поднимающийся дым имел тяжелый, приторный запах, словно курящийся мускус.

Однако ни дым, ни вид странного топлива не сковали бы Манни по рукам и ногам таким леденящим страхом, как сама форма кострища.

Среди оснований деревьев, в полумраке зеленой завесы полыхал ярким пламенем знакомый лентовидный завиток – знак бан-али, нанесенный чьей-то искусной рукой.

Йоргенсен потыкал массу носком ботинка.

– Какой-то горючий состав.

Затем другой ногой он забросал пламя землей, пытаясь его погасить. С Манни вдвоем они прошлись вдоль горящих линий узора и прибили огонь. Едва управились, Манни поднял глаза к небу, провожая уплывающий в предзакатное небо дымок.

– Нужно вернуться в лагерь, – сказал Йоргенсен.

Манни кивнул, и они зашагали обратно, под сень одинокого бразильского ореха. В лагере Йоргенсен рассказал о находке.

– Я свяжусь с полевой базой. Доложу, что тут у нас. – Он подошел к увесистому радиоузлу в рюкзаке и снял трубку. После недолгого молчания капрал выругался и бухнул трубку на место.

– Что там? – спросил его Манни.

– Мы прошляпили окно в канале «Сат-Кома» – опоздали на пять минут!

– И что бы это значило? – спросила Анна.

Йоргенсен махнул на радиоузел, потом ткнул пальцем в небо.

– Преобразователи с военного спутника теперь вне досягаемости.

– До каких пор?

– До четырех утра.

– А если связаться с другой командой? – спросил Манни. – По персональной рации?

– Так тоже пробовал. Радиус их действия всего шесть миль. Группа капитана Ваксмана слишком далеко от нас.

– Получается, мы отрезаны? – подытожила Анна.

– Только до завтрашнего утра, – мотнул головой Йоргенсен.

– А потом что? – Зейн нервно шагал взад-вперед, не пуская глаз с леса. – Мы не можем торчать тут еще двое суток, дожидаясь паршивого вертолета.

– Согласен, – произнес Коуве, глубоко нахмурившись. – Индейцы из деревни нашли точно такой знак на шабано в ту ночь, когда их истребили эти лягушкопираньи.

Рядовая Каррера повернулась к нему:

– Что вы хотите сказать?

Коуве сдвинул брови.

– Пока ничего... – Взгляд профессора привлекла заволокшая небо дымка. Лес до сих пор заволакивал горьковатый смог. – Знаю только, что нас поместили.

* * *

17 часов 33 минуты

Джунгли Амазонии

Никогда еще Фрэнк так не радовался заходящему солнцу. До привала оставалось совсем немного. После многочасовой ходьбы и бессонницы у него болел каждый мускул. Он еле переставлял ноги вслед за впереди идущим рейнджером. Сзади ковылял Нат.

Невдалеке кто-то вскрикнул:

– Ух ты! Вы только гляньте!

Волочившая ноги команда ускорила шаг. Фрэнк взобрался на небольшой пригорок и увидел то, что вызвало такое удивление у десантника: в четверти мили от них джунгли оказались затоплены водой. Ее поверхность сияла серебром в свете заходящего солнца. Озеро преграждало путь, разливаясь в обе стороны на многие мили.

– Это называется игапо, – произнес Нат. – Заболоченный лес.

– На карте его нет, – сказал капитан Ваксман.

Нат пожал плечами.

– Такие участки встречаются вдоль всей Амазонки. Они появляются и исчезают в зависимости от обилия дождей. Но если здесь так сыро далее к концу сухого сезона, стало быть, болото постоянное. – Нат вытянул руку. – Обратите внимание, как обрывается лес в этом месте – деревья погибли от непрерывного затопления.

Фрэнк и впрямь заметил прореху в зеленом покрывале. Все, что осталось от джунглей, – редкие стволы исполинов, растущие прямо из-под воды, и мириады кочек-островков. Зато сверху над заводью открывалось широкое небесное окно, такое ослепительно синее, что резало глаза после долгой дороги в зеленом полумраке.

Отряд осторожно спустился по длинному пологому склону, у подножия которого начиналось болото. Воздух здесь казался густым и живительным. Болотистые берега радовали глаз остролистыми бромелиевыми и крупными орхидеями. Жабы и лягушки заладили хором,

да и птицы щебетали вовсю, словно норовили перекричать своих соседей-амфибий. У кромки воды рыбачили голенастые серые и белые цапли. Заслышав приближение чужаков, поднялась на крыло стайка уток.

В пятидесяти футах от границы с водой капитан Ваксман дал приказ остановиться.

– Мы прочешем берег на предмет очередной метки, но сперва нужно убедиться, что у воды безопасно. Сюрпризов мне больше не надо.

Нат выступил вперед.

– Да все будет нормально. Если верить Манни, те хищные твари – наполовину пираньи, а значит, не любят стоячей воды – предпочитают протоки.

Ваксман взглянул на него.

– Насколько мне помнится, пираньи не преследуют добычу по суше.

Фрэнк заметил, как Нат слегка вспыхнул и склонил голову.

Ваксман отправил капрала Ямира к самой кромке болота.

– Посмотрим-ка, что тут у нас.

Пакистанец поднял винтовку и пальнул из подствольного гранатомета в направлении отмели, чуть наискось. От взрыва поднялся гигантский водяной столб, всполошив птиц и обезьян на насестах. На прибрежные деревья обрушился дождь из ошметков водяных лилий пополам с болотной водой. Отряд выждал десять минут, но ничего не появилось – ни одной подозрительной твари, пытающейся напасть или скрыться.

Ваксман взмахом руки послал солдат вперед, на поиски нового дерева с посланием.

– Осторожнее. Держитесь подальше от воды и глядите в оба!

Долго ждать не пришлось. Следопыт Воржек уже в который раз крикнул во всеуслышание:

– Нашел!

Стоял он всего в десяти ярдах по правую сторону, неподалеку от края.

На пальмовом стволе, склонившемся над водой, виднелся знакомый лоскут синтетической ткани, пригвожденный колючкой к коре. Метка почти полностью совпадала с предыдущей – снова инициалы и стрелка на запад, аккурат в направлении болота. Отличалась она только датой.

– Пятое мая, – прочел Олин. – Двумя днями раньше.

– Похоже, Кларк шел отсюда. – Воржек стоял в нескольких шагах от ствола.

– Да, но стрелка указывает на воду, – возразил Фрэнк.

Он надвинул поплотнее козырек, чтобы в глаза не светило, и вгляделся поверх болота. Далеко вдали различались плоскогорья, однажды виденные

им на топографической карте у капитана Ваксмана, – красноватая гряда скал в виде плато с зелеными шапками, разделенных поросшими лесом ущельями.

Капрал Окамото протянул Фрэнку бинокль.

– Попробуйте так.

– Спасибо.

Фрэнк поднес окуляры к глазам. Нат последовал его примеру. В поле зрения бинокля плато с их отвесными стенами виднелось отчетливее. С нависающих круч к лежащим у основания топям сбегали узкие водопады. У подножия скал клубилась водяная пыль, скрывая расщелину с заросшими склонами, уходящую прочь от болота к высокогорью.

– Наверное, болото питают эти ручьи с водопадами, – предположил Нат. – Оттого здесь круглый год влажно.

Фрэнк опустил бинокль и увидел, как капитан Ваксман сверяется с компасом.

Нат показал на дерево.

– Готов поспорить, стрелка указывает туда, где находится следующая метка. Кларк наверняка обошел болото кругом. – Натан окинул взглядом гигантскую топь. – И похоже, не одну неделю потратил.

Фрэнк уловил отчаяние в его голосе. Не иначе, как им придется бежать столько же.

Капитан оторвался от компаса и, прищурившись, оглядел болото.

– Если метка на той стороне, мы отыщем ее. – Он вытянул руку. – Проще потратить день на переправу, чем неделю бежать кругом.

– Но у нас больше нет моторок, – попытался возразить Фрэнк.

Ваксман снисходительно оглядел его.

– Мы же все-таки рейнджеры, а не бойскауты. – Он махнул в сторону леса. – Там полным-полно бурелома и целые акры бамбука. Возьмем из снаряжения веревки, нарежем лиан и сможем спокойно связать себе пару плотов. Это первое, чему нас учат, – обходиться подручными средствами.

Ваксман посмотрел на тот берег.

– Здесь не больше двух миль, я уверен.

– Отлично, – поддержал его Нат. – Скостим себе время для поисков.

– Тогда за работу! Закончить до темноты, чтобы всем выспаться и быть наготове: на заре выступаем.

Ваксман разбил всех на группы и роздал задания – доставить к болоту бревна на руках или волоком, нарубить бамбуковых жердей, нарезать лиан для обвязки.

Фрэнк помогал по мере необходимости и лишь удивлялся, глядя на

стремительно растущую кучу стройматериала у берега. Очень скоро его набралось столько, что хватило бы на целую флотилию плотов. На сборку ушло еще меньше времени. Уложив параллельно два подходящих бревна, сверху устроили толстый настил из бамбуковых жердей, скрепляя все вместе веревками и лианами. Вскоре первый плот уже покачивался на отмели, спущенный по скользкой грязи.

Рейнджеры проводили его радостными возгласами. Нат понимающе усмехнулся, вырезая весла из бамбука и пальмовых листьев.

Еще немного – и готова вторая посуда.

Фрэнк смотрел на воду, где свеженький плот поравнялся с предшественником. Солнце садилось, расцветив небо на западе красно-оранжевыми всполохами и переливами цвета индиго.

Вокруг налаживалась лагерная жизнь – разгорались костры, вешались гамаки, готовился ужин. Фрэнк обернулся с намерением поучаствовать в общем деле, как вдруг заметил в небе темный мазок на ярком фоне заката. Он сдвинул брови и пригляделся.

Мимо прошеествовал капрал Окамото с дровами в охапку.

– Могу я одолжить ваш бинокль? – спросил его Фрэнк.

– Само собой. Держите – вон он, в кармане куртки.

Солдат сдвинул поклажу.

Фрэнк поблагодарил его и взял бинокль. Окамото отправился дальше, а Фрэнк поднес окуляры к глазам. После секундных поисков он поймал темный штрих, стремящийся в небо. Что это, дым? Так или иначе, поднимался он с отдаленного высокогорья. Признаки поселения? Фрэнк проследил взглядом за изогнутой линией.

– Что видно? – спросил Нат.

– Пока не уверен, – Фрэнк показал на небо, – но, по-моему, это дым. Может, там еще один лагерь или деревня. Нат нахмурился и вынул бинокль.

– Что бы то ни было, оно движется прямо на нас.

Фрэнк присмотрелся. Нат был прав, и это было видно даже невооруженным глазом. Черная колонна изогнулась в их сторону. Фрэнк поднял руку.

– Чушь какая-то. Ветер же дует от нас!

– Знаю, – сказал Нат. – Просто это не дым. Что-то летит сюда.

– Пойду-ка я предупрежу капитана.

Вскоре все вооружились биноклями и задрали носы. Темная лента превратилась в плотное черное облако, несущееся точно на них.

– Что это за твари? – пробормотал Окамото. – Птицы? Летучие мыши?

– Не думаю, – возразил Нат.

Клубы «дыма» казались скорее разреженными, нежели плотными. Края их вздымались, струились и опадали. Облако стремительно надвигалось на лагерь.

– Что за чертовщина? – пробормотал кто-то из рейнджеров.

За считанные секунды облако пронеслось над их головами, едва минуя верхушки деревьев и заслоня последние лучи солнца.

Воздух тотчас наполнился скрежещущим гулом. За многие дни в джунглях они не раз слышали подобный звук, но не такой громкий. У Фрэнка побежали по телу мурашки от гудения, граничащего с инфразвуком.

– Саранча, – сказал Нат, вытянув шею. – Целый легион.

Рой проносился мимо, снизу шурша по листве. Путешественники опасливо увертывались от насекомых, но те без остановки проносились мимо, стекаясь к востоку.

Когда туча над головами вильнула хвостом, Фрэнк опустил бинокль.

– Что это с ними? Миграция или вроде того?

Нат качнул головой.

– Нет. Такое поведение – полная бессмыслица.

– Все, улетели, – произнес капитан Ваксман к закрытию «авиа-шоу».

Нат поначалу кивнул, но потом поглядел на восток, прищурившись одним глазом.

– Да, но куда они направлялись?

Фрэнк проследил за его взглядом. Там, на востоке, осталась другая половина команды. У Фрэнка от страха перехватило дыхание. Келли!

7 часов 28 минуты

Джунгли Амазонии

На закате дня Келли услышала странный шум, вроде резкого жужжания или писка. Она обошла вокруг орехового дерева и прищурилась, пытаясь определить источник звука.

– Вы тоже его слышите? – спросил Коуве, встретив ее с тыльной стороны ствола.

Два рейнджера стояли поблизости с оружием на изготовку. Остальные столпились у лагерного костра, подбрасывая сушняк и куски бамбука – они

захотели как можно ярче осветить все вокруг, едва заподозрили, что кто-то шныряет в окрестностях лагеря. Рядом с костром сложили огромную кучу дров, которой должно было хватить на всю ночь.

– Этот шум... Он становится громче, – прошептала Келли. – Что же это?

– Не могу сказать, – склонил голову Коуве.

Теперь жужжание слышали все. Оно стремительно нарастало, звуча все тревожнее. Люди то и дело поднимали глаза к небу.

Келли указала на розовое зарево к западу от них.

– Смотрите!

На фоне закатного солнца в небе вздымалась огромная тень – черная туча мчалась прямо на них, расползаясь на весь горизонт.

– Стая саранчи, – произнес Коуве тревожным от недоброго предчувствия тоном. – Иногда они так ведут себя в брачный период, но сейчас не то время года. Да и стаю таких размеров я вижу впервые.

– Они опасны? – спросил у него из-за спины Йоргенсен.

– Обычно нет. Вредят огородам и лесным фермам. Одна приличная стая способна объесть всю листву и урожай на участке за считанные минуты.

– А как насчет людей? – спросил Ричард Зейн.

– Практически безобидны. Питаются растительной пищей, но могут и укусить, если напуганы. Не более булавочного укола. – Коуве пригляделся к туче. – И все же...

– Что? – спросила Келли.

– Не нравится мне это совпадение. Рой появился после того, как мы нашли знак бан-али.

– Наверняка никакой связи нет, – шепнула Анна в сторону, где стоял Зейн.

Подошли Манни с Тор-Тором. Кот подвывал, вторя саранче, и нервно переступал рядом с хозяином.

– Профессор, вы считаете, эта саранча может быть сродни тем пираньям-мутантам? Новая опасность, еще одно нападение?

Келли посмотрела на биолога.

– Сначала метка в деревне, потом – пираньи. Теперь метка здесь, и появляется странный рой. – Коуве направился к рюкзаку. – Такие совпадения нельзя игнорировать.

У Келли возникла мрачная уверенность, что профессор прав.

– Что нам теперь делать? – спросил Йоргенсен.

Его сослуживица, Каррера, по-прежнему стояла на часах. Над их

головами сливались две тени – передний фронт тучи растворился в ночном полумраке.

– Прежде всего – укрыться. – Коуве поднял глаза, сосредоточенно щурясь. – Они почти здесь. Все по гамакам! Плотнo задерните москитные сетки и не позволяйте ткани прилегать к телу!

– Но... – запротестовал Зейн.

– Живо! – рявкнул на него Коуве и начал что-то выискивать в рюкзаке.

– Делайте, как он сказал! – скомандовал Йоргенсен, вскидывая бесполезное оружие на плечо.

Келли не пришлось понукать. Она быстро нырнула под сетку, радуясь, что успела все подготовить заранее. Запахнув отверстие, она придавила отворот камнем, чтобы зафиксировать марлевый полог. Завесившись, Келли забралась в гамак, прижала руки и ноги к телу и нагнула голову, чтобы та не касалась сетки. Оглядевшись вокруг, она заметила, что остальные точно так же окуклились. Каждый гамак висел этаким островком из полупрозрачной материи. Только один член команды до сих пор оставался снаружи.

– Профессор Коуве! – крикнул Йоргенсен со своего места.

Рейнджер начал выбираться из-под тента.

– Стоять! – велел ему Коуве, продолжая обыскивать рюкзак.

Йоргенсен замер в нерешительности.

– Вы что делаете?

– Готовлюсь клин клином вышибать.

Неожиданно пошел дождь с ясного неба. В кронах послышался знакомый звук – тяжелый стук капель по листьям. Только в этот раз не вода поливала их сверху. Крупные черные насекомые просачивались через густую листву и пикировали наземь.

Рой настиг экспедицию.

Келли увидела, как одно из существ приземлилось на ее полог. В нем было не меньше трех дюймов, а черный панцирь маслянисто поблескивал в свете костра. Насекомое трепетало тремя парами крыльев, стараясь удержаться на хлипком насесте. Келли сжалась в комок. Этот чудовищный «жук» не имел ничего общего ни с цикадами, ни с кузнечиками, которых ей доводилось встречать. Глаз у него не было. Вся его голова, казалось, целиком состояла из одних челюстей, щелкающих и скрежещущих в воздухе. При полной слепоте существо вовсе не было нечувствительным – сквозь отверстия в пологе то и дело просовывалась пара длинных усов, крутящихся, словно рамки лозоходца. Другие его сородичи плюхались на сетку со слабым хлопком, цепляясь за нее членистыми ногами.

Болезненный вскрик привлек внимание Келли к профессору. Тот по-прежнему стоял у костра, в пяти ярдах от нее, согнувшись в три погибели, с прихлопнутой саранчой на запястье.

– Профессор! – возопил Йоргенсен.

– Сидите на месте!

Коуве сражался с кожаным ремешком, перетягивающим один из кисетов. Келли увидела, как закровоточила рука бывшего шамана в месте укуса. Даже со своего места ей стало понятно, что рана глубокая. Она тихо взмолилась, чтобы твари не оказались ядовитыми, подобно пираниям. Коуве приблизился вплотную к огню, его кожа покраснела и лоснилась от жара. Однако эти же дым и пламя, похоже, удерживали рой на расстоянии.

Лес наводнился жужжанием и шорохом крыльев порхающей саранчи. С каждым мигом ее становилось все больше и больше.

– Они прогрызаются через сеть! – вскричал перепуганный Зейн.

Келли перевела взгляд на тех «жуков», что оказались поближе. Первый налетчик будто втянул обратно усы и действительно стал прогрызать защитную сетку, кромсая ткань бритвенно-острыми челюстями. Прежде чем он успел протиснуться внутрь, Келли шлепнула по навесу тыльной стороной руки и отшвырнула создание прочь. Убить не убила, зато сохранила сеть в некоторой целости. Затем Келли переключилась на тех, кто еще ползал снаружи.

– Сбивайте их! – крикнула она остальным. – Не дайте им шанса просочиться!

Поблизости раздался очередной вопль.

– Проклятье!

Вопил Манни. Послышался громкий шлепок, сопровождаемый новой порцией брани.

У Келли не было возможности осмотреть Мануэля, поскольку его гамак висел у нее за спиной.

– Вы как, целы?

– Один гад все же проскользнул! – отозвался Манни. – Осторожнее! Они здорово кусаются. Слюна жгучая – похоже, содержит пищеварительную кислоту.

Келли снова взмолилась, чтобы насекомые не оказались ядовитыми. Она изогнула шею, чтобы осмотреть Манни, но единственным, кого она смогла увидеть, был Тор-Тор, расхаживающий возле хозяйского навеса. На его шкуре копошились целые гроздья черных «жуков», отчего пятнистый узор стал казаться текучим. Ягуар не обращал на саранчу внимания – густой от природы мех защищал его лучше всяких приспособлений. Один

«жук» приземлился ягуару на нос, откуда тут же был сбит лапой.

Жужжание крыльев заполнило все пространство лагеря. Монотонный скрежещущий гул начал выводить Келли из себя. Рой густел на глазах. Через пару минут стало невозможно различить происходящее по ту сторону навесов, словно их окутали клубы черного дыма. «Жуки» облепили все, пробивая челюстями дорогу к еде. Келли сосредоточилась на сбивании насекомых со своей сетки, но скоро поняла, что битву не выиграть. Твари ползли и сыпались отовсюду. Сражаться стало неважоту – капли пота стекали со лба, попадали в глаза. Отбиваясь и сбрасывая виснувших на тенте «жуков», Келли все больше и больше впадала в панику. Она уже почти отчаялась, как вдруг представила себе Джесси на больничной койке, тянущую ручки к матери, которой нет рядом, зовущую...

– Чтоб вам сдохнуть!

И она принялась биться с удвоенной силой, намереваясь стоять до конца. «Нет, сейчас мне нельзя умирать. Нельзя умирать, не увидевшись с Джесси».

Ногу вдруг словно ожгло. Охнув от боли, Келли прихлопнула «жука» ладонью. На руку следом приземлился еще один – и был с отвращением отброшен. Третий закопошился в волосах. Защищаясь, она исторгла отчаянный вопль. Ее сетку прорвали. То там, то сям в лагере слышались новые крики. Туча накрыла их всех. Спасения не было.

«Джесси, – застонала Келли, сбивая саранчу с шеи. – Прости, детка». Ее запястья и лодыжки покрылись новыми укусами. Она тщетно брыкалась, плача от боли и горечи поражения.

Скоро стало трудно дышать. Келли кашляла, задыхалась. Глаза нестерпимо щипало. Вдруг ноздри наполнил резкий запах, приятно-смолистый, как от сырых сосновых поленьев в камине.

Что же случилось?

Сквозь слезы ей удалось разглядеть, как плотный рой развеялся, словно снесенный ураганным порывом. Прямо перед ней все яснее маячил лагерный костер. За ним Келли увидела Коуве, который размахивал над огнем большой пальмовой ветвью. Костер сильно дымил.

– Порошок ток-тока! – прокричал ей профессор. Все его тело усеивали кровоточащие следы укусов. – Средство от головной боли, а также отличный репеллент против насекомых, если поджечь.

Саранча, прежде льнувшая к сетке, отцепилась и улетела подальше от дыма. Келли смутно припоминала рассказ Ната о том, что индейцы жгут на бамбуковых факелах какой-то порошок для защиты садов от вредителей, и

про себя поблагодарила их за находчивость.

Едва стая поредела до нескольких отбившихся особей, Коуве помахал остальным членам экспедиции и прежде всего – Келли.

– Сюда! – подзывал он. – Скорее!

Келли выбралась из гамака и, поколебавшись секунду, скользнула из-под навеса, порядком рваного и обтрепанного. Низко пригнувшись, она подбежала к костру. Следом за ней потянулись и остальные.

Дым шел густой и удушливый, однако саранча не спешила покинуть поляну. Над головами путешественников по-прежнему колыхалось и гудело черное облако. Сверху то и дело пикировали одиночные особи, с тем чтобы снова подняться вверх, сторонясь дыма.

– Откуда вы знали, что это сработает? – поинтересовался Йоргенсен.

– Я и не знал. Во всяком случае, не был уверен. – Коуве слегка отдышался и снова заработал пальмовым опахалом, объясняя по ходу дела: – Тот огненный знак бан-али в джунглях... Учитывая количество дыма и его сильный запах, рискну предположить, что он служил своего рода сигналом.

– Дымовым сигналом? – спросил Зейн.

– Нет, скорее запаховым, – поправил Коуве. – Что-то в составе дыма привлекло саранчу именно к этому месту.

– Вроде феромона какого? – хмыкнул Манни.

– Может быть. А попав сюда, насекомые, по плану, должны были уничтожить все живое на своем пути.

– Вы хотите сказать, что нам была уготована смерть, – рассуждала вслух Анна, – и саранчу сюда прислали специально?

Коуве кивнул.

– Да, как и лягушкопираний. Что-то, по-видимому, заставило их подобраться к деревне – может, очередная пахучая метка, приманка, которую пролили в воду и тем самым натравили на шабано. – Он покачал головой. – Точно не знаю. Верно одно: вот уже дважды бан-али призывают на нас ярость джунглей.

– И что же нам теперь делать? – спросил Зейн. – Порошка хватит до рассвета?

– Нет. – Коуве перевел взгляд на клубящуюся черную мглу, объявляющую их со всех сторон.

* * *

20 часов 5 минут

Джунгли Амазонии

Нат устал спорить. Их с Фрэнком и капитаном Ваксманом переговоры тянулись уже добрых четверть часа, но так и не сдвинулись с мертвой точки.

– Нужно вернуться и разведать обстановку, – настаивал Нат. – Пошлите хотя бы одного – пусть проверит, как там остальные. За день он спокойно управится.

Ваксман вздохнул.

– Там всего-навсего саранча, доктор Рэнд. Нам насекомые не причинили вреда. С чего вы взяли, что остальные в опасности?

Нат нахмурился.

– Да, подтвердить свои слова я не могу. Говорю то, что чую нутром. Все-таки я прожил в джунглях целую жизнь и видел, как роится саранча. В этот раз что-то не так.

Сначала Фрэнк поддерживал Ната, но мало-помалу проникся рейнджерской тактикой выжидания.

– Думаю, нам стоит принять план капитана Ваксмана. Первое, что мы сделаем завтра, когда спутники будут пролетать над нами, – пошлем остальным сообщение и убедимся, что с ними все в норме.

– Кроме того, – вставил Ваксман, – так как нас, рейнджеров, теперь шестеро, я не намерен рисковать двоими ради этой аферы. Соглашусь лишь в том случае, если возникнет реальная угроза.

Нат сжал кулаки от досады.

– Я пойду сам.

– Я вам не позволю, – тряхнул головой Ваксман. – Вечно вы устраиваете переполох на пустом месте, доктор Рэнд. Вот увидите завтра, у них все отлично.

Нат лихорадочно соображал, чтобы как-нибудь обойти неумолимого капитана.

– Тогда дайте хотя бы рацию. Может, мне удастся дойти в зону слышимости, чтобы выйти с ними на связь. Какова область охвата ваших личных раций?

– Шесть-семь миль.

– Мы сделали примерно пятнадцать. Значит, мне будет нужно пробежать каких-то восемь миль, чтобы наладить контакт с остальными. Я смогу вернуться еще до полуночи.

Ваксман насупился.

Фрэнк заступился за Ната.

– Бросьте, капитан, план не такой уж безрассудный. По правде говоря, доктор предлагает компромисс.

Нат уловил во взгляде Фрэнка тревогу. Было видно, как в нем борются страх за сестру и осторожность. Что ни говори, тяжело поддерживать статус логически мыслящего командира в таких обстоятельствах.

– Я не меньше вас верю, что у них все в порядке, – гнул свое Натан. – Но бдительность никогда не бывает излишней, особенно если учесть то, что случилось пару дней назад.

Теперь и Фрэнк закивал.

– Разрешите же мне взять рацию, – нажимал Нат.

Ваксман измученно выдохнул.

– Одного я вас не пущу.

Нат подавил в себе торжествующий вопль. Наконец-то...

– Я отряжу с вами одного рейнджера. Не могу позволить себе потерять двоих.

– Отлично, отлично.

Фрэнк на радостях чуть не упал. Нат встретил его взгляд, полный признательности.

Капитан Ваксман крикнул за спину:

– Капрал Воржек! Два шага вперед!

* * *

20 часов 23 минуты

Джунгли Амазонии

Манни стоял у огня в общей компании, окутываемой дымной завесой. Запах жженого порошка держал саранчу на расстоянии, но снаружи рой клубился по-прежнему, словно рыхлый черный кокон, откуда было не выбраться.

У Манни колело в глазах от долгого смотрения на пламя. Насколько еще хватит индейского средства? Дым как будто начал развеиваться.

– Держите! – воскликнула Келли за его спиной.

С этими словами она передала Манни двухфутовый обрезок бамбука из кучи хвороста и вернулась к работе, присев на колени бок о бок с профессором. Коуве начинал порошком ток-тока последний бамбуковый факел.

Манни нервно переминался с ноги на ногу – план индейца казался ему

немного надуманным.

Покончив с последним обрезком бамбука, Келли и Коуве поднялись. Манни осмотрелся. Каждый участник стоял у огня в полном сборе и держал точно такую же палку.

– О'кей, – сказал Йоргенсен. – Все готовы?

Никто не ответил. Все взгляды излучали одно и то же: тревогу пополам с обреченностью.

Йоргенсен кивнул.

– Зажигайте.

Участники разом вытянули шесты и погрузили верхушками в пламя костра. Вместе с сухим бамбуком занялся и порошок. Когда самодельные факелы подняли, с их концов повалил густой дым.

– Тяните их не вперед, а вверх, – учил Коуве, демонстрируя на своем примере. – Отдыхать не придется.

Манни сглотнул, разглядывая колышущуюся впереди живую стену. На его счету было всего два укуса, но раны до сих пор саднили. Тор-Тор жался к нему и терся об ноги, чувствуя витающий в воздухе страх.

– Держитесь поближе друг к другу, – прошептал Коуве, когда отряд отправился прочь от спасительного огня, навстречу поджидающему людей рою.

Согласно плану, им предстояло прорваться сквозь тучу саранчи с помощью факелов тики с начинкой из порошка-репеллента. Под прикрытием их дымового шлейфа команда собиралась бежать из-под осады.

Вот как рассуждал Коуве при подготовке плана:

– Саранчу привлек сюда запах горячей метки бан-али. Если нам удастся покинуть эту область, мы, может быть, сумеем избавиться от насекомых.

План был рискованный, но выбирать не приходилось – запас порошка у бывшего шамана почти иссяк. Реши они остаться у лагерного очага, его хватило бы только на час или два. А саранча явно не собиралась покидать территорию. Поэтому уходить пришлось путешественникам.

– Пойдем, Тор-Тор.

Манни шагнул вслед за капралом Йоргенсеном. Чуть поодаль и сбоку плотной толпой семенили остальные, высоко подняв факелы.

Уши Манни заполнил монотонный гул роя. Он шел, всей душой желая лишь одного – чтобы расчеты Коуве оказались верны.

Затаив дыхание, горстка людей пробиралась вперед, к западу, туда, где скрылась вторая половина команды. То была их последняя надежда. Манни

оглянулся. Приветливое пламя костра потускнело до слабого отсвета, когда рой позади них сомкнулся. По ногам хрустели отбившиеся от стаи «жуки».

Группа беззвучно вошла в лес. Тянулись минуты, но черному облаку саранчи не было ни конца, ни края. Экспедиция до сих пор не выбралась из ловушки. Саранча кишела повсюду – носилась с жужжанием в воздухе, усеивала стволы деревьев, барахталась в подлеске. Один только дым удерживал ее от нападения.

Манни почувствовал какое-то шевеление на штанине. Он посмотрел вниз и свободной рукой сбил существо прочь. «Жуки» нагтели на глазах.

– Мы должны были оставить их позади, – пробормотал Коуве.

– Мне кажется, они нас преследуют, – заметила Анна.

Коуве чуть поотстал и прищурился.

– Похоже, вы правы.

– Что прикажете делать? – прошипел Зейн. – Факелов надолго не хватит. А если бегом? Глядишь и...

– Тихо! Дайте подумать! – шикнул на него Коуве. Он пригляделся к стае и забубнил себе под нос: – Почему они летят за нами? Почему не остаются там, куда их послали?

– Может, они вроде тех ядовитых пираний, – подала сзади голос Каррера, стоя с высоко поднятым факелом. – Добравшись сюда, они сели нам на хвост и будут преследовать, а дальше – либо мы, либо они.

Манни вдруг осенило.

– Раз так, почему бы нам не взять пример с бан-али?

– Что вы хотите сказать?

– Предложить мерзавцам кое-что поинтереснее нашей крови. Отвлечь их.

– Что, например?

– Тот же запах, который привел их сюда с самого начала. – Манни взбудораженно тараторил, рисуя огненный символ «ягуаров крови». – Мы с капралом Йоргенсеном погасили огонь, который испускал феромон, или как его – вместе с дымом, но горючее-то до сих пор цело. Оно там, в лесу.

Он вытянул руку.

Йоргенсен махнул головой.

– Манни прав. Если бы нам удалось запалить его снова... Коуве встрепенулся.

– То свежий дым отвлек бы саранчу и тем самым дал нам убежать.

– Вот-вот, – поддакнул Манни.

– Тогда за дело, – заключил Зейн. – Чего же мы ждем?

Йоргенсен выступил вперед.

– Наши факелы скоро прогорят, поэтому времени осталось мало. Нет нужды возвращаться всем вместе.

– О чем это вы? – спросил Манни.

Йоргенсен ткнул перед собой.

– Отправляйтесь вдогонку первому отряду. Я сам Вернусь и зажгу тот огонь.

Манни шагнул за ним следом.

– Я пойду с вами.

– Нет. Я не имею права подвергать опасности гражданское лицо. – Йоргенсен попятился. – К тому же один я дойду быстрее.

– Но...

– Тратим время и порошок, – оборвал капрал. Затем он повернулся к сослуживице. – Каррера, ваше задание – вывести всех отсюда. Ускоренным маршем. Я вас потом догоню, как только зажгу эту мерзость.

– Да, сэр.

Кивнув напоследок, Йоргенсен повернулся и затрусил назад, к лагерю, высоко воздев факел. Не прошло и нескольких секунд, как его силуэт растворился во тьме – капрала поглотил рой. Сначала лишь вспышки факельного пламени отмечали его путь, а потом и они угасли в живой пелене из черных порхающих тварей.

– Вперед! – возгласила Каррера.

Отряд повернулся и снова очутился на убегающей вдаль тропе. Манни изо всех сил надеялся, что капралу удастся осуществить задуманное. Оглянувшись в последний раз, он поспешил вдогонку за остальными.

* * *

Йоргенсен пробивался сквозь рой. Тот еще больше сгустился вокруг – один-единственный факел оказался неважной защитой. Несколько раз десантника жалили, но капрал был готов стерпеть и эту напасть. Как всякий рейнджер, он проходил испытания во всевозможных, подчас самых суровых условиях – горах, джунглях, болотах, снегах и пустынях.

Их готовили ко всему... Ко всему, кроме чертовой тучи плотоядных жуков!

С оружием на плече он вскинул повыше рюкзак, чтобы было легче бежать и укрываться от мельтешащего над головой роя.

Казалось бы, ему самое время запаниковать, но нет – какой-то необъяснимый задор гнал Йоргенсена вперед и вперед. Поэтому-то он и подался в рейнджеры – испытать себя на прочность в каком-нибудь зубодробительном деле. Скольким еще парням из миннесотских захолустий выпадал такой шанс?

Капрал вытянул вперед руку с факелом и ринулся напролом.

– Чтоб вам сдохнуть! – орал он саранче.

Держась лагерного костра точно маяка, Йоргенсен продвигался в тошнотворной пелене из черных «жуков». Вокруг него стлался факельный дым, источая аромат жженого порошка. Обойдя ствол бразильского ореха, Йоргенсен направился туда, где некогда обнаружили пылающий знак банали.

Сначала он сослепу пробежал мимо, но быстро сориентировался и вернулся назад.

– Слава богу.

Йоргенсен упал на колени перед тем самым местом, воткнул факел в рыхлую землю и, склонившись, принялся разгребать сор и барахтающихся насекомых со впитавшегося в почву смолистого топлива. Вся площадка была густо усеяна саранчой. Пару раз «жуки» жалили руку, сметавшую их прочь. Ближе к поверхности в нос ударял запах смеси – едкий и горьковатый. Профессор не ошибся: он действительно приманивал саранчу.

Быстрыми движениями Йоргенсен расчищал знак все больше и больше.

Он не знал, какого количества смолы будет достаточно, чтобы отвлечь рой, но не стал испытывать судьбу. Капралу вовсе не улыбалось возвращаться сюда еще раз. Ползая на коленях, он продолжал очищать знак липкими от пахучей смолы руками. Уже вскоре открылась добрая половина спиралевидного узора.

Довольный, капрал уселся на землю, вытащил газовую зажигалку и высек огонь. Потом он поднес зажигалку к смоле.

– Давай гори, милая...

Его желание сбылось – смола вспыхнула, и язычки резво побежали вдоль кривых линий и завитков свободной части символа. Даже больше: воспламенение оказалось столь бурным, что первая вспышка застала его врасплох, подпалив пальцы.

Йоргенсен швырнул зажигалку и отдернул руку – ладонь пылала.

– Вот дерьмо!

Липкая масса пристала к руке и вспыхнула от огня зажигалки. Капрал перекатился на бок и погрузил пальцы в землю, чтобы сбить пламя. При

этом он ненароком зацепил локтем факел, и тот отлетел в кусты, прочертив в воздухе искрящуюся дугу. Йоргенсен чертыхнулся и схватил его, но было поздно: порошок, начинявший пустотелую верхушку бамбуковой палки, с шипением рассыпался по земле и кустам.

Конец факела все еще рдел в полутьме, но дым совершенно развеялся. Йоргенсен вскочил на ноги. Позади него сиял знак бан-али, обещаая саранче скорую поживу.

– Ой, господи!

Келли услышала первый вопль, от которого все замерли на месте.

– Йоргенсен... – воскликнула Каррера, оборачиваясь.

Келли встала с ней рядом.

– Мы не можем вернуться, – сказал Зейн, порываясь продолжить путь.

Лес огласился вторым воплем – жутким, пробирающим до костей.

Келли видела, как рой стремительно редел вокруг них, уносясь в направлении бывшего лагеря.

– Они улетают!

У ее плеча раздался голос профессора:

– Похоже, капралу все-таки удалось поджечь приманку.

Страшные, леденящие кровь, вопли участились и стали протяжнее.

Казалось, ни один человек не мог так кричать.

– Ему надо помочь, – сказал Манни.

Каррера щелкнула карманным фонарем и навела его в сторону брошенного лагеря. В пятидесяти ярдах рой сгущался до такой степени, что даже деревья исчезли из виду, застланные черным туманом.

– Времени не хватит, – вполголоса ответила Каррера и вздернула свой факел – тот уже гас. – Мы не знаем, сколько времени выгадал нам Йоргенсен.

– Все равно, попытка не пытка, – огрызнулся Манни. – Вдруг он до сих пор жив?

Его как будто услышали – крики разом оборвались.

Каррера глянула на биолога и покачала головой.

– Смотрите! – вскричала Анна, показывая куда-то.

Чуть левее их от плотного роя, спотыкаясь, отделилась чья-то фигура.

Каррера осветила ее.

– Йоргенсен!

Келли ахнула и зажала рот ладонью.

Идущего было невозможно узнать. Облепленный с головы до пят копошащейся саранчой, он слепо брел вперед, выставив перед собой руки. Затем ноги рейнджера подкосились, и он, запутавшись в траве, рухнул на

колени. Что еще ужаснее, при этом человек не выронил ни звука. Только протянутые руки, казалось, молили о помощи.

Манни пошел было в его сторону, но Каррера удержала бразильца.

В этот миг коленопреклоненная фигура скрылась в нахлынувшей на нее черной лавине.

– Слишком поздно, – сказала Каррера. – Да и наше время истекает.

Будто в подтверждение этих слов ее факел выбросил сноп искр и потух.

– Нужно убраться как можно дальше, покуда наш главный козырь при нас.

– Но... – заикнулся Манни и тут же замолк.

Ледяной взгляд десантницы осадил его. Ее слова прозвучали еще тверже:

– Я не допущу, чтобы Йоргенсен погиб понапрасну. – Она ткнула в сторону чащи. – Вперед!

Келли, уходя, обернулась. Рой все еще висел черной бесформенной тучей, скрывая в глубинах человека, который отдал жизнь ради их спасения. На глаза ей навернулись слезы; ноги онемели от усталости и отчаяния, на сердце легла тяжесть.

Несмотря на горечь потери, одна мысль не оставляла Келли ни на минуту. Дочь нуждалась в ней, как никогда. Перед глазами у нее стояло личико Джесси в постели, мучимой жаром. «Я приду, девочка», – твердила она про себя.

Впрочем, в глубине души Келли засомневалась, удастся ли ей выполнить обещание. Каждый шаг их лесного пути был отмечен чьей-то смертью. Грейвз, Де Мартини, Конжер, Джонс... А теперь еще и Йоргенсен... Она тряхнула головой, отказываясь терять надежду. Пока жива, пока в силах переставлять ноги, она найдет дорогу домой.

Следующий час путешественники прорывались сквозь лес, следуя маршруту, которым днем раньше ушла предыдущая группа. Факелы гасли один за другим, в ход пошли фонари. Рой, казалось, отстал. Быть может, все-таки удалось спастись и безглазые твари потеряли к ним интерес? Так или иначе, никто не осмелился выразить надежду вслух.

Манни вышагивал рядом с десантницей.

– А что, если мы разминемся с той командой? – тихо спросил он.

– Радиосвязь поддерживал Йоргенсен. Только с его помощью мы могли контактировать с внешним миром.

Келли не учла этого факта. Поскольку радио пропало, они оказались в полной изоляции.

– Мы их нагоним, – с железной уверенностью произнесла Каррера.
И никто не стал возражать – не хотелось.

Они пробирались сквозь темные джунгли, сосредоточившись лишь на дороге. Шли часы, и к картине физического истощения и всеобъемлющего страха добавилось истощение моральное, вызванное постоянной готовностью услышать знакомое жужжание саранчи среди ставших уже привычными воплей и завываний, доносящихся из ночных джунглей.

Потому-то все так всполошились, когда портативный микропередатчик, болтающийся на полевой куртке рядовой Карреры, вдруг зашипел от статики и исторг несколько слов, больше похожих на хрип:

– Это... как слышите... радиосигнал...

Все разом обернулись к Каррере и уставились на нее. Девушка вытащила из каски микрофон и поднесла ко рту.

– Говорит рядовая Каррера. Как слышно? Прием.

Рация надолго замолчала, однако затем вновь ожила.

– Вас слышу, Каррера. Говорит Воржек. Доложите ситуацию.

Рейнджер быстро описала произошедшее в сухом, профессиональном стиле. Келли, однако, заметила, как дрожали пальцы десантницы, прижимая к губам микрофон. Закончила Каррера доклад так:

– Следуем за вами. Через два часа рассчитываем на встречу.

Капрал Воржек ответил:

– Вас понял. Доктор Рэнд и я уже на пути к вам. Конец связи.

Каррера закрыла глаза и громко выдохнула.

– Все будет хорошо, – шепнула она в пространство.

Пока все шушукались в разрядившейся обстановке, Келли разглядывала чернеющий лес.

Где-где, а здесь, в Амазонии, ничего хорошего ждать не приходилось.

Действие четвертое

Ягуары крови

ХВОЩ

Семейство: Equisetaceae / Хвощевые.

Род: Хвощ / Equisetum.

Вид: полевой / Arvense.

Народные названия: Хвощ полевой, полевая сосенка, конский хвост.

Этнические названия: At Quyroughi, Atkuyrugu, Chieh Hsu Ts'Ao, Cola de Caballo, Equiseto Menor, Kilkah Asb, Prele, Sugina, Thanab al Khail, Vara de Oro, Wen Ching.

Фармакологические свойства: вяжущее, мочегонное, противовоспалительное, кровоостанавливающее.

Переправа

15 августа, 8 часов 11 минут

Институт «Инстар»

Лэнгли, штат Виргиния

Лорин провела магнитной карточкой по замку на двери кабинета и вошла внутрь. Прошел день, а ей только сейчас удалось вырваться. Между посещениями Джесси в больничном крыле и встречами с разными членами «Медеи» у нее совсем не оставалось личного времени. Свободная минута выдалась только потому, что Джесси стало гораздо лучше. Ее температура возвращалась к норме, а живости прибавлялось с каждым часом.

Настраиваясь на оптимистичный лад, Лорин начала надеяться, что ошиблась с постановкой диагноза. Что, если у Джесси вовсе не было тропической болезни? Лорин была рада, что не выдала своих опасений. Выходит, зря она напугала родных. Быть может, она слишком сильно уцепилась за статистическую модель Алвизио. Во всяком случае, вины эпидемиолога здесь не было. Доктор Алвизио и впрямь предупреждал ее, что результаты не дают оснований для выводов – требовалось собрать больше данных, провести корреляцию...

Впрочем, это же во многом относилось к любому этапу исследований. День за днем, пока болезнь охватывала Флориду и другие южные штаты, обсуждались тысячи разных теорий: о природе возбудителя, о терапевтических протоколах, о диагностических параметрах, о тактиках проведения карантина. «Инстар» сделался национальным мыслительным центром во всем, что касалось эпидемии. Именно ему предстояло перекопать кучу гипотез и затейливых эпидемиологических построений в поисках жемчужного зерна. Объем работы устрашал, так как данные стекались непрерывно, изо всех концов страны. Одно обнадеживало – здесь трудились лучшие умы страны.

Лорин рухнула в кресло и щелкнула кнопкой компьютера. Тот пискнул, возвещая поступление свежей почты. Лорин со вздохом нацепила очки и придвинулась к экрану. Ее ждали триста четырнадцать непрочитанных сообщений – и это только в личном ящике. Она прокрутила список отправителей и посмотрела заголовки, пытаясь угадать в обрывках фраз что-нибудь важное и любопытное.

ПАПКА «ВХОДЯЩИЕ»

От кого:

jpcdvm@davis.uc.org
trent magnus@scriabs.com
systematica@cdc.gov
xreynolds@largebio.com
synergymeds@phdrugs.com
gerard@dadecounty.fl.gov
hrt@washingtonpost.org

Тема:

Ответ: о биохимическом сходстве с обезьянами
Звонок о стандартизации проб прог. отчет
Из лаборатории «Лардж скейл»
Вопросы фармакологии
Прогнозы по карантину
Просим дать интервью

Когда Лорин проглядывала список писем, одно из них привлекло ее внимание. Что-то в нем показалось ей знакомым, но что именно – она не припоминала. Наведя курсор на письмо, подписанное «Из лаборатории „Лардж скейл“», Лорин задумчиво наморщила лоб и только тогда вспомнила. В ночь, когда у Джесси начался жар, ей приходило сообщение на пейджер от этой же организации. Спихватилась она уже за полночь, но из-за больного ребенка ей было некогда перезвонить или зайти на указанную страницу. Возможно, то сообщение ничего не значило, но сегодняшнее послание подогрело ее интерес. Она открыла файл, и письмо высветилось на экране. Писал доктор Ксавьер Рейнольдс. Лорин улыбнулась – его-то она помнила отлично. Год назад он учился под ее руководством и после устроился в какую-то из калифорнийских лабораторий – возможно, ту самую «Лардж скейл». Он был одним из ее лучших учеников. Лорин пыталась привлечь его в группу «Медея» при институте «Инстар», но Ксавьер отказался. Его невесте предложили должность адъюнкт-профессора в Беркли, и, естественно, он не захотел оставлять ее одну.

Пока Лорин читала его записку, ее улыбка мало-помалу поблекла.

«От: xreynolds@largebio.com

Дата: 14 авг 13:48:28

Для: lauren_obrien@ instar.org

Тема: Из лаборатории «Лардж скейл»

Уважаемая доктор О'Брайен!

Заранее прошу прощения за беспокойство. Вчера вечером я пытался

пробиться к Вам через пейджер. Полагаю, у Вас много дел, поэтому буду краток.

Как и многие другие лаборатории, наша включилась в исследование новой болезни, и, как мне кажется, я сумел обнаружить некоторую любопытную закономерность, если не решение краеугольной проблемы поиска возбудителя. Но прежде, чем озвучить свои соображения, мне хотелось бы ввести вас в курс дела.

Возглавляя здесь, в лаборатории, команду протеономиков^[4], я пытался систематизировать совокупность человеческих белков, подобно тому что было сделано для ДНК в рамках проекта Геном человека. По сути дела, моя идея заключалась в изучении болезни изнутри, в обратной последовательности. Большинство болезнетворных организмов – бактерий, вирусов, грибов, паразитов сами по себе не являются патогенами. Болезнь, в ее клиническом виде, вызывают вырабатываемые ими белки. Поэтому я начал поиски специфического белка, который встречался бы у всех пациентов, и нашел его! Однако молекулярная структура со множеством перегибов цепи и спиралей навела меня на новую мысль. Этот белок невероятно схож с тем, который вызывает губчатообразную энцефалопатию крупного рогатого скота. В свою очередь, возникает вопрос: не пошли ли мы по ложному пути, следуя гипотезе о вирусной природе возбудителя?

Предполагались ли в качестве болезнетворных агентов прионы?

Пространственная модель нового белка прилагается.

Наименование: неизвестный прион (?)

Составляющие: глобулярный белок с двойной концевой адьфа-спиралью

Модель:

Метод исслед.: дифракция рентгеновских лучей, стандарт № 3.4.1.18

Источник: пациент #24-b12, племя анаваков, низовья Амазонки.

Разрешение: 2,00 R-значение: 0,145

Пространственная группа: P21 20 21

Изм: a – 60,34; b – 52,02; c – 44,68

У гл.: альфа 90,00, бета 90,00, гамма 90,00'

Полимерные цепи: 156L *Остаточн.:* 144

Атомов: 1286

Такая вот получилась головоломка. Я высоко ценю Ваше мнение, доктор О'Брайен, и потому был бы весьма рад услышать от Вас любые

мысли, советы или критику, прежде чем выносить столь неортодоксальную теорию на всеобщее рассмотрение.

Искренне ваш,

Ксавьер Рейнольдс, д. м. н.»

– Значит, прион.

Лорин коснулась молекулярной модели на мониторе. Неужели вот она – причина болезни? Лорин попыталась оценить такую возможность.

Термин «прион» происходит от начальных букв англоязычного словосочетания «белковая инфекционная частица». Инфекционные качества прионов были зарегистрированы лишь в последнее десятилетие, за что в 1997-м американский биохимик удостоился Нобелевской премии. Белки-прионы были обнаружены у всех живых существ, от человека до одноклеточных дрожжей. Молекулярная структура этих, обычно безвредных соединений имеет двойственную природу, превращая их в своего рода биохимических оборотней. В одной форме они не опасны и дружелюбны по отношению к клетке. Однако тот же самый белок способен менять кон-формацию – разворачиваться, порождая чудовищные нарушения клеточного метаболизма. Отмечалось, что со временем данный эффект нарастает. Едва «развернутый» прион внедрялся в организм хозяина, как соседствующие с ним при-онные молекулы разворачивались сходным образом, в свою очередь изменяя остальные и распространяясь по всем системам органов хозяина экспоненциальными темпами. Что еще хуже, процесс мог передаваться новым хозяевам – феномен, присущий инфекционным заболеваниям. Прионные болезни обнаружены как у животных, так и у человека, например овечья почесуха или болезнь Якоба – Крейцфельдта. Наиболее широкую известность получили прионные болезни, передаваемые от вида к виду. Одну из них доктор Рейнольдс упомянул в сообщении – губчатообразная энцефалопатия крупного рогатого скота, или, говоря попросту, коровье бешенство.

Однако указанные заболевания до сих пор носили дегенеративный характер, и ни одно из них не передавалось с такой быстротой. Тем не менее это не означало, что прионам такой путь заказан. Лорин читала обзоры исследований по прионам и их роли в мутагенезе и более серьезных патологиях. Что, если они столкнулись с тем же? Как быть с передачей воздушным путем? Частицы прионов – субмикроскопические, уступают в размерах вирусам. А раз некоторые вирусы могут переноситься по воздуху, почему бы прионам не поступать точно так же?

Лорин взгляделась в изображенную на экране молекулу и протянула руку к телефону. Набирая номер, она почувствовала, как по спине

пробежал холодок, и взмолилась, только бы ее бывший студент оказался не прав. Раздался гудок, и спустя секунду трубку подняли.

– Доктор Рейнольдс, протеономика.

– Ксавьер?

– Да?

– Это доктор О'Брайен.

– Доктор О'Брайен!

Ксавьер, потрясенный, с воодушевлением заговорил, рассыпаясь в благодарностях.

Лорин оборвала его.

– Ксавьер, расскажи лучше об этом твоём белке.

Ей нужно было вытянуть из него как можно больше информации, и по возможности быстро. Если допустить хоть на секунду, что Рейнольдс не ошибается...

Лорин невольно передернуло, едва она бросила взгляд на крабоподобную молекулу на мониторе. О прионных болезнях было известно еще кое-что.

Они считались неизлечимыми.

* * *

9 часов 18 минут

Джунгли Амазонии

Натан стоял, глядя Олину Пастернаку через плечо. Компьютер спутниковой системы все больше и больше выводил связиста из себя. На лбу у Олина выступили бусины пота – утро выдалось удушливо-знойным, да и эксперт ЦРУ не на шутку встревожился.

– Нет трансляции, хоть ты тресни!

Олин закусил губу и прищурился.

– Попробуйте еще, – понукал сбоку Фрэнк.

Нат посмотрел на Келли, стоявшую рядом с братом. В ее глазах читались тоска и подавленность. Натан уже изрядно наслушался о ночном нападении – о необычном роде гигантской саранчи, насланном на лагерь с помощью горячей метки бан-али. Эта история и поныне казалась бы ему невообразимой, ужасающей выдумкой... Если бы смерть Йоргенсена не делала ее страшной явью.

С самого ночного воссоединения отрядов в лагере у болота рейнджеры

несли караул. Всю ночь они сменяли друг друга, патрулируя поблизости и в приграничном лесу – всегда начеку, прислушиваясь, приглядываясь на случай огня или гудения саранчи. Однако ничего особенного не произошло. Предзакатные часы пролетели незаметно. Как только спутник оказался в зоне досягаемости, Олин засел за компьютер, стараясь соединиться со Штатами и передать послание на полевую базу в Вауаи. Уведомить остальные группы об изменениях в плане было делом жизненной важности. Памятуя о неизвестных шпионах, сидящих у них на хвосте, в отряде решили придерживаться плана о переправе на плотках. Ваксман понадеялся, что тем самым они получают пару дней форы, оставив преследователей тащиться в обход болота. Как только экспедиция попадет на ту сторону, капитан организует постоянный дозор – вдруг на озере появятся каноэ бан-али – и проследит, чтобы группа благополучно дождалась эвакуационных вертолетов. Он планировал обменять всех гражданских на рейнджеров с полевой базы и с этим подкреплением пойти дальше по следу Джеральда Кларка. И все бы ничего, когда бы не одна проблема.

– Придется разобрать ноутбук аж до материнской платы, – сказал Олин. – Что-то в нем жутко сбоят. Может, чип битый попался или вытряхнуло какой во время недавней тряски – не знаю. В общем, придется расковырять и все там проверить.

В ту секунду Ваксман разговаривал со своим штаб-сержантом, но слова связиста расслышал и шагнул в его сторону.

– На это у нас нет времени. Третий плот – вот он, а переправа займет полных четыре часа. Пора выдвигаться.

Нат глянул на берег болота и увидел, как четверо рейнджеров выводят свежесобранный плот вровень с двумя вчерашними. Дополнительный плот потребовался, чтобы вместить их разросшуюся команду в полном составе.

Олин скорчился над компьютером и спутниковой тарелкой с маленькой отверткой в руках.

– Но мне так и не удалось пробиться к остальным. Они не будут знать, где мы.

Он вытер запястьем лоб. Его лицо побледнело.

Зейн стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу и потирая щеку с пластырем поверх укуса саранчи.

– Мы можем отправить кого-нибудь назад и вернуть рюкзак Йоргенсена с рацией, – предложил он.

Все бросились обсуждать обе альтернативы.

– Попусту потеряем еще один день.

– И снова поставим людей под угрозу.
– Нам надо хоть с кем-то связаться!
– Откуда нам знать, что рация уцелела в этом облаке саранчи. Они могли запросто перегрызть провода и...

Ваксман прервал спор громоподобным возгласом:

– Без паники!

Призыв предназначался всем и каждому.

– Даже если нам не удастся пробиться в эфир, командование базы знает наши приблизительные координаты из вчерашнего отчета. Когда завтра, как было условлено, прибудет бразильский вертолет, мы его услышим, даже сидя посреди болота. А чтобы указать им, где мы находимся, можно зажечь оранжевые дымовые шашки.

Нат закивал головой. В разбирательстве он не участвовал. Для него существовал только один путь – вперед.

Ваксман ткнул в сторону Олина.

– Собирайтесь. Будете доделывать, когда переберемся на ту сторону.

Пастернак, смирившись, кивнул и отправил крошечную отвертку в набор инструментов. Обсудив предстоящее, все разошлись паковать собственное снаряжение. Впереди их ждал длинный день переправы.

– Ну хоть топтать не придется, – обронил Манни, походя похлопав Ната по плечу.

Бразилец как раз шел будить Тор-Тора. Ягуар развалился под пальмой, безразличный к окружающему миру после вчерашней погони.

Нат размял шею и приблизился к профессору Коуве. Индеец стоял на краю болота и курил трубку. В его глазах отражалась та же подавленность, что и у Келли. Когда Нат и капрал Воржек встретили беглецов на тропе, профессор был сам не свой – тихий и мрачный, даже больше, чем того требовал траур по Йоргенсену. Натан молча встал рядом со старым другом, как и Коуве глядя на озеро.

Через некоторое время профессор вполголоса заговорил, не глядя на Ната.

– Они наслали саранчу... Бан-али. – Шаман покачал головой. – Вырезали целую общину яномамо со своими «пираньями». Никогда не видел ничего подобного. Похоже, эти «ягуары крови» в самом деле могут повелевать джунглями. Если легенда правдива, что нас ждет?

Он снова тряхнул головой.

– Что вас беспокоит?

– Я двадцать лет исследовал индейскую культуру. Я вырос здесь, в этих джунглях. – Его голос стих, исполненный горечи. – Я должен был

предвидеть... Тот солдат, как он кричал...

Нат глянул на Коуве и положил руку ему на плечо.

– Профессор, вы всех спасли своим порошком.

– Нет, не всех. – Коуве вытащил трубку и пустил струю дыма. – Я должен был сообразить, что символ следовало зажечь до того, как мы вышли из лагеря. Подумай я тогда хорошенько, тот капрал был бы сейчас жив.

Нат порывисто заговорил, пытаясь оградить профессора от самобичевания и угрызений совести.

– Вы слишком строги к себе. При встрече с бан-али и их биологическим оружием не помогут ни знания, ни опыт, ведь о них никто никогда не слышал.

Коуве наклонил голову, но Нат чувствовал, что едва ли сумел его разубедить.

Стоящий на берегу Ваксман скликал всех к воде:

– Начинаем погрузку! По пятеро на плот!

Капитан распределял рейнджеров и гражданских по плотам.

Нат оказался в компании Коуве и Манни с Тор-Тором. В сопровождающие им отрядили капрала Окамото и рядовую Карреру. Прежде чем погрузиться на бревенчато-бамбуковые посудины, пришлось пробираться по мелководью. Нат, который первым взобрался на плот, сразу же оценил его прочность. Потом, перегнувшись через край, он помог Манни усадить на покачивающийся настил ягуара. Мокрый Тор-Тор был явно не в духе. Пока он отряхивался, на плоты поднялись остальные.

На соседнем стояли Фрэнк с Келли и капитаном Ваксманом, а с ними – капралы Воржек и Ямир. Дальний плот заняла последняя пятерка пассажиров. Олин с осторожностью поднял над головой рюкзак с приборами для спутниковой связи. Подняться на борт ему помогли Ричард Зейн с Анной Фонг, а замыкали погрузку мужественный Том Грейвз и вечно хмурый сержант Костос.

Как только все разместились, в ход пошли бамбуковые шесты, с помощью которых они оттолкнулись от берега и протащили плоты через отмель. Зато дальше берега болота круто обрывались. Уже в сотне футов от берега шесты перестали доставать до дна, в связи с чем пришлось поменять их на весла. На плот приходилось по четыре весла, что позволяло участникам по одному отдыхать и сменять друг друга. По плану они должны были плыть прямо и без остановок.

Нат правил, стоя по правому борту. Их крохотная флотилия медленно продвигалась к отдаленному берегу. Над озером разносился рев невидимых

водопадов, приглушенный, но оттого не менее грозный. Нат пригляделся, козырьком приложив руку ко лбу. Заозерные взгорья по-прежнему терялись в дымке, возвышаясь впереди чересполосицей красных скал, зеленого леса и облаков водяной пыли.

Путь экспедиции пролегал по узкой расселине меж двух громоздящихся плато. Мглистая протока прорезала окаймляющие ее скалы, сбегая вниз с высокогорья. Там-то и дожидалось их последнее послание Кларка.

Вторжение людей заинтересовало всяческих болотных обитателей. Сначала над водой на бреющем полете промчалась белоснежная цапля. С замшелых бревен в воду с громким плеском попрыгали лягушки, а птицы-гоацины (с виду – страшноватая помесь индейки с птеродактилем) принялись верещать и кружиться над гнездами, устроенными в кронах пальм. Единственными, кто оказал путешественникам радушный прием, были москиты, которые, радостно жужжа, слетались к плавучей «столовой».

– Мерзкие кровососы, – ворчал Манни, шлепая себя по загривку. – Хватит с меня всяких шестиногих налетчиков!

В довершение всех бед Окамото вновь принялся свистеть – фальшиво, как и обычно, с полным отсутствием ритма.

Нат вздохнул. Путешествие обещало быть долгим.

Через час илистые островки скрылись из виду. Они достигли середины озера, где было достаточно глубоко, чтобы затопить большинство клочков суши и леса. Только одинокие голые кочки кое-где нарушали широкую гладь.

Солнце здесь жгло и палило нещадно.

– Парилка, да и только, – произнесла с левого борта Каррера.

Нат вынужден был согласиться. Воздух, насыщенный влагой, вдыхался с трудом. Команда начала терять скорость, в движениях стала проявляться усталость. То и дело передавались по кругу фляги с водой. Даже Тор-Тор, развалившись на бамбуковом настиле, разинул пасть от духоты.

Единственным, что утешало, было временное избавление от тесных объятий джунглей. Здесь перед ними расстилался открытый горизонт, дарующий пьянящее чувство свободы. Нат часто оглядывался туда, откуда они уплыли, готовясь увидеть на берегу индейца, потрясающего кулаками. Однако никаких знаков присутствия бан-али путники так и не встретили. Охотники таинственного племени по-прежнему где-то скрывались. К счастью, команда оставила преследователей позади, двигаясь с отрывом в

несколько дней.

На плечо Нату легла чья-то рука.

– Теперь моя очередь, – сказал Коуве, выбивая в воду трубочный пепел.

– Зачем, я в порядке... – пробормотал Нат.

Коуве протянул руку и взял весло.

– Я пока еще не инвалид.

Натан больше не стал перечить и отошел на корму. Усевшись там, он наблюдал, как их лагерь становится меньше и меньше. Потянувшись за флягой, Нат вдруг ухватил краем глаза какое-то движение по правому борту. Один из островков, черный и каменистый, медленно уходил под воду – тихо, без ряби, без всплеска. Что за черт? За ним следом – другой, что левее. Нат поднялся на ноги. Пока он описывал странное явление остальным, «остров» открыл большой глянцевый глаз и уставился на него.

Натан сейчас же сообразил, в чем дело.

– Вот дерьмо!

Теперь-то, приглядевшись как следует, он узнал чешуйчатые щитки и бугристые очертания крокодильей головы. Кайман! Вернее, чета великанов. Каждая голова четырех футов шириной от глаза до глаза. Если она одна была так огромна, то...

– В чем дело? – спросила рядовая Каррера.

Нат указал на воду, где только что скрылся второй крокодил.

– Что там? – спросила десантница в испуге и недоумении, в точности напоминая Ната секунду назад.

– Кайманы, – ответил тот севшим от волнения голосом. – Гигантские!

Тут уж все на плоту подняли весла и уставились на него.

Нат обрел голос и закричал так, чтобы его услышали на остальных посудинах, размахивая руками:

– Рассыптесь! На нас вот-вот нападут!

– Кто? – крикнул Ваксман со своего плота пятьюдесятью ярдами дальше. – Кого вы там видите?

В ответ между Натовым и соседним с ним судном промелькнуло нечто огромное, ударив оба плота и даже слегка раскрутив их. Сквозь мутные воды болота отчетливо проглянул двойной гребень хвоста, волнообразно уходившего вглубь.

С этой тактикой Нат встречался не раз. Она называлась тараном. Цари в мире кайманов – большие черные – падалюю не питаются. Они любят свежатину. Вот почему неподвижность часто способна защитить от хищников. Обыкновенно они слегка таранят то, что показалось им

съедобным, чтобы проверить, живое оно или нет.

Только что это произошло с их плотами. Третий плот в отдалении вдруг накренился и пошел вбок – другой кайман тоже коснулся непонятных пришельцев.

Нат еще раз прокричал:

– Не двигаться! Бросьте гребти! Вы их раздражьте!

Ваксман подкрепил указание своим приказом:

– Делать, как велено! Оружие к бою. Гранаты держать под рукой!

Манни перебрался к Нату и зашептал полуиспуганно, полублагоговейно:

– В нем, похоже, не меньше сорока футов, втрое больше любого из тех, что я видел!

Каррера держала винтовку в руках и спешно прилаживала к ней гранатомет.

– Неудивительно, что Кларк предпочел пойти в обход.

Окамото закончил с ружьем, поцеловал свой крест на цепочке и слегка поклонился Коуве.

– Молюсь, чтобы у вас в рукаве было припрятано еще какое-нибудь зелье.

Профессор покачал головой, глядя перед собой немигающим взглядом.

– А я молюсь, чтобы вы оказались хорошими стрелками.

Окамото глянул на Ната.

– С такой прочной броней, – пояснил тот, – уложить его можно только выстрелом в глаз.

– Почему, есть еще небо, – добавил Манни. – Но для хорошего прицела нужно чертовски близко подобраться.

– По правому борту! – рявкнула Каррера, присев с винтовкой на плече. Водную гладь прорезала тонкая полоса ряби – длинная и зловещая.

– Не уверены – не стреляйте, – прошипел Нат. – Иначе зря спровоцируете. Если уж бьете – бейте наверняка.

Ваксман услышал наказ среди общего гробового молчания.

– Слушайте доктора Рэнда. Выпадет случай – стреляйте, но наугад не палить!

Все плоты, как один, оцетинились ружьями. Нат взял в руку свой дробовик.

Они выжидали на солнцепеке – пот каплет в глаза, во рту пересохло. Кайманы кружили, кольцо за кольцом, не выдавая себя ничем, кроме полос ряби. То и дело плоты ударяли из-под воды – проверяли.

– А долго они могут задерживать дыхание? – поинтересовалась

Каррера.

– Часами, – ответил Нат.

– Чего ж они не нападают? – спросил Окамото.

Ему ответил Манни:

– Не могут понять, что мы такое и можно ли нас есть.

Азиата, судя по виду, замутило.

– Будем надеяться, что они этого так и не узнают.

Минуты ожидания затянулись. Казалось, сам воздух вокруг плотов загустел от напряжения.

– А что, если мы запустим гранату подальше? – предложила Каррера. – Отвлечем их, выманит отсюда на время.

– Вряд ли это поможет. Они могут разъяриться и тогда станут кидаться на все, что плавает. Вроде нас.

На дальнем плоту Зейн высказал предложение, которое Нат расслышал без труда.

– Давайте обмотаем ягуара взрывчаткой и выкинем за борт, а когда крокодил бросится на него, подорвем.

От такой мысли Ната передернуло. Манни стал белым как мел. Некоторые, впрочем, призадумались.

– Даже если ваш план удастся, вы убьете лишь одного, – сказал Нат. – Другой же – судя по всему, партнер – озверевает и нападет на плоты. Будем ставить на то, что парочка потеряет к нам интерес и уплывет восвояси, а мы пойдем дальше на веслах.

Ваксман повернулся к капралу Ямиру, эксперту-подрывнику.

– Если вдруг крокодилам не надоеет, подготовимся их развлекать. Зарядите-ка пару напалмовых бомб.

Капрал молча кивнул и повернулся к своему рюкзаку.

Затем путешественники вернулись к тактике выжидания. Время текло медленно.

Нат почувствовал, как плот заходил под ногами, когда одна из рептилий протаскала под ним свой толстенный хвост.

– Держитесь!

Внезапно плот поддало вверх. Корма вздыбилась высоко над водой. Экипаж повис на бамбуковых стволах, словно скопище пауков. Незакрепленные рюкзаки со звучным плеском попадали в озеро. Затем плот рухнул на воду, сильно подбросив пассажиров.

– Все целы? – крикнул Нат.

Раздался согласный ропот.

– Я упустил винтовку, – глядя исподлобья, признался Окамото.

– Лучше ружье, чем вы сами, – мрачно заметил Коуве.

Нат поднял голос:

– Они смелеют!

Окамото потянулся к одному из рюкзаков, проплывающему мимо.

– Мое добро...

Нат заметил, что тот делает.

– Капрал! Прекратите!

Окамото сейчас же застыл.

– Черт...

Он схватился за лямку рюкзака и уже наполовину вытянул его из воды.

– Бросьте, – приказал Нат. – Отойдите от края.

Капрал отпустил рюкзак – тот ушел с легким всплеском – и отдернул руку.

Но монстр оказался проворнее. Он ринулся из глубин с разверзнутой пастью, по которой сбегали потоки воды, взметнулся вверх на десять футов, словно башня брони и зубов длиной в локоть. Рейнджера оторвало от плота и подняло в воздух с криком недоумения и ужаса. Исполинские челюсти захлопнулись под явственный хруст костей. От боли и отчаяния Окамото сорвался на визг. Несколько секунд его тело сотрясалось, как тряпичная кукла, болтая ногами, после чего гигантская туша провалилась обратно, в болотистый омут.

– Огонь! – закричал Ваксман.

Ната взяла оторопь, он не мог шевельнуться. Каррера выпустила очередь из своей М-16. Пули так и сыпались доисторическому хищнику на брюхо, но желтоватая чешуя по прочности не уступала кевлару. Даже стрельба в упор как будто не причиняла ему вреда. Уязвимые точки – глаза – оказались на противоположной стороне туши.

Нат вскинул свой дробовик и, вытянув руку над головой Манни, спустил курок. Дробь просвистела сквозь пустоту – хищник успел ускользнуть. Запоздалый, отчаянный выстрел. Кайман пропал, а с ним и Окамото.

Все замерли, потрясенные.

Плот качало на волне, поднятой ускользнувшим чудовищем. Нат неотрывно смотрел туда, где исчез их товарищ – тот самый, что так донимал его свистом. На поверхности растекалось красное пятно, поднимаясь со дна с пузырями.

Кровь на воде... Теперь монстры знают: пожива рядом.

Келли и Фрэнк скорчились посредине настила. Капитан Ваксман и капрал Воржек присели с оружием на изготовку. Ямир спешно налаживал

две черные бомбы размером с тарелку, снабженные выпуклым таймером-приемником. Подрывник выпрямился и отошел.

– Готово, – доложил он капитану.

– Доставайте оружие, – сказал Ваксман, – и будьте готовы.

Едва Ямир поднял винтовку и занял позицию у борта, как сзади раздался оглушительный треск. Келли обернулась и тотчас увидела, как третий по счету плот поддало высоко в воздух, так же как и плот Ната минуту назад. Только на этот раз пассажирам повезло меньше – Анна Фонг не смогла удержаться. Ее подбросило, словно из катапульты, и швырнуло на воду одновременно с плотом. Зейн и Олин ухитрились устоять, сержант Костос и капрал Грейвз – тоже.

Анна показалась на поверхности, кашляя и отплевываясь. От плота ее отделяло всего несколько ярдов.

– Анна, не двигайтесь! – крикнул Нат. – Подберите руки-ноги и лежите на поверхности!

Она явно постаралась следовать совету, но, как ни старалась удержаться на плаву, набрякший рюкзак утягивал вниз. Страх смерти – от воды ли, от глубинных тварей – отчетливо читался в ее глазах, побелевших от паники. Потом Анна заметила оживление на плоту. Сержант Костос подался вперед, держа один из бамбуковых шестов, которыми отталкивались от берега.

– Хватайтесь за шест! – крикнул он женщине.

Анна потянулась, цепляясь пальцами за бамбук.

– Я сейчас подтащу вас к плоту.

– Нет, не надо! – простонала она.

Нат закричал снова:

– Анна, все будет хорошо, главное – не делайте резких движений. Костос, тяните как можно тише. Постарайтесь, чтобы не было ряби.

Келли вздрогнула. Фрэнк обнял ее за плечи.

Мало-помалу сержант стал подтягивать Анну к борту.

– Хорошо, хорошо... – бубнил Нат на манер заклинателя.

Внезапно за плечами у Анны возникло чешуйчатое рыло – одни ноздри. Глаза были все еще скрыты под водой.

– Не стрелять! – вскричал Нат. – А то он расшвыряет!

Как бы рейнджеры ни целились, возможности уложить наповал все равно не было.

С появлением монстра Костос перестал тянуть шест. Все замерли. Женщина в воде всхлипнула.

Медленно-медленно рыло каймана подалось вперед, слегка

приподнялось, показав зубы.

Костосу ничего не оставалось, как потихоньку тащить Анну к плоту, всего на несколько футов опережая надвигающееся чудовище.

– Осторожно! – прокричал Нат.

Все это походило на гонки со смертью в замедленном темпе... Гонки, в которых люди вот-вот проиграют. Морда каймана подобралась к Анне почти вплотную; чудовище раззявило пасть позади ее головы. Шансы вытащить ее на борт, не спровоцировав крокодила, приравнялись к нулю. Кое-кто, видимо, пришел к такому же выводу. Капрал Грейвз разбежался и, оттолкнувшись от своего плота, перелетел через голову Анны, словно чемпион по прыжкам в длину.

– Грейвз! – вскрикнул Костос.

Капрал приземлился прямоком на морду крокодила, захлопнув ему челюсти и утопив под водой.

– Тяни на себя! – завопил Грейвз, увлекаемый кайманом на глубину.

Костос дернул Анну поближе к плоту, а Олин помог втащить женщину на борт. Секунду спустя из воды вздыбился разъяренный кайман и вместе с ним – Грейвз, оседлавший его широченную морду. Чудовище мотало головой, пытаясь стряхнуть непонятного ездока. Из разинутой пасти вырвался яростный рев.

– На, подавись! – заорал Грейвз. – Вот вам за брата!

Крепко обхватив морду ногами, он выхватил что-то из куртки и швырнул чудищу в самую глотку.

Граната!

Мощные челюсти щелкнули, но рейнджера было не достать.

– Ложись! – проорал Ваксман.

Грейвз с силой оттолкнулся ногами от «седла», устремляясь к плоту.

– Жри, ублюдок!

В тот же миг среди болотной тиши грянул взрыв. Голову каймана разнесло на куски. Грейвз подлетел в воздух с торжествующим криком, но тут из глубины вырвался второй хищник. Раскрыв пасть, он ринулся на капрала, перехватил его на лету, как собака – брошенный мяч, и рухнул в омут, унося добычу с собой. Все случилось в считанные секунды.

Туша убитого монстра медленно всплыла кверху брюхом к поверхности, обнажив серо-желтую чешую. Что-то в воде колыхало обмякший труп чудовища. Вокруг расходились круги – оставшийся в живых монстр изучал останки собрата.

– Может, отстанет? – робко предположил Фрэнк. – Поймет, что здесь убивают, и смоеся?

Келли знала, что этому не бывать. Чудища не первый век коротали вместе – единственная в своем роде пара, которая прижилась и царила в здешнем болотном краю.

Рябь на воде разгладилась. Озеро снова утихло.

Все по-прежнему безотрывно смотрели на воду, затаив дыхание или, наоборот, напряженно сопя. Потянулись минуты ожидания. Солнце жарило без разбора.

– Куда он подевался? – прошептал Зейн, топчась рядом со своей пепельно-бледной коллегой. Анна только дрожала в ответ, промокшая и напуганная.

– Может, отстал, – пробубнил Фрэнк.

Три плота сами собой дрейфовали мимо дохлого монстра. Посудина Ната оказалась по другую сторону от плавающей туши. Келли встретила с Натаном взглядом. Он кивнул ей, пытаясь изобразить спокойную уверенность, но даже ему, бывалому обитателю джунглей, не удавалось побороть испуг. Сзади него у ног хозяина сидел ягуар, подобрившись и ошестинив загривок.

Фрэнк слегка замялся на месте.

– Должно быть, сбежал. Может...

В последний миг Келли почувствовала, как забурлила вода под плотом.

– Держитесь!

– Что за...

Снизу грянуло. Плот не просто поддало – его бросило в воздух. В проломе меж бревен показалась массивная броненосная морда разъяренного каймана. Келли, кувыряясь, полетела в воду, успев краем глаза различить среди фонтанов брызг и бамбуковых щепок тела падающих товарищей.

– Фрэнк!

Ее брат плюхнулся за спину чудовища. Потом и сама Келли ударилась об воду – сильно, плашмя, животом. Воздух из легких вышибло, она постаралась замереть, помня наставления Ната о том, как важно сохранять неподвижность. Подняв голову, Келли вдруг заметила летящий ей в голову обломок плота. Она вовремя увернулась, спасшись от смертельного удара, но краем бревна ей все-таки задело по темени. Келли швырнуло на спину, погрузив под воду. Тьма сомкнулась над ней.

Нат видел, как Келли стукнуло обломком и затянуло под воду; мертвую или без сознания – он не знал. То, что осталось от плота, теперь окружало нагромождение людей, вещмешков и всевозможных обломков.

– Старайтесь не шевелиться! – выкрикнул Нат, отчаянно силясь

увидеть, что с Келли.

Тем временем кайман снова ушел под воду.

– Келли! – звал Фрэнк.

Его сестра всплыла на поверхность на краю засыпанного обломками поля – неподвижная, лицом в воде.

Нат колебался. Неужели погибла? Вдруг он заметил движение, слабый взмах рукой. Жива! Только надолго ли? Потеря ориентации после такого удара в воде могла привести к смерти.

– Проклятье!

Нат лихорадочно искал способ спасти Келли. Сразу позади нее торчал один из крошечных островков с растущим там мангровым деревом. Его мощный ствол вырастал из переплетения воздушных корней-подпорок и выше обильно ветвился, свешивая над водой густую крону. Вот если бы Келли туда добралась...

Над водой поднялся крик, отвлекая Ната от раздумий. Показалась крокодиля голова – словно подлодка среди плавучей свалки, – изучая окрестности выпуклым глазом. В него тут же стали стрелять, но напрасно – кайман по-прежнему оставался в воде, среди людей и обломков. Потом он вдруг поспешно нырнул.

Фрэнк наконец обнаружил сестру.

– О господи, Келли!

Он повернулся, готовясь поплыть ей на выручку.

– Фрэнк, стой! – крикнул Нат. – Я ей помогу!

И швырнул дробовик на бамбуковый настил.

– Что ты задумал? – спросил Манни.

Вместо ответа Нат перескочил между плотом и убитым кайманом, приземлился на крокодилово брюхо и, выпрямившись, побежал по скользкому туловищу, пытаясь как можно ближе подобраться к Келли.

По правую сторону раздался крик. У Ната на глазах капрала Ямира, сопротивляющегося, утянуло под воду. Только цепочка пузырей поднялась из глубины. Кайман собирал упавших с плота одного за другим.

Времени почти не оставалось.

Нат пробежался по брюху дохлого крокодила и, что было сил, оттолкнулся. Взрыв ласточкой над водой, он почти без всплеска нырнул и мгновенно очутился рядом с Келли. Он сразу же перевернул ее на спину. Женщина обессиленно сопротивлялась.

– Келли! Это я, Нат! Лежите смирно!

Должно быть, кое-то из сказанного дошло, потому что Келли затихла.

Нат уверенными толчками поплыл с ней к ближайшему островку.

Пробираясь через обломки, он ударился обо что-то рукой. «Что-то» на поверку оказалось черным блином с красными мигающими огоньками – одной из бомб погибшего подрывника.

Натан инстинктивно сгреб ее свободной рукой и поплыл дальше.

– Берегись, сзади! – крикнул сверху Костос.

Нат оглянулся.

К нему приближался водяной гребень, вскоре превратившийся в кончик морды самца каймана, а потом, постепенно, и в голову в угольно-черных щитках. Нат осознал, что смотрит прямо в глаза крокодила. Взгляд их казался удивительно осмысленным. Никакой злобной тупости. Игрой в бревно такого не проведешь.

Нат развернулся и, загребая напалмовой бомбой да толкаясь ногами, рванул к болотному островку. Миг – и он уперся в илистое дно.

Страх и паника придали ему сил; он сгреб Келли под мышку и вытащил себя вместе с ней через отмель, а затем – и на берег.

– Кайман за тобой!

Нат даже не оглянулся. Он бросился к перевидам мангровых канатов-корней, втиснул между них Келли и сам прошмыгнул туда же. Главные корни, подпорки, разрослись здесь, образовав узкий естественный грот. Келли приходила в себя, тяжело выкашливая воду и испуганно озираясь. В тесноте Нату пришлось лечь прямо на нее.

– Что...

Тут, должно быть, она заметила у Ната за спиной их преследователя. Ее глаза округлились.

– А, черт!

Нат откатился на бок и увидел, как монстр подымается из озера, взбираясь по узкому берегу. Кайман налетел на дерево с разгона, как паровоз на лежащую на рельсах машину. Все растение сотрясалось. Нат был почти уверен, что оно вот-вот рухнет, однако ствол устоял.

Кайман уставился на Ната сквозь корни – пасть ощерилась, зубы зловеще сверкают.

Минуту-другую монстр смотрел на человека, а затем дал задний ход и скрылся под водой.

– Вы спасли меня, – прошептала Келли.

Нат взглянул на нее. Они почти соприкасались носами, лежа в плетеной каморке.

– Или чуть не угробил. Это как посмотреть. – Натан подобрал колени, потом по корню подтянулся и встал во весь рост. – Не забывайте, мы еще не выбрались.

Он осмотрел озеро, приглядываясь к малейшей различимой зыби. Вода казалась безмятежной, но Нат знал, что кайман все еще там, наблюдает украдкой. Глубоко вздохнув, Натан протиснулся между корнями наружу.

– Что вы решили?

– Там, в воде, остальные, включая вашего брата.

Нат сунул бомбу-тарелку под рубаху и стал забираться на дерево. В голове его мало-помалу зрел план. Поднявшись на приличную высоту, Нат выбрал одну из ветвей, оседлал ее и медленно пополз туда, где она свешивалась над водой. Ветвь становилась все тоньше и начала прогибаться под его тяжестью. Нат решил двигаться осторожнее. Наконец он рискнул остаться там, куда смог добраться, оглядел свой насест, окрестности и остался доволен.

Вытаскивая из-за пазухи бомбу, Нат прокричал:

– Кто-нибудь знает, как этим пользоваться?

Ответил сержант Костос:

– Сперва надо вручную установить таймер, потом нажать красную кнопку!

Ваксман, который тоже угодил за борт, добавил кое-что от себя. Нат невольно восхитился хладнокровию, с которым капитан предостерег его:

– Радиус взрыва у нее – пара сотен метров. Бросите не туда – нам всем крышка!

Нат кивнул, разглядывая бомбу. Сверху была припаяна простенькая клавиатура, похожая на калькулятор с подсветкой. Натан всей душой пожелал, чтобы вода и походная тряска его не испортили. Таймер он установил на пятнадцать секунд – их должно было хватить.

Затем Нат прижал бомбу к груди и открыл складной нож. Стиснув зубы, он упер лезвие в подушечку большого пальца и глубоко полоснул. Как и планировалось, кровь полилась обильно. Сделав дело, он подтянулся по боковой ветке, чтобы встать на ноги на своей шаткой опоре. Вытащив бомбу окровавленной рукой, Нат ухватился покрепче и, повиснув над водой, вытянул руку с взрывчаткой. Кровь стекала по черной «тарелке» в озеро и растворялась. Тяжелые капли падали одна за другой, порождая круги на воде.

Нат висел, неподвижный, держа палец на кнопке.

– Давай же, чертово отродье.

Однажды в Австралии он ходил в парк дикой природы и видел там морского крокодила тридцати футов длиной, которого выучили прыгать за шестом с привязанной у верхушки обезглавленной курицей.

План Ната отличался немногим. Только роль курицы теперь

отводилась ему.

Он встряхнул рукой, рассеивая больше капель.

– Ну, где ты? – шипел Нат.

Рука начала уставать.

Капли крови в болоте под ним растеклись небольшой красной лужицей. Любой кайман учуял бы в воде кровь на расстоянии в несколько миль.

– Давай!

Хмуря брови, Нат отважился поглядеть на людей, что все еще держались на плаву посреди моря обломков. Не представляя, куда исчез крокодил, ни один из оставшихся экипажей не решался спустить весла на воду ради спасения товарищей.

Отвлечшись, Натан едва не упустил гигантскую тень, метнувшуюся к нему через отмель.

– Нат! – окликнула Келли.

И тут он увидел. Кайман выпрыгнул из болота, словно пущенный из-под воды снаряд. Он с ревом летел точно на Ната, широко раскрыв пасть. Натан вдавил красную кнопку и уронил липкую от крови «тарелку» точно в глотку чудовища. И в тот же миг Нат понял, как сильно недооценил высоту прыжка гигантского каймана.

Натан съезжился на ветке, а затем подлетел вверх, подброшенный собственным толчком и упругостью дерева. Пробившись сквозь листья, Нат схватился за сук над головой. Едва он успел подобрать ноги, как чудовищные челюсти захлопнулись в дюйме от его копчика. Нат спиной ощутил струю воздуха, вырвавшуюся из пасти. Кайман оставил добычу и рухнул в озеро, подняв водяной столб высотой чуть не больше собственного прыжка.

Посмотрев вниз, Нат увидел, что ветка, где он только что стоял, исчезла, превратившись в обрубок, раздавленная меж двух мощных челюстей. Стой он там до сих пор...

Нат следил, как кайман сначала ушел с отмели на глубину. Теперь он, однако, плыл у самой поверхности, демонстрируя поистине гигантские габариты. То был самец ста двадцати футов длины, и двигался он с удивительным для такой туши проворством.

Вися на суку, Нат поймал на себе разочарованный взгляд хищника. Крокодил неторопливо повернулся туда, где барахтались остальные, временно бросив его ради более легкой добычи.

Внезапно, на полуобороте, тварь вздрогнула. Нат совсем забыл про отсчет. Брюхо каймана вдруг непомерно раздулось. Чудовище открыло

пасть, но вместо рева извергло фонтан пламени – ни дать ни взять натуральный огнедышащий дракон. Монстр завалился на бок и потонул во мраке омута. Раздался хлопок, и гигантский столб вырвался в небо – столб воды, пламени и каймановой плоти. Нат что есть силы уцепился за ветку. Внизу, меж корней, взвизгнула от неожиданности Келли. Взрыв оборвался так же внезапно, как и начался. Сверху посыпались горящие ошметки; они падали и падали в воду, уже не причиняя вреда. Толстая броня крокодила запечатала бомбу внутри него и тем самым сдержала распространение пламени.

Болото огласилось победоносными криками.

Нат спустился с дерева и освободил Келли.

– Вас не задело? – спросил он ее.

Она отрицательно тряхнула головой, ощупывая ссадину на голове.

– Вот тут немного побаливает, но скоро пройдет. – Келли сипло прокашлялась. – Наверное, во мне сейчас не меньше галлона болотной воды.

Нат проводил ее к берегу. Пока плот Костоса отправился подбирать упавших людей и поклажу, посудина Натана, ведомая его друзьями и Каррерой, скользила к островку, чтобы Нату и Келли не пришлось снова лезть в воду.

Каррера помогла втащить Келли на борт. Манни же схватил Ната за руку и рывком затянул его на бамбуковый настил.

– Однако хорошая у тебя реакция, док, – ухмыльнулся Манни.

– Нужда заставит, – отозвался Нат, сопровождая слова усталой улыбкой. – И все-таки буду чертовски рад оказаться на суше.

– А новых гадов там быть не может? – спросила Келли, пока экипаж подгробал к соседнему плоту.

– Сомневаюсь, – сказал Манни (что удивительно, с сожалением в голосе). – Даже в такой огромной экосистеме едва ли хватит пищи, чтобы прокормить больше двух таких гигантов. И все-таки я не спускал бы с воды глаз на случай появления их потомства. Даже младенцы великанов умеют доставлять неприятности.

Каррера, пока остальные гребли, стояла на страже.

– Вы считаете, бан-али натравили их на нас, вроде саранчи или пираний?

Ответил Коуве:

– Нет, но вполне может статься, они выкормили эту парочку. Сотворили себе своеобразных привратников, вечных стражей, готовых уничтожить любого, кто сунется на их территорию.

«Привратников»? Нат взгляделся в далекие очертания берега. В свете дня разрозненные скалы виднелись отчетливее. Водопады предстали серебряными струями, сбегаящими вниз со скал цвета пролитой крови. Зеленели поросшие лесом доли и вершины. Если профессор был прав насчет кайманов-привратников, то впереди лежала земля бан-али, их смертоносное логово.

Нат перевел взгляд на другой плот, считая людей. Ваксман, Костос, Воржек и Каррера. Только четверо из двенадцати рейнджеров уцелели – а ведь они еще не добрались до истинной вотчины «ягуаров крови».

– Нам нипочем не удастся, – пробормотал он, налегая на весло.

Каррера услышала.

– Не бойтесь. Окопаемся и будем ждать подкрепления. Это займет не больше одного дня.

Нат насупился. Только за сегодняшнее утро они потеряли троих бойцов, причем элитных армейских профессионалов, так что день – срок немалый. Рассматривая растущие вершины противоположного берега, Натан вдруг почувствовал, что больше не рвется на сушу. Особенно на ту, впереди. Однако ничего другого не оставалось. В Штатах свирепствовала новая чума, а их маленький отряд подошел к разгадке ближе, чем кто-либо. Отступить было некуда. Кроме того, отец прошел этот путь, преодолел эту биологическую экзекуцию. Нат понимал, что не имеет права отступить. Пусть впереди поджидают смерть, опасность и риск, но он должен узнать об отцовской судьбе. Не будь чумы, он все равно отправился бы вперед.

Ближе к берегу Ваксман предупредил всех:

– Будьте начеку! Как только высадимся, быстро уходим прочь от воды. Лагерь устроим на окраине леса.

Нат перехватил взгляд капитана, с которым тот рассматривал топи. Ваксмана явно беспокоила мысль о кайманах. Натан же не сводил глаз с надвигающихся джунглей, нутром чуя, что именно там таится главная угроза – бан-али.

Через промежуток между плотами Нат услышал, как капитан приказывает Олину:

– Наладьте-ка мне связь, и поскорее. У нас три часа до того, как спутники выйдут из дневной зоны.

– Сделаю, что смогу, – заверил его Олин.

Ваксман кивнул. Нат снова поймал его взгляд, горестный и тревожный. Несмотря на уверенность, с какой он отдавал приказы, предводитель рейнджеров нервничал не меньше Ната. Открытие это странным образом обнадеживало. В таком состоянии реакция людей

обычно обостряется, что в сложившейся ситуации могло решить их судьбу.

Два плота выплыли на мелководе и вскоре ударились о твердое дно. Первыми высадились рейнджеры с оружием на изготовку. На берегу они рассыпались так, чтобы прочесать прилегающие джунгли. Вскоре из темных зарослей, окружавших болото, раздалось громкое:

– Порядок!

Нат оглядывался по сторонам, дожидаясь разрешения покинуть плоты. Окрестности оглашались приглушенным рокотом бесчисленных водопадов. Нагромождения скал по обе стороны рассекало узкое ущелье, заполненное лесной растительностью. По дну каньона струился широкий поток, неторопливо изливаясь в озеро.

С края опушки прозвучал крик Воржека:

– Я нашел его! – Капрал вышел из тенистых кущей и поманил к себе капитана. – Очередное послание Кларка!

Ваксман принялся размахивать винтовкой.

– Все на сушу!

Нат не заставил себя долго ждать. Он, как и остальные, поспешил к Воржеку. В нескольких шагах вглубь опушки высился ствол испанского кедра, обвязанный полоской материи, а под ним – еще одно сообщение из насечек. Все уставились на него, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Стрелка указывала на ущелье. Смысл послания был очевиден.

– Череп и кости, – пролепетал Зейн.
Впереди ждала смерть.

* * *

15 часов 40 минут

Джунгли Амазонии

– Презанятное зрелище, – поделился Луи со своим «лейтенантом», опуская бинокль. – Как тот кайман взорвался... – Он качнул головой. – Весьма впечатляет.

Этим же утром его «крот» вышел на связь и поведал о плане

десантников обосноваться на дальнем берегу и ждать подкрепления. Фавре рассудил, что потеря трех бойцов окончательно утвердит Ваксмана на этом пути. Его отряд сократился до четырех рейнджеров, а стало быть, безобиден. Команда Фавре могла перебить их в любой момент, и Луи не хотелось, чтобы расклад сил переменялся.

Он повернулся к Жаку.

– Дадим им отдохнуть до полуночи, а там припугнем и погоним вперед. Кто знает, какие еще опасности нам уготованы.

Луи показал на озеро.

– Есть, сэр. К полуночи я наших подготовлю. Сейчас мы сливаем из фонарей керосин, чтобы запас был побольше.

– Отлично. – Фавре повернулся к воде спиной. – Как только зайцы бросятся бежать, мы поплывем на каноэ вслед за тобой.

– Так точно, сэр, но...

Жак закусил губу и пригляделся к озеру.

Луи похлопал «лейтенанта» по плечу.

– Ничего не бойся. Если бы чудища там оставались, они давно напали бы на рейнджеров. Тебя никто не тронет.

Нельзя сказать, что Луи был не способен понять беспокойство своего «лейтенанта». Он знал, что ему самому не придется надевать акваланг и пересекать озеро на подводном скутере, отделенным от его обитателей всего-навсего гидрокостюмом. Даже с подсветкой переправа обещала быть опасной и мрачной.

Жак, однако, кивнул. Он сделает все, как приказано.

Луи снова зашел в лес, направившись в сторону лагеря. Как и у «лейтенанта», нервы у многих сдавали, а паника нарастала. Все они видели останки солдата в лесу. Казалось, его объели заживо прямо до костей, выгрызли глаза. Россыпи саранчи все еще ползали там, но большая часть роя развеялась. Предупрежденный «кротом», еще утром Луи проследил, чтобы горелки с порошком ток-тока дымили всю дорогу – так, на всякий случай. К счастью, Тшуи раздобыла достаточно стеблей лианы для его приготовления.

Несмотря на трудности, план Фавре выполнялся успешно. Он не строил иллюзий, будто его отряд продвигался незамеченным. До сих пор все удары бан-али сыпались на тех, кто шел впереди – то есть на рейнджеров. И все-таки Луи знал, что удача не продлится вечно, а стало быть, рассчитывать на нее не приходилось, особенно сейчас, на подступах к территориям этого скрытного племени. Эти мысли посещали не его одного. Чуть раньше трое наемников, которых страх перед туземцами

заставил забыть об обязательствах, попытались отбиться и улизнуть. Трусов, разумеется, поймали, и Тшуи пополнила ими коллекцию.

Луи вышел к своему временному пристанищу. Подругу он застал стоящей на коленях у палатки. Поперек дороги, распятая между деревьев, висела троица дезертиров. Фавре отвел взгляд. Творения Тшуи были, бесспорно, талантливый, но для ценителя Луи оказался недостаточно крепким желудком.

При его приближении индианка подняла голову. Перед ней стояла миска с водой для мытья инструментов. Луи улыбнулся ей. Тшуи встала, завораживая стройностью ног и точеного тела. Он обнял ее и повел к палатке. Нырив под отогнутый полог, она с каким-то рыком втянула Фавре за руку в жаркий полумрак.

Здесь и сейчас, пусть покой подождет.

15 августа, 15 часов 23 минуты

Институт «Инстар»

Лэнгли, штат Виргиния

Лорин постучала, стоя у дверей кабинета доктора Алвизио. Этим утром эпидемиолог просил, даже настаивал на ее скорейшем визите, но только сейчас ей удалось вырваться на встречу с ним. Утро и полдень она провела на видеоконференции с доктором Ксавьером Рейнольдсом и его командой из лаборатории «Лардж скейл» в Калифорнии. Прионный белок, которые те обнаружили, мог оказаться первым ключом к пониманию болезни – инфекционное начало, из-за которого уже погибло свыше шестидесяти человек, а еще несколько сотен боролись со смертью на больничных койках.

Лорин попросила, чтобы данные ее бывшего ученика сверили с остальными и проанализировали в других четырнадцати лабораториях. Пока данные обрабатывались, она решила поговорить с эпидемиологом.

Дверь открылась. Молодой выпускник Стэнфорда выглядел так, словно неделями не спал, – щеки обросли щетиной, глаза покраснели.

– Спасибо, что зашли, доктор О'Брайен.

Алвизио проводил ее внутрь.

Лорин прежде не бывала в его кабинете, поэтому с удивлением смотрела на стеллажи компьютерного оборудования, занимающие отдельную стену. В остальном обстановка напоминала спартанскую: загроможденный стол, забитая книжная полка и пара кресел. Единственным, что придавало помещению отпечаток индивидуальности, был одинокий плакат «Стэнфордских кардиналов», висящий на дальней стене. Однако внимание Лорин привлек отнюдь не он, а множество компьютеров. На дисплеях мелькали сплошные графики и растущие колонки цифр.

– К чему такая срочность, Хэнк? – спросила она.

Тот махнул на компьютеры.

– Мне нужно, чтобы вы это увидели, – произнес он невесело.

Лорин кивнула и уселась в кресло напротив одного из дисплеев.

– Помните, я рассказывал вам о возможном скачке базофилов в начале патологического процесса? И как этот клинический признак может

использоваться в раннем обнаружении и диагностике болезни?

Она кивнула, хотя сомневалась в этой теории с самого знакомства с ней. Базофилы Джесси тоже дали скачок, но ребенок уверенно шел на поправку. Поговаривали даже о том, чтобы выпустить ее из больничного крыла не позднее завтрашнего дня. Возрастание уровня базофилов характерно для самых разных лихорадок, не только для этой конкретной болезни.

Лорин раскрыла было рот, чтобы сказать об этом, но тут доктор Алвизио отвернулся и быстро защелкал клавиатурой.

– Я потратил сутки на сбор данных по всей стране. Искал прежде всего случаи лихорадки у детей и стариков с резким ростом количества базофилов. Хотел построить модель развития болезни с учетом этих новых критериев.

На мониторе появилась желтая карта США, разделенная на штаты черными линиями. Карту усеивали красные точки. Гуще всего они лежали на Флориде и других южных штатах.

– Это старые данные. Красным отмечены те области, где были зарегистрированы случаи заболевания.

Лорин надела очки и склонилась к экрану.

– Если же проанализировать заявленные случаи, используя в качестве критерия скачок базофилов, мы получим более точную эпидемиологическую картину на сегодняшний день.

Он нажал пару клавиш. Карта еще больше расцветилась красными точками. Флорида сплошь заалела, как и Джорджия с Алабамой. Другие штаты, до того чисто-желтые, будто покрылись мелкой сыпью.

Хэнк обернулся.

– Как видите, при таком подходе число случаев возрастает стократно. Многие из этих пациентов до сих пор находятся в общих палатах, так как тройка симптомов, указанных центром контроля заболеваний, проявится позже. А они тем временем могут заразить остальных.

Несмотря на сомнения, у Лорин засосало под ложечкой. Даже если Алвизио ошибся насчет базофилов, одно он подметил верно: ранняя диагностика решала все. Пока же всех детей и стариков с температурой стоило срочно изолировать, даже вне красных зон вроде Флориды и Джорджии.

– Я понимаю, о чем вы, – сказала она. – Нужно связаться с ЦКЗ и убедить их организовать общенациональную карантинную службу.

Хэнк кивнул.

– Но это еще не все.

Он повернулся к компьютеру и что-то набрал на клавиатуре.

– Основываясь на данных по базофилам, я запустил экстраполяционную модель. Вот на что будет похожа картина болезни через две недели.

Он нажал клавишу ввода.

Южная часть страны целиком покраснела. Лорин ошеломлено упала в кресло.

– А вот – через месяц.

Еще одно нажатие кнопки – и красная сыпь расплзлась по всем сорока восьми штатам снизу доверху. Хэнк поглядел на нее.

– Мы должны как-то прекратить это. Каждый день на счету.

Лорин смотрела остановившимся взглядом в обгаренный дисплей. У нее пересохло во рту. Единственное, в чем она находила утешение, – то, что доктор Алвизио, видимо, чересчур сгустил краски, выбирая основу для построения моделей. Скачок базофилов, по ее мнению, едва ли мог считаться критерием начала болезни. Однако этот факт не умалял важности его предостережения. На счету каждый день.

На бедре у Лорин завибрировал пейджер, напоминая, что война против заразы требовала усилий от каждого. Она глянула на экран – звонил Маршалл. За цифрами кода следовало 911. Стало быть, что-то срочное.

– Могу я от вас позвонить? – спросила она.

– Разумеется.

Лорин встала и подошла к столу Алвизио – тот снова занялся компьютером и своими статистическими моделями. Она набрала номер. Трубку сорвали на середине гудка.

– Лорин...

– Маршалл, в чем дело? – спросила она испуганно, комкая слова.

– Я звоню из-за Джесси. Мы в больнице.

– Что такое? С ней что-то случилось?

– Температура опять поднялась. – Его голос сорвался. – Никогда такой не было. С ней еще трое детей, и у всех лихорадка.

– Что... что ты говоришь?! – остолбенела Лорин.

Впрочем, ответ уже был ей известен.

Муж промолчал.

– Жди, сейчас буду, – проговорила она наконец, роняя трубку мимо аппарата и хватая снова, чтобы уложить на место.

Ее реакция не прошла незамеченной – Хэнк обернулся.

– Доктор О'Брайен?

Лорин с трудом подбирала слова.

– Джесси... Скачок базофилов... Другие дети. Господи, зараза была здесь!

Лорин остекленевшим взглядом смотрела в экран, где карту страны густо покрывала краснота. Гипотеза эпидемиолога вовсе не была ошибочной. Не была она и свержпессимистичной.

– С вами все хорошо? – участливо спросил Фрэнк.

Лорин медленно покачала головой, не сводя глаз с экрана.

Всего один месяц.

* * *

17 часов 23 минуты

Джунгли Амазонии

Келли с братом сидели на корточках, а между ними – Олин Пастернак. Русский компьютерный ас завинчивал верхнюю панель, завершая починку системы спутниковой связи. Он работал над ней целый день, пытаясь достучаться до Штатов.

– Пусть только попробует не работать, – бухтел он под нос. – Разобрал до последней схемы и перебрал все как следует. Если уж сейчас не запашет, тогда не знаю...

Фрэнк кивнул.

– Заводи.

Олин в последний раз проверил соединения, приладил антенну-тарелку и снова вернулся к ноутбуку. Включил солнечную батарею, и после короткой паузы операционная система загрузилась и дисплей, гудя, ожил.

– Есть контакт со спутником «Гермес»! – возвестил Олин и облегченно вздохнул.

Вокруг Келли поднялось ликование. Весь лагерь, исключая пару рейнджеров-часовых у болота, сбегался к связисту с его оборудованием.

– Можете наладить канал? – спросил Ваксман.

– Поплюйте через плечо, – отозвался Олин и немедленно застучал по клавишам.

Келли ждала, затаив дыхание. Им было нужно пробиться к своим, упрямить выслать подкрепление, так необходимое теперь. Но что еще важнее, Келли стало совсем невмоготу без вестей о Джесси. Должен быть способ вернуться домой, к дочери.

– Поехали.

Олин нажал последнюю комбинацию клавиш. Заработал знакомый отсчет секунд до видеоконференции. Ричард Зейн бормотал у Келли за спиной:

– Давай же, работай...

Его мольбе про себя вторил каждый.

Время вышло. Дисплей замер на невероятно долгое мгновение, а потом на нем возникли лица родителей Келли и Фрэнка, на которых читалась оторопь пополам с облегчением.

– Слава богу, – произнес отец. – Мы уже час пытаемся с вами связаться!

Олин потеснился, уступив место Фрэнку.

– Неполомки в компьютере, – ответил тот, – среди всего прочего.

Келли подалась вперед, больше не в силах сдерживаться.

– Как Джесси?

По лицу матери все стало ясно без слов. Ее глаза забегали, она поколебалась, прежде чем сказать:

– У нее... у нее все в порядке, милая.

Изображение вдруг зарыбило, как если бы компьютер превратился в детектор лжи. Видеошум и «снег» заполнили весь экран. Следующие слова матери еле удалось разобрать.

– Упор на лекарство... прионная болезнь... высылаем данные...

Заговорил отец, но помехи усилились еще больше. Казалось, их не беспокоило, что послание было испорчено.

– ...вертолет уже в пути... бразильская армия...

Фрэнк прошипел Олину:

– Вы можете наладить прием?

Тот наклонился и забегал пальцами по клавиатуре.

– Не знаю. Не пойму, что случилось. Нам только что прислали файл.

Может, он засоряет связь с нашей стороны?

Однако с каждой нажатой Олином кнопкой сигнал становился все хуже.

Микрофоны шипели и пищали, лишь изредка пропуская по слову:

– Фрэнк... не слышим... можешь... завтра утром... получили координаты...

На этом связь оборвалась полностью. Дисплей выдал последний вымученный писк и завис.

– Проклятье! – выругался Олин.

– Давай еще раз, – произнес сзади Ваксман.

Олин сгорбился над оборудованием и затряс головой.

– Не знаю, смогу ли. Я и так смонтировал заново плату и перезагрузил систему.

– В чем же дело? – спросила Келли.

– Точно не скажу. Как будто бы вирус повредил всю матрицу спутниковой связи.

– Ничего, постарайтесь, – сказал Ваксман. – У нас есть еще полчаса перед тем, как спутник выйдет за границу зоны.

Фрэнк встал, повернувшись лицом к собравшимся.

– Если связь не наладится, ничего страшного. Судя по тому, что мы слышали, бразильский вертолет, возможно, вылетел в нашу сторону. Может быть, прибудет уже завтра утром.

Рядом с ним Олин уставился в застывший экран.

– Боже мой!

Все тотчас посмотрели на связиста. Он тыкал пальцем в набор цифр, высвеченный в правом верхнем углу.

– Наши координаты...

– В чем дело? – спросил Ваксман.

Олин оглянулся.

– Они неправильные! Сбой, должно быть, повлиял и на связь со спутниками навигационной системы. Мы послали в Штаты ошибочный сигнал. – Он снова взглянул на экран. – Исходя из данных сигнала, мы в тридцати милях к югу отсюда!

У Келли похолодело в груди.

– Они не узнают, где мы.

– С этим я разберусь, работать будет, – сказал Олин, – по крайней мере столько, сколько нужно для корректировки сигнала.

Он перезапустил компьютер и засел за работу.

Следующие полчаса Олин корпел над своими железками, сыпля русской и английской бранью. Пока он трудился, все тоже нашли себе занятия, чтобы как-то скоротать время. Отдыхать никто и не думал. Келли помогала Анне приготовить рис – последнее, что осталось от запасов провизии. За работой они поглядывали на Олина, а про себя молились.

Однако все его труды и их молитвы оказались напрасны.

Через некоторое время Фрэнк подошел и положил руку Олину на плечо. Другую он поднял, демонстрируя часы.

– Уже поздно. Спутники вышли из зоны.

Олин повесил голову.

– Ничего, утром попробуем снова, – бодрился Фрэнк. – Вам надо отдохнуть.

Нат, Коуве и Манни вернулись с рыбацкой вылазки. Наловили изрядно – рыбу несли втроем, нанизав на длинный кукан. Добычу свалили у костра.

– Я почищу, – вызвался Коуве, усаживаясь прямым на землю.

– Возражений нет, – вздохнул Манни.

Нат отряхнул руки и увидел Олина за компьютером. Он подошел к связисту.

– Я тут кое о чем подумал, пока рыбачил. Что у нас с тем, вторым файлом?

– С каким файлом? – рассеянно спросил русский.

– Во время конференции вы говорили про какой-то присланный файл.

Олин скривился, потом с пониманием кивнул.

– Вот он. Файл с данными.

Келли и Манни бросились к ним. Теперь Келли вспомнила, как мать упомянула об отправке чего-то, до того как система накрылась.

Олин открыл файл.

Келли наклонилась к экрану. На нем возникла трехмерная вращающаяся модель молекулы, ниже которой шли столбцы данных. Келли, заинтригованная, подседа поближе.

Она пробежала глазами отчет.

– Мамина работа, – пробормотала Келли, радуясь пище для размышлений, которая отвлекла бы ее от тревог. Один заголовок чего стоил.

– Что это? – спросил Нат.

– Должно быть, что-то, объясняющее причину болезни.

– Прион, – вставил Манни, глядя ей через плечо.

– Что-что?

Манни поспешил ввести Ната в курс дела, а Келли неотрывно читала отчет.

– Надо же, – пробормотала она.

– Что? – спросил Манни.

Келли взволнованно заговорила:

– Тут говорится, что этот прион, видимо, и вызывает генетические нарушения.

Она «проглотила» следующий отчет. Манни тоже читал у нее за спиной. Прочтя, бразилец потрясенно присвистнул.

– Что? – спросил в этот раз Нат.

Келли закричала:

– Все сходится! Здесь есть статья, опубликованная в «Нэйчер» учеными Чикагского университета, датирована сентябрем двухтысячного.

В ходе изучения дрожжевых клеток они предположили, что прионы, возможно, напрямую связаны с мутационным процессом и даже могут играть роль в эволюции.

– Правда? И какую же?

– Как известно, одна из основных загадок эволюции заключается в том, как жизненно важные навыки, развитие которых предполагает множество генетических преобразований, могли возникнуть сами по себе. Такие преобразования, например, как приспособляемость некоторых водорослей к токсичной среде обитания или развитие устойчивости к антибиотикам у бактерий, относят к макроэволюции. Механизм, благодаря которому генерируются волны спонтанных мутаций, был до сих пор неизвестен. В этой статье указывается возможная причина – прионы. – Келли указала на дисплей. – Вот, генетики из Чикагского университета доказали, что дрожжевой прион может устраивать массовый сбой в генетическом коде, позволяя множеству мутаций возникать одновременно, иначе говоря, дать толчок эволюции. Догадываетесь, о чем идет речь?

Во взгляде Манни забрезжила догадка.

– Прыгучие пираньи, саранча... – забормотал он.

– Все до одного – продукты мутации. Может, рука Джеральда Кларка из этой же серии! – воскликнула Келли. – Вызванная прионами мутация.

– Но какое отношение это имеет к болезни?

Келли наморщила лоб:

– Пока не знаю. Открытие лишь положило начало исследованиям, а до полных ответов еще далеко.

Манни ткнул пальцем в экран:

– А как же вот здесь, где они выдвигают гипотезу...

Келли кивнула, и они вдвоем принялись обсуждать статью, пускаясь в объяснения, делаясь своими находками. Нат их больше не слушал. Он пролистал страницу обратно, к изображению вращающейся модели белка-приона.

Спустя некоторое время он прервал собеседников:

– Смотрите: ничего не напоминает?

– Что именно?

Нат указал на экран.

– Видите две свернутые петли на конце?

– Двойные альфа-спирали? – спросила Келли.

– Так, а теперь средняя часть в виде штопора, – продолжал Нат, следя пальцем за картинкой на мониторе.

– Ну и? – недоумевала Келли.

Нат повернулся и сел рядом с ними на корточки. Достав палочку, он стал рисовать ей в пыли, объясняя по ходу наброска:

– Центральный завиток расходится в оба конца, и на каждом – двойная петля.

Закончив, он поднял глаза.

Келли потрясенно смотрела на рисунок.

Манни ахнул:

– Знак бан-али!

Взгляд Келли перебежал с картинки на картинку – с высокотехнологичной компьютерной модели на грубый набросок. И все же их сходство не вызывало сомнений. Завиток, петли... Совпадение казалось сверхъестественным – даже обороты обеих спиралей были направлены одинаково, по часовой стрелке.

Келли повернулась к Манни и Нату:

– Господи Иисусе.

Знак бан-али оказался стилизованной моделью того самого приона.

* * *

23 часа 32 минуты

Джунгли Амазонии

Страх перед глубиной преследовал Жака с самых юных лет, когда напавшая пиранья обезобразило его лицо. Однако, несмотря на боязнь, он скользил через озеро, защищенный от зубов хищников всего-навсего мокрой одеждой. Выбора у него не было. Приходилось подчиняться доктору. Цена непокорности была хуже любых ужасов, какие только могли таить здешние воды.

Жак прильнул к скутеру, и бесшумные лопасти волокли его к дальнему берегу.

Из снаряжения при нем был аппарат для подводного плавания «LAR-VDraeger», подобный тому, каким пользовались армейские «морские котики» для тайных операций на мелководье. Замкнутая система, укрепленная на груди, а не на спине, утилизировала выдыхаемый воздух без образования пузырьков на воде, позволяя незаметно подкрадываться к цели. Костюм дополняла маска ночного видения для более-менее сносной ориентации в мутной воде. И все же темнота плотно окружала разведчика – зона видимости простиралась лишь на десять ярдов. Время от времени Жак

выглядывал над водой с помощью портативного перископа и так поддерживал курс.

Двое подручных тянулись за ним, уцепившись за крошечные буксировщики.

Жак в последний раз оглядел берега через перископ: прямо по курсу виднеется пара бревенчатых плотов, на которых рейнджеры переплывали болото. До них ярдов тридцать. В лесу ярко пылает костер. У огня даже в этот поздний час мелькают темные фигуры.

Довольный увиденным, Жак велел помощникам плыть вперед, а у плотов разделиться. Сам он намерен был добраться туда малым ходом, попутно следя за обстановкой.

Троица медленно двигалась к берегу. Плоты были причалены на глубине не больше четырех футов. Отныне им предстояло действовать еще осмотрительнее.

И вот, с предельной осторожностью, группа сошлась у плотов. Жак просматривал воду и воздух, тогда как его люди ждали в установленных местах, притаившись в тени каждого из плотов. Он решил было, что в сумраке леса скрывались часовые, рейнджеры из патруля. Пять минут Жак ждал, затем просигналил подельникам.

Те достали под днищем плотов по бутылочке, наполненной керосином, и побрызгали снизу на бамбуковые настилы. Опустошив емкости, они подняли большие пальцы, давая понять, что закончили.

Жак тем временем продолжал наблюдать за опушкой. Пока что, по-видимому, никто не заметил их «творчества». Он подождал еще минуту и подал последний сигнал – провел поперек горла. Оба подручных подняли над водой руки и щелкнули зажигалками, а затем поднесли язычки пламени к бамбуковым днищам. В тот же миг плоты вспыхнули, словно факелы.

Два диверсанта, не мешкая, схватились за поплавки и поспешили навстречу Жаку. Он нажал кнопку своего двигателя и, когда тот набрал обороты, вывел своих людей по плавной кривой на глубину и обратно, планируя высадку на берег в полукилометре от вражьего лагеря.

Жак оглянулся. На опушке появились фигуры, выхваченные из темноты заревом пожара. Они держали под прицелом прибрежную часть озера. Даже под водой до Жака доносились приглушенные крики и тревожные возгласы.

Затея удалась. Доктор знал, что лагерь конкурентов будет легко всполошить после нападения саранчи. Едва ли они останутся возле такого пожарища.

И все-таки нельзя было пускать все на самотек. Жак повел

подельников к отмели, где вся троица медленно поднялась из воды, выплевывая загубники и сбрасывая ласты. Вторая часть задания состояла в том, чтобы заставить противника бежать наверняка.

Бредя по воде, Жак облегченно вздохнул, радуясь избавлению от подводной тьмы. Он ощупал остаток носа, словно убеждаясь, что тот все еще на месте. Затем Жак вытащил прибор ночного видения, надел и снова пригляделся к лагерю. Помощники шептались за его спиной, возбужденные вылазкой и успешным завершением дела. Не обращая на них внимания, Жак продолжал наблюдение.

В однородной зелени линз пара фигур – рейнджеров, судя по способу держать оружие, – метнулась от горящих плотов в лес и созвала остальных. Отряд отступал. В лесу зажглись новые огни – свет фонарей. У лагерного костра развилась бурная деятельность. Мало-помалу огни потянулись прочь, словно цепочка светляков. Вереница удалялась в направлении лощины, что вела к трещине среди скальных плато.

Жак ухмыльнулся. План доктора удался.

Не снимая прибора, он потянулся за рацией, нажал кнопку передатчика и поднес ко рту.

– Задание выполнено. Зайцы бегут.

– Прием. – Говорил доктор Фавре. – Каноэ выходят. Рандеву в их старом лагере через два часа. Конец связи.

Жак убрал рацию. Охота продолжалась.

Он повернулся к своим, чтобы передать новости, но сзади никого не было. Жак мгновенно пригнулся и прошептал имена:

– Мануэль! Роберто!

Ответа не последовало.

Его обступала ночная тьма, за которой непроглядной стеной высился лес. Шпион снова закрыл лицо маской ночного видения. Деревья сквозь нее ярко сияли, но густая листва у опушки перекрывала обзор. Жак попятился, шлепая босиком по воде, и замер на месте. То, что лежало впереди, страшило его не меньше возвращения в озеро.

В поле зрения прибора наметилось шевеление. На долю секунды Жаку показалось, будто тени приняли очертания человека, смотрящего прямо на него с каких-нибудь десяти ярдов. Жак моргнул, и фигура исчезла. Зато прочие тени крались и струились, словно живые, в его направлении.

Он пятился по воде, спотыкаясь и судорожно заталкивая в рот загубник.

От лесной кромки отделилась одна из теней. На илистом берегу вырос ее силуэт – огромный и устрашающий.

Жак закричал, но воздушный клапан уже заработал, выдавая одно только пенное бульканье.

А с опушки стекались, сползали все новые тени. Губы Жака невольно зашептал и древний марунский заговор. Он метнулся назад. У его боязни глубоководья и пираний была простая подоплека – страх быть съеденным заживо. Он бросился спиной в воду, изворачиваясь в надежде уйти от погони.

Но тени его опередили.

* * *

23 часа 51 минута

Джунгли Амазонии

Нат шагал почти в самом хвосте вереницы, освещая путь прикрученным к дробовику фонарем. Позади него шли только Каррера и Костос. Каждый нес по фонарю, пронзая лучами тьму в самых разных направлениях. Двигались быстро, невзирая на поздний час, поскольку старались как можно дальше убраться от поджигателей, кем бы те ни были.

Согласно плану капитана Ваксмана им предстояло найти более пригодный для обороны участок. Остаться зажатыми между болотом и лесом, дожидаясь повторного нападения, было бы крайне непредусмотрительно. И все члены группы понимали, что нельзя рассчитывать на прекращение атаки.

Просчитав ситуацию, по обыкновению, на шаг вперед, рейнджеры заранее отмели варианты с возможным нападением сзади. Капрал Воржек доложил о замеченных им чуть поодаль пещерах в каменистом склоне ущелья. Они-то и стали целью пути – надежный кров и отличные условия для защиты.

Нат последовал за остальными. Рядом с ним шагала Каррера. В руках у нее было странное оружие с соплом вместо ствола, словно к прикладу приделали трубу от пылесоса. Дуло смотрело в лесные потемки.

– Что это? – спросил Нат.

Каррера не спускала глаз с джунглей.

– После потерь на болоте винтовок на всех не хватает. – Она взвесила непонятное оружие в руках. – Мы зовем его «бейли». Экспериментальная модель для боев в джунглях. – Девушка нажала переключатель, и лазер прицела пронзил темноту. Она оглянулась на старшего по званию. –

Продемонстрировать?

Сержант Костос, вооруженный обычной М-16, утвердительно хмыкнул.

– Проверка огня! – рявкнул он, предупреждая остальных.

Каррера подняла оружие и повернулась с ним, выбирая цель. Она подвела красный луч к стволу молодого деревца примерно в двадцати ярдах от них.

– Посветите мне фонарем.

Нат кивнул и поднял луч повыше. Кое-кто из путников тоже заинтересовался происходящим. Каррера выровняла ствол и спустила курок. Взрыва не было, вместо него раздался пронзительный свист. Нат заметил промелькнувший серебряный блик и услышал звонкий удар. Верхушка деревца завалилась назад, срезанная начисто. Толстый ствол дерева за ней колыхался от столкновения с чем-то, что вонзилось в его кору. Серебристый осколок вошел глубоко в древесину. Каррера махнула головой на мишень.

– Трехдюймовые отточенные диски наподобие японских сюрикенов. В джунглях незаменимы. Если перевести «бейли» в автоматический режим, можно сбрить весь подлесок вокруг.

– А может, и еще кого, – вставил Костос, подгоняя группу дальше.

Нат уважительно глянул на аппарат.

Они все взбирались по заросшей лощине, ведомые капралом Воржеком и капитаном Ваксманом. Почти параллельно им бежал ручеек, срывавшийся ниже с обрыва. Отряд держался от него на почтительном расстоянии – так, на всякий случай. После получасового подъема Воржек повел экспедицию на юг, в сторону красных скал.

До сих пор преследователи не показывались, но Нат по-прежнему прислушивался к тревожным шорохам и обшаривал взглядом сумрачные джунгли. Наконец полог начал редеть, и через него проглянули звезды и сияние луны. Казалось, весь мир упирался в тупик в виде бурой стены, подпертой битыми валунами и насыпью из рыжего сланца.

Поверхность скалы выше этого пологого откоса была изрыта многочисленными гротами и темными трещинами.

– Все назад, – шикнул капитан, заставив остальных спрятаться за густой порослью, окаймлявшей подступ к скале.

Воржеку он скомандовал идти дальше.

Капрал выключил фонарь, приладил прибор ночного видения и с оружием наперевес нырнул в темноту, почти тотчас исчезнув.

Нат сел на корточки. Два рейнджера по сторонам от него словно

вросли в землю, прикрывая тылы. Натан приготовил ружье, большинство остальных тоже было при оружии. Олин, Фрэнк, Зейн и даже Келли держали пистолеты, а Манни стоял с «береттой» в одной руке и хлыстом – в другой. Тор-Тору хватало врожденной защиты – клыков и когтей. Только профессор Коуве и Анна Фонг оставались безоружными.

Профессор перебрался на сторону Ната и сказал:

– Не нравится мне все это.

– Что, пещеры?

– Нет, то, во что мы влипли.

– Вы о чем?

Коуве глянул вниз, в сторону озера. Вдали до сих пор полыхали останки плотов.

– Пламя пахло керосином.

– Ну и что? Может, там горела смола-копал. Ее здесь полно, и пахнет она точно так же.

Коуве потер подбородок.

– Не знаю. Костер, который навлек на нас саранчу, был разложен в виде символа бан-али, а этот – как попало.

– Да, но мы же стояли на страже. Индейцам пришлось поспешить. Наверное, лучше они просто не успели.

Коуве посмотрел на него.

– Это не индейцы.

– Тогда кто же?

– Те, кто до сих пор нас выслеживал. – Коуве склонился к нему и лихорадочно зашептал: – Люди, что оставили горящую приманку для саранчи, пробрались мимо нашего лагеря белым днем, не оставив следов по дороге туда и обратно. Ни одной сломанной веточки. Осторожные, черти. Я вряд ли так смог бы.

Нат начал понимать, к чему клонит Коуве.

– А севшие нам на «хвост» не слишком аккуратны.

Коуве покивал на озеро:

– Как и эти огни.

Нат вспомнил блик в кроне дерева, который заметил ВО время вчерашнего перехода.

– Что вы думаете?

– Что мы имеем дело не с одним противником, – ответил профессор сквозь зубы. – Что бы нас ни ждало впереди – новый регенеративный состав или лекарство от заразы, цена ему – миллионы. Многие дорого дали бы, лишь бы заполучить сокрытые здесь сведения.

Нат нахмурился.

– Вы считаете, поджог устроила та, другая команда? Но зачем?

– Чтобы мы в панике побежали вперед, как и случилось. Наше подкрепление смешало бы им карты, потому они решили не рисковать. Должно быть, они прикрываются нами от ловушек, расставленных бан-али. Мы для них вроде пушечного мяса. Они сыграют на наших жизнях, пока мы не погибнем или не доберемся до бан-али, а потом налетят и отнимут то, что нам удастся раздобыть.

Нат посмотрел на профессора:

– Почему же вы раньше молчали, когда мы начали отступать?

Коуве сурово взглянул Натану в глаза, и ответ пришел сам собой:

– Предатель, – прошептал Нат. – Кто-то работает на загонщиков.

– По-моему, слишком уж ловко совпало: как только мы подобрались к бан-али, засбоила система связи, не говоря о передаче фальшивых координат.

Нат кивнул:

– Получается, подкрепление идет по ложному следу.

– Именно.

– Кто это может быть?

Нат оглядел согнутые фигуры в подлеске.

– Кто угодно, – пожал плечами индеец. – Первое место в списке подозреваемых – русскому. Система его, так что Олину было бы проще простого устроить поломку. С другой стороны, Зейн и мисс Фонг постоянно крутились возле нее, когда Олина не было рядом. А у О'Брайенов завязки в ЦРУ, которое пустится во все тяжкие ради собственной выгоды. Наконец, мы не можем исключать и рейнджеров.

– Вы шутите!

– Круглая сумма способна соблазнить кого угодно, Нат. А рейнджерам специально прививают навыки переговорщиков.

Нат обернулся:

– Выходит, мы можем рассчитывать только на Манни.

– Ты уверен? – печально спросил Коуве.

– Ну это уж слишком! Манни? Он же наш общий друг!

– Друг, который работает на бразильское правительство. А оно, без сомнения, захочет получить нашу находку в собственное распоряжение. Такое важное медицинское открытие может быть очень выгодным экономически.

У Ната мерзко засосало под ложечкой. Неужели профессор прав и никому нельзя доверять? Не успел он развить предположения Коуве

дальше, как тишину ночи прорезал испуганный вопль. Что-то крупное промелькнуло над головами. Люди бросились врассыпную. Нат и Коуве сдали назад.

Нечто приземлилось точно между сидящими. Лучи фонарей метнулись к скорченной в центре фигуре.

Анна вскрикнула.

Там, в гуще света, лежал на спине окровавленный капрал Воржек.

Одна его рука тянулась кверху, словно он тонул в разливающейся луже собственной крови. Воржек снова напрягся для крика, но исторг только хриплый клекот.

Нат застыл, потрясенный видом растерзанного капрала. Полтела ниже пояса просто исчезло. Воржека перегрызли надвое.

– Оружие к бою! – крикнул Ваксман, выходя из кошмарного транса.

Нат упал на колени, развернув дуло ружья в темноту. Келли и Коуве бросились на помощь павшему капралу. Нат знал, что это не поможет – солдат был уже мертв.

Он начал искать себе цель. Темные тени в лесу сливались и дробились, плавилась в лучах фонарного света. Нат, впрочем, уловил в этой иллюзии одну закономерность. Все тени текли к их отряду.

Кто-то из рейнджеров выпустил в небо ракету. Та со свистом взвилась в воздух и вспыхнула белым заревом, окрасив лес серебром с чернью. От резкой смены освещения нападавшие замешкались.

Нат вдруг увидел прямо перед собой морду чудовища, захваченного врасплох белым сиянием. Оно притаилось за валуном у подножия скалы – огромное, величиной с быка, но стройнее и глаже. Кошка. Она изучала Натана своими холодными, обсидианово-черными глазами. Ее сородичи залегли среди скал и в лесу, окружив их. Целая стая, не меньше двадцати.

– Ягуары, – бросил оторопевший Манни через плечо. – Черные ягуары.

Нат заметил сходство пропорций между Тор-Тором и черными монстрами, которое было бы еще полнее, если бы не тройная разница в росте и весе – поистине доисторические габариты.

– Они тут повсюду, – прошептала Каррера.

Ее слова эхом отозвались у Ната в голове – ими заканчивалось последнее сообщение его отца: «Не продержаться... Господи, они тут повсюду». Неужели так и решилась его судьба?

В следующую секунду никто не посмел шелохнуться. Нат так и замер на вдохе, уповая на то, что ночные охотники оробеют от вспышки и скроются. И тотчас, как если бы рейнджерам пришла в голову та же мысль,

в небо взмыла вторая ракета и озарила все вокруг, спускаясь на маленьком парашютике.

– Стойте смирно, – шикнул Ваксман.

Пауза затянулась. Стая и не думала трогаться с места.

– Сержант, – проговорил Ваксман, – по моей команде проложите дорожку гранат в направлении скал. Остальные пусть держат оружие наготове. Как дам сигнал, все бегом к средней пещере.

Нат метнул взгляд на зияющую дыру в скалистой стене. Успей они добраться туда, и нападающим останется всего один путь для атаки. У них же будет реальный шанс защититься, последняя надежда.

– Каррера, прикроешь из «бейли» наши...

Приказ капитана прервал громкий хлопок. Зейн шарахнулся назад с дымящимся пистолетом в руке. Один зверь фыркнул и подскочил в ярости. Другой, защищая его, зарычал и помчался прыжками к отряду.

– Давай! – проорал Ваксман.

Костос бросился на колени, прицелился к скалам и выстрелил. Каррера развернула орудие и с бедра выпустила очередь, прикрывая их с тыла. Из дула вырвался веер сверкающих дисков, пронизывая джунгли.

Одного ягуара залп захватил в прыжке, раскромсав незащищенное брюхо. Зверь завыл и в корчах рухнул на землю. Тут разрывы гранат, разметанных Костосом, поглотили кошачьи вопли, отражаясь от скал оглушительным эхом. Воздух наполнился брызгами горной породы и пылью.

Выстрелы, казалось, гремели отовсюду.

Фрэнк прикрывал сестру и профессора, сидящих у обмякшего тела капрала. Манни согнулся рядом с Тор-Тором. Тот смотрел ошалело и щетинил загривок. Зейн и Олин стояли вместе с Анной Фонг, паля наугад в темноту.

Нат прижимал к плечу дробовик, наведя его в сторону той, первой бестии, укрывшейся за валуном слева. Несмотря на шум и грохот катящихся обломков камней, зверь оставался недвижим.

Другие призрачные фигуры разбегались с осаждаемого склона. Некоторые, впрочем, полегли мертвыми, изрешеченные пулями и осколками.

– Пошли! – рявкнул Ваксман. Его голос прорезался сквозь канонаду. – К пещере!

Отряд зигзагом пробрался за зеленую кайму леса и кустарника и вышел к открытому каменистому полю у подножия утесов. Нат все еще держал огромного кота на прицеле. Палец на курке напрягся. Стоит киске

шевелинуть хвостом, и...

Ваксман жестом погнал всех вперед, вослед Костосу.

– Скорее, пока они не перестроились!

Капитан сел отстреливаться рядом с Каррерой. Позади них члены стаи сходились к тропе, кто – ковыляя, кто – обнюхивая мертвых сородичей. Теперь они предусмотрительно держались на расстоянии.

Нат вильнул украдкой налево от гигантского зверя. Тот не двинулся с места, следя лишь глазами за их отступлением. Натан заподозрил в нем вожака. Нат прямо видел, как зверь оценивает, мерит пришельцев одного за другим своим ледяным взглядом.

Каррера перевела свою машину на режим одиночного огня ради сохранности боеприпасов. Она пальнула в одного выскочку-ягуара, но промахнулась. Серебряный диск сбрил зверю пол-уха и просвистел в джунгли. Раненая кошка упала на брюхо и уставилась на десантницу в боли и ярости.

– Вперед, вперед! – подгонял Ваксман.

Показалась пещера. Скорый шаг превратился в паническое бегство, возглавляемое Костосом. Он поднял ракетницу и выстрелил в отверстие. Из дула, прочертив искристый след, вырвалась ракета, и глубокий каменный мешок осветился от устья до тупика.

– Путь свободен! Бегом!

Олин, Зейн и Анна прорвались внутрь первыми. Сержант остался у входа, держа в одной руке винтовку, а другой подгоняя оставшихся.

– Скорей, скорей, скорей!

Фрэнк протолкнул Келли вперед. Профессор Коуве вбежал следом.

Когда вспышки над головой угасли, Нат встал на посту по другую сторону от входа с ружьем наготове.

Прошли Манни, Тор-Тор и сейчас же за ними – Ваксман и Каррера.

«Удалось», – решил было Нат.

И тут из сгустившихся сумерек выпрыгнул ягуар, приземлившись на валун по соседству с двумя запоздавшими рейнджерами. Каррера рухнула на колени и прицелилась, но не успела она выстрелить, как их капитана сразил удар лапы, пришедшийся под дых. Ваксмана вздернуло в воздух когтями, впившимися сквозь куртку глубоко в грудь. Он с криком вытащил винтовку и выстрелил себе за голову, ранив зверя в плечо. Тот завалился на спину, увлекая капитана за собой. Размахивая руками, Ваксман пронесся над валуном.

Каррера сорвалась с места и обежала валун, спеша на подмогу. Со своего места Нат услышал характерный свист ее орудия. Затем она

появилась опять, но теперь за ней крались два ягуара – окровавленные, разукрашенные серебряными осколками, застрявшими в шкуре. Каррера, как видно, сражалась зарядной кассетой для своей пушки.

Нат отскочил от пещерной стены и бросился к девушке. Перебежав на ее сторону, он вытянул руку с дробовиком так, что его дуло очутилось всего в футах от ощерившейся морды ягуара, и выстрелил. Воющего зверя отшвырнуло прочь.

Каррера отстегнула крупнокалиберный пистолет. В другого ягуара она разрядила всю обойму, после чего тот завалился на бок и больше не поднимался.

Спотыкаясь, они влезли на склон. С другой стороны валуна они увидели капитана, подтаскивающего себя на одной руке. Другой у Ваксмана больше не было, а лицо превратилось в кровавое месиво.

– Я... я решила, он мертв, – пролепетала Каррера, делая шаг в его сторону.

Капитан прополз еще несколько дюймов, как вдруг удар лапы подцепил его, словно крюк, за бедро и втянул в тень с другой стороны. Ваксман закричал, царапая рыхлую глину, но та лишь крошилась под его пальцами.

Прогремел выстрел. Голова капитана откинулась назад, затем вперед, с силой стукнувшись о камень. Мертв. Нат обернулся и увидел за собой Костоса. Он сидел на корточках со своей М-16 в руках, прикинув глазом к окуляру прицела. Сержант медленно опустил оружие, огорошенный скорбью и внезапно свалившимся на него бременем вины.

– Все внутрь, живо! – прокричал он.

Отряд все еще толпился у входа. Нат и Каррера поспешили к устью пещеры. Фрэнк и Костос стерегли на пороге с оружием на изготовку. Их фигуры очерчивал свет затухающей вспышки внутри пещеры. Фрэнк помахал новоприбывшим.

– Поторопитесь!

Со своего места в нескольких ярдах ниже по косогору Нат заметил крадущуюся у подножия скалы густую тень. Налево лежал вход в пещеру.

– Берегись!

Тенью оказался ягуар – самый крупный, которого Нат заметил сначала. Он вихрем пронесся мимо отверстия. Фрэнка сбilo с ног, он подлетел кверху и приземлился на спину. Костоса вдавило в скалу. Потом зверь исчез: пробежал и скрылся во мраке леса.

Раздался крик Келли:

– Фрэнк!

Нат и Каррера побежали туда. Костос поднялся с земли, держась за ребра и хрипло дыша.

– Помогите! – взывала Келли.

Перед ней, в пыли, корчился Фрэнк. Его не просто сбило с ног, он их лишился от колена до пяток. По камням хлестала и струилась кровь. За считанные секунды гигантский хищник срезал обе ноги Фрэнка с ловкостью гильотины.

Коуве бросился на подхват с другого бока. Олин помог перетащить стонущего Фрэнка в пещеру. Келли – за ним, вытаскивая из аптечки жгуты. На пол попадали пузырьки от морфия. Нат подобрал их.

У входа прозвучал выстрел. В пещеру ворвался свет – еще одна вспышка. Нат сжимал в руке пластиковые пузырьки, раздавленный собственной беспомощностью.

Коуве забрал их.

– Пойди лучше, прикрой нас, – кивнул он на выход.

Олин и Келли трудились над раненым. У Келли катились по щекам слезы, но лицо ее оставалось решительно-сосредоточенным. Она гнала прочь мысли о потере брата.

Нат повернулся и с ружьем наперевес присоединился к Костосу и Каррере, охранявшим устье пещеры. В свете новой вспышки оказалось, что прилежавшие джунгли все еще полнились тенями. Звери с легкостью находили укрытие на усеянном валунами склоне.

К Нату подошел Манни с пистолетом в руке. Тор-Тор понюхал следы крови Фрэнка на камне и зарычал.

– Я насчитала не меньше пятнадцати, – сказала Каррера. Прибор ночного видения скрывал половину ее лица. – Они не уходят.

Костос выругался.

– Если нападут всем скопом, нам их не сдержать с одним гранатометом, парой М-16 и кучкой пистолетов.

– И моим дробовиком, – добавил Нат.

– Я зарядила в «бейли» новую кассету, – проговорила Каррера, – но больше у меня нет.

Манни присел с пистолетом на корточки.

– Там в пещеру надуло разного мусора – веток, листьев. Можно разжечь у входа костер.

– Давай, – отозвался Костос.

Едва Манни собрался идти, как по склону прокатился низкий горловой рык. Все замерли. В свете ракеты от валуна отделилась черная фигура. Дула смотрели прямо на нее. Нат узнал в тени самую крупную кошку.

– Самка, – прошептал Манни.

Она вышла на свет и осталась стоять, изучая и дразня их. Джунгли позади нее ходили ходуном от стройных тел зверей, мускулистых и острозубых.

– Что теперь? – спросила Каррера.

– Эта дрянь пытается нас выманить, – проворчал Костос, опуская голову к прицелу.

– Не стреляйте, – зашипел Нат. – Иначе натравите на нас всю стаю.

– Нат прав, – поддержал Манни. – У них разыгрался аппетит. Что угодно может их спровоцировать. По крайней мере, дождитесь костра.

Самка, будто услышав его, испустила пронзительный вой. Она прыгнула прямо на людей, приближаясь в стремительном натиске, словно машина из мышц и сухожилий. Рейнджеры выстрелили, но бестия оказалась проворнее, мчась с почти сверхъестественной скоростью. Пули бились о скалы, рикошетили, свистели мимо, как если бы ягуар и впрямь был призраком. «Бейли» выпустил один-единственный диск, да и тот отскочил от булыжника и безобидно скатился по склону.

Нат присел на колено, выставив дробовик.

– Кис-кис-кис, – прошептал он вполголоса.

Стоит ей оказаться поближе...

Каррера поправила оружие, но выстрелить не успела – ее сбило с ног. Мимо пронесся Тор-Тор, соскочив с хозяйской стороны на склон.

– Тор-Тор! – позвал Манни.

Ягуар проскакал несколько ярдов вниз и встал как вкопанный, перегородив путь гигантскому зверю. Он припал к земле, рычащий и взъерошенный, грозно хлеща себя хвостом по бокам и подбирая лапы для прыжка. Затем оскалил длинные желтые зубы и выпустил когти.

Черный ягуар налетел на него, готовясь сбить наземь, но в последний миг замедлил бег и встал нос к носу с Тор-Тором, точно так же подобрался и зарычал. Ягуары шипели, испытывая друг друга.

Костос поднял ружье.

– Тебе конец, тварь.

– Стой! – замахал на него Манни.

Два зверя медленно закружили, всего в ярде от носа к носу. На секунду спина черной кошки оказалась напротив пещеры. Нат видел, как рейнджерам приходилось сдерживаться, чтобы не нажать на курок.

– Что они делают? – спросила Каррера.

Манни ответил:

– Она не может понять, почему такой же ягуар, пусть и меньше ее,

защищает нас. Это сбивает ее с толку.

Парочка перестала рычать. Они осторожно приблизились, почти соприкасаясь носами. В каком-то молчаливом согласии кружение продолжилось. Великанша зафыркала, уловив запах странного малорослого ягуара.

Вдруг оба прервали свой танец, вернувшись туда, откуда начали. Тор-Тор снова вкрался между людьми и гигантской кошкой. Поворчав напоследок, та подалась вперед и потерлась щекой о щеку Тор-Тора, понимающе и миролюбиво. Затем черная бестия стремительно развернулась и скользнула со склона.

Тор-Тор не спеша выпрямился. Его глаза лучились золотом. Потом он с кошачьей непосредственностью привел в порядок взъерошенные волоски, развернулся и продефилировал к входу, будто только вернулся с прогулки.

Каррера опустила ствол «пушки» и сдвинула на лоб «ночной бинокль».

– Они отступают, – потрясенно сказала она.

Манни сгреб питомца в охапку.

– Вот ведь дурень, – прошептал он.

– Что это было? – спросил Костос.

– У Тор-Тора переходный возраст, – пояснил биолог. – Как у всякого молодого самца. Самка, хотя и огромная, примерно такого же возраста. А вся эта кровь в воздухе создает напряжение, в том числе гормональное. Судя по их действиям, выходка Тор-Тора была истолкована не только как вызов, но и как демонстрация сексуальности.

Костос насупился:

– Вы хотите сказать, он пытался за ней приударить?

– И похоже, успешно, – произнес Манни, гордо похлопывая ягуара по боку. – Раз Тор-Тор вышел вперед и ответил на вызов, она, должно быть, решила, что он наш вожак и в ухажеры годится.

– И что дальше? – спросила Каррера. – Они отступили, но недалеко. Если быть точной, собрались на дне расщелины, перегородив нам все пути к озеру.

Манни тряхнул головой.

– Что они затевают, я не знаю. Знаю только, что Тор-Тор выиграл нам чуть-чуть времени, и, по-моему, надо этим воспользоваться. Разводите костер и не ослабляйте бдительности.

Нат наблюдал, как костяк стаи потянулся вниз, к лесной западине. Но зачем?

– У нас гости, – произнесла Каррера прежним озабоченным тоном.

Ее палец указывал в противоположную сторону, в верховья каньона.

Нат перевел все внимание туда. Там было пусто, если не считать темного леса и изрезанного каменистого ландшафта у подножия скал.

– Что вы...

Затем его взгляд привлекло какое-то движение.

Чуть выше по ущелью на голый сланец выступила темная фигура, прежде скрытая листвой. Фигура принадлежала человеку, мужчине. Он казался таким же бесплотным, как и ягуары-тени, черный с головы до пят. Человек поднял руку, затем отвернулся и пошел вдоль каньона, оставаясь на свету. Все пораженно следили за ним.

– Наверное, один из бан-али, – проронил Нат.

Фигура замерла, опять повернувшись лицом и, казалось, выжидала.

– По-моему, он хочет, чтобы мы пошли за ним, – сказал Манни.

– Да и ягуары не оставляют особого выбора, – добавила Каррера. – Устроились в джунглях прямо под нами.

Человек все еще стоял вдалеке.

– Что будем делать? – спросила Каррера.

– Пойдем за ним, – ответил Нат. – Мы ведь за этим пришли – отыскать бан-али. Может, стая ягуаров была их последней проверкой.

– А может, ловушка еще впереди, – возразил Костос.

– Не вижу альтернативы, – сказала Каррера. – Мне думается, либо мы выйдем сейчас, либо стая нас прикончит.

Нат глянул за спину, в недра пещеры. В десяти ярдах от входа Келли, Коуве и прочие по-прежнему толпились вокруг Фрэнка, уже раздетого до трусов. По-видимому, его накачали снотворным. Анна стояла рядом, держа в поднятой руке капельницу. Келли успела забинтовать одну культю брата и теперь перевязывала сосуды другой. Коуве сидел рядом на корточках, готовый подавать бинты для другой ноги. Пол пещеры усеивали пустые упаковки шприцов и бутылочки из-под лекарств.

– Спрошу, можно ли передвигать Фрэнка сейчас.

– Мы своих не бросаем, – ответил Костос.

Нат кивнул, будучи рад это слышать. Он подошел к остальным.

– Как Фрэнк? – поинтересовался он у Коуве.

– Потерял много крови. Келли собирается сделать ему переливание, едва состояние выровняется.

Нат вздохнул.

– Скорее всего, придется его потревожить.

– Что? – вскричала Келли, затягивая шов. – Его нельзя двигать!

Ее голос звенел от паники, усталости и недоверия.

Нат присел, глядя, как Келли и Коуве обматывают вторую культю. Когда ногу подняли, Фрэнк тихо застонал.

Пока шла работа, Нат объяснил, что случилось у входа.

– Бан-али пошли на контакт. Возможно, они нас зовут в деревню. Думаю, второго приглашения не будет.

Коуве согласился.

– Должно быть, мы прошли последнее испытание, экзекуцию или вроде того, – отозвался профессор, цитируя Ната. – Теперь мы доказали, что не лыком шиты и заслуживаем, чтобы нас пропустили.

– А как же Фрэнк? – вмешалась Келли.

– Я устрою носилки из бамбука и пальмовых листьев, – мягко сказал Коуве, трогая Келли за руку. – Эти туземцы... Если мы не заберем Фрэнка, его убьют. Нас всех убьют.

Нат видел, как ее лицо напряглось от страха, а глаза заблестели. Сперва дочь, теперь – брат.

Натан опустился рядом на корточки и обнял ее за плечи.

– Я позабочусь о том, чтобы в пути с ним ничего не случилось. Как только прибудем, Олин сможет наладить радиосвязь.

Нат посмотрел на русского. Тот с готовностью закивал:

– Уж определить наши координаты и передать их я всегда сумею.

– А раз так, помощь прибудет и вашего брата вывезут. У него все получится. И у нас тоже.

Келли уткнулась в грудь Нату, успокаиваясь в его руках.

– Обещаете? – спросила она тихим от слез голосом.

Он крепче обнял ее.

– Конечно.

Однако чем больше Нат смотрел на побледневшее лицо Фрэнка, чья кровь мало-помалу просачивалась сквозь свежие бинты, тем истовей молил о том, чтобы обещанное оказалось ему по плечу.

Келли повернулась у него в руках и произнесла более уверенно:

– Раз так, пора идти.

Нат помог ей подняться.

Начались срочные сборы. Костос и Манни сходили в джунгли и набрали материала для сооружения носилок, пока Келли с профессором пытались стабилизировать состояние Фрэнка к транспортировке.

Вскоре все были готовы снова отправиться в ночь.

У выхода стояла на страже Каррера.

– Наш гость все еще там, – сообщила она.

И верно – на расстоянии виднелась одинокая тень.

Каррера и Нат разделились. Между ними расположилась группа во главе с сержантом.

– Не разбредаемся! Глядим в оба! – громогласно наказывал Костос.

Ближе к хвосту процессии Манни и Олин тащили носилки с привязанным для пущей безопасности пациентом. Мужчины отряда условились нести Фрэнка по очереди.

Позади носилок шла Келли, а за ней, замыкая шеренгу, Нат и Каррера.

Едва прошли устье пещеры, как носок ботинка Ната поддал с земли что-то бесформенное и пыльное. Натан нагнулся и осмотрел странный предмет.

Нет, этого они не оставят. Он проскочил мимо Манни, стряхивая последнюю пыль с козырька кепки «Ред сокс», и водрузил ее на голову раненого владельца.

Развернувшись, чтобы занять свое место в строю, он встретил взгляд Келли. Она улыбнулась ему – еле заметно, сквозь слезы, а он кивнул, принимая ее тихую признательность.

И вот Нат опять поравнялся с десантницей, рассматривая темный лес и отдаленный силуэт.

Куда-то приведет их тропа?

Поселение

16 августа, 4 часа 13 минут

Джунгли Амазонии

Луи покачивался в каноэ, дожидаясь вестей от своих ищек. До рассвета было еще далеко. На чистом небосводе сияли звезды, но луна уже скрылась, окутав болото тенями. Приладив ночной бинокль, Луи пытался высмотреть хоть кого-нибудь из разведчиков.

Пусто.

Он недовольно поморщился. Сидя в ожидании, он чувствовал, как рушились его планы. Что там у них творится? Его уловка будто бы удалась – рейнджеры подались в бега. Но что дальше?

В полночь команда Фавре переплыла озеро на каноэ, перетащенных волоком от реки. Приближаясь к дальнему берегу, группа увидела высоко в небе над каньоном вспышки ракетниц и услышала грохот выстрелов, прокатившийся эхом до самого болота.

Луи наблюдал за перестрелкой через прибор. Команда рейнджеров, без сомнения, подверглась атаке. Впрочем, с его позиции разглядеть нападавших не удалось. Все попытки связаться с разведгруппой Жака окончились неудачей. Его «лейтенант» самым таинственным образом смолк. Затем Луи отрядил еще одну группку – свою элиту – на берег, в инфракрасных очках и приборах ночного видения. Им предстояло произвести разведку, в то время как их шеф с остальными оставался ждать на воде.

Прошло два часа, а Луи так и не услышал ни слова, не получил даже кратчайшей радиограммы. Вместе с ним в лодке сидело трое его людей и любовница. Все, как один, рассматривали дальний берег в бинокли.

Тшуи первой заметила, как из джунглей выбежал человек. Она указала на него, отрывистым звуком привлекая внимание. Луи узнал в нем предводителя группы слежения. Тот помахал им, приглашая пристать к берегу.

– Наконец-то, – буркнул Луи, опуская бинокль.

Вереница каноэ понеслась к илистым отмелям. Луи вылез на сушу одним из первых. Он молча подал знак организовать защитный периметр, а затем отправился поговорить с разведчиком. Тот кивнул ему в знак приветствия – темноволосый немец-наемник по фамилии Брайль. Ростом

он был невысок, не больше пяти футов, в камуфляжной раскраске и черной форме.

– Что вы узнали? – спросил его Луи.

Соглядатай заговорил с сильным немецким акцентом:

– Ягуары, около пятнадцати.

Луи кивнул без удивления. Они уже слышали странное рычание и вой по ту сторону болота.

– Но эти ягуары не простые, – продолжал Брайль. – Какие-то монстры. Втрое больше обычного. Здесь у меня тело...

– Потом, – отмахнулся Луи, возвращаясь к главному. – Что с теми, другими?

Брайль продолжил рассказ, объясняя, как разведчикам пришлось действовать, чтобы остаться в тени. Остальные трое членов его группы укрылись на деревьях в ущелье.

– Стая уходит дальше по каньону. Кажется, они гонят вражескую команду перед собой. – Брайль протянул ладонь. – После того как кошки убрались, мы нашли это на трупе.

На руке у шпиона лежали две серебристые полоски, нашитые на лоскут цвета хаки, – знак отличия капитана, командира отряда рейнджеров.

– Почему же ягуары не нападают на остальных? – спросил Луи.

Брайль тронул «ночной бинокль».

– Я кое-кого там заметил. Судя по виду – индеец. Он ведет их выше по ущелью.

– Бан-али?

Немец пожал плечами.

Хотя кто же еще? Луи задумался, переваривая свежую информацию. Он не мог позволить другим зайти так далеко, особенно с учетом того, что рейнджеры успешно вошли в контакт с таинственным племенем. Награда была слишком близка, поэтому Фавре не имел права упускать конкурентов из виду.

Стая живых ягуаров, однако, могла вызвать некоторые затруднения. Она стояла между ним и командой противника и должна была быть уничтожена как можно незаметнее, дабы не спугнуть основную добычу.

Луи оглядел сумрачный лес. Пришла пора выйти из тени. Как только он разведает расположение деревни и ее охрану, наступит решающая часть спланированной им операции.

– А где эти ягуары сейчас? – спросил Луи. – Все ли они поднимаются по ущелью?

– Пока – да. – Брайль кисло усмехнулся. – Если наметятся перемены,

мои разведчики нам доложат. К счастью, твари отлично видны в инфракрасные очки – большие и яркие.

Фавре удовлетворенно кивнул.

– А других врагов нет?

– Мы прочесали всю зону, герр доктор. Тепловых пятен нет.

Отлично. Стало быть, внимание рейнджеров и сейчас обращено не на его шпионов. Однако у самых земель бан-али такое превосходство не продлится надолго. Ему и его команде придется ускорить свой путь. Но прежде, для успешного выполнения плана, тропу предстоит очистить от ягуаров.

Фавре повернулся. Тшуи стояла бок о бок с ним, молчаливая и смертоносная, как всякая кошка джунглей. Луи протянул руку и провел пальцем по ее скуле. Она подалась навстречу прикосновению, его мастерица зелий и ядов.

– Тшуи, ма шер, похоже, нам придется еще раз прибегнуть к твоим талантам.

* * *

5 часов 44 минуты

Джунгли Амазонии

От носилок у Ната болели плечи. Путешественники шли больше двух часов. Небо на востоке уже заалело, предвещая зарю.

– Долго еще? – пыхтел Манни спереди носилок, озвучивая общий вопрос.

– Не знаю, но назад дороги нет, – ответил запыхавшийся Нат.

– Точно, если не хочешь стать чьим-то завтраком, – напомнила Каррера, которая то и дело поглядывала за спину.

Всю ночь напролет ягуары тянулись за ними, передвигаясь в подлеске у отвесных скал. Самые храбрые то и дело выскакивали на щебень – черными силуэтами на черных камнях.

Тор-Тор в их присутствии сделался вспыльчивым – сдавленно шипел и расхаживал вокруг носилок, неся свою вахту. Его глаза метали золотые молнии.

Единственным путем к спасению был путь вперед, вслед за темной фигурой. Туземец сохранял расстояние в четверть мили и шел так, чтобы за ним поспевали. И все-таки скоро путники утомились. Проведя долгие дни

без отдыха, они совершенно вымотались. Команда ползла черепашью шагом, волоча ноги и спотыкаясь на каждом шагу. И хотя всем ночное путешествие изрядно потрепало нервы, кое-кому перепало сильнее других.

Келли ни на минуту не отходила от носилок, постоянно проверяя состояние брата и на ходу поправляя окровавленные бинты. Ее лицо в свете звезд казалось таким же пепельно-серым, а взгляд – усталым и испуганным.

Когда ее работа врача ненадолго заканчивалась, она по-сестрински держала Фрэнка за руку, явно желая ему крепиться, как крепилась сама.

Спасало только то, что морфий и успокоительные удерживали покалеченного Фрэнка в состоянии полудремы. Периодически он начинал стонать. В такие моменты Келли менялась в лице и кривилась, словно боль брата передавалась ей. Нат догадывался, что частично так оно и было – Келли явно страдала не меньше своего близнеца.

– Внимание! – выкрикнул спереди Костос. – Мы сворачиваем.

Нат вытянул шею. Всю ночь они плелись по слежавшейся земле вдоль границы леса и каменистого косогора у подножия скал. Теперь же их проводник поднимался по косогору в сторону одной из расщелин, которыми были изрезаны отвесные стены. Она рассекала скалу сверху донизу и в ширину могла бы вместить двухместный гараж.

Индеец подошел к входу, оглянулся на путешественников и прошел внутрь, не позвав за собой ни словом, ни жестом.

– Я пойду первым, – сказал Костос.

Рейнджер поспешил вперед, в то время как остальные замедлили шаг. Под дулом винтовки десантника был примотан фонарик – он давал ровный свет и позволял быстро прицелиться. Костос ринулся в сторону зияющей трещины, глубоко вздохнул и заглянул за угол, чтобы осветить ее изнутри. Несколько секунд он стоял неподвижно, затем, не высовываясь, помахал рукой.

– Здесь боковой коридор! С подъемом.

Группа поспешила к рейнджеру. Нат протиснулся в расщелину. Эта скальная трещина, как и первая, тянулась до самого неба, пропуская звездный свет. Дорога довольно круто шла вверх. Кое-где в скале, как оказалось, были вырублены грубые ступени.

Профессор Коуве привлек к ним внимание остальных.

– Похоже, там лежит еще один каньон или долина.

С ним поравнялась Анна Фонт.

– А может, это петля того же каньона, а здесь – путь к верхним ярусам? Вдалеке проводник-одиночка взбирался по каменным ступеням, как

будто не заботясь о том, идет кто-нибудь следом или нет. Однако не все проявляли равнодушие к путникам. Ягуары подбирались все ближе, рыча и поскуливая.

– По-моему, пора что-то решать, – произнесла Каррера.

Костос хмуро оглядел высокие стены, ограждающие корявую лестницу.

– Там может быть западня или засада.

Зейн шагнул в сторону прохода.

– Мы уже в западне, сержант. Лично я предпочитаю испытать неизвестное, чем возвращаться туда, откуда пришел.

Спорить никто не стал. Память о гибели Воржека и Ваксмана была еще слишком свежа и болезненна. Костос протиснулся перед Зейном.

– Вперед. Держите ухо востро.

Расселина была достаточно широка, чтобы Нат и Манни могли пройти бок о бок, с носилками в руках. Так было легче взбираться по высоким ступенькам, но все же подъем вымотал их. Олин спустился к Нату:

– Кого-нибудь сменить?

Манни скорчил мину.

– Я еще продержусь.

Нат тоже дал знать, что отказывается.

Начался долгий подъем. Вскоре Манни и Нат отбились от основной группы и тащились в хвосте. Келли держалась рядом с ними. Тревога не покидала ее лица. Каррера замыкала ряды. От усталости у Ната ныли колени и сводило плечи, но он продолжал идти.

– Тут уже недалеко, – сказал он вслух – больше себе, чем кому-либо.

– Очень на это надеюсь, – отозвалась Келли.

– Он сильный, справится, – сказал Манни, кивая на Фрэнка.

– Силы когда-нибудь да кончатся, – ответила Келли.

– Он выдюжит, – заверил ее Нат. – Счастливая кепка все еще на нем, верно?

Келли вздохнула.

– Он с ней не расстанется. Знаете, дома Фрэнк играл в клубе. Стал почти профессионалом. – Она понизила голос до напряженного шепота. – Отец так гордился... Мы все гордились. Поговаривали даже, что Фрэнк выйдет в высшую лигу. Потом он неудачно съехал на лыжах и свернул колено. На том весь бейсбол и закончился.

Манни удивленно хрюкнул:

– Вот вам и счастливая кепка.

Келли печально улыбнулась и провела по козырьку:

– Да, но три сезона он отыграл и был счастлив. Даже после аварии Фрэнк не стал горевать. Говорил, что чувствует себя счастливейшим человеком в мире.

Нат посмотрел на бейсболку, завидуя Фрэнку в его момент славы. Была ли жизнь так проста для него? Может, эта кепка и впрямь приносит удачу... Потому, что сейчас удача требовалась им как никогда раньше.

Каррера развеяла ностальгическую атмосферу.

– Ягуары... Они больше не преследуют нас.

Нат оглянулся на спуск. Одна из кошек-гигантов стояла у входа – самка-вожак. Потом она попятилась и пошла вниз. Тор-Тор неотрывно смотрел на нее сияющим взглядом. Секунду они глядели друг на друга, а потом, в темном вихре, самка унеслась в джунгли.

– Видимо, долина на берегу – это убежище стаи, очередная защитная полоса.

– Но что она защищает? – спросила Каррера.

Издали послышался зов. Кричал Костос. Он встал в десяти ступенях от края расщелины и замахал остальным.

Пока все собирались, на востоке занялся рассвет. За ступенчатым ходом открывалась долина, плотно покрытая зеленью, в том числе деревьями-великанами. Где-то рядом бодро журчала речушка, а вдалеке слышался шум водопада.

– Земля бан-али, – произнес профессор Коуве.

К Манни и Нату подошел Олин и протянул руку к носилкам.

– Теперь наша очередь.

Нат удивился, увидев в паре с русским Ричарда Зейна, но возражать не стал. Они передали сменщикам носилки. Сбыв ношу с рук, Нат почувствовал, будто стал футов на сто легче и что его руки вот-вот взлетят в воздух. Они с Манни поднялись к Костосу.

– Индеец испарился, – проворчал сержант.

Нат посмотрел – того и впрямь нигде не было.

– Да и ладно, мы ведь знаем, куда идти.

– Надо дожидаться, пока солнце не встанет как следует, – сказал Костос.

Манни нахмурился.

– Бан-али следили за нами с первого дня в джунглях, днем и ночью. Так что взошло солнце или нет, мы все равно ни души не увидим, пока им не заблагорассудится.

– Кроме того, – добавил Нат, – с нами раненый. Чем раньше мы доберемся до деревни, тем больше у него шансов выжить. Предлагаю двигаться дальше.

Костос, вздохнув, согласился.

– Так и быть, только будем держаться все вместе.

Сержант приосанился и повел группу вперед.

С каждым шагом новый день разгорался все ярче. В Амазонии светает подчас моментально. Звезды над головой потонули в розовых разливах зари. Безоблачное небо предвещало очередной жаркий день.

Отряд замер на пороге расселины. Впереди в джунгли спускалась тонкая тропка, но куда она вела? Признаков жилья странники не заметили – ни дыма костров, ни людского гомона.

Прежде чем отправиться вниз, Костос достал бинокль и осмотрел долину.

– Проклятье, – пробормотал он.

– В чем дело? – спросил Зейн.

– Этот каньон – всего-навсего продолжение того, где мы были. – Он указал вправо. – Похоже только, что этот на другом уровне и отделен скальным уступом.

Нат посмотрел в свой бинокль, следуя жесту сержанта. За зеленой стеной он смог разобрать лишь русло речушки, стекающей посередине каньона. Он проследил ее путь до того места, где она исчезала, падая с крутого обрыва в нижнюю часть каньона – ту самую, через которую они шли ночь напролет, вотчину гигантских ягуаров.

– Мы тут как в ящике, – обронил Костос.

Нат повернул голову с биноклем в противоположную сторону и заметил там другой водопад. Он обрушивался в каньон с нагромождения скал у дальнего края. По сути дела, долина была ограничена с трех сторон отвесными стенами и обрывом – с четвертой.

«Полностью изолированный клочок джунглей», – понял Нат.

Сержант гнул свое:

– Не нравится мне все это. Единственный путь отсюда – здесь, у нас под ногами.

Когда же Нат опустил бинокль, на востоке пробился край солнечного диска и лес залило светом, превратившимся под листвой в зеленоватое сияние. Над головами промелькнула стайка желто-голубых ара, снявшихся с гнезд возле мгlistых горных уступов. Водяная пыль, взбиваемая двумя водопадами с обеих оконечностей долины, заставляла воздух почти что сверкать в первых лучах солнца.

– Рай, да и только, – вполголоса произнес профессор Коуве.

С прикосновением света в джунглях раздались птичьи трели и переклички обезьян. У опушки запорхали бабочки чуть ли не с тарелку

величиной. Кто-то мохнатый и шустрый шмыгнул в лес. Несмотря на изоляцию, жизнь нашла способ проникнуть в эту зеленую долину.

Кому же еще она служила прибежищем?

– Что будем делать? – спросила Анна.

Несколько секунд все молчали. Наконец Нат произнес:

– Думаю, у нас нет иного выбора, кроме как идти дальше.

Костос поморщился и кивнул.

– Поглядим, куда ведет эта тропа. Будьте начеку.

Группа осторожно сошла по узкому склону к подножию леса. Лидером отряда оставался Костос, а Нат шел с ним рядом, держась за ружье. Плотной толпой они шли по тропе. Воздух под пологом тенистого леса наполняли такие густые запахи орхидей и цветущих лиан, что почти ощущались на вкус.

Однако, как бы сладок ни был лесной воздух, напряжение росло. Что за тайны здесь сокрыты? Что за опасности? Малейшая тень навевала подозрения.

Только потом, прошагав целых пятнадцать минут, Нат заметил, что с лесом что-то не так. Видимо, усталость притупила его чувства. Он остановился и разинул рот.

Манни налетел на него сзади.

– Что такое?

Насупив бровь, Нат сделал несколько шагов в сторону.

– Куда это вы, Рэнд? – спросил Костос.

– Эти деревья...

Изумление захлестнуло Натана, переборов тревогу. Остальные тоже замерли, озираясь вокруг.

– А что с ними не так? – спросил Манни.

Нат медленно развернулся.

– Мне как ботанику известно большинство растущих здесь видов. – Он стал показывать и называть растения. – Хлопковое дерево, лавр, фикусы, красное дерево, всяческие пальмы... Обычные растения, встречающиеся в экваториальном лесу. Но...

Голос Ната затих.

– Но что? – подгонял Костос.

Нат подошел к тонкоствольному дереву. Оно тянулось ввысь на сотню футов и заканчивалось раскидистым веером веток, с нижней поверхности которых свисали тяжелые бугристые шишки.

– Вы знаете, что это?

– Похоже на пальму, – ответил сержант, – а что?

– Это не пальма! – Нат хлопнул пятерней по стволу. – Это саговник, черт его подери!

– Как-как?

– Древесное растение, которое считается вымершим давным-давно, еще с мелового периода. Его изображения встречаются лишь в описях ископаемых останков.

– Вы уверены? – спросила Анна Фонг.

Нат кивнул.

– Я писал диссертацию по палеоботанике.

Он подошел к другому растению – кусту наподобие папоротника, только вдвое выше человеческого роста. Каждая его ветвь была длиной с Ната и так же широка, как две его расставленные руки. Натан тряхнул один из огромных листьев.

– А это, чтоб ему, древовидный плаун, который должен был вымереть во время карбона. И это еще не все. Их тут полно: глоссоптериды, хвоци, подкарповые... – Он продолжал указывать. – И это только то, что я могу определить.

Нат ткнул ружьем в дерево с изогнутым стволом, свернутым у верхушки улиткой.

– Что вот это, например, не имею понятия.

Он повернулся к остальным, сбрасывая усталость, как вторую кожу, и потряс руками.

– Мы в музее живых ископаемых!

– Как такое возможно? – спросил Зейн.

Ответил Коуве:

– Здешний участок изолирован со всех сторон, словно карман во времени. Все живое, однажды попав сюда, могло не изменяться миллионы лет.

– Геологически эта область относится к палеозою, – взволнованно добавил Нат. – Амазонский бассейн был некогда пресноводным внутренним морем, до того как тектонические сдвиги образовали канал и вода ушла в океан. Теперь у нас есть возможность заглянуть в древние времена. Потрясающе!

– Как бы там ни было, – возразила Келли из-за носилок, – мне надо переправить Фрэнка в место побезопаснее.

Ее слова вернули Ната к действительности, из прошлого в настоящее. Он кивнул, устыдившись собственных восторженных излиятий в столь тревожный момент. Костос прочистил горло.

– Идем дальше!

И отряд потянулся за командиром.

Нат брел, задрав голову, очарованный лесом. Он разглядывал полог; подозрительные тени интересовали его куда меньше, чем сами деревья. Как опытный ботаник, он не мог оторвать потрясенного взгляда от буйства местной флоры: членистых хвощей высотой с органические трубы, папоротников, в сравнении с которыми современные пальмы казались пигмеями, громоздких пращуров хвойных с шишками величиной с микролитражку. Сочетание нового с доисторическим поражало – никто прежде не видел подобной составной экосистемы.

Профессор Коуве поравнялся с Натом:

– Ну и что ты обо всем этом думаешь?

– Не знаю. – Нат покачал головой. – Вообще, доисторические рощи находили и раньше. В Китае в восьмидесятых открыли лес реликтовой секвойи, в Африке – грот с редкими папоротниками. В Австралии, совсем недавно, среди отдаленных дождевых лесов обнаружили целую заросль деревьев, считавшихся вымершими. – Нат сделал паузу и глянул на Коуве. – Если учесть, как мало изучены леса Амазонии, становится странным, что мы встретили такую рощу только сейчас.

– Джунгли хорошо стерегут свои тайны, – сказал Коуве.

По мере углубления в лес полог становился плотнее, а деревья – выше. Утреннее солнце осталось над листвой, ниже все погрузилось в зеленоватый полумрак. Казалось, путники снова вернулись в сумерки.

Разговоры утихли, теперь всеобщее внимание было приковано к лесу. Даже несведущим в ботанике стало ясно, насколько здешние джунгли отличались от уже виденных.

Доисторические растения все больше теснили своих современных собратьев. Стволы делались толще, папоротники высились гуще, среди винограда форм мелькали откровенно причудливые. Вот отряд миновал представителя бромелиевых размером с небольшой коттедж. Мощные цветы диаметром с тыкву свешивались с лиан и наполняли воздух благоуханием.

Это была теплица невероятных размеров.

Костос вдруг встал как вкопанный, уставившись на тропу, перехватив оружие поудобнее. Затем он медленно махнул остальным, чтобы те пригнулись.

Отряд сел на корточки. Нат повертел дробовиком. Далеко не сразу он заметил, что так всполошило рейнджера. Десантник всматривался перед собой, слева, справа и даже сзади. Все выглядело как на одной из хитроумных картинок, которые на первый взгляд кажутся мешаниной

фрагментов и только потом, если посмотреть под особым углом, расслабив глаза, сразу и вдруг складываются в трехмерную фигуру.

Точно так – сразу и вдруг – Нат узрел лес в новом свете.

Высоко на деревьях, поверх толстых сучьев, расположились рукотворные платформы с маленькими хижинами на них. Крыши многих из них были сплетены из живых листьев и веток, не требуя дополнительного камуфляжа. Эти сооружения великолепно сливались с деревом-хозяином. Когда Нат приблизился, лианы и плющи-душители, вьющиеся между деревьями и висящие плетями до земли, оказались не чем иным, как подвесными мостами и лестницами. Одна из таких лестниц болталась по правую руку от Ната, всего в нескольких ярдах. Во всю длину она была усеяна цветами, живая, как и прочее.

Теперь, продолжая оглядываться, Натан с трудом отличал человеческие творения от природных. Сочетание ошеломляло, маскировка – поражала совершенством. Сами того не ведая, путешественники очутились в деревне бан-али.

Постройки становились крупнее и располагались все выше, в несколько этажей, перемежаясь площадками и парапетами. Даже они, несмотря на размер, оставались неразличимы благодаря укрытию из коры, веток и листьев.

Путники смотрели вокруг, не смея пошевелиться. У всех на лицах застыл один и тот же вопрос: где обитатели этих древесных жилищ?

Тор-Тор сдавленно зарычал.

И тут Нат увидел бан-али, так же как увидел деревню. Они с самого начала скрывались вокруг – вездесущие, безмолвные и неподвижные, как живые обрывки теней. Их тела, раскрашенные черным, сливались с темнотой в промежутках листвы и в подлеске.

Один из туземцев вышел из спасительного полумрака на тропу. Казалось, ружья в руках чужаков его не страшили.

Нат был уверен, что перед ними стоял их давешний проводник, тот, что завел их сюда. В его черные волосы были вплетены кусочки листьев и цветов, в дополнение к природному камуфляжу. Он вышел безоружный, с пустыми руками. По правде сказать, индеец вообще был наг, за исключением набедренной повязки. Туземец смотрел на пришедших, и лицо его было сурово и непроницаемо.

Затем он, не говоря ни слова, развернулся и пошел по тропе.

– Должно быть, он хочет, чтобы мы снова последовали за ним, – сказал Коуве, поднимаясь на ноги.

Остальные медленно встали.

В глубине леса показались другие индейцы – тихие стражи, погруженные в сумрак.

Костос стоял в нерешительности.

– Если бы они хотели убить нас, – добавил профессор, – то давно сделали бы это.

Костос насупился, но затем нехотя побрел за провожатым.

По пути Нат продолжал исследовать деревню и ее молчаливых жителей. Время от времени ему попадались на глаза лица поменьше, высывающиеся из окон, – лица женщин и детей. Он оглянулся на тех, кто скрывался в лесу, – видимо, воинов племени или разведчиков.

Разрисованные лица несли характерные черты американских индейцев. Чем-то они напоминали предков-азиатов, которые однажды пересекли Берингов пролив и, минуя Аляску, обосновались в обеих Америках около пятидесяти тысячелетий назад. Однако кем они были? Как попали сюда? Где берут начало их корни? Нат, несмотря на опасность и висящую в воздухе угрозу, не терпелось выведать побольше об этом народе и его истории, так тесно оказавшейся связанной с его собственной.

Натан оглядел лес. Здесь ли прошел его отец? Едва он представил такую возможность, как у него сжалось в груди. В нем ожили прежние чувства. Еще чуть-чуть, и он узнает правду об отце.

По мере того как отряд продвигался вперед, стало ясно, что экспедицию ведут к залитой солнцем поляне, видневшейся на расстоянии.

Лес по обе стороны тропки раздался, и люди вышли на свет. Открытую лужайку окружало кольцо гигантских саговников и примитивных голосеменных. По солнечной поляне петлял мелкий ручеек, журча и посверкивая. Проводник продолжил путь, но отряд озадаченно встал на краю. В центре поляны, едва ли не занимая ее целиком, высилось мощное дерево, подобного которому Нат прежде не видел.

Оно тянулось вверх на высоту тридцати с лишним этажей, а его белый ствол составлял в поперечнике не меньше десяти ярдов. Толстые корни, словно чьи-то бледные колени, выпячивались из темной земли, а некоторые, прежде чем углубиться в почву, обвивали русло текущего рядом ручья.

Ветви дерева разрастались отчетливыми этажами, напоминая гигантские секвойи. Однако вместо хвои у этого вида росли широкие пальчатые листья. Они дрожали на легком ветерке, показывая серебристую изнанку и гроздя семенных коробочек со скорлупой, как у кокосовых орехов.

Нат ошеломленно разглядывал дерево, не зная, с чем его соотнести и

куда определить. Может, в новые виды первых голосеменных? Он сомневался. Орехи отчасти походили на семена современного питеколобиума, только здешний вид был гораздо древнее. Изучая дерево, Нат заметил еще кое-что: даже этот лиственный гигант имел обжитой вид. На толстых сучьях или у ствола теснились группки хижин. «Имитируют семенные коробочки», – пораженно осознал Нат.

Проводник-туземец, шедший впереди, прошмыгнул меж двух корявых корней и скрылся в тени. Отойдя в сторону для лучшего обзора, Нат увидел, что там на самом деле располагался арочный спуск к основанию дерева, дверной проем. Натан поднял глаза к гроздьям построек. Лестница рядом не было. Как же туда добирались? Неужели по спиральному ходу в стволе? Нат сделал шаг вперед с намерением это выяснить, но Манни схватил его за руку.

– Гляди.

Биолог указал в сторону.

Нат обернулся. Отвлечшись на белого исполина, он совершенно не заметил низкую бревенчатую хижину в другой части прогалины. Сруб ее был неказистым, но прочным, а крыша сложена из тростника. Будучи единственным в округе наземным строением, она, казалось, попала сюда из другого мира.

– На крыше, случаем, не солнечные батареи? – спросил Манни.

Нат прищурился и поднял бинокль. На верхушке хижины поблескивали в утреннем солнце две черные панели. Действительно, похоже на батареи. Нат, заинтригованный, принялся осматривать постройку более тщательно. Окон в ней не было, а на месте двери болталась лишь плетеная заслонка из пальмовых листьев.

Внимание Ната привлек какой-то предмет, стоящий у двери. Он узнал его – длинный посох из древесины пиратинеры, отполированный годами верной службы и увенчанный пучком перьев хоко.

Нат почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Это был посох, на который опирался при ходьбе его отец.

Выронив бинокль, Натан пошел, спотыкаясь, к хижине.

– Рэнд! – прикрикнул на него Костос, но он уже не слышал.

Ноги сами несли его, все скорее и скорее. Остальные потянулись за ним, чтобы не разбивать группу. Зейн и Олин крикнули, взявшись за носилки.

Нат мчался к двери и вдруг осадил себя, тяжело дыша. Во рту у него пересохло – он смотрел на посох, но уже вблизи. На рукояти были вырезаны инициалы: «К. Р.».

«Карл Рэнд».

У Ната выступили слезы.

Во время исчезновения отца Натан отказывался принять мысль о его смерти. Ему было необходимо цепляться за надежду, иначе отчаяние раздавило бы его и он просто не смог бы целый год возглавлять поиски. Даже когда все средства иссякли, когда ему пришлось признать версию о кончине отца, он не уронил ни слезинки. За столь долгий срок тоска развилась в жуткую депрессию, и следующие четыре года жизни канули в эту черную дыру.

Зато сейчас, держа в руках доказательство того, что отец был здесь, Натан не сдерживал слез.

Нат вовсе не тешил себя надеждой на то, что отец все еще жив. Такие чудеса – удел героев романов. Здесь же вся постройка была отмечена следами долгого запустения. У порога лежала груда листьев, принесенных ветром из леса, по которым не ступала нога человека.

Нат шагнул вперед и отодвинул плетеную дверцу. Внутри было темно. Нат выхватил из кармана куртки фонарик, включил его. Застигнутая в укромном углу пака, бесхвостая крыса, юркнула в щель у дальней стены. На полу лежал толстый слой пыли, испещренный отпечатками маленьких лап и засохшим пометом. Нат осветил все вокруг.

Внутри, у противоположной стены, с потолочных балок свешивались четыре гамака, пустые и нетронутые. Чуть ближе стояла самодельная скамейка, на которой выстроилась шеренга лабораторных приборов, включая складной компьютер-ноутбук.

Как и посох, Нат узнал крошечный микроскоп и склянки для образцов – все они также принадлежали его отцу. Он шагнул вглубь темной комнаты и открыл ноутбук. Тот моментально зажил своей электронной жизнью, заставив Ната вздрогнуть и отшатнуться.

– Батареи, – произнес Манни из дверей. – Они все еще питают его.

Нат стер паутину с ладоней.

– Мой отец был здесь, – пробормотал он потрясенно. – Это его приборы.

Коуве, стоявший поодаль, сказал:

– Индеец возвращается... и не один.

Нат еще несколько секунд смотрел на экран. В воздухе плавали пылинки, посверкивая в солнечном луче, что пробивался в дом через открытую дверь. Комната благоухала древесной смолой и сухим пальмовым листом. Однако чувствовался и другой, более глубокий привкус – пепла и старины. Здесь уже больше полугода никого не было.

Что произошло с отцом и его спутниками?

Утирая глаза, Нат повернулся к дверям. Было видно, как разрисованный черным туземец идет в направлении хижины. Рядом с ним семенил абориген поменьше, индеец-пигмей. Роста в нем было не больше четырех футов. Его смуглая кожа не была покрыта краской, за исключением броского рисунка из красных линий на животе и синего отпечатка ладони чуть выше пупка.

Нат вышел на солнце, возвращаясь к остальным.

У новоприбывшего красовались перья в ушах – убранство, привычное для яномамо. Еще он носил повязку с жуком в качестве украшения. Черный глянцевый панцирь блестел на солнце. Это был тот самый не то жук, не то кузнечик, стая которых сожрала капрала Йоргенсена.

Профессор Коуве бросил взгляд на Ната – Рэнд тоже заметил необычный амулет. Им открылось новое свидетельство того, что нападение на отряд велось отсюда.

Нат вскипел. Это племя не только было повинно в смерти половины его спутников, оно четыре года держало в плену выживших членов отцовской экспедиции. В душе вздымались ярость и боль.

Коуве как будто догадался о его чувствах:

– Погоди, Нат. Давай посмотрим, чем все обернется.

Их прежний проводник вывел перед собой незнакомца и отошел в сторону с явным почтением к малорослому собрату.

Пигмей оглядел группу, внимательно изучив каждого, в том числе, немного прищурившись, и Тор-Тора. Наконец он ткнул в сторону носилок, а затем на Олина с Зейном.

– Нести раненого, – произнес он на ломаном английском, махая на остальных. – Другие стоять здесь.

После этих простых указаний человек повернулся и направился обратно к белому дереву.

От потрясения никто не мог сдвинуться с места. Английская речь в устах индейца потушила гнев Ната.

Олин и Зейн по-прежнему стояли как вкопанные. Индеец-проводник сердито замахал им, чтобы те пошли за его соплеменником.

– Никто никуда не пойдет, – отрезал сержант Костос. Каррера тоже подалась вперед, как и он, с оружием наготове. – Мы не разобьем отряд.

Туземец нахмурился, затем указал на крохотную удаляющуюся фигурку.

– Лекарь, – проговорил он, силясь подобрать слова. – Хороший лекарь. И снова родные слова из уст дикарей заставили их озадаченно

умолкнуть.

– Наверное, команда вашего отца научила их английскому, – пролепетала Анна.

«А может, и сам отец», – подумал Нат.

Коуве обратился к Келли:

– По-моему, нам следует подчиниться. Я не думаю, что они хотят Фрэнку зла. Если хотите, я могу донести его.

– Я своего брата не брошу, – сказала Келли, становясь у носилок.

Зейн тоже вставил свое слово:

– Я вообще туда не пойду. Остаюсь там, где ружья.

– Успокойтесь, – ответил профессор. – Вместо вас пойду я. Все равно теперь моя очередь.

Зейн был просто счастлив избавиться от ноши. Освободившись, он спрятался в тени вечно хмурого сержанта Костоса.

Келли подошла к Олину у изголовья носилок.

– Я понесу с другого конца.

Русский попытался воспротивиться, но получил отпор.

– За вами спутниковая связь, – распорядилась Келли. – Вы единственный, кто может починить эту чертову штуку.

Олин нехотя согласился и отпустил бамбуковые колья носилок. Несколько секунд Келли боролась с тяжестью, затем рывком выпрямилась.

Нат протиснулся вперед, чтобы помочь ей.

– Я могу понести Фрэнка, – предложил он. – А вы пойдете рядом.

– Нет, – бросила она сквозь зубы и кивнула на хижину. – Постарайтесь выяснить, что здесь случилось.

Не дожидаясь возражений, Келли зашагала вперед. Коуве – за ней, придерживая с другого конца носилки. Такое содействие, видимо, успокоило туземца, и он повел их к гигантскому дереву.

Стоя на пыльном пороге, Нат снова взглянул на постройки, льнувшие к белой коре высоко над землей. Его осенило, что эту же картину отец видел в последние дни своей жизни. Натан старался уловить какую-то связь с отцом и не сдвинулся с места до тех пор, пока Келли и Коуве не исчезли в туннеле.

Когда его соратники начали сбрасывать рюкзаки, Нат вернулся к опустевшей хижине. Экран ноутбука призрачно светился в потемках. Это был тоскливый, безжизненный свет.

Нат вздохнул, гадая, что произошло с обитателями хижины.

* * *

Приседая под весом своего брата, Келли прошла под темную арку в мощном стволе дерева. Ее внимание разрывалось между Фрэнком, которому становилось все хуже, и окружавшей неизвестностью.

К этому времени повязки Фрэнка насквозь пропитались кровью. По ним ползали сотни мух, слетевшихся на дармовое угощение. Ему срочно требовалось переливание. Келли перебирала в уме медикаменты и все, что могло пригодиться: капельницу, новые давящие повязки, побольше морфия и антибиотиков. Фрэнк непременно должен дожить до прибытия вертолетов. Тем временем, несмотря на весь страх и ужас, переполнявший ее, она невольно дивилась тому, что открылось глазам после входа в туннель. Келли ожидала увидеть тесный прорубленный ход. Однако от арки вела широкая дорожка – пологий просторный коридор, вьющийся выше и выше к самым древесным постройкам. Его полированные стены были густого медового цвета, по которому шел узор из голубых отпечатков ладоней. Через каждые десять ярдов в стене попадались окошки наподобие бойниц средневековых замков. Сквозь них пробивался яркий солнечный свет, озаряя дорогу.

Келли и Коуве пробирались по винтовому ходу вслед за провожатым. Пол был гладким, но не настолько, чтобы затруднять ходьбу. От подъема, хотя и пологого, Келли довольно быстро запыхалась, но адреналин пополам со страхом за брата и остальных гнали ее вперед и вперед.

– Такое впечатление, что это естественный туннель, – бормотал Коуве ей в спину. – Стены гладкие, завитки идеальных пропорций. Как будто это проводящий элемент, ход в стволе дерева, а не прорубленный коридор.

Келли облизнула губы, однако не нашла в себе сил для ответа, уставшая и напуганная. Слова профессора привлекли ее внимание к стенам и полу. Теперь и ей стало видно, что к туннелю словно никогда не прикасался топор. Только окна были явственно устроены человеком, прорублены изнутри. Разница поражала. Возможно ли, чтобы племя наткнулось на витой ход внутри дерева и решило им воспользоваться? Постройки, виденные отрядом в пути, доказали, что бан-али были искусными зодчими, умеющими сочетать неживое с живым. Быть может, дерево было лишь примером их мастерства?

В довершение всего профессор сделал еще одно открытие:

– Мухи исчезли.

Келли глянула через плечо. Стая мух, роящихся и снующих по

повязкам ее брата, в самом деле пропала.

– Они разлетелись вскоре после того, как мы вошли внутрь, – сказал Коуве. – Видимо, древесные масла этого вида способны отпугивать насекомых.

Келли тоже почувствовала мускусный запах дерева. Он показался ей на удивление знакомым, так как напоминал запах эвкалиптовых листьев, лекарственный и приятный, но с более глубоким оттенком земли и спелости.

Поглядывая через плечо, Келли видела, как сильно набухли повязки на Фрэнке. С такой кровопотерей ему долго не продержаться. Нужно было срочно что-то предпринимать. Страх за брата леденил Келли душу. Несмотря на полную измотанность, она прибавила шаг.

По мере подъема в стенах туннеля стали появляться более широкие отверстия. Проходя мимо, Келли заметила, что ответвления коридора вели либо в хижину у ствола, либо продолжались внутри ветвей ходами шириной с мостовую, ведущими опять-таки к хижинам.

Их же путь лежал все дальше и выше.

Несмотря на усердие, Келли скоро начала спотыкаться и волочить ноги. У нее появилась одышка, глаза щипало от пота. Ей невероятно хотелось передохнуть, но Фрэнка нельзя было бросать ни на минуту.

Индеец-проводник заметил, что они отстают все больше и больше. Он вернулся и, судя по всему, осознал их положение.

– Я помочь. – Он подошел к Келли и стукнул себя кулаком в грудь. – Я сильный.

Индеец отпихнул Келли в сторону и взялся за носилки с ее стороны.

Келли слишком обессилела, чтобы противиться, и слишком запыхалась, чтобы поблагодарить.

Едва она отошла в сторону, как двое мужчин продолжили подъем, уже в ускоренном темпе. Келли пошла рядом с носилками. Фрэнк побледнел, его дыхание стало поверхностным. Поменявшись местами с индейцем, Келли снова перевела все внимание на брата. Она достала стетоскоп и приложила к его груди. Сердце Фрэнка глухо стучало, в легких слышались хрипы. Его организм быстро начал сдавать, впадая в гиповолемический шок. Кровопотерю надо было как-то прекратить.

Сосредоточившись на состоянии брата, Келли не заметила, как туннель подошел к концу. Внезапно извилистый ход оборвался точно таким проемом, какой они видели при входе в основании гигантского ствола. Но вместо того чтобы вывести их на свет, этот проем открывался в сводчатое помещение с круглым, как блюдце, полом.

Келли озидала его внутреннее убранство, освещенное теми же грубыми прорезями в изогнутых стенах. Сферический зал был не меньше тридцати ярдов в поперечнике – гигантский пузырь, возникший в дереве. Он наполовину выпячивался за пределы основного ствола.

– Словно чудовищный галл, – произнес Коуве, подразумевая наросты на листьях и побегах дубов и прочих деревьев, создаваемые насекомыми и некоторыми другими паразитами.

«Верно подмечено», – согласилась про себя Келли. Только в этом галле обитали вовсе не насекомые. Вдоль гнутых стен на кольшках висели плетеные гамаки – не меньше дюжины. На некоторых лежали, разметавшись, обнаженные туземцы. Другие бан-али сновали вокруг. У них были заметны признаки всевозможных увечий: забинтованная нога, рука с наложенной шиной, разбитая бровь.

У Келли на глазах один индеец прикладывал раненому с длинным порезом на груди какую-то пастообразную массу, а тот морщился.

Келли тотчас поняла, куда попала.

Перед ней была больничная палата.

Низкорослый индеец стоял в нескольких шагах от пришедших, всем своим видом выражая нетерпение. Затем он указал на пустующий гамак и зататорил на неизвестном языке.

Провожатый ответил кивком и взял курс на нужный гамак. Профессор Коуве по пути пробормотал:

– Если не ошибаюсь, это диалект языка яномамо.

Келли вопросительно посмотрела на него, уловив потрясение в его голосе.

– Язык яномамо не имеет аналогов, – пояснил профессор. – Его речевые модели и тональные структуры стоят особняком среди прочих. Настоящий лингвистический уникум. Это одна из причин, по которой яномамо считаются одним из амазонских племен-прародителей. – Он взволнованно разглядывал собравшихся в зале. – Судя по всему, бан-али – их потомки, потерянное племя яномамо.

Келли машинально кивала. Ей было не до профессорских теорий – она пристально следила за состоянием Фрэнка.

Под присмотром индейца-пигмея мужчины опустили носилки и перенесли Фрэнка в гамак. Келли встревоженно согнулась над братом. Перевалка растормошила Фрэнка, и он тихо застонал, заметался. Видимо, снотворное переставало действовать.

Келли потянулась к аптечке, лежащей на опустевших носилках, но не успела забрать шприц и морфий, как лекарь-пигмей выкрикнул подручным

какие-то приказания. Проводник вместе с другим туземцем достали маленькие костяные ножи и принялись ослаблять повязки на культиях Фрэнка.

– Так нельзя! – воскликнула Келли, поднявшись во весь рост.

Индейцы как будто не замечали ее. Они занимались насквозь промокшими бинтами. Кровь полилась интенсивнее.

Келли бросилась к гамаку и схватила одного из туземцев за локоть.

– Стойте! Вы не знаете, что творите! Давящие повязки еще не готовы! Ему нужно переливание, иначе он истечет кровью до смерти!

Индеец вырвался из ее рук и хмуρο покосился на Келли. Вмешался Коуве.

– Она наш лекарь.

Видимо, услышанное озадачило туземца, потому что он перевел взгляд на своего шамана.

Малорослый индеец присел у покатой стены в изголовье гамака. Держа в руке миску, он собирал в нее густой сок, стекающий по выдолбленному в стене желобу.

– Я здесь лекарь, – произнес человек. – Это лекарство бан-али. Остановить кровь. Хорошее лекарство от Ягги.

Келли посмотрела на Коуве.

– Ягга... Это похоже на «якка», – расшифровал он, – что значит «мать» на языке яномамо. – Коуве обвел взглядом комнату. – Должно быть, они так называют это дерево; ему же и поклоняются.

Шаман бан-али встал вместе с миской, наполовину полной красноватого сока. Затем он подтянулся и перекрыл ток, закупорив деревянной пробкой отверстие в желобе.

– Хорошее лекарство, – повторил он, приподняв миску и направляясь к гамаку. – Кровь Ягги остановить кровь человека.

В его устах это звучало как народная мудрость, перевод древнего изречения. Он знаками показал помощнику, чтобы тот отрезал одну из повязок.

Келли снова открыла рот для протеста, но профессор предупреждающе сжал ее руку.

– Собирайте свои капельницы и перевязочный материал, – шепнул он. – Будьте наготове, но сперва поглядим, на что способно это лекарство.

Келли подавила возражения, вспомнив индейскую девочку в Сан-Габриеле и то, как западная медицина не оправдала себя. Она решила, что на мгновение уступит бан-али, доверившись не столько коротышке шаману, сколько Коуве. Она бросилась к аптечной сумке и стала рыться в ней,

привычным жестом нащупывая бинты и физраствор. Когда Келли подготовила все необходимое, ее взгляд скользнул по ближайшему желобу для сока. «Кровь Ягги». Закупоренный ход темной полосой просвечивал сквозь древесину, пролегая от устья желоба к потолочному своду. Келли заметила и другие ходы, причем каждый таким же темным каналом вел к соответствующему гамаку.

Держа в руке бинт, она стояла и смотрела, как отдирали окровавленные повязки Фрэнка. Как сестре, а не доктору, Келли сделалось дурно при виде осколков костей, рваных краев мышц и мешанины растерзанных тканей. Обильно струящаяся кровь со сгустками омывала зияющую рану и сочилась на пол сквозь сетку гамака.

Келли вдруг стало трудно дышать. Окружавшие звуки казались и тише, и одновременно резче. Ее внимание было приковано к неподвижно лежащему телу. Разумом она пыталась убедить сама себя, будто с Френком все будет хорошо, но в душе знала правду. Брат обречен. Ее глаза наполнились слезами, они душили ее.

Видя Келли в такой горе, Коуве обнял ее за плечи.

– Господи, помоги... – рыдала она.

Шаман бан-али осмотрел ножной обрубок. Взгляд его был хмурым. Затем он зачерпнул полную ладонь тягучего сока цвета портвейна и шлепнул на рану.

Реакция последовала незамедлительно, и притом самая бурная. Культия Фрэнка резко вздернулась, словно от электрошока. Он исторг дикий, нечеловеческий вопль, хотя и был в обмороке.

Келли кинулась к брату, вырвавшись из рук профессора.

– Фрэнк!

Шаман покосился в ее сторону. Он пробубнил что-то по-своему и ретировался, позволяя ей выйти вперед.

Она дотянулась до брата, схватила его за руку. Однако приступ боли прекратился так же резко, как и начался. Фрэнк опять лежал неподвижно. Келли решила, что он умер. Она склонилась над ним в громком плаче и вдруг обнаружила, что его грудь то и дело прерывисто вздымается.

Жив!

Келли облегченно опустилась на колени. Прямо на нее смотрел обрубок ноги Фрэнка. Она взялась осматривать рану с бинтами в руке, полная самых мрачных предчувствий.

Но бинтовать было незачем.

Там, где сок соприкоснулся с разрозненной плотью, образовалась плотная корка. Келли пораженно протянула руку и потрогала странный

состав. Из вязкого тот стал плотным и кожистым, действуя, как большой естественный пластырь. Келли благоговейно посмотрела на шамана. Кровь остановилась – сосуды запечатались накрепко.

– Ягга принимает его, – произнес шаман. – Он исцелится.

Келли с оторопью наблюдала, как шаман пронес миску с соком ко второй культе Фрэнка, намереваясь повторить чудо.

– Даже не верится, – пролепетала она голосом не громче мышиного писка.

Коуве еще раз по-отечески обнял ее.

– Мне известно пятнадцать видов растений с кровоостанавливающими свойствами, но чтобы такой силы...

Фрэнка снова подбросило – знахарь обработал вторую ногу.

Пару секунд шаман созерцал сделанное, а потом повернулся к ним.

– Отныне Ягга хранить его, – торжественно произнес он.

– Спасибо, – ответила Келли.

Пигмей глянул на Фрэнка.

– Он теперь бан-али. Один из избранных.

Келли нахмурилась.

Шаман же продолжил:

– Теперь ему предстоит служить Ягге во всем и на все времена.

С этими словами он развернулся, успев добавить кое-что на своем языке – судя по тону, что-то зловещее.

Едва он ушел, Келли подняла глаза на профессора.

Коуве покачал головой.

– Я разобрал только одно слово – бан-йи.

– И что же оно означает?

Индеец перевел взгляд на Фрэнка.

– Раб.

Заботы о здоровье

16 августа, 11 часов 43 минуты

Больничное крыло института «Инстар»

Лэнгли, штат Виргиния

Никогда еще Лорин так не отчаивалась. Ее внучка неподвижно лежала среди сбитых в кучу подушек и простыней – маленькая крошка в сети трубок и проводов, подключенных к аппаратам и капельницам. Даже через скафандр было слышно жужжание и попискивание приборов в длинной палате. Малышка Джесси была не одинока в своем заключении – за прошедший день сюда попало еще пятеро детей.

А скольким это предстоит?

Лорин вспомнила модель доктора Алвизио с расползающимся на всю карту страны красным пятном. Она слышала, что случаи заболевания были отмечены в Канаде и даже в Германии, у двоих детей, вернувшихся с каникул во Флориде.

Теперь-то она поняла, что мрачный прогноз эпидемиолога, возможно, был даже осторожнее, чем следовало. Только сегодняшним утром до нее дошел слух, что в Бразилии обнаружены новые случаи заболевания, причем среди здорового взрослого населения. Температура при этом, как у детей, не поднималась, но в тканях множились и прогрессировали злокачественные образования вроде тех, что были обнаружены в теле Джеральда Кларка. Лорин уже отрядила исследователей для проверки этих фактов.

Сейчас же ее заботило другое. Она присела у внучкиной постели. Джесси смотрела какую-то детскую передачу по монитору, превращенному на время в телевизор. Ни смех, ни улыбка не оживляли ее губ. Девочка глядела, но не видела. Взор ее остекленел, волосы прилипли ко лбу от пота и жара.

Лорин было почти нечем ее утешить. Прикосновение пластикового скафандра казалось чужим и холодным. Все, что ей оставалось, – это сидеть рядом с девочкой, чтобы та, видя родное лицо, не чувствовала себя одинокой.

И еще – бабушка не могла заменить мать. Стоило кому-нибудь открыть дверь, Джесси всякий раз оборачивалась. В ее глазах вспыхивала надежда и тут же гасла. То доктор, то медсестра. Мамы не было...

Лорин уже поймала себя на том, что сама стала посматривать на дверь, моля, чтобы Маршалл поскорее принес весточку от Келли и Фрэнка. Там, в Амазонии, несколько часов назад с базы Вауваи вылетел вертолет-эвакуатор. Спасатели наверняка уже нашли затерявшуюся команду, и Келли сейчас на полпути к дому.

Странно, что до сих пор от нее ничего не слышно.

Ожидание становилось невыносимым.

Джесси принялась чесать руку у пластыря, закрепляющего катетер.

– Не надо так, детка.

Лорин мягко отвела руку девочки. Джесси вздохнула, снова погружаясь в подушки.

– Где мама? – спросила она в сотый раз за день. – Я хочу к маме.

– Она скоро придет. Ведь Южная Америка далеко-далеко отсюда. Может, пока поспишь?

Джесси насупилась.

– Во рту больно.

Лорин потянулась к столику и подала внучке кружку с соломинкой – в ней был сок с болеутоляющим.

– Выпей это, и пройдет.

Губы девочки уже обметало лихорадкой, в уголках появились язвочки – один из явных признаков болезни. Теперь не приходилось сомневаться, что Джесси заразилась новой чумой.

Девочка отпила из соломинки, и ее личико скривилось.

– Странный сок. Не такой, как у мамы.

– Знаю, солнышко. Зато так тебе станет получше.

– Странный сок... – снова пролепетала Джесси, переводя взгляд на экран.

Они замолчали. Где-то среди рядов коек заплакал ребенок. Нескончаемая мелодия, под которую приплясывал мультяшный медведь, брэнчала внутри скафандра назойливым фоном.

Сколько больных еще будет? Лорин терялась в догадках. Скольким суждено заболеть? Скольким суждено погибнуть?

У нее за спиной раздался звук, сопровождающий разгерметизацию входного клапана.

Обернувшись, Лорин увидела, как дверь палаты распахнулась и через порог, согнувшись, ступила мешковатая фигура в карантинном скафандре с кислородным шлангом в руках.

Пришелец повернулся, и Лорин увидела его лицо сквозь пластиковое окошко маски.

– Маршалл...

Она вскочила на ноги.

Муж усадил ее жестом, подошел к стене с кислородными кранами и подключил свой шланг к одному из них.

Потом он шагнул к внучкиной кровати.

– Деда! – вымученно улыбнулась Джесси.

Его девочка особенно любила, ведь он отчасти заменял ей отца. Ее радость воодушевила Лорин.

– Как поживает моя тыковка? – спросил Маршалл и нагнулся потрепать внучку по голове.

– Смотрю про медведя Бобо.

– Правда? Ну и как, нравится?

Джесси с готовностью закивала.

– Тогда и я посмотрю. Подвинься-ка.

Девочка радостно заерзала, освобождая деду место на краешке кровати. Он обнял ее. Джесси прижалась к нему, старательно глядя в экран.

Лорин поймала взгляд мужа.

Он слегка тряхнул головой.

Лорин нахмурилась. Что бы это значило? Решившись все разузнать, она включила микрофон в шлеме, чтобы можно было поговорить без внучки.

– Как дела у Джесси? – спросил шепотом Маршалл.

Лорин придвинулась ближе.

– Температура спала до тридцати семи, а биохимия все еще не выровнялась. Лейкоциты сокращаются, зато билирубин растет.

Маршалл мучительно зажмурился.

– Вторая стадия?

Лорин почувствовала, что голос дрогнул. Болезнь успела настолько распространиться, что ее развитие стало легко предсказать. Вторая стадия отмечалась тогда, когда легкая лихорадка сменялась анемичными состояниями, сопровождающимися кровотечением и тошнотой.

– Завтра начнется, – ответила Лорин. – Может быть, послезавтра, если повезет.

Оба знали, что будет потом. При хорошем уходе вторая стадия могла длиться от трех до четырех дней, постепенно переходя в третью – конвульсий и мозговых кровоизлияний. Четвертой стадии не было...

Лорин смотрела на девчушку, прильнувшую к дедову плечу. Меньше недели – вот сколько ей осталось.

– Что там с Келли? Ее подобрали? Она уже едет?

Ее приемник молчал. Лорин перевела взгляд на мужа.
Секунду он молча смотрел на нее, а затем проговорил:
– Их не нашли. Поисковый вертолет облетел весь район, где они, судя по переданному сигналу, должны были находиться, но впустую. Никаких следов.
У Лорин внутри все упало.
– Как же так?
– Не знаю. Вчера мы весь день пытались выйти на них через спутник – не повезло. Должно быть, им пока не удалось исправить неполадки в приборах.
– А поиски с воздуха еще ведутся?
Он тяжело покачал головой.
– Вертолету пришлось возвратиться. Горючее кончилось.
– Маршалл...
Ее голос сорвался.
Он наклонился и взял ее за руку.
– Как только их заправят, они вылетят снова, на этот раз в ночь. Попытаются выследить лагерные огни через прибор инфракрасного видения. А завтра к поискам подключат еще три вертолета, вместе с нашим «команчем». – Он сжал ее руку. – Мы их отыщем.
Лорин словно сковало. Все ее дети... все до единого...
С кровати раздался голосок Джесси. Ее ручка со свисающей трубкой капельницы тянулась к экрану.
– Какой смешной мишка!

* * *

13 часов 5 минут

Джунгли Амазонии

Нат спускался по пятидесятифутовой лестнице, ведущей из жилища в древесной кроне. Это трехъярусное строение располагалось на ветвях эйдотеи^[5] – гиганта мелового периода. Как только Келли с профессором унесли Фрэнка, появились две женщины бан-али. Они вывели группу к краю поляны, жестами объяснив, что одна из древесных построек предоставляется в их распоряжение.

Костос поначалу заартачился, пока Каррера мудро не заметила:

– Чем выше, тем легче будет обороняться. Здесь мы все равно что

сидячие мишени. Если те черные кошки снова появятся...

– Ладно, ладно, – оборвал ее Костос, окончательно убежденный. – Давайте переправим припасы наверх и соорудим защитный периметр.

Нат счел такую предосторожность излишней. С самого прибытия индейцы проявляли к ним лишь любопытство, глаза с опушек и через оконца, но ближе подходить остерегались. Вели они себя вполне дружелюбно. Нату долго не верилось в то, что этот тихий народец породил убийц-дикарей, которые натравили на них целый зверинец, уничтожив половину команды. Правда, многим туземным племенам была свойственна подобная двойственность в отношениях: враждебные и агрессивные внешне, они превращались в миролюбивых, открытых людей, едва признавали вас за своего.

Тем не менее многие товарищи Ната так или иначе погибли по вине этого племени. В его груди заклокотала ярость. «А как же Кларк, а может, и другие участники экспедиции, которых держали в плену все эти годы?» – спрашивал он себя. И если ему, как антропологу, еще были понятны мотивы этих странных туземцев, то сыновние чувства заставляли Натана глядеть на происходящее с бессильным гневом и негодованием.

Однако они помогли Фрэнку. Профессор Коуве вскоре вернулся с белого дерева и сообщил, что их товарищ, стараниями Келли и местного шамана, уже вне опасности. Давненько судьба не жаловала их такими хорошими новостями. Коуве не задержался – ему не терпелось снова попасть внутрь дерева. Профессор переглянулся с Патом. Несмотря на помощь, оказанную племенем, что-то явно его беспокоило. Нат попытался разузнать, что именно, но индеец, уходя, отмахнулся.

– Потом, – только и сказал он.

Дойдя до последней ступеньки зеленой лестницы, Натан спрыгнул на землю. У основания ствола поджидали двое рейнджеров и Манни. Тор-Тор стоял у ног хозяина.

Оставшиеся участники и без того поредевшей команды – Зейн, Олин и Анна – продолжали сидеть наверху, в безопасности, занятые починкой аппаратуры.

Манни махнул Нату, едва тот направился в их сторону.

– Я постерегу, – объяснял Костос Каррере, – а вы с Манни прочешите ближайшие окрестности. Попробуем выяснить диспозицию.

Каррера кивнула и направилась прочь. Манни примкнул к ней.

– Пошли, Тор-Тор.

В этот миг рейнджер заметил Ната.

– А вы что здесь делаете, Рэнд?

– Пытаюсь помочь. – Он махнул в сторону хижины, что стояла в сотне ярдов от их дерева. – Хочу покопаться в отцовском компьютере, пока солнце не село и батареи работают. Может, отыщется что-нибудь важное.

Костос покосился на утлое строение, но согласился. Было видно, как он что-то прикидывает, оценивает в уме. Сейчас любой бит данных этого компьютера способен был помочь сохранить им жизни.

– Осторожней там, – напутствовал сержант.

Нат вскинул повыше ружье.

– Обязательно.

И отправился через поляну.

Чуть поодаль, у края опушки, собралась стайка ребятишек. Кое-кто показывал на Ната пальцем, объясняясь жестами с остальными. Другая стайка семенила за Манни и Каррерой, опасливо сторонясь Тор-Тора. Любопытные, как все дети. В глубине рощи племя, забыв о робости, возвращалось к повседневным заботам. Несколько женщин отправились к ручью на поляне, у дерева – набрать воды. Обитатели крон засновали вверх-вниз по лестницам. Ближе к обеду на древесных верандах зажглись каменные печурки. У входа одной из хижин старая индианка принялась наигрывать на флейте из кости оленя. Мелодия бодрила, одновременно напоминая охотничий призыв. Поблизости пропили двое мужчин, вооруженных луками, и по-будничному поприветствовали Ната. Непринужденность в их обращении навела его на мысль, что племени, несмотря на всю свою обособленность, уже доводилось жить бок о бок с белыми людьми. Быть может, с теми, кто уцелел в предыдущей экспедиции.

Нат подошел к хижине и снова наткнулся на отцовскую трость у двери. Чем больше он разглядывал ее, тем незначительнее казался ему остальной мир с его тайнами. Лишь один вопрос продолжал беречь его душу: что на самом деле стало с отцом?

Оглянувшись напоследок на их временное древесное пристанище, Нат шмыгнул под плетеную дверь хижины. Ему в нос опять ударил затхлый запах гробницы. Компьютер по-прежнему лежал включенным, каким его и оставили. Его свет горел маяком в полутьме.

Приблизившись, Нат увидел снующие по экрану квадратики заставки-скринсэйвера. На глаза навернулись слезы. Это были фотографии его матери – еще одна тень прошлого. Он смотрел на ее улыбающееся лицо. На одном снимке она сидела на корточках рядом с индейским малышом. На другом стояла с обезьяной-капуцином на плече. На третьем обнимала белого мальчугана в костюме индейцев банива – своего сына. Нат тогда было шесть. Он улыбнулся воспоминаниям. Сердце захолонуло. И хотя

отца на фотографиях не было, Нат ощущал его присутствие, словно его призрак стоял за спиной, глядя туда же, куда глядит он. На мгновение Натан ощутил такую тесную близость с родителями, какой не знал уже много лет.

Только через некоторое время он потянулся за «мышью». Заставка исчезла, сменившись однотонным экраном, на котором рядами выстроились иконки файлов и программ. Нат проглядел названия папок: «Растительная классификация», «Обычаи разных племен», «Клеточные данные»... Целое море информации. Понадобился бы не день и не два, чтобы всю ее просмотреть.

Тут ему на глаза попался один файл, обозначенный книжечкой с подписью «Журнал».

Нат щелкнул на иконке, и файл открылся.

«Амазонский журнал. Доктор Карл Рэнд».

Перед ним был дневник его отца. Нат посмотрел первую дату – 24 сентября. Тот самый день, когда экспедиция отправилась в джунгли. Пролистав дневник дальше, он увидел, что записи велись каждый день. Регулярно, хотя бы по строчке. Отец любил уделять внимание деталям. Как-то он процитировал сыну слова Сократа: «Жизнь без исследования не есть жизнь для человека»^[6].

Нат прокрутил первые записи, выискивая одну особую дату. Скоро он нашел ее – 16 декабря. День исчезновения экспедиции.

* * *

«16 декабря. Весь день бушевала гроза, не выпуская нас из лагеря. И все-таки день прошел не совсем зря. Один аравак сплавлялся вниз по реке и зашел на огонек, где рассказал пару жутких историй о некоем таинственном племени.

Он называл его бан-али (в грубом переводе – «ягуары крови»). Мне доводилось слышать урывками об этом племени-призраке, однако не многие индейцы отваживались говорить о нем в открытую. Наш гость, напротив, весьма охотно отвечал на наши расспросы. Похоже, все дело было в новом мачете и связке рыболовных крючков, предложенных в качестве награды. Не сводя глаз с добра, индеец клялся, что знает, где находятся охотничьи владения бан-али.

Моим первым порывом было поднять его на смех, но я продолжал

слушать. Если имелся даже малейший шанс отыскать это племя, как мы могли его упустить? Какая была бы удача для экспедиции! За рассказом индеец набросал примерную карту, судя по которой земля бан-али лежит в трех с лишним днях пути от нашего лагеря. Итак, завтра, если погода позволит, мы направимся туда и узнаем, насколько правдив был наш новый знакомый. Скорее всего, дело пустое... Хотя кто знает, что может скрываться в глубинах этого могучего леса?

В общем, день прошел презанятно».

* * *

Затаив дыхание, Нат стал читать дальше. Он сгорбился перед монитором, роняя со лба пот. Следующие несколько часов он просматривал записи – день за днем, год за годом, открывая прочие файлы, разглядывая графики и цифровые снимки. Вот так, по фрагментам, ему удалось выяснить судьбу остальных участников. У него похолодело в груди от прочитанного. Ужасы прошлого нашли продолжение в настоящем. Мало-помалу Нат осознал: для них настоящие опасности только начинались.

* * *

17 часов 55 минут

Джунгли Амазонии

– Интересно, что это он делает? – окликнул Манни Карреру.

– Где?

Манни показал на одного из мужчин бан-али. Тот расхаживал вдоль русла ручья с длинным копьём на плече. На острие было насажено несколько сырых окороков.

– Готовит обед? – пожала плечами Каррера.

– Да, но кому?

Целый день они – Манни, Каррера и ягуар – медленно обходили деревню. Тор-Тор притягивал взгляды, вместе с тем держа любопытных на расстоянии. По пути Каррера делала заметки и пыталась набросать план деревни с прилегающими землями. «Для разведки, – сообщила она Манни, – на случай, если наши знакомцы решат взяться за старое».

Сейчас они огибали белокорого гиганта сзади, где ручей терся об

исполинские дуги корней. По-видимому, часть земли у дерева вымыло потоком, обнажив и без того оголенные корни. Те сплетались в настоящую гриву, то скрываясь в ручье, то уходя под землю, то выясь поверху.

Через эту-то поросль и пробирался индеец, привлекая внимание биолога. На ходу бан-али приседал, полз и протискивался между корней, явно пытаясь пробраться к определенному отрезку ручья.

– Пойдем, взглянем поближе, – сказал Манни.

Каррера сунула блокнот в карман и схватила свой плоскоствольный «бейли». Она с сомнением оглядела древесного исполина. Идея осмотра вблизи ее явно не вдохновляла. И все-таки Каррера пошла первой, напрямик к корневой поросли и бурлящей воде. Манни вскоре увидел, как индеец выбрался к огромному мерцающему омуту, окаймленному корнями с бревно и потоньше. Зеркальную гладь водоема морщил единственный слабый водоворот.

Заметив наблюдателей, индеец кивнул в знак приветствия, а затем вернулся к своему занятию. Манни и Каррера смотрели за ним с расстояния в несколько ярдов. Тор-Тор уселся рядом.

Пригнувшись, туземец вытянул руку с шестом и окунул края мясных кусков в воду.

Манни прищурился.

– Что он де...

Из воды к мясу кинулись несколько мелких существ. Они напоминали небольших серебристых угрей, рвущихся на поверхность. Создания вцеплялись крохотными челюстями в мясо и рвали его на куски.

– Пираньи-мутанты, – сказала Каррера в сторону.

Манни кивнул, заметив несомненное сходство.

– Пока еще только мальки. Задние ноги не развились, как у головастиков, – сплошь зубы и хвосты.

Индеец поднялся и стал стряхивать мясо с шеста. Каждый окровавленный шмат, падая в воду, порождал яростное бурление на поверхности пруда, из-за чего тихая гладь словно вскипала алой пеной.

Индеец еще раз оглядел своих подопечных и зашагал напрямик к потрясенной парочке белых. Поравнявшись с ними, он снова кивнул, озираясь на ягуара у ног Манни с благоговейным страхом.

– Я хочу рассмотреть их поближе, – сказал Манни.

– Вы в своем уме? – замахала на него Каррера. – Идемте отсюда.

– Нет, я хочу кое-что выяснить.

Биолог уже шел к гигантскому переплетению корней.

Каррера поворчала, но отправилась следом.

Тропинка была узкой, поэтому брели гуськом. Тор-Тор плелся последним, осторожно ступая между корнями. Кончик его хвоста нервно подергивался.

Наконец Манни добрался до опутанного корнями пруда.

– Близко не подходите, – одернула его Каррера.

– Индейца они не тронули, – возразил Манни. – Значит, и нам можно.

Однако шаги он замедлил и остановился в ярде от края, держась за рукоятку кнута. Водоем среди корней оказался кристально чистым и к тому же глубоким – не мельче десяти футов. Манни взгляделся в прозрачный как стекло омут.

Там, в толще воды, роились целые косяки тварей. Мяса не было видно, но на дне водоема белели начисто обглоданные кости.

– Садок, чтоб ему, – буркнул Манни, – нерестовый пруд.

С нависающих над прудом веток то и дело капала смола. Существа скопом устремлялись за каплями, надеясь на внеочередную кормежку. У поверхности Манни смог хорошенько их рассмотреть. Личинки попадались разных возрастов и размеров – от мелких, с рыбешку-живца, до чудищ покрупнее, с зачатками задних конечностей. Развитых ног не было ни у кого.

– Здесь только ювенильные формы, – заключил Манни. – Я не вижу ни одной взрослой вроде тех, что напали на нас.

– Наверное, мы всех прикончили, – сказала Каррера.

– Неудивительно, что не было повторного нападения. Придется им подождать, прежде чем вырастет новая армия.

– Насчет пираний – может, и так... – Каррера отступила на два ярда назад и закончила уже шепотом: – Но не всего остального.

Манни обернулся. Десантница указала на основание ствола, откуда отходили многочисленные корни. Чуть выше древесная кора пузырилась толстостенными галлами шириной в ярд. Таких галлов было несколько сотен. Сквозь отверстия в коре выползали черные насекомые. Они копошились, дрались, спаривались прямо поверх коры. Кое-кто с приглушенным жужжанием расправлял крылья.

– Саранча, – выронил Манни, тоже пятясь назад.

Насекомые, однако, не проявляли интереса к пришельцам, отдавая предпочтение собратьям. Манни перевел взгляд на воду, а затем – снова на насекомых.

– Дерево... – ахнул он.

– Что?

Манни видел, как капля смолы привлекла к поверхности стайку

пираний, отливающих под водой серебром. Он покачал головой.

– Я не уверен, но кажется, будто бы дерево кормит всех этих существ.

Его мысли понеслись вскачь. Рассеянный взгляд вдруг стал смятенным: Манни удалось связать воедино кое-какие тревожные факты. Должно быть, Каррера заметила его бледность.

– Что не так?

– Боже мой... Надо убираться отсюда!

18 часов 30 минут

Джунгли Амазонии

Нат все сидел в темноте за компьютером, угрюмый и обессиленный. Он перечел огромное количество отцовских заметок, даже ссылки на другие научные файлы. То, к чему он пришел, одновременно пугало и завораживало. Прокрутив текст до последней записи, Нат прочитал окончание. «Этой ночью рискнем попробовать. И да поможет нам Бог...»

Шелест плетеной загородки за спиной возвестил о чьем-то приходе.

– Нат?

Это был профессор Коуве.

Только взглянув на часы, Натан понял, сколько времени пробыл вдали от мира, погрузившись в откровения дневника. У него во рту пересохло. Солнце за дверью клонилось к закату, день – к сумеркам.

– Как там Фрэнк? – спросил Нат, чтобы как-то отвлечься.

– Что с тобой? – спросил Коуве, заметив выражение его лица.

Нат тряхнул головой. Он был пока не готов обсуждать то, что выяснил.

– А где Келли?

– Снаружи, говорит с Костосом. Мы пришли узнать, все ли в порядке.

Потом пойдем обратно, наверх. Как дела у вас?

– Индейцы держатся особняком, – произнес Нат, вставая. Он поплелся к двери, глядя на заходящее солнце. – Мы закончили обустроить штаб на дереве. Манни и Каррера разведывают окрестности.

Коуве кивнул.

– Я только что видел, как они шли сюда. А что насчет связи со Штатами?

Нат пожал плечами.

– Олин говорит, будто вся система подпорчена. Но думает, что сможет

по крайней мере восстановить отправку данных с навигационного спутника и послать правильные координаты. Возможно, уже этим вечером.

– Хорошая новость, – сухо произнес Коуве.

Нат почувствовал перемену в его тоне.

– Что не так?

Коуве нахмурился.

– Сам не знаю.

– Может, я помогу. – Нат отключил компьютер от солнечных батарей, чтобы те не разрядились за ночь, проверил аккумулятор, после чего захлопнул экран и сунул ноутбук под мышку. – Думаю, пришло время поделиться соображениями.

Коуве кивнул.

– Для того мы с Келли и спустились. У нас тоже есть кое-какие новости.

Нат опять заметил озабоченность во взгляде профессора. Рэнд встал на ноги в полной уверенности в том, что его лицо выражало не меньшую же тревогу.

– Давайте всех соберем.

Они пролезли под дверную заслонку и очутились в лучах предзакатного солнца. За стенами душноватой хижины легкий ветерок казался пронизывающе-холодным. Нат направился к Келли и сержанту Костосу, занятым беседой. Туда же подошли Манни с Каррерой. В нескольких шагах от них стоял один из туземцев. Нат не сразу узнал его, хотя это был их давешний проводник. После того как он смыл камуфляжную краску, на его бурой коже проявилась алая татуировка.

Подойдя, Нат поприветствовал Келли.

– Я слышал, Фрэнк пошел на поправку.

– Пока – да. – Ее лицо было бледным и потерянным. Она заметила у Ната под мышкой компьютер. – Удалось узнать что-нибудь об отце?

Нат вздохнул:

– Думаю, это должны слышать все.

– Пора разрабатывать план, – произнес Костос. – Ночь надвигается.

Коуве показал на трехъярусное жилище в кроне дерева над головой.

– Давайте поднимемся внутрь.

Возражать никто не стал. Один за другим участники хватались за длинную лестницу и карабкались вверх. Тор-Тор оставался внизу, сторожить. Нат, забираясь, посмотрел вниз. Ягуару нашлась компания: у подножия лестницы стоял индеец-бан-али, по-видимому выделенный для присмотра за их группой. С последней ступеньки Нат перебрался на

расположенный выше настил. Все уже собрались там, в общей гостиной. Два верхних уровня дробились на множество индивидуальных комнаток-ячеек с крошечной площадкой или верандой при каждой.

Дом, который им выделили, несомненно, принадлежал одной из семей. Свидетельств было хоть отбавляй: керамика и деревянная утварь, декор из цветов и перьев, пустые гамаки, фигурки животных из дерева. Даже в запахе, в сравнении с пыльной затхлостью хижины, чувствовалось незримое присутствие жизни. Пахло старыми пряностями, маслами с легкой примесью телесных оттенков.

К нему подошла Анна Фонг с блюдом нарезанных фиг.

– Одна индианка оставила кое-что из припасов. Фрукты, вареный ямс, кусочки вяленого мяса...

Нат вспомнил о жажде и взял сочный ломтик. Вгрызаясь в него, он чувствовал, как сок капает с подбородка. Затем, вытерев губы, спросил:

– Как у Олина дела с настройкой сигнала?

– Он все еще работает над этим, – сказала она боязливо, вполголоса. – Судя по ругани, выходит неважно.

Костос прогремел с порога:

– Всем собраться внутри!

Отодвинувшись, он впустил компанию в нижнюю гостиную. Там Нат заметил еще несколько блюд с угощением, даже пару бадей темной жидкости с запахом браги.

Профессор Коуве попробовал содержимое и в изумлении повернулся к Натану.

– Кассири!

– Что? – спросил из дверей Костос, опуская висячую дверцу.

– Маниоковое пиво, – пояснил Нат. – Этот алкогольный напиток в ходу у многих племен.

– Пиво? – оживился сержант. – Вы это серьезно?

Коуве зачерпнул темно-янтарной влаги и налил в кружку. Нат заметил в чане кусочки скользких корней маниоки. Профессор протянул кружку сержанту. Тот понюхал, скривился от отвращения, но все же глотнул.

– Брр!

Его передернуло.

– Такой вкус появляется не сразу, – сказал Нат, нацедив себе кружку и прикладываясь к ней. Манни последовал его примеру. – Женщины разжевывают корень маниоки и сплевывают в бадью. Их слюнные ферменты способствуют брожению.

Костос подошел к чану и слил содержимое кружки обратно.

– Перебьюсь до «Будвайзера».

Нат пожал плечами.

Остальные поначалу толклись у тарелок, пробуя еду, потом начали рассаживаться по плетеным коврикам на полу. У всех был измотанный вид. Необходимо было поскорее выспаться.

Нат пристроил компьютер на перевернутой каменной чаше.

Когда он открыл и запустил его, Олин хищно воззрился на монитор покрасневшими глазами.

– А не выдрать ли мне пару схем для связной матрицы?

Он придвинулся ближе.

Нат его разочаровал.

– Этому компьютеру уже пять лет, так что пользы от него, скорее всего, будет немного. Зато данные могут оказаться ценней наших жизней.

После таких слов Нат мгновенно оказался в центре внимания. Он заглянул каждому в глаза.

– Я знаю, что произошло с предыдущей командой. И если мы не хотим кончить тем же, то должны принять к сведению их ошибки и промахи.

– Так что случилось? – проронил Коуве.

Нат поглубже вздохнул и начал рассказывать, кивая в сторону монитора с открытым дневником.

– Вся история здесь. Команда моего отца прослышала о бан-али, а потом встретила индейца, который вызвался проводить экспедицию на их земли. Отца соблазнила возможность открыть новое племя, и он, разумеется, повел всех туда. В течение двух дней их атаковали знакомые нам твари-химеры.

Среди слушателей пробежал шепот. Манни поднял руку, как на уроке.

– Я выяснил, где они разводят своих выродков. По крайней мере, жуков и пираний. – И он описал их с Каррерой открытие. – И насчет хищников у меня есть свои соображения...

Коуве оборвал его.

– Прежде чем переходить к соображениям, надо выслушать то, что уже известно. – Профессор кивнул Нату. – Давай дальше. Что было после нападения?

Нат снова набрал в грудь воздуха. Рассказ был не из тех, каким хочется поделиться.

– Из участников экспедиции уцелели лишь Кларк, мой отец и еще двое ученых. Разведчики бан-али взяли их в плен. Отец сумел объясниться и убедил пощадить их. Если верить записям, язык бан-али достаточно близок к языку яномамо.

– Сходство есть, – подтвердил Коуве. – А поскольку племя жило в изоляции, то встреча с белым человеком, владеющим их языком, не могла не вызвать замешательства. Неудивительно, что они оставили твоего отца в живых.

«Толку-то», – угрюмо заметил Нат про себя, вслух же продолжил:

– Все члены команды были тяжело ранены, но, попав сюда, чудесным образом исцелились. Раны заживали без рубцов, сломанные кости срастались меньше чем за неделю; прошли даже хронические недомогания вроде шумов в сердце у одного из ученых. Но самое поразительное произошло с Джеральдом Кларком.

– Рука, – догадалась Келли.

– Именно. Спустя несколько недель его культя начала трескаться, кровоточить, и в конце концов сформировался опухолообразный нарост. Среди уцелевших ученых был один врач. Он и мой отец вели наблюдение за процессом. Нарост представлял собой массу недифференцированных стволовых клеток. Все были уверены, что это какое-то злокачественное образование. Подумывали даже о том, чтобы удалить его хирургически, но не смогли из-за отсутствия инструментов. Только по прошествии недель стали заметны постепенные изменения. Опухоль начала удлиняться и обрастать кожей.

Келли округлила глаза.

– Рука регенерировала?!

Нат кивнул, а потом пролистал дневник до записи почти трехлетней давности. Он зачитал вслух отцовские слова:

– «Сегодня нам с доктором Чандлером стало понятно, что изводившая Кларка опухоль есть не что иное, как результат регенерации, доселе неизвестной науке. Разговоры о побеге решили прекратить до тех пор, пока мы не дождемся развязки. Такое чудо оправдывает риск. Бан-али по-прежнему держат нас в плену, позволяя разгуливать по долине, но не выпуская. В любом случае, побег сейчас практически невозможен из-за гигантских кошек в нижнем ущелье».

Нат поднялся и открыл другой файл. На экране возникли грубые зарисовки руки с верхней частью торса.

– Мой отец начал регистрировать изменения: как недифференцированная масса стволовых клеток формировала кости, мышцы, нервы, сосуды, кожу и волосы. Понадобилось восемь месяцев, чтобы рука отросла полностью.

– Но что же явилось причиной? – спросила Келли.

– Если верить записям – сок дерева Ягги.

– Та самая Ягга...

Коуве глядел потрясенно.

– Неудивительно, что бан-али его боготворят.

– Что такое «ягга»? – спросил из угла Зейн, впервые проявляя интерес к беседе.

Коуве вкратце рассказал об увиденном в лечебнице на вершине доисторического гиганта.

– Раны Фрэнка закрылись почти моментально.

– Это еще не все, – добавила Келли. Она придвинулась ближе, чтобы получше рассмотреть набросок на экране. – Все послеобеденные часы я измеряла уровень эритроцитов в его крови с помощью гематокритной трубки. Они множатся с потрясающей скоростью. Такое впечатление, будто что-то заставляет его костный мозг вырабатывать новые красные клетки взамен утраченных. Никогда не встречала подобной реакции.

Нат щелчком открыл другой файл:

– Все дело в компонентах сока. Отец с товарищами сумели перегнать его и пропустить через бумажный хроматограф. Оказалось, сок Ягги настолько же богат белками, насколько копаловая смола – углеводородами.

– Белками?

Келли воззрилась на экран с данными.

Манни подскочил к ней и заглянул через плечо.

– Тот переносчик болезни, кажется, тоже был белком?

– Прионом, – уточнила Келли. – Причем с сильной мутагенной активностью.

Она обернулась к Манни.

– Вы начали говорить о пираньях и саранче. У вас еще были соображения.

Манни кивнул.

– Они тоже связаны с деревом. Саранча живет в наростах коры вроде галлов орехотворок. А пираньи – их нерестовый пруд устроен между корней. Вдобавок туда капает сок. Думаю, именно он вызывает у них мутации на ранних стадиях развития.

– Отец рассудил примерно так же, судя по записям, – тихо проговорил Нат. На самом деле этой теме было посвящено такое обилие материала, что Натан просто не успел весь его прочитать.

– А что насчет ягуаров с кайманами? – спросила Анна.

– Похоже, они мутировали значительно раньше. Хищников-переростков из них сделали много поколений назад. Судя по всему, ягуары получили способность производить генетически стабильное потомство,

поэтому больше не нуждаются в соке.

– Почему же они не расселились дальше? – поинтересовалась Анна.

– Видимо, инстинкты или генетическая память удерживает их именно здесь.

– Выходит, по-вашему, дерево создавало этих тварей целенаправленно и сознательно? – хмыкнул Зейн.

Манни пожал плечами.

– Кто его знает? Может, вся сознательность и целенаправленность сводится к обычному давлению отбора.

Зейн покачал головой.

– Не может быть.

– Почему же? Нам и раньше встречались подобные феномены. – Манни повернулся к Натю. – Вроде муравьиного дерева.

Натан нахмурился, вспомнив сержанта Костоса, сражающегося с муравьями. Вспомнил он и о полостях в стволе и ветвях дерева, дающих колонии приют и питающих ее сахаристыми выделениями, и о муравьях, которые яростно защищали свой дом от посягательств растений и животных. Он начал понимать, к чему клонит Манни. Сходство было разительным.

Манни тем временем продолжал:

– Итак, мы имеем дело с симбиозом растения и животного, оба из которых эволюционировали по пути сложных взаимоотношений друг с другом, служа друг другу.

Тут заговорила Каррера, стоявшая на посту у окна. За ее спиной неспешно садилось солнце.

– Какое нам дело до того, откуда взялись эти твари? Спросите лучше, как от них отделаться, если придется прорываться отсюда!

Нат ответил:

– Тварями можно управлять.

– Как?

Он махнул на ноутбук.

– У отца ушли целые годы на то, чтобы выведать тайны бан-али. Видимо, они разработали составы, с помощью которых могут и приманивать, и отгонять своих выкорышек. Мы видели, как они влияют на саранчу; то же самое возможно с пираниями. Добавляя вещество в воду, бан-али пробуждают спящую агрессию и подгоняют пираний к конкретному месту. По предположению отца, вещество это содержит гормон, обостряющий у пираний территориальное чувство, из-за чего те слепо атакуют все подряд.

Манни кивнул.

– Значит, нам повезло, раз мы успели так быстро нейтрализовать почти все взрослое поголовье. Представляю, сколько приходится ждать, прежде чем выведутся новые монстры. Вот он – первейший недостаток системы биологической защиты.

– Видимо, затем они и держат других хищников, – пронизательно заметила Каррера. – Как запасные войска.

Манни помрачнел.

– Точно. Как я сам не додумался?

Каррера повернулась к Нату.

– Осталось разобраться с кошками и крокодилами.

Нат кивнул.

– Эти привратники, как мы и думали, были посланы охранять подступы к территории. Они стерегут все возможные входы в долину. Однако даже ягуара можно усмирить, натеревшись черным порошком, что позволяет бан-али безбоязненно проходить мимо. Думаю, этот состав может действовать по принципу помета каймана, запах которого отпугивает крупных кошек.

Манни присвистнул.

– Стало быть, раскраска нашего проводника была не столько для глаз, сколько для носа?

– Где бы нам раздобыть этого зелья? – спросил Костос. – Откуда оно берется?

Ответил Коуве.

– Из дерева Ягги.

Он все больше нервничал по ходу рассказа.

Нат удивился его находчивости.

– Да, их получают из коры и масел листа Ягги. Но как вы узнали?

– Здесь все завязано на этом допотопном дереве. Думаю, Манни был прав насчет того, что вид ведет себя подобно муравьиному дереву. Он ошибся в другом – кого считать муравьями.

– Что значит – «кого»?

– Все эти химеры нужны дереву лишь в качестве подспорья своим настоящим сожителям. – Коуве огляделся. – Бан-али.

Все ошарашенно смолкли.

Профессор же продолжал:

– В этом симбиозе туземцы замещают муравьев-солдат. Бан-али зовут свое дерево Яггой, что значит «мать». Та, что дает жизнь, оберегает. Когда-то, в необозримом прошлом, может, еще во времена первобытных

переселенцев в Южную Америку, это племя обнаружило дерево с выдающимися целебными свойствами и было покорено им, превратилось в бан-йи, рабов. Так они и служат друг другу – по методу кнута и пряника.

Нату сделалось тошно от такого сравнения. Человек в роли муравья...

Роца эта доисторическая, – подытожил профессор. – Должно быть, ее происхождение восходит к эпохе Пангеи, когда Южная Америка и Африка были одним целым. Такие леса могли окружать первых людей, едва освоивших прямохождение. Во все времена существовали сотни легенд и мифов о подобных деревьях с разных уголков мира. Легенд о матери-хранительнице. Возможно, случай с бан-али был далеко не первым.

Рассказ Коуве всех поразил. В душе Нат признал, что даже его отец не смог бы так далеко проследить историю Ягги, и чувствовал себя уязвленным.

Сержант Костос вскинул винтовку на плечо.

– Хватит с нас лекций. Я-то думал, мы собирались разрабатывать план. Как нам сбежать, если удастся вызвать кого-нибудь по радио?

– Сержант прав, – согласился профессор. – Ты так и не рассказал, Нат, что случилось с твоим отцом и прочими? Как удалось сбежать Кларку?

Нат тяжело вздохнул и вернулся к компьютеру. Он пролистал дневник до последней записи и зачитал ее вслух.

– «Восемнадцатое апреля. Мы собрали достаточно порошка, так что этой ночью попробуем вырваться. После всего увиденного мы просто обязаны как-то добраться до цивилизации. Откладывать некуда. Мы вымажемся дочерна и сбежим при заходящей луне. Илия знает тропы, которые смогут быстро провести нас мимо разведчиков и за пределы их земель, однако остальная часть пути обещает быть нелегкой и небезопасной. Впрочем, выбора нет... особенно теперь. Сегодня ночью рискнем попробовать. И да поможет нам Бог...»

Нат встал и обернулся к остальным.

– Они все попытались сбежать, не один Джеральд Кларк.

Лица товарищей выражали одну мысль. Только Джеральду Кларку удалось выбраться к цивилизации.

– Значит, ушли все, – пробормотала Келли.

Нат кивнул.

– Включая одну индианку – опытную разведчицу, которую звали Илия. Она полюбила Джеральда Кларка и стала его женой. Они бежали вместе.

– И что же случилось?

Нат покачал головой.

– Эта запись была последней. Здесь дневник обрывается.

Келли погрузилась.

– Выходит, бежать им не удалось... Ушел только Джеральд Кларк.

– Я мог бы порасспросить Дакии, – сказал Коуве.

– Дакии?

Профессор указал вниз.

– Индейца, который привел нас сюда. С моими познаниями в языке бан-али и с его крохами английского, может, я и смогу выяснить, что произошло с остальными, как они умерли.

Нат согласился, хотя вовсе не был уверен в том, что хочет подробностей.

Тут Манни спросил:

– Почему им понадобилось бежать именно той ночью? Что срочного имел в виду твой отец?

Нат набрал воздуха в грудь.

– То, ради чего я попросил вас собраться. У моего отца возникли некоторые мрачные догадки насчет бан-али. О них он и собирался оповестить внешний мир.

– Какие же? – спросил Коуве.

Нат даже не знал, с чего начать.

– Отец не сразу начал сопоставлять факты – на это понадобились годы жизни среди бан-али. В частности, он заметил, что это обособленное племя обнаружило признаки значительного культурного сдвига по сравнению с племенами-соседями в низовьях Амазонии. Бан-али додумались до подъемного блока и колеса. Некоторые из жилищ даже оснащены примитивными лифтами, использующими булыжник как противовес. Остальные изобретения тоже кажутся странными с учетом изолированного характера племени. Отец потратил много времени на то, чтобы разобраться в том, как они думали, как учили своих детей. Это очень увлекло его.

– Тогда что же случилось? – удивилась Келли.

– Джеральд Кларк полюбил Илию. На втором году заточения здесь они поженились. На третьем – зачали ребенка. На четвертом году Илия родила, – Нат сурово оглядел собравшихся, – но ребенок появился на свет мертвым, с многочисленными отклонениями. Генетический монстр, так написал отец.

Келли поежилась.

Нат показал на экран.

– Здесь, в файлах, много подробностей на эту тему. Мой отец с экспедиционным медиком мало-помалу пришли к пугающему заключению. Дерево подвергло мутации не только низшие виды. Точно так же оно

веками изменяло самих бан-али, незаметно улучшая их умственные способности, рефлексы, даже остроту зрения. Отец заподозрил, что бан-али в генетическом плане ушли далеко от обычных людей. Одним из критериев, по которым проводят разделение различных биологических видов, является неспособность давать полноценное потомство при скрещивании.

– Мертворожденный ребенок... – обомлел Манни.

Нат кивнул.

– Так отец пришел к убеждению, что бан-али близки к тому, чтобы отмежеваться от Homo sapiens и образовать свой собственный вид.

– Боже правый! – ахнула Келли.

– Вот почему им нужно было бежать как можно раньше. Вырождение человека в этой долине нужно было прекратить.

Целую минуту никто не проронил ни слова.

Затем Анна проговорила севшим от ужаса голосом:

– Что же нам делать?

– Налаживать чертову навигацию, – бросил Костос. – А потом убираться отсюда.

– Апока, – вставила Каррера, – нужно собрать как можно больше этого средства от кошек. Так, на всякий случай.

Келли прокашлялась и встала.

– Мы забываем об одном жизненно важном деле. Обе Америки охвачены новой чумой. Чем мы будем лечить ее? Что Джеральд Кларк вынес с собой из долины? – Она повернулась к Нату. – В заметках вашего отца упомянута какая-нибудь заразная болезнь?

– Нет, здесь все остаются поразительно здоровыми благодаря целительным свойствам Ягги. Единственное подозрение вызывает табу, запрещающее избранным, то есть бан-али, покидать племя. Проклятие призраков падет на беглеца и всех, кого он повстречает. Отец считал его мифом для запугивания отступников и потому не принимал в расчет.

Манни забормотал:

– Проклятие падет на беглеца и всех, кого он повстречает... По-моему, похоже на наш случай.

Келли опять обратилась к Нату:

– Если так, то откуда взялась эта болезнь? Отчего тело Кларка так скоро оказалось нашпиговано опухолями? Что сделало его заразным?

– Сдается мне, тут снова не обошлось без лечебного сока, – произнес Зейн. – Может, он сдерживает наступление болезни? Когда будем уходить, надо сделать приличный запасец. Вопрос жизни – что верно, то верно.

Келли пропустила его слова мимо ушей, задумчиво глядя в пространство.

– Мы чего-то не замечаем... чего-то важного, – проговорила она вполголоса.

Нат засомневался, чтобы кто-то еще ее слышал.

– Попробую убедить Дакии – вдруг он сможет помочь, – сказал Коуве. – Вдруг он что-нибудь знает о судьбе наших предшественников и об этой загадочной болезни.

– Отлично. Тогда вот вам рабочий план на сегодня, – возгласил Костос, стоя у двери.

Он начал указывать на всех по очереди, распределяя задания:

– Олин работает с навигацией. Когда рассветет, Коуве и Анна, наши индиановеды, действуют как сборщики информации. Разведайте обо всем и как можно больше. Мы с Манни и Каррерой поищем, где хранят запас черного порошка. Зейн, Рэнд и Келли будут приглядывать за Фрэнком, чтобы он был готов, случись нам срочно эвакуироваться. Раз вы трое будете на дереве, то вам и поручается взять пробу сока.

Все были согласны. По крайней мере, теперь у них будет над чем поразмыслить, кроме биологических ужасов древнего урочища.

Коуве вскочил на ноги.

– Я мог бы начать прямо сейчас. Пойду переговорю с Дакии, пока он один – там, внизу.

– Я с вами, – вызвался Нат.

Келли встала рядом с ними.

– А я еще раз проведаю Фрэнка, прежде чем совсем стемнеет.

Они втроем вышли из гостиной и прошли по лестничной веранде. От солнца остался лишь тонкий сверкающий серп в западной стороне. Сумерки затянули поляну, словно гигантская черная туча.

Трое путешественников молча спустились во мрак. Каждый спрятался в кокон собственных мыслей и молчал. Нат первым ступил на землю и помог слезть Келли и Коуве.

Откуда-то вынырнул Тор-Тор и потерял об Натову ногу, добиваясь внимания. Нат рассеянно почесал ягуара за ухом.

В нескольких ярдах от них стоял индеец по имени Дакии, и Коуве направился к нему.

Келли, прищурившись, смотрела на Яггу, чьи верхние ветви все еще нежились в последних лучах солнца. Нат заметил, как глаза ее тревожно сверкнули.

– Если подождете секунду, я вас провожу, – сказал он. Келли тряхнула

головой.

– За меня не волнуйтесь. Я взяла рейнджерскую рацию, а вот вам лучше передохнуть.

– Но...

Она оглядела его, уставшая и печальная.

– Я ненадолго. Хочу побыть пару минут с братом, только и всего.

Нат кивнул. Он не сомневался в том, что бан-али не причинят Келли вреда, просто не мог видеть ее в таком горе. Сначала дочь, теперь еще брат... В ее лице, в каждой черточке было столько муки...

Она взяла его за руку, крепко сжала ее.

– Все равно спасибо за заботу, – прошептала Келли и направилась через поляну.

За спиной Ната профессор уже всюду попыхивал трубкой и разговаривал с Дакии. Натан похлопал Тор-Тора по боку и решил присоединиться к беседе.

Коуве обернулся.

– У тебя есть фотография отца?

– Да, в бумажнике.

– Можешь показать ее Дакии? После четырех лет, проведенных с твоим отцом, они должны быть знакомы с фиксированными изображениями.

Нат пожал плечами и вытащил из бумажника фото отца, стоящего посреди деревни яномамо в окружении местной детворы.

Коуве показал снимок Дакии.

Индеец приблизил его к глазам и отвел обратно с оторопевшим видом.

– Керл, – произнес он, тыча в фотографию пальцем.

– Карл, это верно, – сказал Коуве. – Что с ним случилось?

Профессор повторил вопрос на языке яномамо.

Видимо, Дакии не понял. Для разъяснений понадобилось обменяться еще несколькими репликами. Наконец индеец с энтузиазмом затряс головой, и путаные переговоры продолжились. Коуве и Дакии так быстро перебрасывались объяснениями на смеси диалектов, что Нат не успевал следить за разговором.

Во время короткой паузы Коуве повернулся к Нату.

– Остальные убиты. Джеральду удалось ускользнуть от погони. Должно быть, пригодился опыт спецназовца.

– А отец?

Дакии, видимо, понял вопрос. Он снова наклонился к фотографии, потом поднял глаза на Ната.

– Сын? – спросил он. – Твоя он сын?

Нат кивнул.

Дакии похлопал его по руке, широко улыбаясь.

– Хорошо. Сын вишва.

Нат перевел хмурый взгляд на Коуве.

– Вишва на их языке означает «шаман». Кажется, твоего отца с его чудесами современности здесь приняли за шамана.

– Что с ним случилось?

Коуве снова затараторил на смеси английского с языком яномамо. Нат даже начал потихоньку расплетать этот лингвистический узел.

– Керл? – Дакии закивал, гордо ухмыляясь. – Моя брат тешари-рин водить Керл назад в тень Ягги. Так хорошо.

– Водить назад? – переспросил Нат.

Коуве слово за слово вытягивал из туземца историю случившегося. Дакии торопливо бормотал, но Нат не понимал ни слова из сказанного. Наконец Коуве опять обернулся к Нату. Лицо профессора было мрачным.

– Что он сказал?

– Из того, что я разобрал, твоего отца в самом деле вернули в деревню. Живым или мертвым – я так и не понял. Однако, учитывая его преступление и высокий статус шамана, ему была воздана редкая в понятии племени почеть.

– Какая?

– Его отнесли к Ягге, чтобы питать ее корни.

– Питать корни?!

– Думаю, он имел в виду, в качестве удобрения...

Нат отшатнулся. Он не тешил себя надеждой на то, что отецвыжил, и все-таки жуткая правда не укладывалась у него в голове. Его отец, который, рискуя жизнью, попытался остановить мутагенное воздействие допотопного дерева на бан-али, за это был брошен гигантскому растительному монстру вместо навоза.

Дакии за спиной у Коуве все тряс головой, идиотски ухмыляясь.

– Хорошо. Керл рядом с Ягга. Наси нар!

Нат из-за оцепенения не смог спросить, что означали последние слова, но Коуве сам перевел их:

– «Наси нар» значит «навечно».

* * *

20 часов 8 минут

Джунгли Амазонии

Фавре лежал в засаде посреди темного леса, с инфракрасными линзами на голове. Солнце только что село, и долину быстро поглощала ночь. Фавре и его люди провели уже много часов в ожидании. Осталось недолго.

И все же ему следует быть терпеливее. Тише едешь – дальше будешь, как Луи когда-то учили. Прежде чем кинуться в атаку, ему был нужен последний сигнал. Вот он и отлеживал бока, укрытый папоротниковыми листьями с лицом в черных полосах маскировки.

День прошел в суете и трудах. Утром, через час после рассвета, «крот» все-таки вышел на связь. Какая удача – его шпион выжил! «Крот» сообщил, что деревня бан-али в самом деле находилась в замкнутой долине, попасть в которую можно было лишь через расщелину в скальном массиве напротив. Ну не чудо ли? Вся добыча сама забралась в мешок. Единственным, что мешало пойти и взять ее, была чертова стая ягуаров.

Но его несравненная Тшуи ухитрилась справиться и с этой проблемой. Скрытая предрассветной дымкой, она отобрала кучку наемников, включая немца Брайля, отправилась с ними в самую долину и разложила там куски свежайшего мяса, еще сочащегося кровью. Каждый кусок она начинила страшнейшим из ядов, не имеющим вкуса и запаха, убивающим с одной только пробы. Ягуары, чья жажда крови усугубилась погоней за рейнджерами, не смогли устоять перед приманкой.

Гигантские твари одна за другой забывались блаженным сном, от которого нет пробуждения. Некоторые, впрочем, заподозрили неладное и оставили мясо нетронутым. Этих упрямцев прикончили Тшуи и остальные с помощью духовых ружей, заряженных отравленными дротиками.

Охота прошла почти беззвучно. Расчистив себе путь, Луи вывел людей на позицию возле устья боковой расселины.

Теперь ему требовалась всего одна вещь, ради которой приходилось собраться и переждать.

Тише едешь – дальше будешь.

Наконец в расселине наметилось какое-то движение. В свете инфракрасных очков яркими факелами возникли две фигуры. Они крались вниз по вырубленным в камне ступеням. Утром Луи расставил у входа в расселину часовых, готовясь затыкать рты всем индейцам, которые сюда сунутся. Но ни один из бан-али пока не появился. По-видимому, племя было либо озабочено присутствием в деревне чужаков, либо слишком полагалось на ягуаров, думая, что те защитят их или предупредят о новом

вторжении.

Только не сегодня, друзья мои. В гости к вам пришло кое-что пострашнее вашей маленькой своры. Силуэты все еще мелькали в ущелье. Луи на мгновение опустил «ночной бинокль». Даже зная, где находились фигуры, он не смог различить их невооруженным глазом, так совершенен был черный камуфляж. Он укрепил прибор на глазах и усмехнулся – впереди вновь замаячила пара незнакомцев.

Ох уж эти чудеса техники...

За считанные секунды силуэты достигли дна ущелья. Там они отчего-то замешкались. Может, почували неладное? Может, тревожатся из-за ягуаров? Луи затаил дыхание. Затем часовые-индейцы постепенно устроились под насыпью, готовые к ночному дежурству.

Наконец-то.

На краю леса возникла третья светящаяся фигура и направилась к караульным. Еще один факел, только тоньше и ярче других. Фавре опустил «бинокль». Это была Тшуи, совершенно нагая. Черные как смоль шелковистые волосы ниспадали на ее упругие ягодички. Она выросла перед часовыми, словно лесная богиня, очнувшаяся ото сна.

От неожиданности парочка раскрашенных застыла на месте. Из ближайших кустов раздалось покашливание. Один из индейцев шлепнул себя по щеке и осел на землю. В каждом дротике было достаточно яда, чтобы свалить ягуара весом в полтонны. Следопыт умер еще до того, как его голова стукнулась о каменистую землю.

Его напарник секунду тарачил глаза, а потом вдруг змеей припустил к расселине. Только женщина оказалась быстрее. Биостимуляторы распяляли ее, обостряли рефлекс.

Она мигом впорхнула на тропу перед ним, преграждая путь к отступлению. Индеец открыл рот для крика, но Тшуи и тут его опередила, швырнув пригоршню порошка прямо ему в лицо – в разинутый рот, глаза, ноздри.

Вопль тревоги из-за рефлекторного кашля вышел глухим, больше походившим на сип. Индеец упал как подкошенный – наркотик проник в его тело.

Тшуи оставалась бесстрашной. Она скорчилась рядом с поверженным пленником и тут же посмотрела поверх его тела туда, где скрывался Луи. На ее губах играла призрачная усмешка. Фавре поднялся. Теперь у них появился последний кусок головоломки – «язык», который мог дать информацию насчет обороны деревни. К завтрашней атаке все было готово.

* * *

21 час 23 минуты

Джунгли Амазонии

Келли, скрестив ноги, сидела у низкого гамака брата. Фрэнк, завернутый в толстое одеяло, слабо посасывал что-то через соломинку из пустотелого ореха размером с дыню. Келли узнала в нем один из плодов, что свешивались гроздьями с ветвей Ягги. Содержимое ореха напоминало кокосовое молоко. Ей удалось попробовать, когда один из помощников лекаря поднес орех Фрэнку. Жидкость была приторно-сливочной, богатой углеводами и жирами – именно тем, что сейчас требовалось брату.

Келли подождала, пока Фрэнк не прикончил свой «энергетический коктейль» и не передал скорлупу ей. Его руки слегка дрожали, а глаза были все еще затуманены наркотической поволокой.

– Как ты? – спросила она.

– Лучше некуда, – хрипло отозвался брат.

Его взгляд метнулся к обрубкам ног, укрытых одеялом.

– Сильно болит?

Фрэнк наморщил бровь.

– Не болит вообще, – объявил он с напускной веселостью. – Хотя готов поклясться, что пальцы чешутся.

– Фантомные ощущения, – подтвердила Келли. – Придется терпеть их еще многие месяцы.

– И при этом ни разу не почесаться... Просто здорово.

Келли улыбнулась ему. На лице брата отражалась та же смесь облегчения, усталости и тревоги, что точила и ее сердце. Зато теперь, по крайней мере, он выглядел не таким бледным. Каким бы страшным ни было их положение, Келли не могла не возблагодарить судьбу за целебный сок Ягги, благодаря которому выжил ее брат. Его выздоровление потрясло.

Фрэнк вдруг зевнул, да так, что едва не вывихнул челюсть.

– Тебе надо поспать. – Келли поднялась на ноги. – Чудо чудом, но организм требует перезарядки.

Она огляделась и поправила блузку.

Во всем сводчатом зале осталось всего двое туземцев. Один из них, верховный шаман, выжидающе поглядывал на Келли. Она хотела провести у постели брата всю ночь, но шаман отказал. Он и его помощники, как индеец объяснил на ломаном английском, приглядят за своим свежеиспеченным братом.

– Ягга защитит его, – заметил шаман тоном, не терпящим возражений. Келли вздохнула.

– Придется идти, пока не выгнали.

Фрэнк еще раз зевнул и нехотя согласился. Сестра уже успела посвятить его в планы на завтра и сказала, что придет к нему, как только рассветет. Он приподнялся и сжал ее руку.

– Сестренка, я тебя люблю.

Келли нагнулась и поцеловала его в щеку.

– И я тебя, Фрэнк.

– Со мной все будет хорошо. И с Джесси тоже.

Отвернувшись, она прикусила губу, чтобы не расплакаться. Не время было поддаваться эмоциям. По крайней мере, не при Фрэнке. Дай она волю слезам, их будет не остановить. Весь прожитый день Келли изо всех сил подавляла в себе смертную тоску. Таким уж было кредо О'Брайенов – ирландская стойкость в тяжелую минуту. В эту минуту ей не до страданий.

Келли занялась проверкой внутривенного катетера с установленной гепариновой пробкой. Хотя Фрэнк уже не нуждался в восполнении жидкости, Келли не стала удалять катетер на случай непредвиденной ситуации. Стоявший напротив шаман угрюмо уставился на нее.

«Отвали! – ругнулась она про себя. – Когда соберусь, тогда и уйду». Келли приподняла одеяло над кульями Фрэнка и в последний раз осмотрела раны. Загустевший сок пристал к ним накрепко. Более того, через полупрозрачную пленку проглядывало грануляционное ложе, сформировавшееся на раневой поверхности, словно рубцовая ткань под покрывающим ее струпом. Грануляция протекала невероятными темпами.

Подтыкая одеяло обратно, Келли увидела, что Фрэнк уже спит, слегка похрапывая. Она тихонько наклонилась и поцеловала его в другую щеку. Попыталась удержать слезы, но уже безуспешно. Поднявшись, она промокнула глаза и огляделась еще раз, напоследок.

Шаман, видимо, заметил мокрый глянец на ее щеках. Его суровость тотчас уступила состраданию. Индеец закивал, словно заверяя ее в том, что все будет в порядке.

Келли ничего не оставалось, кроме как тяжело вздохнуть и направиться к выходу.

Спуск к основанию дерева показался ей нескончаемым. В темноте туннеля она осталась наедине с мыслями. Тревоги росли и множились, мысли металась между братом, дочерью и всем остальным миром. Наконец она выбралась через арку в стволе и очутилась на открытой поляне. Повеял ночной ветерок, на удивление теплый. Над головой сияла луна, но звездные

россыпи уже затянула облачная дымка. Где-то вдалеке гроыхало, обещая предрассветный ливень.

Овеваемая свежим бризом, Келли спешила по широкой поляне в сторону своего дерева. У ствола она увидела кого-то из караульных с фонарем – Карреру. Рейнджер осветила ее лучом и тут же отвела его в сторону. У ее ног прикорнул Тор-Тор. При звуке шагов ягуар поднял голову, принюхался и опять свернулся клубком.

– Как Фрэнк? – спросила Каррера.

Хоть Келли была не в настроении разговаривать, отмахнуться от вопроса она не могла.

– Похоже, неплохо. Даже очень.

– Отлично. – Каррера ткнула в лестницу пальцем. – Вам надо выпастись настолько, насколько удастся. У нас впереди длинный день.

Келли кивнула, в душе сомневаясь, что сможет уснуть, и стала взбираться по лестнице.

– На третьем уровне вам оставили отдельную комнату. Справа от входа.

Келли едва расслышала ее голос.

– Спокойной ночи, – пробормотала она и поползла выше, погруженная в собственные тревоги.

Площадка над лестницей уже опустела, как и общая гостиная. Все, по-видимому, разошлись по гамакам, измученные долгими ночами без сна. Запрокинув голову, Келли взглянула на темнеющие над ней верхние ярусы и подошла к большей из двух лестниц, ведущих туда.

«Третий уровень, как сказала Каррера. Отлично... Буду знать, как опаздывать на дележ комнат».

Третий ярус оказался намного выше двух предыдущих. Выстроенный на отдельной группе ветвей, он представлял собой обособленное помещение – гостевой домик на двоих. С болью в ногах Келли забралась на лестницу подлиннее.

Пока она поднималась, разыгрался ветер. Он шелестел в ветвях и легонько раскачивал лестничные плети. В его дуновении уже чувствовался дождь. Луна скрылась под натиском туч. Надо было спешить: на деревню надвигалась гроза.

Со своей точки Келли увидела, как ночное небо ярким всполохом рассекала молния. Гром бухнул и прокатился по ущелью, точно удар барабана-бочки. Идея ночевки на дереве вдруг перестала казаться такой уж разумной. Особенно в хижине на верхушке.

Келли карабкалась во всю прыть, а первые капли тем временем уже

падали с листьев. Подтянувшись до крошечной площадки, она перекатилась на нее. Ветер и дождь свирепели с каждой секундой. Амазонские грозы обычно недолги, но стремительны и беспощадны. Эта не была исключением. Сидя на корточках, Келли смотрела на две двери комнат третьего уровня.

Так где, сказала Каррера, ее дверь?

Наверху бесновались молнии, посверкивая копьями разрядов, громыхал гром. Внезапно полило как из ведра, а дыхание ветра превратилось в шквальные порывы. Площадка заходила ходуном, точно корабельная палуба.

Больше не заботясь о том, как бы кого не разбудить, Келли нырнула в ближайший проем, точнее, ввалилась сквозь плетеную дверь, отчаянно ища укрытия.

Внутри было темно. В сверкании молнии, проникающем сквозь заднюю дверцу комнатки, Келли увидела одинокий гамак – пустой, что отрадно. Благословляя случай, она поплелась к гамаку, как вдруг на полпути споткнулась обо что-то в темноте. Чертыхаясь, она рухнула на колени. Выставив руку назад, Келли нащупала на полу чей-то рюкзак.

– Кто здесь? – спросил кто-то со стороны запасной дверцы.

В проеме входа вырос темный силуэт.

Келли, стоящая на коленях, не на шутку перепугалась.

Прогредел гром, и новая вспышка молнии озарила лицо подошедшего.

– Нат? – робко спросила незваная гостья. – Это я, Келли.

Он поспешил к ней и помог подняться.

– Что вы здесь делаете?

Она смахнула с лица пряди мокрых волос. Ее щеки пылали. «Вот идиотка! Что он теперь подумает?»

– Я тут... Дверью ошиблась. Простите.

– Как вы?

Нат все еще держал ее за руки. Сквозь мокрые рукава проникало тепло его ладоней.

– Ничего, просто чувствую себя круглой душой.

– Не говорите так. В такой темноте всякий заблудится.

Полыхнула молния, и их взгляды встретились. Ни слова не говоря, они смотрели друг на друга.

Наконец Нат проронил:

– Как Фрэнк?

– Хорошо, – ответила Келли вполголоса.

Вдали гулко рокотал гром, то и дело долетая до них, отчего мир

казался гигантским, а сами они – лилипутами. Ее голос упал до шепота.

– Я давно хотела сказать... Мне жаль, что с вашим отцом так получилось.

– Спасибо.

Одно слово, но сколько выстраданного в нем было!

Келли подошла на шаг, не в силах противиться порыву, словно мотылек, летящий в гибельное пламя. Его печаль глубоко тронула ее сердце. Стена отчуждения, которую она так старательно возводила, начала рушиться. На глаза навернулись слезы, плечи стали подрагивать.

– Тсс, – сказал Нат, хотя она и молчала.

Он привлек ее к себе, обнял за плечи.

Всхлипы перешли в рыдания. Горе и страх, которые Келли держала в себе, хлынули наружу бурным потоком. Ноги ее подкосились, но Нат не ослабил объятий и опустился вместе с ней на пол, сердцем к сердцу.

Так они и сидели посреди темной комнаты. За стенами бушевала гроза, качая деревья с грохотом, достойным битвы титанов.

Наконец Келли отважилась поднять глаза. Затем она привстала и притянула губы Ната к своим. Они были солоны от слез – его и ее собственных. Поначалу она искала утешения от навалившихся горестей, но, едва их губы разомкнулись, возникло новое чувство.

На мгновение он отстранился, тяжело дыша. Его глаза лучились, сияя во мраке.

– Келли...

– Тсс, – повторила за ним Келли и снова прижала к себе.

В объятиях друг друга они опустились на пол. Ладони скользили, пальцы расстегивали, стаскивали мокрую одежду, тела сплетались...

В самый разгар бури их страсть раскалилась добела. Горе отступило, затерялось среди боли и наслаждения, древних ритмов и почти безмолвных стонов.

Комната вдруг стала тесной, и они вывалились на помост. Тучи поминутно озарялись молниями, рокотал гром. Ливень захлестывал под навес и струился по их голой коже.

Грудь, плечи, шея Келли горели от поцелуев. Она выгнулась навстречу Нату, закрыв глаза. Сквозь веки красной искрой вспыхивала молния. Губы Ната приникли к ее губам, их дыхание смешалось. Сквозь бурю, сквозь его объятия Келли чувствовала растущее исподволь напряжение – все больше и больше, пока оно не овладело ею без остатка. Келли вскрикнула посреди поцелуя, услышав крик Ната, в тот же миг вырвавшийся из его груди, громкий и неистовый, подобно громовому раскату.

Казалось, время замерло, пока они лежали там, слившись воедино, – отринутые миром и грозой, но нашедшие друг друга.

Действие пятое

Корни

УНА-ДЕ-ГАТО, КОШАЧИЙ КОГОТЬ

Семейство: Rubiaceae / Мареновые.

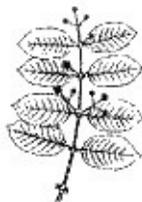
Род: Uncaria / Ункария.

Виды: tomentosa, guianensis / паутинистая, гвианская.

Народные названия: кошачий коготь, коготь ястреба.

Лечебные части: кора, корень, лист.

Фармакологические свойства: антибактериальное, антиоксидантное, противовоспалительное, противовирусное, цитостатическое, противоопухолевое, очищающее, мочегонное, глистогонное, гипотензивное, иммуностимулирующее, антимуtagenное.

17 августа, 7 часов 5 минут

Джунгли Амазонии

Нат проснулся рядом с обнаженной красавицей. Она не спала.

– Доброе утро, – сказал он.

Келли прижалась к нему. Ее кожа все еще пахла вчерашним дождем.

– Уже давно рассвело, – улыбнулась она.

Нат приподнялся на локте, что в гамаке было не так-то просто, и посмотрел на Келли сверху.

– Что же ты меня не разбудила?

– Чтобы ты хоть час мог спокойно поспать.

Она выскользнула из гамака, отчего тот зашатался, проворно сдернула единственное покрывало и задрапировалась. Нат попытался удержать ее одной рукой, но она увернулась.

– У нас впереди трудный день.

Нат, ворча, спустил ноги на пол и выудил шорты из груды наспех сброшенной одежды, откуда Келли тем временем отбирала свою. Затем он выглянул в джунгли через заднюю дверь.

До самой зари они с Келли говорили об отцах, братьях, детях – живых и ушедших. Снова плакали. Ближе к утру они снова занялись любовью, уже без спешки и более страстно, а затем, утомленные, повалились в гамак, чтобы урвать час-другой до пробудки.

Выйдя на тыловую площадку, Нат осматривал лес. Умытое небо синело, от грозы не осталось и следа, а солнце сияло вовсю.

Каждую кромку и лист все еще усеивали капли дождя, сверкая бриллиантовым блеском. Но не это привлекло его взгляд.

– Скорей, ты должна это видеть, – крикнул Натан.

Келли, которая успела натянуть брюки и застегивала оставшиеся пуговицы на рубашке, вышла к нему на помост. Нат оглянулся, в который раз дивясь ее красоте. Келли подняла голову и замерла, удивленно подняв брови.

– Вот это да!

Она прислонилась к Нату, а тот уже привычно обнял ее.

На верхние ветви деревьев, привлеченные влагой, слетелись мириады бабочек. Они сидели в листве, порхали среди крон – крылья в ладонь,

сверкая бирюзой и изумрудной зеленью.

– Род Морфо, – пояснил Нат, – но такую расцветку встречаю впервые.

Келли смотрела, как одна бабочка над ее головой залетела в луч солнца. Казалось, при этом она вспыхнула собственным светом.

– Будто кто-то разбил витраж и рассыпал по лесу осколки.

Нат крепче обнял ее, пытаясь навсегда удержать этот миг. Несколько минут они молча стояли и любовались великолепием леса, но затем донесшиеся снизу голоса прервали уединение.

– Думаю, нам пора спускаться, – проговорил наконец Нат. – Столько всего предстоит...

Келли со вздохом кивнула. Нат хорошо понимал причину ее колебаний. Здесь, в отрешении от действительности, можно было на время забыть о тяготах и потерях, их ожидавших. Вот только вечно скрываться от мира не удастся.

Они нехотя собрались. Уходя, Нат обошел хижину с тыла и отцепил полог из бамбука и пальмовых листьев. Тот упал поперек задней двери, возвращая комнате первоначальный вид.

Келли заинтересовалась его действиями и подошла рассмотреть петли по верхнему краю полога.

– Опустить – загораживает вход, поднимешь и закрепил – прикрывает помост от дождя. Хитро придумано.

Нат согласился. Вчера вечером его тоже удивила гениальная простота приспособления.

– Никогда не встречал ничего подобного. Отец писал о том же – о примерах умственного превосходства этих индейцев над другими племенами. Всюду полно технических усовершенствований вроде древесных подъемников.

– Кстати, вот и он, – заметила Келли, потягиваясь. – Ничего особенного. Видел бы ты Яггу, – добавила она, – и то, что она делает с людьми.

Нат утвердительно хмыкнул и повернулся укладывать рюкзак. Да, здесь было чему удивляться. Поднявшись, Нат напоследок обвел взглядом комнату и шагнул к двери, где сидела на корточках Келли. Когда она вскинула свою поклажу на плечо, Натан наклонился и крепко поцеловал ее. Миг удивления – и она возвратила поцелуй с той же пылкостью. Никто из них не заговаривал о том, куда лежат их пути. Оба слишком хорошо знали, что прошлой ночью они прежде всего искали друг в друге утешения. Однако начало было положено, и Нату не терпелось узнать, к чему оно их приведет. Да и Келли, судя по поцелую, тоже.

Они разжали объятия и без слов побрели к лестнице, ведущей в коллективную зону постройки.

Спускаясь, Нат сразу попал в облако кулинарных ароматов. Соскочив с последней ступеньки, он помог Келли и рядом с ней прошел через общую часть к обширному переднему помосту. У него засосало под ложечкой. Он вдруг вспомнил, что со вчера почти ничего не ел.

Анна и Коуве суетились у каменного очага, устроенного на помосте, завершая приготовления к завтраку. Нат заметил ломоть маниокового хлеба и высокий каменный кувшин свежей воды.

Анна поднесла к столу блюдо самой настоящей ветчины.

– Дикий кабан, – пояснила она, приподнимая это жареное великолепие. – На рассвете пришли два индейца и нас угостили.

Нат сглотнул слюну. Кроме прочего, на столе были фрукты, какие-то яйца, даже подобие пирога.

– Теперь ясно, почему твой отец столько здесь пробыл, – пробубнила Каррера, уписывая свинину с хлебом.

Даже упоминание об отце не отняло у Ната аппетита. Он, как и остальные, набросился на еду.

Только наполнив желудок, Натан понял, что двух членов команды нет за столом.

– А где Зейн с Олином?

– Работают над передатчиком, – сказал Костос. – Сегодня утром Олин наладил систему навигации.

Нат поперхнулся куском хлеба.

– Ему удалось?

Костос кивнул, но следом пожал плечами.

– Да, удалось откалибровать, но неизвестно, получает ли кто наш сигнал.

Нат задумался над услышанным, потом мельком взглянул на Келли. Если их сигнал с измененными координатами дошел, уже вечером они отправятся домой. Глаза Келли тоже засветились надеждой.

– Но без главной рации, – продолжал Костос, – мы не сможем его подтвердить. С тем же успехом можно плевать против ветра. Поэтому, пока не будет устойчивой связи, действуем по принятому плану. Ваша задача сегодня – вместе с Келли и Зейном подготовить Фрэнка к экстренной транспортировке.

– Плюс собрать целебного сока, – вставила Келли.

Костос кивнул, усиленно работая челюстями.

– Пока Олин налаживает рацию, остальные разделятся и попробуют

выведать у индейцев кто сколько сможет. Основной упор на эти противokoшачьи порошки, будь они неладны.

Нат не стал возражать против плана. С навигацией или без нее, им нужно было действовать как можно осторожнее и быстрее. Остаток пиршества прошел в молчании.

Затем они покинули свой временный приют и спустились к поляне, оставив Олина наедине со спутниковым приемником. Манни и двое рейнджеров пошли в одну сторону, Анна и Коуве – в другую. Согласно плану, условились встретиться на дереве в три часа дня.

Нат и Келли направились к Ягге, прихватив с собой Зейна. Нат вздернул дробовик повыше. Сержант настоял, чтобы каждый член группы имел при себе хотя бы пистолет. Свой, девятимиллиметровый, Келли пристегнула к поясу. Зейн, как никогда мнительный, не расставался с «береттой». Глаза его так и шарили по сторонам.

Помимо оружия группам было выдано по одной из рейнджерских раций ближнего действия, чтобы поддерживать между собой связь.

– Пятнадцать минут прошло – немедленно доложились, – наказывал Костос. – Никому не молчать.

Подготовившись по мере возможностей, они разделились.

Шагая через поляну, Нат разглядывал доисторического гиганта. Его белая кора лоснилась после дождя, листва блестела мокрым глянцем. С развилок ветвей свешивались гроздья крупных орехов, словно уменьшенные копии рукотворных хижин. Нату не терпелось поближе познакомиться с белым исполином.

Они подошли к толстым, словно колонны, узловатым корням, и Келли провела их к зияющему дуплу входа.

Только вблизи Нат понял, за что местные называли дерево Яггой, то есть Матерью. Символизм был налицо. Два главных корня-контрфорса напоминали раздвинутые колени, обрамляющие гигантский родовой канал. Отсюда и появились на свет бан-али.

– Да здесь целый грузовик поместится, – пробормотал Зейн, глядя в разверстое устье.

Когда они ступили в темное нутро древа, Нат невольно вздрогнул. В коридоре стоял густой запах древесных масел. По всем нижним уровням стены испещряли сотни голубых отпечатков ладоней – одни мельче, другие крупнее. Может, они представляли членов племени? Может, где-то среди них был отпечаток отцовской руки?

– Сюда, – сказала Келли, ведя их к винтовому ходу-подъему.

На подходе к нему отпечатки внезапно исчезли.

Нат проследил взглядом вдоль ровной стены, затем оглянулся назад. Что-то его беспокоило, но что именно – он не понимал. Что-то было не так. Нат нашел проводящие элементы дерева, сосуды ксилемы, ситовидные трубки флоэмы, по которым в стволе курсировали вода и питательные вещества. Каналы эти в стенах центрального хода сбегали изящными витками, но у самой земли, где ход обрывался, начинали петлять и змеиться, теряя всякую симметрию. Не успел Нат рассмотреть это место попристальнее, как группа свернула за поворот.

– Подъем предстоит долгий, – предупредила Келли, подняв палец. – Лечебница на самом верху, в районе макушки дерева.

Нат шел последним. Туннель был похож на ход древоточца, увеличенный тысячекратно. В своих ботанических изысканиях Нат не раз встречался с повреждениями древесины насекомыми – лубоедами, короедами, заболонниками, малинной стеклянницей. Только этот ход не был выеден – в том Нат готов был поклясться собственной жизнью. Он сформировался естественным путем, как полости и ходы в стволах растений-мирмекофилов, дающих приют муравьям, путем эволюционной адаптации. Однако отсюда возникал новый вопрос. Несомненно, дерево простояло здесь многие сотни лет, прежде чем бан-али забрели в долину. Тогда зачем оно сформировало полости заранее?

Нату вспомнились слова, оброненные Келли во время вчерашнего совещания. «Мы чего-то не замечаем... чего-то важного».

В стенах туннеля то тут, то там стали открываться проходы. Одни вели прямо в хижины, другие на ветви с подвесными жилищами. Нат начал считать. Выходило по меньшей мере двадцать отверстий.

У него за спиной Зейн доложил по рации. Остальные команды тоже были в порядке.

Наконец они достигли конца туннеля, где он расширился наподобие грота с высокими прорезями окон, пропускавшими солнечный свет. Несмотря на это, внутри стоял полумрак.

Келли поспешила к брату.

Низкорослый шаман стоял у противоположной стены, осматривая другого пациента. При их приближении он поднял глаза. Кроме него, лекарей в палате не было.

– Добрый утро, – произнес он на ломаном английском.

Нат кивнул ему.

Странное то было чувство – знать, что этим словам индейца выучил его отец. Из дневниковых записей Нат помнил, что шаман был вдобавок признанным вождем бан-али. Их классовая структура не была

высокоорганизованной. Каждый, казалось, сам знал свое место и роль. Сейчас перед ними стоял царь народа, наиболее приближенный к Ягге.

Келли опустилась на колени рядом с Фрэнком, который сидел и пил через соломинку из ореха. Затем он отставил питье.

Завтрак чемпионов, – добродушно усмехнулся он. Из одежды Нат заметил на нем только бейсболку «Ред сокс». Снизу Фрэнка укутывал небольшой плед, скрывая изувеченные ноги. Но его грудь была по-прежнему голой, так что все моментально увидели свежий рисунок на ней: алую змею, свернувшуюся вокруг голубого отпечатка ладони.

– Я проснулся в таком виде, – сказал Фрэнк, заметив оторопелый взгляд Ната. – Наверное, ее сделали в ту ночь, пока я отходил от снотворного.

Знак бан-али.

К Натю подошел шаман.

– Ты. Сын вишва Керл.

Нат обернулся и молча кивнул. Наверняка Дакии разболтал, проводник.

– Да, Карл мой отец.

Вождь-шаман хлопнул его по плечу.

– Он хороший человек.

Нат не знал, что и ответить. Он машинально кивнул, хотя больше всего захотел броситься на шамана с кулаками. Если он был так хорош, зачем вы убили его?

Однако по опыту жизни среди разных племен Нат знал, что никогда не услышит исчерпывающего ответа на этот вопрос. Живя бок о бок с туземцами, даже хороший человек может лишиться жизни за нарушение табу, а отдельным счастливым даже выпадала честь пойти на удобрения.

Келли закончила осматривать Фрэнка.

– Его раны полностью затянулись! Потрясающая скорость грануляции.

Судя по всему, шаман понял смысл ее восклицания.

– Ягга его исцелить. Давать сила. Давать...

Шаман наморщил лоб, очевидно, пытаясь вспомнить подходящее слово. В конце концов он нагнулся и хлопнул себя по ноге.

Келли уставилась на него, потом повернулась к Натю.

– Думаешь, это возможно? Чтобы ноги Фрэнка отросли заново?

– Что ж, рука Джеральда Кларка регенерировала, – сказал Нат. – Значит, и такое бывает.

Келли пригнулась.

– Если бы мы могли наблюдать трансформацию в клинике, имея

современное оборудование...

Зейн оборвал ее. Полушепотом, повернувшись к шаману спиной, он произнес:

– Не забывайте, мы тут на задании.

– Что за задание? – спросил Фрэнк.

Келли тихо передала ему новости.

Фрэнк оживился.

– Навигация действует! Тогда надежда есть.

Келли кивнула.

Шаман тем временем потерял к ним интерес и побрел прочь.

– А пока, – шептал Зейн, – мы должны набрать пробу сока.

– Я знаю, откуда его берут, – сказала Келли, качнув головой в сторону вырезанного в деревянной стене желоба.

Под прикрытием мужчин она подняла ореховую скорлупу, из которой пил брат, и выбросила соломинку. Затем, подойдя к стене, Келли выдернула деревянную затычку. В желоб начал стекать густой бурый сок. Келли поднесла к струйке орех и стала ждать, пока тот не наполнится соком.

– Дайте я, – вызвался Зейн. – А вы приглядите за братом.

Келли кивнула и встала бок о бок с Натом.

– Носилки все еще здесь, – сказала она, указывая на связанные шести. – Как только услышим сигнал, придется поторопиться.

– Надо будет...

Первый взрыв застал всех врасплох. Никто не двинулся с места, пока эхо не прокатилось и не стихло вдаль. Нат выглянул через прорези в куполе. То был не гром – погода стояла ясная. Потом снова рвануло, еще и еще. Среди гула послышались крики. Вопли людей.

– Нас атакуют! – воскликнул Нат.

Обернувшись, он увидел направленный на него пистолет.

– Ни с места, – бросил Зейн, крадись вдоль стены к выходу. Лицо его перекошило от страха и напряжения. Одной рукой он прижимал к груди орех, переполненный соком, в другой держал девятимиллиметровую «беретту». – Всем стоять.

– Что это вы... – начала Келли.

– Ты! – Нат перебил ее. Он сразу все понял. Сразу вспомнились подозрения Коуве: шпионы, идущие за ними по пятам, предатель среди них. – Ты этот чертов ублюдок! Ты нас продал!

Зейн медленно выпрямился.

– Назад!

Пистолетное дуло смотрело прямо на них. Взрывы вокруг не

смолкали. В ход пошли гранаты.

Нат утянул Келли в сторону от прицела.

В зал вдруг ввалился шаман, напуганный взрывами. Не догадываясь о происходящем, он издал вопль тревоги.

– Стой! – заорал на него Зейн.

Но шаман то ли не захотел его слушать, то ли не разобрал слов и в панике бросился прочь.

Зейн развернул пистолет и выстрелил. Грохот в тесном пространстве едва не оглушил их. Однако даже сквозь него был слышен недоуменный вскрик шамана. Нат обернулся. Индеец завалился на бок, держась за живот. Его пальцы тотчас окрасились кровью.

Побагровев от ярости, Нат крикнул Зейну:

– Он не понял тебя, ты, сволочь!

И снова очутился под прицелом. Зейн медленно обошел их кругом, ни на миг не отводя пистолета. Он даже обошел кругом гамак Фрэнка – решил перестраховаться.

– Ты всегда был доверчивым дураком, – прошипел Зейн. – Как и твой отец. Оба никогда не понимали смысла власти и денег.

– На кого ты работаешь? – бросил Нат.

Зейн подошел к выходу. Шаман откатился в сторону и лежал там, скорчившись и стеноя.

Зейн остановился и дернул дулом в сторону.

– Пушки в окно. Все и сразу.

Нат прирос к месту, сотрясаясь от ярости. Зейн выстрелил, выбив щепки из пола между его ботинками.

– Делайте, что он говорит, – приказал Фрэнк из гамака.

Келли, морщась, отцепила с пояса пистолет и выбросила в окно.

Нат по-прежнему колебался.

Зейн зло ухмыльнулся.

– Третья пуля продырявит твоей подружке сердце.

– Нат, – с нажимом произнес Фрэнк.

Стиснув зубы, Нат отошел к стене, взвешивая свои шансы выстрелить в Зейна. Впрочем, сейчас обстоятельства были против него – жизнь Келли висела на волоске. Он достал дробовик и просунул в одну из щелей. Зейн довольно кивнул и попятился к выходу.

– Вы уж простите, но я тороплюсь. Надо кое с кем увидеться. Вам троим предлагаю остаться на дереве. Сейчас это самое безопасное место в долине.

Поглумившись, Зейн выскользнул в дверь и исчез за поворотом

туннеля.

* * *

8 часов 12 минут

Джунгли Амазонии

Манни бежал сквозь чащу леса бок о бок с Каррерой. Рядом мчался Тор-Тор, прижав уши. Все утро долина содрогалась от взрывов, меж деревьев стелилась дымная пелена. Костос бежал впереди и орал в рацию: «Всем вернуться на базу! Собраться в укрытии!»

– А вдруг это наши? – спросил Манни. – Поймали сигнал?

Каррера оглянулась на бегу, хмуря брови.

– Так скоро – вряд ли. Нас окружили.

Словно в подтверждение ее слов, на пути возникла тройка людей в камуфляже, вооруженных автоматами Калашникова и гранатометами.

Костос шикнул и махнул рукой сверху вниз. Рейнджеры и биолог упали на животы.

Потрясая копьем, к налетчикам несся индеец. Автоматным огнем его чуть не порвало надвое. Тор-Тор, замороженный стрельбой, ринулся вперед.

– Тор-Тор! – зашипел Манни, привстав на колено в попытке ухватить ягуара, но тот уже выскочил на дорогу, перед самым носом автоматчиков.

Один из них гаркнул что-то по-испански и вытянул руку. Другой ухмыльнулся и поднял орудие, прикладываясь к прицелу.

Манни взвел пистолет. Однако выстрелить он не успел – перед ним вырос Костос с винтовкой у плеча и трижды нажал на курок. Блам-блам-блам...

Налетчики рухнули навзничь с лопнувшими, как арбузы, головами.

Манни застыл, потрясенный.

– Пошли. Надо вернуться на дерево. – Костос покосился на джунгли. – Какого черта остальные молчат?

* * *

8 часов 22 минуты

Джунгли Амазонии

Коуве прикрывал собой Анну, спрятавшись за раскидистый куст

папоротника. Дакии, туземный проводник, скорчился возле него. Всего в шести ярдах от них стояли четверо наемников – стояли открыто, не опасаясь посторонних взглядов. Хотя Коуве слышал приказ командира о сборе у эйдотеи, он не осмелился подтвердить прием в опасной близости от налетчиков. Они оказались отрезанными. Наемники перегородили путь к дереву, и пройти мимо них незамеченными не было ни единого шанса.

Дакии сидел позади неподвижно, как статуя, но напряжение от него исходило огромное.

Пока он скрывался, эта банда уничтожила больше дюжины его соплеменников, включая женщин и детей.

В отдалении продолжали греметь взрывы. Слышались вопли и треск падающих с деревьев построек. Мародеры продирались сквозь деревню, и для Коуве со товарищи осталась последняя надежда – забиться в дальний конец лесистого плато в надежде, что их не заметят.

Один из наемников рявкнул по-испански в рацию:

– Команда «Танго» на месте. Зона четырнадцать зачищена.

Вдруг кто-то провел Коуве по ноге. Он оглянулся. Дакии подал ему знак оставаться на месте. Профессор кивнул.

Туземец выкатился у него из-за спины, передвигаясь быстро и беззвучно. Ни одна ветка не хрустнула под его ногой. Недаром Дакии состоял в группе тешари-рин, местных разведчиков-призраков. Он темным вихрем носился из укрытия в укрытие. Коуве понял, что волей судеб очутился на демонстрации боевых талантов, которыми Ягга наделила своих верных стражей. Дакии покружил вокруг банды, а затем Коуве упустил его из виду.

Анна схватила его за руку. «Неужели нас бросили?» – читалось у нее во взгляде. Коуве тоже забеспокоился, пока не заметил Дакии снова. Индеец, крадучись, пробирался напротив – хорошо различимый для них, но невидимый для врагов.

Он упал на спину в пыль, целясь куда-то ввысь из только что подобранного лука. Коуве проследил за направлением стрелы, потом повернулся к бандитам. Угадав, что задумал Дакии, он жестом велел Анне готовить оружие. Она, осмотревшись, тоже поняла, что им предстоит, и кивнула.

Коуве просигналил Дакии о готовности.

Проводник натянул тетиву и пустил стрелу вверх. Когда та прошила листву, послышался слабый хлопок. Наемники разом повернулись в сторону Дакии, подняв автоматы. Коуве было уже не до них. Его занимало то, что творилось над головой. Высоко над ним виднелись обломки

хижины, а среди них – один из уцелевших подъемников, образчик изобретательности бан-али. Стрела Дакии перебила опорную веревку, которая удерживала люльку с противовесом из гранитной глыбы.

Бульжник полетел вниз, точно в головы наемников.

Одного придавило мгновенно, раскроив ему череп в ту самую секунду, когда он решил проверить деревья.

Коуве и Анна тут же вскочили на ноги. Оставшихся мародеров расстреляли почти в упор. Троица рухнула как подкошенная. Дакии метнулся вперед с обсидиановым кинжалом наготове. Он подбежал к лежащим наемникам и перерезал глотки всем, кто еще шевелился. Развязка получилась скорой и кровавой.

Коуве поддерживал Анну, побледневшую при виде жуткого зрелища.

– Надо вернуться к остальным.

* * *

9 часов 5 минут

Джунгли Амазонии

Стоя у выхода из ущелья, Луи обозревал раскинувшуюся перед ним долину. О бинокле, висящем на шее, можно было забыть. По ту сторону леса курился дым несчетных пожаров и сигнальных огней. Прошел всего час, а его команда уже оцепила деревню и сужала кольцо, ежеминутно приближаясь к заветной цели и добыче.

Брайль, которого он после исчезновения Жака перевел в «лейтенанты», рапортовал, скорчившись у хозяйских ног. Лазутчик согнулся над картой, отмечая крестиками расположение групп, доложивших о прибытии.

– Клетка заперта, герр доктор. Осталось зачистить то, что внутри.

Фавре отчетливо видел, что немцу не терпится самому поучаствовать в травле.

– А что рейнджеры? Американцы?

– Согнаны к центру, как вы приказали.

– Великолепно.

Луи кивнул подруге, стоявшей рядом. Тшуи была совершенно обнажена, а из оружия захватила лишь духовую трубку-ружье. Между грудей ее покоилась ссохшаяся голова капрала Де Мартини, висящая рядом с его же солдатскими бирками.

– Пора бы и нам заглянуть на огонек. – Фавре взял в обе руки по курносому мини-«узи», ощутив их скрытую мощь. – Самое время идти знакомиться с Натаном Рэндом.

* * *

9 часов 12 минут

Джунгли Амазонии

– Присмотри за шаманом и братом, – напутствовал Нат, чувствуя, что время уходит. – А я пошел за Зейном.

– Без оружия?

Келли, присев, склонилась над шаманом. Вместе с Натом им удалось переправить индейца в гамак. Келли накачала его морфием, чтобы успокоить болезненные судороги. Рана в живот была самого жуткого свойства. Не найдя ничего лучше, Келли густо смазывала входное и выходное отверстия соком Ягги.

– А если поймаешь его, что тогда?

Ната будто ожгло изнутри, как от пули.

– Сначала он предал отца, теперь нас.

Его голос дрожал от ярости. Для Зейна он теперь жаждал лишь одного.

Мести.

Со своей постели подал голос Фрэнк:

– Что ты можешь с ним сделать?

Нат потрянул головой.

– Я должен попытаться.

С этими словами он направился к выходу. Взрывы на периферии утихли, но кое-где раздавался ружейный огонь. Чем реже звучали выстрелы, тем очевиднее становилось, что деревня разорена. Нат понимал, что их скоро постигнет не лучшая участь, если они что-нибудь не предпримут. Только что именно?

Продвигаясь по коридору – сначала с опаской, затем все быстрее и быстрее, огибая поворот за поворотом, Нат вспомнил о змеевидном рисунке на символе бан-али, тоже свивающемся по спирали. Возможно ли, что в рисунке подразумевался этот самый туннель, а не модель построения белковой молекулы, мутагенного приона, как до того предполагала Келли?

Если имелся в виду винтовой ход Ягги, тогда что означали петли на обоих концах змеевидной спирали? Может, одна из них представляла

лечебницу? Если да, то чем была другая? А отпечаток ладони? Нат вспомнил настенный орнамент у входа и покачал головой. Что все это значит?

Он забежал за поворот и споткнулся о тело индейца, лежащее поперек туннеля. Нат упал, успев выставить вперед ладони. Остановившись, он перекатился назад и заметил на теле убитого следы пулевых ранений – в грудь и затылок.

Выглянув дальше по коридору, Нат увидел еще одно тело, вернее, его ноги. Снова индеец.

«Зейн!»

Нат медленно встал. В его душе клокотал гнев. Этот гад убивал безоружных прохожих, врачей и их помощников, пробираясь наружу ценой чужой крови. Мразь!

Нат припустил по туннелю, на бегу считая отверстия боковых коридоров. Пробежав до последнего, он нырнул в проход и, минув маленькую пустую хижину, очутился на ветви по меньшей мере пятифутовой толщины. Прежде чем продолжать спуск, ему надо было сориентироваться в происходящем. Поляна под ним затянулась клубами дыма. У ствола дым рассеялся. Там виднелась кучка индейцев, отступавших под сень Ягги.

Над древней повисла зловещая тишина.

Нат, крадучись, пробирался по ветви, но так и не смог разглядеть эйдотею с их временным пристанищем – ветвь росла с противоположной стороны. Он даже не мог проследить за входом в Яггу. Проклятье!

Снизу донесся хлопок пистолетного выстрела. Зейн! С поля по ту сторону дерева послышался вскрик. Должно быть, предатель засел у выхода из туннеля и убивает индейцев, когда те пытаются попасть внутрь. Нат вспомнил, что боеприпасов у мерзавца в достатке, чтобы еще долго держать их снаружи.

Индейцы в поле зрения Ната пытались искать убежища в джунглях. Натан окинул взглядом поляну. Ни намек на друзей.

Пробираясь боком по ветке, Нат носком ботинка задел свернутую веревку. Приглядевшись, он понял, что нашел одну из живых лестниц.

– Пожарный выход, – пробормотал он себе под нос.

В мозгу вспыхнула новая мысль, забрезжил план действий.

Не дожидаясь, пока им овладеет страх, Нат спихнул клубок лиан за край. Лестница, шелестя, развернулась во всю длину, всего на три фута не доходя до земли. Спуск предстоял долгий, но, если внизу прятался Зейн, Нат, может быть, удастся подобраться к нему незамеченным.

Не загадывая дальше, он ухватился за лестницу и быстро заскользил вниз.

Ступеньки мелькали одна за другой. Если его группе и уцелевшим индейцам случится сюда отступить, придется подыскивать более защищенное место. Но прежде нужно будет разделаться с Зейном. Нат добрался до последней ступеньки и спрыгнул на землю.

Оказавшись в окружении корней-подпорок, первым делом он попытался определиться с направлением. Сзади, по левую руку, журчал ручей. Стало быть, он находился где-то на юго-востоке от входа. Нат начал медленно огибать ствол, отсчитывая в уме деления. Южнее, еще южнее...

В лесу раздался и стих треск автоматной очереди. Потом прогремел взрыв гранаты. Судя по всему, кое-где в деревне продолжался бой.

Под этот глум Нат, крадучись, мало-помалу продвигался к входному отверстию. Наконец он заметил один из массивных корней, обрамлявших пещеру. Осталось немного. Нат прижался к стволу. Зейн стоял по ту сторону преграды. Загвоздка была только в том, как попасть туда. Из бункера Зейна раздался еще один пистолетный выстрел. Нат хмуро уставился в свои пустые ладони.

«Ну и что будем делать, герой?»

* * *

9 часов 34 минуты

Джунгли Амазонии

Зейн присел на колени, выставив пистолет. Его разбирала усталость. Держать оружие на вытянутой руке становилось все тяжелее, поэтому он подпер ее другой; однако позицию он, без пяти минут победитель, уступать не собирался. Еще чуть-чуть продержаться, и его роль будет сыграна. Он мельком глянул на сосуд, полный чудотворного сока, – находку ценой в миллиарды. Помимо солидной суммы, которую «Сен-Савен компани» перевела на швейцарский счет Зейна за оказанное содействие, ему были обещаны двадцатипятипроцентные отчисления с валовых продаж, что окончательно склонило его к предательству. Учитывая фантастические свойства сока, его личные доходы будут расти до скончания времен.

Зейн облизнул губы. Свою миссию он почти завершил. Ему благополучно удалось внедрить вирус в коммуникационную систему рейнджеров. Игра подходила к финалу.

Прошлой ночью Фавре дал Зейну распоряжение собрать пробу сока и сберечь ее любой ценой.

– Ты – наш страховочный вариант. Если эти чертовы аборигены выкинут какой-нибудь фокус, – предупредил он, – например, подожгут дерево, чтобы сохранить свою тайну, на тебя вся надежда.

Зейн, разумеется, согласился, имея в запасе собственный план подстраховки, составленный без ведома своего жуткого патрона. Обезопасив себя в дупле Ягги, он отлил небольшую часть сока в латексный презерватив, который завязал узлом и проглотил. Так сказать, упрочил собственные позиции. Потом, как бы случайно, чудодейственный препарат окажется в собственности конкурирующей компании, вроде «Теллукса», а «Сен-Савен» останется с носом.

Из леса донеслась ружейная пальба. Зейн разглядел вспышки от выстрелов. Люди Фавре затягивали удавку. Ждать оставалось недолго.

Как бы в подтверждение его мыслей, у опушки поляны взорвался снаряд. Постройка на одном из гигантских деревьев разлетелась вдребезги, разметав кругом листву и обломки. Зейн ухмыльнулся, как вдруг в отзвуке взрыва раздался чей-то голос. Кричали где-то неподалеку.

– Граната! Ложись!

Что-то ударило в ствол прямо у него над головой и отско-чилоккорням. «Граната!» – отдалось у него в голове. Вопя от испуга, он метнулся от выхода и откатился вглубь коридора, прикрывая руками затылок. Прошли несколько секунд напряжения, потом еще. Зейн не мог отдышаться – его изводило ощущение нависшей угрозы. Обещанный взрыв так и не прозвучал. Зейн опасливо приподнял голову, стиснув зубы. По-прежнему тихо. Он сел, осторожно подполз к выходу и заглянул за угол. Там его взгляд уперся в небольшой округлый предмет, лежащий в пыли. Всего-навсего незрелый орех с этого чертова дерева! Похоже, сорвало ветром.

«Проклятье!» Зейна разозлил собственный страх.

Он встал и поднял пистолет, а затем отошел обратно, на сторожевой пост. «Уже нервы сдают...»

Промелькнула неясная тень, и что-то тяжелое ударило его по запястью. Пистолет выпал, рука вспыхнула болью. Он полетел навзничь, как вдруг кто-то схватил его за руку. И этот кто-то стоял в закоулке у входа... Зейна выдернули из прохода и с силой швырнули наружу, так, что он пропахал плечом по полу. Потом он развернулся и поднял голову, разглядеть противника. И увидел то, чего никак не ожидал.

– Рэнд? Но как?!

Натан Рэнд возвышался над ним со стороны туннеля, приподняв в

руках грозного вида дубину.

Зейн по-крабьи попятился назад.

– Как? – переспросил Нат. – Небольшой урок от наших индейских друзей. Под названием «сила воображения». – Он пнул незрелый орех в сторону Зейна. – Поверь во что-нибудь искренне, и другие поверят.

Зейн поднялся на ноги.

Нат замахнулся суком, словно битой, и ударом в плечо сшиб Зейна обратно на землю.

– Это тебе за шамана, которого ты пристрелил, как собаку! – Нат опять занес дубину. – А это...

Зейн вдруг заглянул ему за спину.

– Келли! Слава богу, ты здесь!

Нат оглянулся вполоборота. Воспользовавшись замешательством, Зейн вскочил на ноги и бросился прочь. Боковой корень он перемахнул в три прыжка и ухмыльнулся, услышав сзади негодующий вопль. Вот ведь дурак! Попался на свою же удочку! У основания туннеля никого не было. Нат видел, как Зейн улепetyвает, огибая толстенный контрфорс.

– Врешь, не уйдешь!

Нат помчался вдогонку с дубиной в руке. Распираемый яростью, он выскочил из-за ствола и успел заметить предателя – тот мчался к лабиринту корней у основания дерева. Попади он туда, найти его и поймать будет задачей не из легких. Нат подумал было вернуться за пистолетом, но время поджимало. Он не имел права упустить подлеца.

Зейн шмыгнул под дугообразный корень и угрем проскользнул вглубь. Шустрый сукин сын! В этой погоне малый вес и щуплость Зейна, несомненно, были выигрышным фактором. Осознав, что драться предстоит врукопашную, Нат отшвырнул дубину и бросился следом.

Они продирались, ползли, перемахивали с уступа на уступ, прокладывая себе путь в причудливом переплетении корней. Разрыв между ним и Зейном рос на глазах.

Внезапно лабиринт кончился. Беглец и преследователь выскочили на одну и ту же тропу посреди растительного хаоса. Нат ругнулся и продолжил погоню.

Впереди сверкнула водная гладь. Мчась по извилистой тропке, Нат разглядел маячивший впереди пруд. Дальше пути не было.

Он усмехнулся. «Приехали, Зейн!»

В нескольких метрах от берега шакал понял, что сам загнал себя в западню, и замедлил бег, но вместо разочарованного вздоха Нат услышал ликующее «ха!».

Зейн отскочил в сторону, припадая к земле.

Нат выбежал на него.

Тот развернулся к нему с пистолетом в руках – девятимиллиметровой «береттой».

Нат на секунду замешкался, ища объяснение чуду, и только потом увидел свой собственный дробовик, зацепившийся ремнем за корень в паре шагов. Его осенило: пистолет Келли! Тот самый, который она выбросила из окна. Нат застонал. Фортуна явно отвернулась от него. Едва он шатнулся вправо за ружьем, как Зейн на него цыкнул.

– Еще раз так дернешься – заработаешь третий глаз!

* * *

9 часов 46 минут

Джунгли Амазонии

Анна спешила вперед, подгоняемая Коуве. Ружейные выстрелы гремели отовсюду, с каждым разом все ближе. Дакии осторожно показывал путь. Спокойный и уверенный, он сновал между деревьями, подводя отряд к эйдотее. Там, вместе с рейнджерами, они попытаются решить, что делать дальше.

Профессор ухитрился связаться с сержантом по рации и сообщить о состоянии дел. Еще он узнал, что Олин, оставленный в штабе, тоже смог доложить о себе. Все это время русский просидел в укрытии наверху. От группы Ната пока не было слышно ни слова. Коуве молился, чтобы с ними ничего не случилось.

Наконец впереди проглянуло солнце. Главная поляна! Их отряд огибал ее с юга, укрываясь под лесной завесой. Если верить сержанту, рейнджеров следовало ждать с севера.

Дакии дождался остальных и, сидя на корточках, вытянул руку.

Анна и Коуве поравнялись с проводником. Через просвет в листве Коуве увидел бревенчатую хижину у опушки. Теперь-то он понял, где находится. Прямо по курсу, всего в пятидесяти ярдах от них росла эйдотея – цель их пути. Однако жест Дакии был направлен вовсе не на нее. Позади дерева Коуве заметил Тор-Тора. Ягуар неся вдоль кромки поляны. Различив его, Коуве смог различить и другие фигуры, перебегающие от одной тени к другой. Команда рейнджеров и Манни! Они добрались! На последнем отрезке пути Дакии, искусно лавируя, вывел свое звено на

опушку. Спустя считанные минуты группы воссоединились у основания эйдотеи. Костос похлопал профессора по плечу. Манни и Анна обнялись.

– Есть вести от Ната? – спросил Коуве.

Сержант покачал головой, затем махнул вверх.

– Я приказал Олину паковать аппаратуру и спускаться сюда.

– Зачем? Я думал, мы должны были встретиться на дереве.

– Здесь недалеко. Если я правильно понял, мы окружены. Так что дерево нас не спасет.

Коуве помрачнел, но вынужден был согласиться. Мародеры планомерно разрушали все древесные постройки. Наверху они были бы в ловушке.

– Тогда каков план?

– Выбираться отсюда. Прорвать их блокаду, и по возможности бесшумно. Как только выйдем из окружения, подыщем такое убежище, где нас не найдут. – Манни придвинулся ближе и посмотрел на часы. – Сержант установил в лесу одну из напалмовых бомб. До взрыва осталось пятнадцать минут.

– Отвлекающий маневр, – пояснил сержант Костос. Затем вскинул повыше рюкзак. – Если что, у нас есть еще.

– Поэтому-то мы не можем ждать Ната, – сказал Манни, читая вопрос в глазах друга.

Коуве смотрел в сторону Ягги. Треск выстрелов быстро сходил на нет, впрочем, как и отпущенное им время. Если уж рисковать, то без промедления. Коуве ничего не осталось, как уступить.

Вдруг лестница-лиана над головой закачалась. Профессор поднял голову. К ним с рюкзаком связиста на спине спускался Олин.

Костос махнул винтовкой.

– Будем готовиться к...

Взрывная волна повалила всех на колени. Коуве обернулся и увидел, как крышу хижины подбросило высоко в воздух. Обломки со страшным свистом разметало вокруг. Один кусок бревна пронесся у них над головами, как летучее стенобитное орудие, прошел листву и где-то вдалеке врезался в землю. Изнутри валил дым.

Взорвалась не граната.

Сквозь дым показалась группа солдат с оружием на изготовку. Коуве тотчас отметил две вещи. Во-первых, отряд вела женщина – обнаженная, рука об руку с высоким незнакомцем в белом. Следующее, на что профессор обратил внимание, находилось в руках одного из наемников и представляло самую непосредственную угрозу. Солдат уперся в землю

коленом и взвалил на плечо длинную черную трубу.

Коуве пересмотрел достаточно «боевиков», чтобы без труда понять, что это.

– Гранатомет!

– Ложись! – крикнула Каррера за его спиной.

* * *

10 часов 3 минуты

Джунгли Амазонии

От первого взрыва Нат и Зейн застыли как вкопанные. Натан не сводил глаз с пистолета противника. Их разделяли всего несколько ярдов, так что дуло смотрело ему точно в грудь. Нат стоял, не смея шевельнуться, затаив дыхание.

Что там творится?

Когда гроыхнуло еще раз, Зейн мельком скосил глаза в сторону взрыва. Нат знал, что другого шанса не будет. Он погибнет, если сейчас же чего-нибудь не предпринять. Пусть это будет не слишком умно, но...

Нат прыгнул вверх, только не в сторону Зейна, а за свисающим справа ружьем. Уловка не прошла незамеченной: прогремел выстрел. Нату словно ожгло чем-то бедро, но он не остановился. Налетев с размаху на корень, Натан сумел вцепиться в ружье. Времени освободить ремень не было, поэтому он развернул дробовик примерно туда, где стоял Зейн, и дернул курок. Отдачей ствол выбило у него из рук.

Нат вовремя отскочил и обернулся.

Зейн с простреленным животом пролетел пару ярдов назад и плюхнулся в водоем, возле которого обрывалась тропа. Он тут же вынырнул на поверхность (пруд оказался на удивление глубоким, даже у берегов) и заорал от испуга и боли.

Предатель на собственной шкуре прочувствовал то, чему подверг безоружного шамана бан-али: рана в живот – одна из самых мучительных.

Нат подтянулся и отцепил дробовик. Затем навел его на барахтающегося Зейна. Не заметив, что стало с пистолетом, Натан решил на этот раз действовать наверняка.

Зейн, с искаженным от боли лицом, отчаянно греб к берегу. Внезапно он содрогнулся всем телом, в страхе вытаращил глаза и заголосил:

– Нат! Вытащи меня отсюда!

Натан инстинктивно подался вперед.

Зейн потянулся к нему с мольбой и смертельным ужасом во взгляде, но в этот момент вода вокруг него словно забила ключом, неистово пенясь.

Нат разглядел у поверхности несколько серебристых тушек. Пираний-мутанты! Он попятился, осознав, куда его занесло, – к тому самому нерестилищу, о котором рассказывал Манни.

Зейн бился, корчился, визжал и извивался. Его тело погружалось в бурлящую воду, глаза лезли из орбит, пока он пытался удержать рот и нос на поверхности. И здесь его ждало поражение. Миг – и голова исчезла. Только рука еще некоторое время виднелась снаружи, а потом точно так же пропала в пучине.

Нат отвернулся и вышел обратно на тропку. Жалости к Зейну он не испытывал. Осмотрел ногу в том месте, где саднило, и увидел в штанине пробитую пулей дыру. Ткань немного намокла от крови. Царапина, пустяки. Ему чертовски повезло.

Нат стиснул ружье и зашагал по тропе, молясь, чтобы удача его не оставила.

* * *

10 часов 12 минут

Джунгли Амазонии

Манни завозился, засыпанный мусором по самую шею, раздвигая плечами обломки. От дыма еле дышалось. Взрыв ракеты над головой до сих пор отдавался у него в голове. Челюстью было больно пошевелить. Высвободился он под град окриков и воплей. Все, как один, что-то приказывали:

- Брось оружие!
- Руки вверх!
- Пошевеливайся, а то пристрелю, где стоишь!

Звучало вполне убедительно. Манни простонал и сплюнул кровь. Обозревая погром, он увидел Анну, стоящую на коленях с руками за головой. С ней тоже все было далеко не в порядке. Профессор Коуве скорчился рядом. По щеке его сбегала алая струйка из ссадины на голове. Дакии стоял там же с озадаченным выражением на лице.

Обернувшись, Манни углядел под кустом пятнистую морду Тор-Тора, жестом велел ему не высовываться. У того же куста рядовая Каррера

тщетно пыталась прикрыть свой «бейли» куском кровли одной из надземных построек.

– Ты! – рявкнул кто-то невидимый. – Подняться!

Манни не знал, кто им командует, вплоть до момента, когда почувствовал на виске жар ружейного дула. Он замер на месте.

– Я сказал: подняться! – повторил неизвестный.

Изыяснялся он с сильным акцентом, как будто немецким.

Манни подобрал колени, встал на ноги. Его слегка пошатывало, чему наемник, казалось, даже был рад.

– Оружие! – гаркнул он.

Манни оглянулся, словно искал пропавший ботинок или носок. Увидев на земле пистолет, он подпихнул его ногой.

– Вот.

Сейчас же из ниоткуда возник второй солдат и подобрал находку.

– Марш! – произнес первый, тыча в сторону остальных.

Ковыляя к друзьям, Манни заметил, что Карреру и Костоса стерегли особо. Кобуры у рейнджеров были пусты, рюкзаки пропали. Всех заставили встать на колени, держа руки за головой. Левый глаз у сержанта заплаыл, сломанный нос смотрел на сторону, залитый кровью. Сержант, в отличие от биолога, без боя не сдался.

Неожиданно дальняя часть леса полыхнула огненным шаром. До них долетел приглушенный звук взрыва вместе с запахом напалма.

То был хваленый «отвлекающий маневр» Костоса. Мало и не вовремя.

– Герр Брайль, этот не шевелится! – донеслось сзади на смеси испанского с немецким.

Манни бросил взгляд на подножие гигантской эйдотеи. Там лежал Олин поверх груди щепок. Из его спины торчало деревянное копьё. Светлая рубашка быстро окрашивалась кровью. Было видно, что он все еще дышит.

Тот, кого называли Брайлем, оторвал взгляд от горящего леса и пошел удостовериться.

– Hundefleisch, – произнес немец.

«Собачья пожива». С этими словами он достал пистолет и выстрелил Олину в затылок.

Услышав звук, Анна вздрогнула и зажала рот рукой.

Из-за развалин бревенчатой хижины неспешным шагом вышла чета предводителей. Индианка, хоть и нагая, держалась непринужденно, словно на пикнике. Точеные ноги, плавные линии. На груди у нее покачивался какой-то диковинный талисман, который сперва показался Манни кожаным

кисетом. Когда же его обладательница подошла ближе, он узнал в нем высушенную голову. Голову, обриту наголо.

Рослый мужчина рядом с ней, в белом кителе и щегольской панаме, заметил взгляд Манни. Он приподнял ожерелье, с тем чтобы видели все.

Бразилец узнал армейские бирки.

– Позвольте еще раз представить вам капрала Де Мартини.

Белый звонко расхохотался, словно сказал что-то особенно забавное, какой-нибудь удачный каламбур, и уронил обезображенную голову десантника обратно, на грудь любовнице. Сержант Костос прорычал что-то грозное, но ствол автомата у горла все так же не давал ему подняться с колен.

Луи ухмыльнулся, оглядев вереницу согбенных пленников.

– Вижу, наша компания снова в сборе. Чудесно.

Манни уловил явственный французский акцент. «Кто бы это мог быть?» Впрочем, Коуве тут же ответил на его немой вопрос.

– Луи Фавре, – выдохнул профессор, досадливо морщась.

Взгляд француза метнулся к нему.

– Доктор Фавре, дорогой профессор. Будем взаимно вежливы, если хотим поскорее уладить сие неприятное недоразумение.

Коуве мрачно глядел на него, не говоря ни слова.

Имя налетчика было Манни знакомо. Так звали биолога, объявленного властями Бразилии вне закона за махинации на черном рынке и преступления против туземцев. Профессор, как и отец Ната, некогда изрядно от него натерпелся.

– Мы тут пересчитали овец и поняли, что кое-кого не хватает, – произнес Фавре. – Где же остальные участники вашей маленькой группы?

Никто не ответил.

– Ну-ну. Незачем ссориться. Денек-то какой славный! – Фавре прошелся взад-вперед вдоль шеренги пленников. – Вы ведь не хотите испортить его, верно? Я ведь простой вопрос задал.

Все продолжали сидеть, угрюмо уставясь в пространство.

– Ладно, как знаете. – Он повернулся к подруге. – Тшуи, ма шери, выбирай.

Фавре нарочито отряхнул руки, как бы в знак непричастности к их дальнейшей судьбе.

Индианка медленно обошла их, задержалась перед Каррерой, склонив голову набок, потом резко скакнула вбок и, пропустив двоих, опустилась на корточки нос к носу с Анной.

Анна отпрянула бы, если бы не ружейное дуло, упирившееся ей в

спину.

– Да, вкуса у нее не занимать, – прокомментировал Фавре.

С быстротой змеиного броска ведьма провела рукой по волосам и извлекла оттуда тонкий костяной кинжал. Только в одном племени Манни встречал воинский обычай прятать ножны с кинжалами в прическе – племени шуаров, или эквадорских головорезов.

Острие выбеленного ножа уперлось Анне под подбородок. Та дрогнула, и по лезвию побежала алая струйка. Анна только и успела, что охнуть.

«Все, хватит», – решил Манни. Его рука почти рефлекторно метнулась к поясу и легла на рукоять кнута. Иногда он тоже умел действовать быстро. Многолетняя тренировка дикого зверя оттачивала сноровку, как ничто другое. Манни рывком выхватил кнут и щелкнул. Кончик кожаного шнура ударил по ножу, выбил его из рук и слегка рассек кожу на скуле индианки.

Та по-кошачьи зашипела и откатилась зализывать рану. В ее руке тотчас возник другой нож словно по волшебству. Когтистая оказалась кошка.

– Оставьте Анну в покое! – прокричал Манни. – Я скажу, где остальные.

Договорить он не успел – его огрели по затылку чем-то тяжелым, и бразилец рухнул лицом в грязь пополам с опавшими листьями. Чья-то нога отпихнула в сторону его хлыст и обрушилась на руку карающим ударом. Хрустнул сломанный палец.

– Сюда его, живо! – рявкнул Фавре, с которого быстро слетела вся напускная любезность.

Манни приволокли за волосы. Покалеченную руку он приютил на груди.

Фавре встал возле своей индианки и вытер с ее щеки кровь. Затем повернулся к Манни и облизнул пальцы.

– Что, неймется? – спросил он, протягивая руку назад.

Один из громил вложил в нее оружие с коротким стволом вроде мини-«узи».

Невидимая рука с силой поддержала Манни за волосы.

– Пусти его, Брайль, – сказал Фавре.

Рука ослабила хватку. Лишившись поддержки, Манни чуть было снова не упал навзничь.

– Где они? – допытывался француз.

– На дереве, – проронил Манни, преодолевая боль, – в последний раз были там... Больше мы их не слышали.

Фавре кивнул.

– Это я уже знаю. – Свободной рукой он залез в карман и вытащил точно такую же рацию. – Капрал Де Мартини любезно одолжил мне ее и сообщил все необходимые частоты.

Манни нахмурился.

– Если вы знали, то зачем...

Он оглянулся на Анну.

Послышался долгий вздох, полный раздражения и скуки.

– Хотелось удостовериться, что вы не замышляете обманного маневра. Судя по всему, у меня прервалась связь с агентом, подосланным в ваш тесный коллектив. Человеку мнительному, как я, это немного не по душе.

– Агентом? – переспросил Манни.

– Шпионом, – пояснил Коуве с дальнего конца шеренги. – Ричардом Зейном.

– Именно. – Фавре повернулся к дереву и поднес рацию к губам. – Нат, если слышишь меня, оставайся на месте. Скоро будем.

Микрофон молчал.

Манни надеялся, что Нату и Келли как-нибудь удалось скрыться, хотя в душе понимал: Келли никогда не уйдет, бросив брата на произвол судьбы. Наверняка они все еще прячутся где-то внутри дерева.

Француз оглядел исполина с белой корой и задумчиво прищурился. Постояв так секунду, он обернулся и снова воззрился на Манни.

– Что ж, а пока кое-кому придется ответить за оскорбление, нанесенное моей даме.

Манни снова оказался на мушке курносого «узи».

– Не по-мужски ведете себя, мсье Азеведо.

Фавре нажал на курок. Автомат затрещал, разряжая обойму. Манни зажмурился, но пули просвистели мимо, ни разу его не задев.

Сзади послышался сдавленный хрип. Охранник, стоявший у него за спиной, рухнул вперед с изрешеченным торсом. Он лежал, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба. Из рта и ноздрей его хлынула кровь. Фавре опустил дуло, а Манни смотрел на него, недоумевая. Француз повел бровью.

– Если я кого и виню, то не вас. Брайль должен был за вами следить и, уж конечно, отобрать этот чертов хлыст. Халтура, сплошная халтура. – Он покачал головой. – Вот уже двух заместителей лишился, а прошло-то времени всего ничего.

Фавре отвернулся и взмахнул автоматом.

– Пленных – за мной. – Он направился в сторону Ягги. – Что-то устал

я гоняться за Рэндом-сынком. Посмотрим, удастся ли убедить нашего тихоню спуститься сюда.

* * *

11 часов 9 минут

Джунгли Амазонии

Нат замер в укрытии за одним из корней-контрфорсов Ягги. По поляне клубился дым. Со стороны эйдотеи то и дело звучала пальба и приглушенные вопли. Что же там происходит?

Единственным, что он мог разглядеть со своего места, была груда трухи и воронка – все, что осталось от бревенчатого жилища отца. Его обуяли страх и отчаяние.

Затем, как тени над могилой, из дыма соткались людские фигуры, зыбкие и расплывчатые. Нат вжался под корень, наводя дробовик в сторону привидений. Впрочем, с каждым шагом те становились все четче и материальнее. Наконец в ближних фигурах он узнал Манни и Коуве, поддерживающих Анну. С тыла и по бокам их прикрывали Костос с Каррерой. Даже туземец – Дакии – и тот шагал вместе со всеми. Запятнанные кровью, с руками за спиной, они ковыляли вперед, понукаемые сзади вереницей призрачных фигур.

Вскоре Нат смог разглядеть и погонщиков – людей в полувоенной, полуохотничьей экипировке. Весь их разномастный арсенал метил в спины его товарищей.

Нат опустил дробовик. Было бы безумием идти с ним против толпы врагов, да еще в такой ситуации. Старый план не годился. Все, чем он располагал, – это тень да укрытие.

Заложников остановили. Человек в белом поднес к губам небольшой рупор.

– Натан Рэнд! – прокричал он, задрал голову к ветвям Ягги. – Сдавайся, или же друзьям придется поплатиться за твое упрямство. Даю две минуты!

Товарищей Ната и Дакии заставили опуститься на колени.

Натану ничего не осталось, как малодушно таиться в тени. Бандой, несомненно, верховодил тип в белом, по акценту – француз. Нат видел, как он нетерпеливо поглядывал на часы и притопывал носком ботинка. Так ему стало ясно, что главарь, полагаясь на последние сводки от своего шпика,

думал увидеть Натана наверху.

Нат колебался. Открыться или сбежать? Попытать ли удачи в лесу? Может, попробовать обойти банду сзади? Он мысленно покачал головой. Какой из него партизан...

– Полминуты осталось! – проревел француз.

Сверху вдруг долетел чей-то тонкий голос.

– Ната здесь нет! Он ушел!

Келли!

Главарь опустил рупор.

– Вранье, – пробубнил он под нос.

– Доктор Фавре, – произнес Коуве, все так же держа руки за головой. –

Выслушайте, прошу вас.

Услышав имя, Нат с силой стиснул ружье. Отец не раз рассказывал ему о злодействах Луи Фавре – амазонского душегуба, убийцу многих индейцев, чудовища, которого Карлу Рэнду удалось изгнать из страны ценой невероятных усилий. И вот Фавре опять здесь.

– В чем дело, профессор? – кисло протянул Луи.

– Там, наверху, Келли О'Брайен. Осталась при раненом брате. Если она говорит, что Ната нет с ними, значит, так оно и есть.

Фавре нахмурился и снова взглянул на часы.

– Сейчас проверим. – И прокричал в мегафон: – Десять секунд!

Он протянул руку. В нее немедленно вложили зловещего вида мачете. Его отточенное лезвие сверкало даже в дыму.

Фавре наклонился и приставил тесак острием к горлу Анны Фонг, после чего рупор взревел снова.

– Время истекает, Натан! Я и так расщедрился на целых две минуты. Каждая новая будет стоить жизни кому-то из твоих друзей. Если выйдешь сейчас, все останется целы. Слово француз и джентльмена! – Он начал последний отсчет. – Пять... четыре...

Нат ломал голову в поисках выхода, любой дельной мысли. Слову Фавре грош цена, в этом сомневаться не приходилось.

– Три, два...

Он еще мог избежать плена.

– Один...

Но не нашел как.

– Ноль!

Натан высунулся из укрытия и шагнул вперед, подняв ружье над головой.

– Ваша взяла, – прокричал он в ответ.

Фавре отвел руку, занесенную над Анной, и выпрямился, вскинув бровь.

– Ну, малыш, и напугал ты меня! Что же ты делал там, один-одинешенек?

По лицу Анны текли слезы.

Нат отшвырнул дробовик.

– Ваша взяла, – повторил он.

Солдаты высыпали вперед, окружая его.

Фавре усмехнулся.

– Как всегда.

Его усмешку исказила дьявольская злоба. Не успел никто оглянуться, как он со всего маху полоснул тесаком по стоявшему сзади пленнику. Брызнула кровь. Голова несчастного отлетела, снесенная начисто.

– Манни! – закричал Нат.

Он упал на колени, уткнулся ладонями в землю.

Обезглавленное тело друга повалилось назад.

Анна вскрикнула и потеряла сознание, рухнув на Коуве.

Стоя к Нату спиной, Фавре наблюдал шок и подавленность на лицах остальных пленников.

– Неужели вы и впрямь решили, будто мсье Азеведо мог ранить мою девушку и уйти безнаказанным? Mon Dieu!^[7] Вижу, рыцарство у вас не в чести.

Нат заметил, как индианка, стоящая в заднем ряду, тронула порез на щеке.

Фавре обернулся, оказавшись лицом к лицу с Натом. На его белоснежном костюме появилась алая перевязь от крови Манни. Мерзавец постучал по циферблату часов и погрозил Нату пальцем.

– Кроме прочего, Натан, счет вышел. Ты опоздал. Сделка есть сделка.

Нат понуро опустил на землю.

– Манни...

Где-то вдалеке тишину утра прорезал одинокий ягуарий вой, и эхо его гулко пронеслось по долине.

Лекарство

17 августа, 16 часов 16 минут

Джунгли Амазонии

Луи руководил последними приготовлениями. Свой запятнанный пиджак он повесил на локоть, засучил рукава. Денек выдался знойный, а скоро здесь станет еще жарче – так жарко, что... Он мрачно усмехнулся, упиваясь видом развалин. Солдат-колумбиец по прозвищу Шрам, завидя его, поспешно вскочил. То был детина поистине гигантского роста и такой же убийственной мощи. Когда-то, служа телохранителем у одного наркодельца, он получил заряд кислоты, предназначавшийся боссу, отчего половина его лица превратилась в корку из зарубцевавшейся ткани. В довершение всего неблагодарный хозяин, которому лицо охранника напоминало о миге близкой кончины, чуть было не пристрелил парня. Луи же, напротив, воздал должное преданности колумбийца. В итоге тот составил превосходную замену Брайлю.

– Шрам, – произнес Фавре вместо приветствия, – сколько еще займет установка зарядов?

– Полчаса, – отчеканил новый «лейтенант».

Луи кивнул и посмотрел на часы. Времени было в обрез, но все шло по плану. Если бы чертов русский не наладил систему и не выслал сигнал, можно было бы насладиться победой без спешки.

Вздыхая, Луи оглядел шеренгу пленников. Восемнадцать – все, как один, на коленях, руки связаны за спиной и примотаны к лодыжкам для пущей безопасности. Сквозь узлы им пропустили по петле, другой конец которой обвивался вокруг шеи, соорудив так называемый «захват-удавку». Чем сильнее будешь выпутывать руки, тем глубже петля врежется в горло.

Несколько пленников уже задыхались на глазах. Остальные жарились на солнце, обильно потая и истекая кровью.

Фавре заметил, что Шрам до сих пор стоит рядом с ним.

– А что, всю деревню уже прочесали? – спросил он. – Бан-али еще есть?

– Только трупы, сэр.

Еще вчера здесь жила сотня с лишним туземцев. Теперь в Амазонии стало одним вымершим племенем больше.

– А что насчет долины? Все осмотрели как следует?

– Так точно, сэр. Единственный спуск с этого плато – через расщелину.
– Отлично, – проговорил Луи. Он уже слышал это во время пыток пленного разведчика бан-али, просто хотел убедиться. – Пройдитесь-ка еще раз по всем точкам. Я намерен убраться отсюда не позже пяти, ясно?

Шрам кивнул, развернулся кругом и быстро зашагал в направлении гигантского дерева. Луи проследил за ним взглядом. Из дупла в основании дерева тем временем выкатили две стальные канистры. После оцепления долины его люди, вооружившись топорами и долотом, взобрались высоко по стволу, наделали желобов в древесине и нацедили так многие литры бесценного сока. Пока выкатывали канистры, Луи, прищуря глаза, наблюдал за трудами другой своей команды, снующей у основания гигантского древа.

Пока все работало слаженно, как часы. Еще бы, у Фавре по-другому не бывало.

Довольный собой, он приблизился к цепочке плененных участников экспедиции, томящихся на полуденном зное.

Чуть поодаль от них расположилась горстка уцелевших туземцев – последних из бан-али.

Луи оглядел добычу. Слишком уж гладко прошла охота, никакого удовольствия. Парочка рейнджеров метала убийственные взгляды. Маленькая азиатка-антрополог наконец совладала с собой и, закрыв глаза, отрешенно шептала молитвы. Коуве держался стоически. Луи остановился напротив последнего пленника.

Взгляд Натана Рэнда был столь же тверд, как у рейнджеров, и вместе с тем содержал нечто особенное – оттенок холодной решимости.

Выдержать этот взгляд было непросто, но Фавре и не думал отводить глаза. В лице Ната он видел отражение его отца: те же рыжеватые волосы, линии скул, форму носа. И все-таки это был не Карл Рэнд. Неожиданно для себя Луи ощутил разочарование. Видеть сына врага у своих ног оказалось не так отрадно, как он предполагал. Вкус победы вдруг сделался пресен.

По сути, Фавре даже в чем-то зауважал Рэнда-младшего. По пути сюда тот проявил недюжинный ум и железную стойкость, включая расправу с его шпионом. Да и здесь перед лицом опасности доказал свою преданность и готовность пожертвовать жизнью ради команды. Похвальные качества, даже для врага.

Один этот взгляд чего стоил – тверже гранита. Такой бывает лишь у тех, кому выпало пережить невыносимое горе. Луи вспомнил приятеля, старика из отеля – там, во Французской Гвиане, уцелевшего в застенках острова Дьявола. Вспомнил, как тот потягивал его бурбон... У парня был

этот же взгляд. Не отцовский, другой. И человеком он был другим.

– Что вы с нами сделаете? – спросил Нат – просто, без заискиваний.

Фавре вытащил из кармана платок и отер взмокший лоб.

– Как джентльмен, даю слово, что не убью вас и ваших друзей. И сдержу его.

Нат недоверчиво прищурился.

– Ваша смерть останется на совести американских военных, – печально закончил Луи.

Показалось или он сожалел искренне?

– Как это? – спросил Нат, заподозрив неладное.

Луи покачал головой и сделал два шага к сержанту Костосу.

– Пожалуй, предоставим-ка вашим товарищам ответить на этот вопрос.

– Не знаю, о чем вы, – огрызнулся Костос.

Фавре нагнулся, заглядывая сержанту в лицо.

– Неужели? Хотите сказать, капитан Ваксман не посвятил следующего по званию?

Костос увел взгляд.

– На что это он намекает? – обратился Нат к сержанту. – Костос, дальше нет смысла скрытничать! Если знаете что-то...

Сержант сдался и заговорил, потупя глаза:

– Дело в напалмовых мини-бомбах. Нам было велено разыскать источник чудо-вещества, а затем, после взятия пробы, уничтожить.

Фавре выпрямился, не без злорадства глядя в огорошенные новостью лица. Даже девушка-рейнджер и та выглядела потрясенной. Похоже, в военной среде секреты доступны лишь избранным. Он поднял руку и указал в сторону кучки людей, столпившихся у гигантского дерева, – его личной команды подрывников. Девять оставшихся бомб, казалось, глядели на них девятью черными зрачками на фоне белесой коры.

– Благодаря правительству Штатов здесь достаточно мощи, чтобы разнести в щепки даже такое зеленое чудовище.

Костос сидел, понурившись. И было отчего.

– Как видите, – ввернул Фавре, – наши миссии не очень-то разнятся. Отличие только в том, кому достанется прибыль – военному комплексу США или французской фармкорпорации, что, в свою очередь, порождает вопрос: кто сможет гуманнее распорядиться находкой? – Он пожал плечами. – Кто знает? Тогда зададим вопрос по-иному: кому легче направить ее свойства во вред? – Здесь Фавре красноречиво взглянул на сержанта. – Думаю, ответ очевиден.

Все притихли.

Через некоторое время Нат произнес:

– А что будет с Келли и Фрэнком?

Как же, пропавшие члены команды... Фавре не удивился, что именно Нат поднял эту тему.

– За их жизнь можете не волноваться. Они отправятся с нами, – пояснил Луи. – На днях я связался со спонсорами. Так вот, из мсье О'Брайена выйдет отличный подопытный кролик для изучения процессов регенерации. Ученым из «Сен-Савена» не терпится вплотную им заняться.

– А Келли?

– Мадемуазель О'Брайен пойдет вместе с братом – для гарантии его сотрудничества.

Нат побледнел.

За разговором Луи заметил, как его взгляд переметнулся на дерево.

– Отсчет будет идти три часа, то есть до восьми вечера, – помахал Фавре в сторону Ягги.

Он знал, что всем им довелось наблюдать одну такую бомбу в действии. Луи удевятирил ее мощь и теперь смотрел, как пленники один за другим впадают в отчаяние.

– Каньон мы также заминировали, как и единственный выход из него. Все бомбы будут взорваны сразу же по выходе из зоны. Нельзя допустить, чтобы какой-нибудь беглый индеец вас вывел отсюда. Боюсь, шансов выжить не будет, даже если удастся распутать веревки. Огневой шторм выжжет урочище целиком, прикончит весь оставшийся сок, а ночью послужит сигнальным огнем моим вертолетам. Заметем следы и незаметно скроемся.

Пленники, окончательно подавленные, тускло смотрели перед собой.

– Каков план, а? – усмехнулся Фавре.

Откуда-то сзади появился «лейтенант»-колумбиец и встал у Фавре за спиной, даже не взглянув на остальных, словно те были стадом овец.

– Что такое, Шрам?

– Все готово. Эвакуируемся по вашей команде.

– Считайте, что вы ее получили. – Луи еще раз повернулся к веренице связанных мужчин и женщин. – Прошу простить меня – дела не ждут. Засим откланяюсь. Адью!

Уходя, Фавре почувствовал прилив злобной радости при мысли о том, что именно папаша Рэнд предуготовил своему сынку такую погибель. Вот уж действительно, пошел по отцовским стопам.

Эх, видел бы его сейчас старый враг, наверняка жарящийся в пекле...

* * *

16 часов 55 минут

Джунгли Амазонии

Нат сидел на земле рядом с друзьями, как и они, оглушенный и раздавленный новостью. У него на глазах наемники готовились к уходу.

Коуве прошептал у его плеча:

– Я вижу, Фавре впрямь уверовал, будто сок Ягги – великая панацея.

Нат осторожно повернул голову, памятуя о шейной петле.

– Теперь не все ли равно?

– Он рассчитывает, что сок победит эпидемию подобно тому, как он лечит увечья. А если это не так?

Нат пожал плечами.

– Что же вы предлагаете?

– Предупредить его, – ответил Коуве.

– С какой стати нам ему помогать?

– Не ему, а всем тем людям, которые сейчас гибнут от эпидемии. Лекарство где-то здесь, я это чувствую. А он уничтожит его, угробит последний шанс остановить проклятие бан-али. Мы обязаны предупредить его.

Нат нахмурился. Он вспомнил смерть Манни, обезглавленное тело друга, упавшее в грязь. Как ни разумно звучали доводы профессора, душа восставала против этой затеи.

– Он все равно не послушает, – произнес Нат, пытаясь найти компромисс между чувством и разумом, подыскать оправдание бездействию. – У Фавре все по графику. Ему остается не больше восьми часов до того, как придут военные. Взорвать все и сбежать – на большее он не способен.

– Значит, придется убедить его выслушать, – твердил Коуве.

Со стороны Ягги донесся чей-то оживленный спор. Нат с профессором оглянулись на арочный вход. Вскоре оттуда появилась пара наемников с носилками. Нат узнал собственноручно скрепленные шесты. На них лежал Фрэнк, связанный, как овца на заклание. За носилками шла Келли, держа спутанные руки за спиной. Рядом с ней шагала Фавре со своей индианкой. Шествие замыкали несколько стрелков.

– Вы не знаете, что творите! – отчаянно выкрикивала Келли. – У нас нет гарантии, что сок может вылечить что угодно!

Нат услышал эхо недавнего спора.

Фавре пожал плечами.

– В любом случае «Сен-Савен» заплатит мне задолго до того, как наш спор разрешится. Достаточно одного взгляда на ноги вашего братца... или на то, что от них осталось... чтобы выписать мне миллионы немедленно.

– А что будет с теми, кто умирает? Старики, дети – о них вы подумали?

– Что мне за дело? Мои родители давно умерли, детей я не нажил.

Уже готовая взорваться, Келли вдруг увидела на земле горстку пленников. Она вспыхнула, глянула в спины тридцати с лишним наемникам, покидающим долину, потом снова посмотрела на товарищей.

– Что происходит?

– А, вы о своих друзьях... Они остаются.

Келли перевела взгляд на кольцо бомб на дереве, на друзей, на лицо Ната.

– Вы... Не можете же вы бросить их здесь!

– Почему же? – отозвался Фавре. – Еще как могу.

Келли запнулась. Ее голос звучал глухо от слез.

– Тогда позвольте хотя бы попрощаться.

Фавре вздохнул с деланным недовольством.

– Так и быть. Только быстро.

Он схватил ее за плечо и вывел из строя. За ними шли индианка и четверо телохранителей. Фавре поставил Келли перед линией таких же, как она, пленников.

При ее виде у Ната защемило сердце. Лучше бы она просто прошла мимо, не оборачиваясь. По лицу пленницы катились слезы. Келли задержалась перед каждым товарищем и попросила простить ее – так, словно она одна была виновата во всем. Нат едва слушал, стараясь удержать в памяти ее образ, зная, что увидеться больше не суждено. И вот она прижалась щекой к профессору Коуве. Последним в ряду сидел Натан. Келли посмотрела на него и упала на колени.

– Нат...

– Тсс, – шепнул он с печальной улыбкой. Их тайное слово, напоминание о ночи вдвоем. – Тсс.

Келли снова расплакалась.

– Я слышала о Манни, – проговорила она. – Мне так жаль...

Нат закрыл глаза и пригнул голову.

– Если выпадет шанс, – сказал он вполголоса, – убей эту французскую сволочь.

Она наклонилась к Нату, коснувшись щекой его щеки.

– Обещаю, – шепнула Келли ему на ухо.

С виду – ни дать ни взять тайная клятва влюбленных.

Нат повернул голову и поймал ее губы. Пусть себе смотрят. Он целовал ее в последний раз. Келли встретила поцелуй, все еще всхлипывая от слез.

Потом ее оттащили прочь, рывком подняли на ноги. Фавре стальной хваткой вцепился ей в руку.

– Сдается мне, тут не только профессиональные отношения, – насмешливо протянул он.

Внезапно Фавре привлек Келли к себе и впился ей в губы. Она вскрикнула удивленно и негодуя. Негодяй тут же отшвырнул ее к своей индианке, утирая кровь.

Келли его укусила!

– Будь спокоен, Натан, – прошипел он. – О твоей девушке я позабочусь как следует. – Он оглянулся на Келли и свою подругу. – Уж мы с Тшуи не дадим ей скучать. Верно, милая?

Индийская ведьма вплотную приблизилась к пленнице и, подняв один из ее локонов, принялась.

– Гляди-ка, Тшуи уже заинтересовалась.

Нат порывался наброситься на негодяя, сражаясь с веревкой.

– Мразь, – шипел он, задыхаясь в тугой петле.

– Спокойствие, мальчик. – Луи отступил назад, прижав Келли за плечи. – Она в надежных руках.

Слезы бессилия катились по щекам Ната одна за другой. Вместо дыхания из его груди вырывался сдавленный хрип. Веревка струной врезалась в горло, но он не сдавался. Если уж уготована смерть, то не все ли равно, как умереть – в петле или пламени?

Перед глазами у него потемнело, по краям замигали искры...

– Брось, Нат, – шикнул на него Коуве.

– Зачем?

– Пока жив, надежда всегда остается.

Нат обмяк в своих путах, не находя в профессорских словах ничего, кроме пораженчества.

Очень скоро дышать стало легче. Он смотрел вслед уходящей банде, точнее, провожал взглядом Келли. Вот она обернулась в последний раз, у опушки, и через миг пропала из виду.

Все молчали, за исключением Анны, нашептывавшей молитву. Несколько индейцев сзади затаили что-то скорбное, другие рыдали. Так они и сидели, уже ни на что не надеясь, пока палящее солнце над ними

медленно катилось к закату. Каждый вздох, каждый всхлип приближал их к неминуемой смерти.

– Что же он нас просто не пристрелил? – пробормотал сержант Костос.

– Не его метод, – ответил профессор. – Он хочет замучить нас ожиданием, чтобы мы взмолились о смерти. Любит медленные пытки, гад.

Нат закрыл глаза, чувствуя себя уничтоженным.

Часом позже к югу от них прогремел оглушительный взрыв. Открыв глаза, Нат увидел толстый столб дыма и каменной пыли, взметнувшийся в небо.

– Завалили расщелину, – сказала Каррера на другом конце ряда.

Нат отвернулся. Отголоски взрыва слышались еще несколько секунд и только потом стихли. Все теперь ждали последнего взрыва – того, что убьет их и выжжет долину дотла.

В нависшем тягостном молчании Нат вдруг услышал явственный всхрап, донесшийся откуда-то с опушки. Всхрап ягуара.

Нат и Коуве переглянулись.

– Тор-Тор? – спросил Натан, загоревшись надеждой.

Зашелестела листва, и наружу высунулась морда гигантской кошки. Но не той, что привел с собой Манни.

Огромный, черный как смоль ягуар выступил на поляну, втягивая носом воздух и щерясь в голодном оскале.

* * *

17 часов 35 минут

Джунгли Амазонии

Келли старалась идти вровень с носилками. Сподручные Фавре, казалось, не знали устали, маршируя по джунглям нижнего каньона, словно машины из мяса и костей. Сама Келли, шедшая налегке (камень на сердце – не в счет), спотыкалась на каждом шагу.

Фавре задал нелегкий темп. Ему хотелось пораньше добраться к болотному озеру и укрыться в прибрежном лесу – прежде чем полыхнет верхний каньон.

– А там только жди – вояки слетятся, как мухи на кучу дерьма, – предупредил Фавре. – Уходить надо далеко.

Еще Келли удалось подслушать пару фраз на испано-португальском арго, которыми перебрасывались наемники, в промежутках между

кряхтением и руганью. Фавре радировал вперед и договорился, чтобы моторки встретили его на реке. День перехода, и они быстро пустятся дальше.

Перво-наперво от них требовалось благополучно прийти к месту встречи, что предполагало известную долю спешки. Поэтому к отстающим, в том числе и Келли, француз был беспощаден. Мерзавец присвоил себе кнут Манни и прохаживался вдоль своего каравана, словно погонщик рабов, то и дело хлеща провинившихся. Один такой удар пришелся по спине Келли, когда она, потрясенная взрывом в ущелье, рухнула на колени. От отчаяния ноги не слушались ее, Келли была не в силах двинуться с места. И тут плечо вспыхнуло болью. Кнут разорвал ей рукав и полоснул по коже. С тех пор она изо всех сил старалась не падать.

– Келли... – заговорил Фрэнк с носилок.

Она нагнулась к нему.

– Мы прорвемся, – пролепетал брат в полузабытьи.

Как он ни протестовал, Келли все-таки вприснула ему димедрол перед выносом из лечебницы. Ей совсем не хотелось, чтобы Фрэнк страдал от тряски.

– У нас все получится.

Келли кивнула, жалея, что не может взять его за руку. Даже Фрэнка, накрытого одеялом, накрепко привязали к носилкам. Он еще раз попытался кое-как подбодрить сестру.

– Нат и остальные... они обязательно выберутся... найдут способ... спасти...

Последние его слова унесла непреодолимая дрема.

Келли оглянулась. Почти все небо загоразивало зеленое покрывало, но дымовой столб от обвала, преградившего путь между каньонами, еще просматривался. Она не сказала брату о зарядах в доисторической роще. Товарищи уже ничем не смогут им помочь.

На ходу Келли буравила взглядом спину главаря.

Все ее чаяния свелись лишь к одному – мести. Она убьет Фавре, как обещала Нату, даже если погибнет сама.

* * *

*17 часов 58 минут
Джунгли Амазонии*

Черный ягуар неспешно выступил на поляну. Нат узнал его, точнее, ее – самку-вожака стаи, чье коварство стоило жизни стольким его товарищам. Видимо, она одна уцелела, не попробовав яда, после чего инстинкт привел ее в места появления на свет.

– Час от часу не легче, – проворчал Костос сквозь зубы.

Бестия разглядывала связанных пленников, будто бекон на прилавке. Без отпугивающего камуфляжа даже бан-али рисковали быть съеденными. Черная покровительница, сотворенная Яггой для их защиты, показала звериный оскал.

Припав к земле, самка кралась к обездвиженным людям, нервно подергивая хвостом.

Вдруг над черным поджарым плечом мелькнула рыжая вспышка. В тени великанши из джунглей выскочил Тор-Тор. Маленький и бесстрашный, он обежал ее и бросился к Нату и остальным. От такого проявления кошачьей привязанности Натан повалился на землю. После гибели хозяина встреча со старыми знакомыми заметно ободрила зверя, принесла долгожданное утешение.

Нат прохрипел сквозь удавку:

– Молодец... молодчина, Тор-Тор.

Черная самка попятилась, зачарованная странным зрелищем.

Тор-Тор прильнул к боку Ната, ища не то ласки, не то ощущения привычного порядка вещей. Ничего этого Натан не мог ему дать, пока были связаны руки, зато родил дельную мысль. Он перекатился на другой бок (удавка врезалась еще сильнее) и протянул путы ягуару. Тор-Тор понюхал веревки.

– Давай, перегрызи их, – уговаривал Нат, встряхивая связанными руками, – и я почешу тебе шкуру, олух ты этакий.

Тор-Тор лизнул руку и уткнулся Натану в плечо.

Нат проворчал от досады, потом посмотрел за спину. Черная самка бесшумно приблизилась к нему и коротким рыком отогнала Тор-Тора.

Нат замер. Чудище приняло к руке, которую лизнул Тор-Тор, и окинуло Натана прежним пронизательным взглядом. Нат был уверен: самка явственно ощущала ужас в лежащей перед ней жертве.

Он тут же вспомнил, как она отхватила Фрэнку обе ноги одним-единственным броском.

Великанша склонила голову к его рукам и ногам, заворчала. Нат почувствовал, как его поддержали кверху, и захрипел. Горло сдавило невыносимо. Он вдруг задумался, успеет ли задохнуться прежде, чем его съедят, и взмолился, чтобы успеть. Однако вместо этого его бросило на

землю. Нат инстинктивно съежился и только тут понял, что руки свободны. Не теряя времени даром, он откатился в сторону и сел, глядя на разодранные веревки, свисающие с запястий. Самка освободила его! Он начал вытаскивать голову из петли. Все это время великанша не сводила с него глаз. Тор-Тор потерялся о ее необъятный бок, явно выражая признательность, и подошел к Нату. Тот наконец ослабил петлю и отшвырнул прочь. Связанные ноги подождут – сперва надо поблагодарить друга.

Тор-Тор наскочил на него, уткнулся лбом в грудь. Нат поскреб у него за ушами и услышал довольный рокот мурлыканья.

– Вот молодец, постарался...

Ягуар испустил тихий жалобный вой.

Нат поднял его морду и заглянул в янтарные кошачьи глаза.

– Я тоже любил Манни, – шепнул он.

Тор-Тор, сопя, обнюхал его лицо.

Нат вытерпел, не отстранился, а стал приговаривать что-то успокаивающее. Наконец Тор-Тор отошел назад так, что Нат смог распутать лодыжки.

Черная самка уселась чуть дальше Тор-Тора. Вероятно, ягуар набрел на нее после гибели Манни и привел сюда. Догадка биолога подтвердилась – между молодыми ягуарами действительно развилась некая связь. Быть может, их общее горе – по хозяину и по родной стае – укрепило ее еще больше.

Нат встал и освободил Коуве. Вместе развязали остальных. Через минуту Нат спохватился, что распутывает руки и ноги Дакии, индейцу, повинному в травле их отряда саранчой и пираниями. Впрочем, Нат решил не ворошить прошлое. В конце концов, индеец защищал свой народ, и, как оказалось, не зря. Нат помог ему встать, озирая дымящиеся руины – все, что осталось от деревни. Так кто был настоящими варварами в джунглях?

Дакии стиснул Ната в объятиях.

– Рано благодарить, – отвечал Натан.

Оставшихся бан-али мало-помалу освободили, но не их он имел в виду. Больше всего сейчас его занимал заминированный ствол в кольце девяти круглых бомб.

Мимо прошел сержант Костос, потирая покрасневшие запястья.

– Пойду разведую, нельзя ли отключить детонаторы. Каррера попробует отыскать спрятанное оружие.

Нат кивнул. Освобожденные бан-али сгрудились возле двух ягуаров. Те блаженно развалились в тени, игнорируя зрителей. Нат все же заметил,

что самка, прищурившись, пристально следит за происходящим. Даже сейчас она не оставляла своей вахты.

Вскоре компанию пополнили Анна и Коуве.

– Освободиться мы освободились, а что дальше? – спросил профессор.

Нат тряхнул головой.

Анна стояла, сцепив на груди руки.

– Что случилось? – спросил Нат, отмечая ее хмурый взгляд.

– Все этот Зейн. Если выживем – ноги моей больше не будет в «Теллуксе».

Нат не сдержал улыбку.

– Что ж, тогда мое заявление будет лежать рядом с вашим.

Спустя минуту-другую возвратился Костос. Вид у него был по обыкновению мрачный.

– Все мины в оплетке и перенастроены так, что обезвредить их невозможно. Отключить таймер или убрать детонаторы я не могу.

– Неужели ничего нельзя сделать? – недоумевал Коуве.

Рейнджер покачал головой.

– Должен признать, лягушатник свое дело знает. Постарались на славу, черти.

– Сколько осталось?

– Чуть меньше двух часов. Таймеры выставлены на восемь.

Нат покосился на дерево.

– Тогда либо придется искать другой путь из долины, либо прятаться здесь.

– О втором можете забыть, – сказал Костос. – Надо будет рвать когти отсюда, и чем дальше – тем лучше. Даже без учета тех бомб, что Фавре зарыл в роще, девятых крошек хватит, чтобы спалить все плато целиком.

Здесь Нат перебил его.

– А где Дакии? Может, он знает выход отсюда?

Коуве показал на основание Ягги.

– Пошел проведать шамана.

Нат кивнул, вспомнив несчастного, которому Зейн всадил пулю в живот.

– Пойдемте посмотрим, вдруг Дакии скажет нам что-нибудь ценное.

Анна и Коуве отправились с Натом. Костос отмахнулся.

– Я лучше еще раз проверю заряды. Глядишь, придумаю что.

Едва Нат вошел внутрь дерева, как его окутал тот же мускусный сладковатый аромат. Узор из голубых отпечатков ладоней уводил их все выше и выше.

Коуве шел вровень с Натом.

– Знаю, вопрос неуместный, и все-таки: как быть с заразой?

– Если найдем способ выбраться, – ответил Нат, – будем до упора собирать местные растения – авось повезет, попадется то, что нам нужно. Ничего другого не остается.

Коуве выглядел удрученным, словно ждал большего, но не наплел что возразить.

Да и что будет проку, если лекарство отыщется, а сами они сгорят заживо?

Виток за витком поднимались они к верхушке дерева. Вдруг до них долетел звук приближающихся шагов. Нат и Коуве переглянулись. Кто-то спускался.

Потом из-за поворота вылетел Дакии – запыхавшийся и словно взволнованный чем-то. От неожиданности он шарахнулся в сторону и быстро затараторил по-своему. Даже Коуве не успевал разбирать то, что он говорил.

– Не так быстро, – сказал Нат.

Дакии схватил его за руку.

– Сын вишва, твоя идти.

Он тянул Ната вверх по туннелю.

– Как там ваш шаман?

Дакии затряс головой.

– Его живет. Однако больной, крепко больной.

– Отведи нас к нему, – попросил Нат.

Индеец с готовностью внял просьбе, после чего они резво припустили наверх. Не прошло и минуты, как четверка показалась в лечебнице.

В одном из гамаков Нат тотчас увидел шамана. Он еще дышал, хотя выглядел очень неважно. Кожа сделалась бледной до желтизны и лоснилась от пота – у индейца начался жар. Да, верно, «крепко больной».

Едва они подошли, раненый сел на кровати, что, судя по всему, причинило ему нестерпимую боль. Шаман замахал на Дакии, как бы отсылая его с поручением, а затем воззрился на Ната. Глаза индейца лихорадочно блестели, но взгляд все же был ясным.

Нат обратил внимание на обрывки веревок под гамаком. Выходит, Фавре связал шамана, невзирая на смертельную рану.

Индеец ткнул рукой в сторону Ната.

– Твоя вишва... как отец.

Нат собрался возразить. Ну какой из него шаман? Но тут Коуве одернул его.

– Скажи «да», – нажимал профессор.

Нат осторожно кивнул, положившись на его интуицию.

Шаман принял ответ с нескрываемым облегчением.

– Хорошо, – проговорил он.

Вернулся Дакии, неся в руках кожаный кошель и пару тростинок. Он протянул принадлежности вождю, но тот был чересчур слаб, поэтому остальное Дакии выполнял сам по его указаниям.

Сперва следопыт взял кошель.

– Кожа с мошонки ягуара, – прокомментировал Коуве.

– Надо думать, последний писк моды, – буркнул Нат.

Дакии расширил отверстие. Внутри оказался некий ярко-красный порошок. Шаман стал пояснять со своего гамака. Коуве переводил, хотя Нату удалось понять кое-что самому.

– Он назвал порошок али-не-Ягга.

– «Кровь Матери», – сообразил Нат.

Увидев, как Дакии набивает концы соломинок порошком, Коуве обернулся к Нату.

– Догадываешься, что сейчас будет?

Нат знал ответ почти наверняка.

– Это вроде эпены, наркотика яномамо.

Годами работая с разными общинами яномамо, Нат не раз удостаивался приглашений на церемонии с его употреблением. «Эпена» в переводе с их языка значит «солнечное семя». Этот мощный галлюциноген шаманы применяли, чтобы войти в контакт с миром духов. По преданиям, снадобье призывало из джунглей хекура – человечков, которые передавали шаманам свои медицинские знания. Когда его попробовал Нат, все, что он испытал, – это сильнейшую мигрень и головокружение. К тому же сам способ употребления его отнюдь не вдохновил. Порошок нужно было втягивать через нос.

Дакии вручил по тростинке шаману и Нату. Раненый вождь поманил Натана к себе, веля присесть у его гамака. Нат подчинился.

Коуве решил предостеречь его.

– Шаман при смерти и знает об этом. Поэтому ритуал, который он предлагает, не простой. Думаю, он хочет возложить на тебя заботы о племени, деревне и Ягге.

– Но я не могу их принять! – оглянулся на профессора Нат.

– Придется. Как только ты станешь шаманом, тебе откроются все тайны бан-али. Улавливаешь, о чем речь?

Нат набрал воздуха в грудь и кивнул.

– Лекарство.

– Вот именно.

Он подошел к гамаку и присел на колени.

Шаман показал ему, что нужно делать. Как оказалось, ритуал почти в точности повторял эпеную церемонию яномамо. Индеец поднес начиненный порошком конец тростинки к носу, а Нату велел положить в рот ее свободный конец. Со второй соломиной поступили противоположным образом – Нату достался «заряженный» конец, а шаману – пустой. В ходе ритуала они должны были одновременно выдуть порошок друг другу в нос.

Шаман поднял руку. Оба сделали глубокий вдох – и...

Индеец махнул.

Нат резко дунул в тростинку, крепясь перед ударом по собственным носовым пазухам. Но не успел он даже выдохнуть до конца, как наркотик свалил его с ног.

Нат рухнул навзничь. В голове пронесся огненный вихрь, напоследок полыхнув ослепляющей болью. Ощущение было такое, словно в череп ему угодила граната. Комната завертелась с ошеломляющей быстротой. Нат потерял чувство опоры. Перед ним вдруг разверзлась бездонная пропасть, и вот он уже падал в нее, неся вниз, кувыркаясь во тьме... Тьма отчего-то казалась сияющей. Кто-то далекий окликнул его, а он даже не чувствовал губ, чтобы ответить.

Наконец его падающее тело ударилось о какую-то потустороннюю твердь, разбив ее вдребезги. Тьма треснула, как угольно-черное стекло, осколки распались и сгнули. Осталась лишь тень в форме стилизованного деревца. Она как будто выростала над темным холмом. Нат повис сверху и стал смотреть. Деревце менялось на глазах, становилось отчетливей: появлялся объем, выростали листочки – черные, как сама ночь, мутовки ветвей, гроздь орехов...

Ягга.

Затем из-за холма показались чьи-то крохотные силуэты. Странные существа вереницей взбирались на холм, направляясь к одинокому дереву.

«Хекура», – подумал Натан сквозь транс.

Стоило ему подплыть ближе, как фигурки сделались четче, подобно дереву, и вскоре он понял, что ошибался. То были не человечки, а звери самых разных мастей и размеров – обезьяны, ленивцы, крысы, крокодилы, ягуары... Некоторых он даже не смог определить. Среди фигурок животных попадались и люди – мужчины и женщины. Каким-то шестым чувством Нат знал, что и это не хекура. Процессия прошла к дереву, внутрь

дерева. Силуэты смешались с его черной тенью. Что с ними стало? Должен ли он, Нат, пойти следом?

Но вот они вышли опять, появились с другой стороны, претерпев поразительную перемену. Там, где была чернь, пробивалось сияние. Лучащиеся силуэты окружили волшебное дерево. Люди и твари, оберегающие Мать.

Паря в воздухе, Нат чувствовал: время ускорило бег. Он видел, как люди то и дело возвращались к дереву, когда их сияние меркло. Плоды дерева, съеденные, возрождали свет, и люди снова занимали место в хороводе детей Ягги. Ритуал обновления многократно повторился.

Вскоре видение потускнело, как старая киноплёнка, стало мутнеть и постепенно растворилось в изначальной тьме.

– Нат? – позвал чей-то голос.

Но чей? Он бросился искать, но тщетно – со всех сторон по-прежнему разливалась чернота.

– Нат, ты меня слышишь?

– Да, только где ты?

– Если слышишь, сожми мою руку.

Нат потянулся на голос, выискивая невидимого собеседника.

– Молодец. Теперь открой глаза.

Он сделал усилие.

– Не старайся. Просто открой их.

Тьма снова треснула. Яркий свет ослепил Ната. Он судорожно глотал воздух и не мог надыхаться. Голова лопалась от боли. Подняв слезящиеся глаза, он увидел над собой лицо друга, который поддерживал его сзади за плечи.

– Нат, ты с нами?

Он откашлялся и кивнул.

– Как самочувствие?

– А как по-вашему?

Ната зашатало, едва он попытался подняться.

– Что ты там видел? – спросил его Коуве. – Ты бредил.

– И пускал слюну, – добавила Анна, усаживаясь рядом.

Нат вытер рот.

– Галлюциногены-алкалоиды... вызывают слюнотечение.

– Так что ты видел?

Нат тряхнул головой. Очень зря – голову словно пронзило гвоздем.

– Долго я был в отключке?

– Минут десять, – отозвался профессор.

– Минут?! Я думал, прошло десять часов, а то и дней.

– Что случилось?

– По-моему, мне было видение насчет лекарства от болезни.

Коуве сделал большие глаза.

– Что?!

Нат рассказал об увиденном.

– Из моего сна стало ясно, что именно плоды дерева поддерживают жизнь и здоровье людей этого племени. Животные в них не нуждаются, а людям они необходимы.

Коуве кивнул и прищурился, обдумывая услышанное.

– Стало быть, дело в орехах.

Профессор замолк ненадолго, затем не спеша заговорил:

– Как писал твой отец, сок этого дерева чрезвычайно богат изменчивыми белками-прионами, способными усовершенствовать всякий вид, с каким они вступят во взаимодействие, тем самым создавая дереву лучших защитников. Однако совершенство обходится дорогой ценой. Дереву невыгодно, чтобы его питомцы разбредались, поэтому вместе с раздачей даров оно осуществляет свой собственный механизм подстраховки. Животным, возможно, внушается инстинкт, чтобы держаться поблизости. Одних привязывает предковая территория, другими можно повелевать с помощью особых веществ, вроде порошков-феромонов для пираний и саранчи. Но людям, существам с интеллектом, требуется нечто большее, чтобы остаться и жить рядом с деревом. Людям приходится регулярно питаться его плодами, подавляющими патогенную активность прионов. Молоко орехов Ягги, по-видимому, содержит некий антиприон, предотвращающий появление вирулентных частиц.

Анну будто замутило.

– Значит, бан-али остались здесь не из чувства долга – их поработили!

Коуве потер виски.

– Бан-йи. Рабы. Да, индейцы ничего не преувеличили. Хоть раз испытав на себе чудотворное действие сока, человек не мог уйти далеко без риска для жизни. Если не съесть после этого плод, прионы примут вирулентную форму и поразят иммунную систему жертвы, вызывая лихорадку со смертельным исходом или бурное опухолеобразование.

– Оборотень, – пробормотал Нат.

Коуве и Анна удивленно повернулись к нему.

– Келли так объясняла природу прионов. В одной форме они безобидны, но стоит им изменить структуру, как из них образуются патогенные частицы. Что-то похожее происходит при коровьем бешенстве.

Коуве кивнул.

– Молоко плодов Ягги, видимо, «консервирует» прион в его безопасной форме. Как только молоко перестают принимать, белок нападает, убивая хозяина, и передается всем, кого «носитель» встретит. В любом случае дерево только выигрывает. Оно будто хочет сохранить себя в тайне. Если пленник сбежит, все, с кем он столкнется, умрут от заразы, как по цепочке.

– И свидетелей не остается, – добавил Нат.

– Вот именно.

Нат почувствовал себя в состоянии подняться. Коуве поддержал его.

– Меня больше волнует другой вопрос: почему мне привиделось именно это? Может, наркотик дал волю моему подсознанию, которое и решило проблему? Или это шаман как-то общался со мной... Наркообусловленная телепатия, что ли?

– Нет. – Лицо Коуве посуровело. – Только не шаман.

Вождь бан-али лежал в гамаке, подняв глаза к потолку. Из обеих его ноздрей текла кровь. Индеец не дышал. У его ног сидел Дакии, уронив голову на грудь.

– Он умер мгновенно. Судя по всему, обширный инсульт. – Коуве взглянул на Ната. – Что бы ты ни пережил, шаман к этому не причастен.

Нат с трудом ворочал мозгами. До него не сразу дошел смысл сказанного.

– Значит, это мое подсознание, – ответил он. – Как только я увидел эти гроздья, то, помню, подумал, что орехи похожи на плоды ункарии томентозы, известной в народе как кошачий коготь. Индейцы применяют их против вирусных, бактериальных, иногда даже раковых заболеваний. До сих пор я не замечал этого совпадения. Может, наркотик помог моему подсознанию преодолеть интуитивный барьер.

– Возможно, ты прав, – сказал Коуве.

Нат расслышал нотки неуверенности в его тоне.

– Чем еще можно это объяснить?

Коуве нахмурился.

– Пока ты был без сознания, я разговаривал с Дакии. Порошок али-не-Ягга берется из корней этого дерева. Высушенный и измельченный корневой тяж.

– Ну и?

– Что, если твой сон не был навеян подсознанием? Что, если ты видел некое предварительно составленное послание от самого дерева? Инструкцию, если можно так выразиться: ешьте плоды и останетесь

здоровы. Коротко и ясно.

– Вы шутите.

С учетом всего здесь увиденного – животных-мутантов, заново отросших конечностей, людей на службе у растения – я не усомнился бы в том, что это дерево способно на все.

Нат покачал головой.

Анна наморщила лоб.

– Возможно, профессор прав. Лично я не представляю, как дереву удастся производить прионы, соответствующие ДНК разных, притом многочисленных видов. Одно это непостижимо. Откуда дереву знать, что следует вырабатывать? Да и где ему было взять генетический материал, матрицу?

Коуве обвел жестом лечебницу.

– Древо возникло еще в палеозойскую эру, когда суша представляла собой царство растений. Его предки, быть может, являлись свидетелями становления наземной фауны и, вместо того чтобы бороться с животными, включали их в свой жизненный цикл, подобно виденному нами муравьиному дереву.

Профессор развивал теорию все дальше и дальше. Через некоторое время Нат понял, что уже не слушает его, а размышляет над словами Анны. Действительно, где дереву было взять генетический материал? Вопрос не давал Нат покоя. Каким образом Ягга научилась вырабатывать целую гамму видоспецифичных прионов?

Нат вспомнил свой сон: вереница зверей и людей исчезает внутри дерева. Были ли то просто символы или нечто большее? Куда они уходили? Нат понял, что смотрит на Дакии, сидящего у гамака. Неизвестно, что помогло, то ли последствие наркотика, то ли всплеск подсознания, однако Нат начал догадываться, что за место он пытается отыскать.

Али-не-Ягга. Кровь Ягги, добытая из ее корней.

Нат сконцентрировал взгляд на Дакии. Он вспомнил, как индеец, сияя, описывал участь его отца. «Отправился питать корни».

Ноги сами повели Ната к индейцу.

Коуве осекся на полуслове.

– Нат, что ты...

– Кое-что в этой истории не складывается. – Нат кивнул на Дакии. – И я, кажется, знаю, кто может мне помочь.

Он подошел к коленапреклоненному индейцу. Дакии поднял глаза. По его лицу текли слезы. Потеря вождя оказалась для него тяжелым ударом. При приближении Ната он поднялся на ноги.

– Вишва, – произнес он, склонив голову в знак повиновения преемнику шамана.

– Сожалею о твоей потере, – сказал Нат, – но нам надо поговорить.

Коуве вызвался помогать с переводом, однако Нат и сам уже неплохо перемежал слова яномамо английскими и вполне мог вести беседу.

Дакии указал на постель, утирая глаза.

– Его звал Даку. – Туземец прижался ладонью к груди умершего. – Он моя отец.

Нат закусил губу. Ему следовало догадаться. Теперь, когда Дакии рассказал об этом, он заметил черты сходства между ними. Нат положил руку на плечо сыну вождя, так как сам знал, каково это – потерять отца.

– Мне очень жаль, – повторил он, теперь уже с большим чувством.

– Спасибо, – кивнул Дакии.

– Твой отец был удивительным человеком. Мы все будем скорбеть по нему, но сейчас нам грозит смертельная опасность. Ты сможешь?

Дакии склонил голову.

– Твоя вишва. Твоя говорить – моя делай.

– Мне нужно, чтобы ты отвел меня к корням дерева, туда, где оно берет пищу.

Дакии вскинул голову. В его лице читались тревога пополам с недоверием.

– Тише, – шепотом предупредил Коуве. – Ты коснулся святыни.

Нат отмахнулся от наставления и положил руку на грудь.

– Я теперь вишва. Я должен видеть корни.

Проводник закивал головой.

– Моя показать.

Он посмотрел на усопшего – напоследок – и повернул в сторону выхода.

Они начали долгий спуск книзу туннеля. Анна и Коуве шептались позади Ната, оставив его с мыслями наедине. Натан снова вспомнил о сходстве между спиральным ходом внутри Ягги и меткой бан-али. Что еще могла она представлять? Может, конфигурацию молекулы приона, как предположила Келли? Неужели растение и человек могли общаться между собой, делить воспоминания? После того что Нат пережил под воздействием снадобья, он уже не мог запросто отмахнуться от этой, последней возможности.

Кто знает, может, метка символизирует и то и другое – истинную сущность Ягги.

Нат со спутниками спускался все дальше.

– Кто-то идти, – произнес Дакии, останавливаясь.

Потом и Нат его услышал – топот ног, то глуше, то четче.

Из-за поворота появилась знакомая фигура.

– Рядовая Каррера, – сказал Коуве.

Девушка кивнула, задыхаясь от долгого бега по наклонному полу туннеля. Нат заметил, что оружие снова было при ней.

– Меня прислали за вами. Разузнать, нашли ли вы выход с плато. Сержанту Костосу не удалось обезвредить взрывчатку.

Нат только сейчас понял, что за всеми свалившимися на него откровениями он позабыл спросить о самом важном – запасном выходе из долины.

– Дакии, – обратился к проводнику Нат. – Нам нужно знать, нет ли здесь потайного пути в нижнюю долину. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Для объяснения пришлось активно жестикулировать и просить помощи у Коуве.

Пока профессор переводил, Каррера недоуменно посмотрела на Ната.

– Вы что, до сих пор не переговорили? – прошипела она. – Чем же вы здесь занимались?

– Нюхали зелье, – ответил профессор невпопад и снова сосредоточился на диалоге с туземцем.

Дакии, кажется, наконец начал вникать.

– Уходить? Почему? Стоять здесь.

Он показал на ноги.

– Мы не можем, – выдохнул Нат.

– Ему не объяснишь про бомбы и про то, что долина вот-вот вспыхнет. Это выше его понимания, – произнесла Анна у его плеча.

– Значит, будем стараться, – ответил Нат. Затем он обратился к Каррере: – Пока передайте сержанту, что нам необходимо запастись как можно больше орехов с этого дерева.

– Орехов?

– Объясню позже. Просто сделайте, как я сказал. Очень прошу.

Она кивнула, отворачиваясь.

– Не забывайте, ребята: время уходит!

С этими словами она многозначительно взглянула на них и удалилась.

Нат посмотрел на Дакии. Как сказать человеку, что его родина вот-вот исчезнет с лица земли? Нелегкое это дело. Нат вздохнул.

– Давайте вернемся к корням.

Спускаясь, они с Коуве обступили индейца с боков и стали осторожно посвящать его в суть происходящего. По мере того как доходило

сообщение, смущенное лицо Дакии все больше перекашивалось от ужаса. Он стал запинаться, словно новость давила на него тяжким грузом.

К тому времени они прошли весь спиральный туннель и очутились в галерее синих отпечатков. Свет, пробивавшийся через арку входа, приобрел медовый оттенок. Стало быть, закат уже близок и срок их подходит к концу.

– Нет ли другого выхода из долины? – повторил вопрос Нат.

Дакии указал на слегка вогнутую стену с декором из голубых отпечатков, в которую упирался спиральный туннель.

– Через корни. Мы идти через корни.

– Да, я хочу посмотреть корни, но как насчет выхода?

Дакии воззрился на него.

– Через корни, – повторил он.

Нат наконец догадался. Выходит, два задания свелись к одному.

– Веди нас.

Дакии подошел к стене, глядя вверх отпечатков, затем подобрался к самому крайнему, почти у угловой стены туннеля. Он приложил свою ладонь к отпечатку и с силой нажал. Стена вдруг целиком повернулась на центральной оси, открывая новый отрезок туннеля, уходящий под землю. Нат поднял глаза, вспоминая, как странно выглядели проводящие каналы в тупике коридора. Вот она – потайная дверь! Все это время разгадка была у него перед носом. Даже отпечатки на стенах будто бы представляли единственный отпечаток на знаке бан-али, охранявший двойную петлю – символ главного корня.

Анна вытащила из кармана фонарик. Нат похлопал по куртке, но фонаря не нашел. Видимо, потерял где-то. Анна передала ему свой, давая понять, кому идти первым. Нат подошел к двери. Мускусный запах дерева поднимался оттуда, как пар из могилы, стылый и насыщенный влагой. Нат собрался с силами и протиснулся в проем.

Последний час

19 часов 1 минута

Джунгли Амазонии

Пока шайка Фавре устраивалась на отдых, ее предводитель поглядывал на часы. Еще час – и в долине забушует огненный шторм. Луи поднял глаза на заболоченное озеро, отливающее в свете заходящего солнца тусклым серебром.

Времени было предостаточно. Свернув вдоль берега на юг, где и лес гуще, и больше протоков, они легко затеряются в зарослях. В этом Фавре не сомневался.

Он вздохнул, и в этом вздохе облегчение мешалось с ностальгией. Дальше все пойдет по накатанному. У него всегда оставался некий осадок в душе от удачно пройденной миссии. Что-то вроде депрессии после бурной ночи с подругой. Он даже готов был отказаться от будущей безбедной жизни в Кайенне, только бы вернуть азарт этих трех дней.

– Се ля ви, – сказал он себе. – Впрочем, на мой век приключений достанет.

Небольшой переполох за спиной вынудил его оглянуться.

Он увидел, как двое мужчин опрокинули Келли навзничь. Третий с руганью катался по земле, держась за ширинку.

Луи собрался было выяснить, в чем дело, но Шрам его опередил, вздернув хнычущего часового на ноги.

– В чем дело? – потребовал Луи.

Шрам ткнул пальцем в зачинщика.

– Педро хотел залезть к девчонке под блузку, а она его лягнула.

Фавре усмехнулся, приятно удивившись. Его рука легла на рукоятку кнута у пояса.

Он направился к Келли, которая теперь сидела, поджав ноги. Один из молодчиков схватил ее за волосы, запрокинув голову и обнажив длинную шею. Келли огрызалась сквозь зубы, выслушивая гнусные намеки похитителей.

– Пусть встанет, – произнес Луи.

Наемники не рискнули ослушаться. Келли рывком поставили на ноги. Фавре снял панаму.

– Прошу извинить его за отвратительное обхождение. Больше этого не

повторится, уверяю.

Подтянулись и остальные.

Келли фыркнула.

– В следующий раз точно евнухом сделаю!

– Не сомневаюсь. – Луи велел своим людям отойти в сторону. – Однако наказывать – это моя привилегия.

Он похлопал по свернутому кнуту, которым однажды уже проучил ее. Теперь настала очередь другого.

Фавре развернулся и выхватил кнут. В тишине сумерек раздался свист и хлопок.

Педро вскрикнул, хватаясь за левый глаз. Между пальцев хлынула кровь.

Луи повернулся к толпе.

– Пленников не трогать. Вам ясно?

Последовал гул раболепного согласия и многочисленные кивки, после чего кнут был водворен на место.

– Кто-нибудь, помогите ему с глазом.

Фавре оглянулся и увидел подругу, стоящую напротив Келли с поднятой рукой. Приглядевшись, он заметил, что индианка намотала на палец ее огненно-золотой локон.

«Вот оно что, – догадался Луи, – рыжие волосы. Таких в коллекции Тшуи еще не бывало...»

* * *

19 часов 5 минут

Джунгли Амазонии

Освещая фонариком путь, Нат заметил, что туннель за «дверью отпечатков» сильно походил на основной, только стены его были немного шершавыми. По мере спуска маслянистый запах сделался густым до дурноты.

Бок о бок с Дакии они провели Анну и Коуве вниз. Там туннель скоро сузился, его витки ложились все ближе и ближе, из-за чего они чуть не наступали друг другу на пятки.

– Должно быть, мы внутри главного корня, – пробормотал Нат под нос.

– И направляемся под землю, – добавил Коуве.

Нат кивнул. Еще несколько ярдов по кругу – и деревянные стены кончились, под ногами появилась скальная порода, перемежающаяся полосами чистой земли. Пол был слегка покатым – дальше туннель шел параллельно боковым корням.

Дакии вытянул руку вперед и продолжил спуск. Нат слегка оробел. Стены подземного хода поросли странным лишайником, испускавшим слабое свечение. Запах мускуса перебивал все и вся, но теперь к нему примешался аромат прелой листвы. Дакии заторопился.

Нат с Коуве переглянулись. Профессор пожал плечами. «Ну что ж, вниз так вниз».

Боковой корень, проходивший над их головой, разделился. Вместе с ним разделился и главный ход, образовав несколько дочерних. С потолка свисали занавеси корневых волосков. Они еле заметно колыхались – туда-сюда, словно от дыхания ветерка, гуляющего по туннелю. Вот только никакого ветерка не было.

Вскоре потолок сделался ниже, и Нат шваркнулся об него макушкой. Белесые корешки тотчас вплелись ему в волосы, цепляясь, подтаскивая к себе. Нат вырвался и с опаской направил луч фонаря кверху.

– Что случилось? – спросил Коуве.

– Корни пытались меня схватить.

Коуве поднял ладонь кверху, и тонкие нити оплели его пальцы, словно щупальца. Профессор брезгливо отдернул руку.

Нату приходилось встречать, как разные растения Амазонии реагируют на прикосновение: свертывают тронутые листья, выстреливают семенами-летучками, закрывают цветы... Однако увиденное здесь казалось непривычно зловещим.

Нат шарил фонариком по тропинке. Дакии опередил их, углубившись на несколько ярдов в проход. Ему приходилось подгонять остальных, чтобы не отставали. Поравнявшись с туземцем, Нат стал рассматривать корни, которые вдруг взялись множиться, ветвиться и переплетаться во всех направлениях. На протяжении туннелей то тут, то там начали попадаться отверстия, ведущие в крошечные камеры, где корни разрастались клубком, пронизанным нитевидными выростами-волосками. Эти каморки напомнили Нату азотсодержащие клубеньки, служащие многим растениям источником дополнительного питания.

Дакии остановился напротив одной такой ниши. Нат осветил ее фонарем. Что-то застряло там, в неряшливой клетке, свитой из корней и их щупальцевидных отростков. Нат подался вперед – рассмотреть поближе. Несколько волосков тут же выгнулись ему навстречу, вертясь и ощупывая

окрестности, словно тараканьи усы.

Натан отстранился. Внутри корневого кома, спеленатая, как муха в паучьем коконе, висела большая летучая мышь – крылан.

Зрелище не из приятных.

Коуве сунулся посмотреть вслед за ним и наморщил нос.

– Оно питается мышью?

– Не думаю, – произнес голос Анны из-за спины. – Пойдемте, кое-что покажу.

Они повернулись. Анна присела у другой ниши, даже больше прежней, но точно так же оплетенной корнями.

Нат заглянул туда с фонарем. Среди корней покоилась большая пегая кошка.

– Пума, – произнес Коуве над ухом.

– Смотрите, – сказала Анна.

Они уставились на зверя, не зная, чего ожидать. Вдруг пума пошевелилась – ее грудная клетка поднялась и опала на выдохе. Движение показалось Нату неестественным, скорее механическим. Анна повернулась к товарищам.

– Она живая.

– Не понимаю, – произнес Нат.

– Можно посветить?

Анна протянула руку.

Нат передал ей фонарик. Антрополог быстро проверила содержимое остальных ниш, в том числе и в соседних ответвлениях туннеля. В итоге подборка животных оказалась весьма впечатляющей: оцелот, тукан, мармозетка, тамарин, муравьед, даже несколько змей и ящериц и, как ни странно, форель. Все они, подобно пуме, дышали или подавали другие признаки жизни, включая рыбу, подрагивающую жабрами.

– Они здесь поодиночке, – заметила Анна, оглядывая лабиринт коридоров сияющими глазами. – И живые. У них что-то вроде анабиоза.

– К чему вы клоните?

Анна обернулась.

– Мы находимся в своеобразной биокладовой, библиотеке генетического кода. Мне видится, здесь Ягга и берет материал для фабрикации прионов.

Нат повернулся кругом, озираясь на извилины и перекрестки ходов. Мысль казалась настолько фантастичной, что не умещалась в голове. Дерево копило и держало здесь животных, училось на них, чтобы потом выработать соответствующий прион и контролировать вид с его помощью.

Живая, дышащая лаборатория.

Коуве вцепился Нату в плечо.

– Твой отец.

Нат обернулся в недоумении.

– А при чем здесь...

И замер, как молнией пораженный. Да, его отца принесли в жертву дереву, но не зарыли в землю – осознал Нат, еле держась на ногах от потрясения. Нет, его превратили в придаток этой жуткой лаборатории!

– Светлая кожа и манеры чужестранца делали твоего отца уникальным в глазах бан-али, – вполголоса произнес Коуве. – Ни они, ни Ягга не хотели потерять его генетическое наследие.

Нат обратился к Дакии. От волнения он едва сумел выдавить пару слов.

– Мой... мой отец. Ты знаешь, где он?

Дакии кивнул и воздел руки.

– Он служить корню.

– Да, но где именно? – Нат ткнул в первую попавшуюся нишу с висящим там черным ленивцем. – В каком месте?

Дакии наморщил лоб и завертелся на месте, пытаясь сориентироваться.

Нат затаил дыхание. Здесь должны быть сотни туннелей, тысячи ниш. В такой спешке обыскать их все не удастся. Но мог ли он уйти, зная, что отец где-то рядом?

Вдруг индеец выбрал один из туннелей и уверенно зашагал по нему, зовя за собой остальных. Те бросились следом, продвигаясь все глубже под землю, в хитросплетение галерей и ходов. Каждый вздох давался Нату все тяжелее – не от тошнотворного запаха, исходящего от дерева, а от гнетущей тревоги. Пускаясь в путь, он ни минуты не верил в то, что отец может быть жив. Зато теперь Нат брел, сам не свой от волнения, то загораясь надеждой, то впадая в уныние. Что-то он отыщет?

Дакии помедлил у развилки и пошел влево, но, сделав пару шагов, потрянул головой, возвратился и выбрал другой путь – направо. Нат чувствовал, как к горлу подступает крик бессилия. Дакии вел их по новому коридору, бормоча себе под нос. Наконец он остановился у одной просторной ниши и вытянул руку.

– Отец.

Нат выхватил у Анны фонарь, упал на колени. Пытливые волоски тут же обвили вокруг его запястья, но он их как будто не замечал.

Свет фонаря выхватил из темноты чье-то тело, оплетенное коконом из

корней. Нат устремил на него луч. На земляном полу, скорчившись в позе эмбриона, лежал обнаженный человек, больше похожий на призрака: бледный, длинноротый, волосы переплелись с корнями. Нат попытался разглядеть его черты на обросшем лице. Он начинал сомневаться, что перед ним действительно тот, кого он так долго искал.

Пока Нат смотрел, человек резко, как робот, вдохнул и выдохнул, сдувая с губ корневые волоски. До сих пор жив!

Нат обернулся.

– Я должен вытащить его оттуда.

– Это ваш отец? – спросила Анна.

– Труд... трудно сказать.

Нат указал на костяной нож у Коуве за поясом. Профессор вытащил его и передал Натану.

Нат поднялся и полоснул по висячим корням.

Дакии вскрикнул и бросился наперерез, но Коуве удержал его.

– Не тронь его, Дакии.

Нат прорубался сквозь одревесневшие прутья корней, образовавшие внешний покров камеры. Ему начало казаться, будто он очищает от шелухи гигантский орех: из-под первого слоя выглянула более тонкая оплетка из мелких корней и волосков. Расчистив себе путь, Нат увидел, что корни проросли в самое тело, как в землю. Видимо, так Ягга поддерживала в донорах жизнь – питала, обеспечивала жизнедеятельность органов, выводила отходы.

Нат колебался. Что, если он навредит спящему или, того хуже, убьет его, если отсечет все вросшие корни? Если человек находится в некоем анабиозе, вмешательство может вызвать сбой в системе жизнеобеспечения.

Тряхнув головой, Нат принялся перерезать корешки. Риск того стоил, ведь оставь он человека здесь, и тот наверняка сгорит вместе с деревом.

Как только все пути были отсечены, Нат бросил нож, взял тело за руки и выволок в проход. Последние волоски-щупальца оторвались – Ягга отпустила своего пленника.

Оказавшись в туннеле, Нат бросился к лежащей на полу фигуре. Бывший узник хрипло втягивал воздух и кашлял. Большая часть корневых волосков выползла из его тела и отпала, подобно пиявкам. Из отверстий, оставленных более толстыми корнями, сочилась кровь. Внезапно человека скрутила судорога – тело выгнулось дугой, голова запрокинулась. Нат подхватил его на руки, не зная, что делать. Коуве поспешил на подмогу – удержать пострадавшего, чтобы тот не поранился еще больше. После минуты непрерывных конвульсий тело в последний раз дернулось и

обмякло.

Лишь после того, как грудь пленника Ягги снова заходила вверх-вниз, Нат смог вздохнуть с облегчением. Затем человек заморгал и уставился на него. Тысячу раз Нат уже встречал этот взгляд... у своего отражения.

– Ты, Нат? – спросил человек сиплым голосом.

– Отец!

Нат припал к его груди.

– Мне это снится? – прохрипел Рэнд-старший.

От потрясения Нат не мог вымолвить ни слова. Он приподнял отца – исхудавшего, весом не больше подушки и усадил на полу. Да, дерево питало его, но лишь настолько, чтобы не дать ему умереть.

Коуве нагнулся помочь.

– Как себя чувствуешь, Карл?

Отец Ната мельком взглянул на профессора переменялся в лице, вспомнив товарища.

– Коуве? Боже, какими судьбами?

– Долгая песня, дружище. Сейчас нам надо вытащить тебя из этой проклятой норы.

Вместе с Натом они подхватили Карла Рэнда под руки и помогли ему подняться. От долгого заточения в подземелье он не мог передвигаться иначе, как опершись на спины друзей.

Нат не сводил с отца глаз, по его щекам текли слезы.

– Папа... – запнулся он.

– Знаю, сын, – хрипло ответил отец и закашлялся.

И хотя сейчас было не время для сантиментов, Нат не мог больше молчать. Невысказанные слова терзали его с того самого прощального вечера перед началом последней экспедиции.

– Я люблю тебя, папа.

Отцовская рука стиснула его плечо. Толика любви и привязанности, дорогой сердцу жест. Знак родства.

– Нужно забрать остальных, – произнесла Анна. – И двинемся подальше отсюда.

– Нат, может, вы останетесь здесь? – предложил Коуве. – Отдохнете, а мы заберем вас на обратном пути.

Дакии помотал головой.

– Нет. Сюда не возвращаться. – Он помахал в сторону. – Другой путь идти.

Нат нахмурился.

– Мы должны держаться все вместе.

– Я, кажется, еще стою на ногах, – хрипло вторил его отец, оглядываясь на каморку среди корней. – Наотдыхался уже.

Коуве молча кивнул.

Они начали подниматься к поверхности. Коуве вкратце обрисовал положение. Карл Рэнд слушал молча, все больше и больше повисая на спинах друзей. Не сдержался он только раз, когда Коуве дошел до Фавре и его злодеяний.

– Грязный выродок!

Нат усмехнулся, уловив в его голосе искру бывшего огня.

Поднявшись на поверхность, они сразу поняли, что рейнджеры даром времени не теряли.

Всех бан-али построили вместе, снабдив каждого рюкзаком, полным орехов и боеприпасов.

Нат с отцом оставались у входа, пока Коуве рассказывал о том, что они видели внизу.

– Дакии говорит, запасной выход лежит по ту сторону одного из туннелей.

– Стало быть, лучше поторопиться, – заключил Костос. – У нас не больше получаса в запасе, а убежать надо далеко, как можно дальше.

Подошла Каррера с «бейли» на плече.

– Все готово. Пара дюжин ореховых гроздей и четыре канистры сока.

– Тогда отчаливаем, – скомандовал Костос.

* * *

19 часов 32 минуты

Джунгли Амазонии

Петляя по корневым ходам, Коуве старался не отставать от Дакии, то и дело оглядываясь назад, на смешанную толпу туземцев и белых. Видя, как Костос помогает Нату с отцом, профессор пожалел, что не соорудил носилок, поскольку даже минута промедления могла стоить им жизни. Костос посчитал туннель хорошим укрытием от взрыва, особенно от огневого вихря, хотя и опасался за сохранность лабиринта.

– Здешние скалы пронизаны и раскрошены корнями. Взрыв может вызвать обвал и похоронить нас всех заживо. Лучше оказаться снаружи до того, как заряды взорвутся.

И они побежали – не столько ради себя, сколько ради всего

человечества, унося в рюкзаках судьбы тысяч, если не миллионов людей – связки орехов Ягги, чье содержимое могло бы «усмирить» опасные молекулы прионов, избавив мир от новой чумы.

Они не имели права сгинуть в подземелье.

Коуве опять оглянулся на пеструю компанию. Тьма коридоров, мерцающие лишайники, жуткие камеры с законсервированными образцами... Было от чего волноваться. На такой глубине стены и потолок совершенно обросли корнями. Они петляли, срастались и разрастались, куда ни кинь взгляд. Вездесущие корневые волоски проникали в проем коридора, извиваясь и норовя оплести все, до чего смогут дотянуться. Туннель стал походить на ожившую меховую муфту, взъерошенную и неугомонную.

Те, кто шел следом за Коуве, казались не спокойнее его самого, включая индейцев. Скоро вереница мужчин и женщин скрылась за поворотом подземного хода. Каррера шла последней. На ходу она то и дело оборачивалась, приглядывая за Тор-Тором и самкой гигантского ягуара. Нату пришлось повозиться, прежде чем он сумел заманить огромных кошек под землю.

– Я его здесь не брошу, – решительно заявил Нат. – Манни взял с меня слово.

Едва Тор-Тор оказался в туннеле, как черная самка протиснулась вслед за ним. Каррера держала оружие наготове. Кто знает, вдруг эта бестия вздумает перекусить?

Дакии останавливался на каждом перекрестке. И хотя Костос ворчал на него, двигаться быстрее было бы опасно, ведь ничего не стоило заблудиться в таком лабиринте. Оставалось надеяться, что индеец не подведет память.

Наконец Дакии выбрал дорогу и повел остальных. Туннель продолжал углубляться. Коуве глянул на потолок, пытаясь определить уклон туннеля. Должно быть, сотню ярдов вглубь они уже прошагали и подбирались к следующей... Как ни странно, воздух не стал более затхлым, а наоборот, посвежел.

Через несколько минут туннель выровнялся и, сделав резкий поворот, открылся в необъятную пещеру. Отверстие туннеля приходилось посередине между полом и сводом пещеры. От него по уступу на ближайшей стене тянулась узкая тропка, на которую и ступил Дакии. Коуве двинулся следом, дивясь представшей взору картине. Пещера была поистине огромной, не меньше полумили в диаметре. Посередине ее пронизывал исполинский, толщиной с гигантскую секвойю, корень –

словно колонна, подпиравшая свод и вросшая подножием в землю.

– Опять главный корень Ягги, – проронил Нат, подходя с остальными. – Похоже, мы шли по спирали.

От центрального корня брали начало тысячи более тонких артерий-корней, каждая из которых тянулась к своему коридору.

– Тут, должно быть, их многие мили, – сказал Коуве. Он осмотрел главный корень. Казалось, гигант в белой коре наверху казался карликом по сравнению с собственной подземной частью. – Только представьте себе число видов, заточенных где-то здесь, застывших вне времени!

– Наверное, Ягга веками собирала свои образцы, – пробормотал старший Рэнд над ухом у сына.

– А то и дольше, – вставил Коуве. – Может статься, еще с той поры, когда появились эти горы.

– Значит, в палеозое, – пробормотал Нат. – Только представьте, кого молено встретить в наглей биологической кладовой!

– То есть кто там живет до сих пор, – прибавила Анна.

Коуве передернуло от такой заманчивой и в то же время жуткой мысли. Он махнул Дакии, веля продолжать путь. Смотреть на доисторический корень становилось все невыносимей, да и времени не оставалось. Мир не мог ждать.

Вслед за Дакии они потянулись по каменному желобу, который опоясывал пещеру по горизонтали. Проводник подвел их к другому отверстию – одному из бесчисленных входов в лабиринт галерей и ходов. И хотя пещера осталась позади, в мыслях Коуве был еще там, пытаясь постичь ее тайну. Он немного отстал и скоро оказался рядом с Натом и Карлом, которого с другой стороны поддерживал рейнджер.

– Помнится, в годы занятия антропологией, – начал Коуве, – я часто встречал мифы, связанные с деревьями. О матери-защитнице, хранительнице мира и кладезе мудрости. Вот я и спросил сам себя: мог ли человек столкнуться с ней еще раньше?

– Что вы хотите сказать?

– Это дерево наверняка не единственное в своем роде. В прошлом, вероятно, существовали другие такие же. Может быть, в мифах первые люди попытались донести до нас опыт взаимодействия с этим видом. – Профессор заметил сомнение в глазах Ната и поспешил продолжить: – Взять для примера Древо познания добра и зла из Эдемского сада. Его плоды содержали в себе все познания о мире, но вкусившего их ожидало проклятие. Параллели можете провести сами. А когда я увидел Карла среди корней, это напомнило мне другой библейский сюжет. В тринадцатом веке

некому монаху-постнику было видение о том, как один из Адамовых сыновей, Сиф, смог вернуться в Эдем. Там юноша видел Древо познания – белое дерево, сжимавшее в корнях, как в когтях, тело Каина. Кое-где корни даже впились в его плоть.

Нат нахмурился.

– Как видите, аналогия практически полная, – заключил Коуве.

Несколько ярдов Нат молча мерил шагами коридор, явно переваривая услышанное. Потом наконец произнес:

– Может, так оно и было. Туннель в стволе Ягги – нерукотворный, естественный ход. Ходы эти возникали по мере роста дерева. Получается, предки дерева многократно сталкивались с людьми и эволюционно выработали такую структуру для нужд своих обитателей?

– Да, как муравьиное дерево приспособилось к сосуществованию с муравьями, – поддакнул Коуве.

Тут отец Ната тоже подал голос.

– А как же эволюция бан-али, их генетическое усовершенствование? – сипло осведомился он. – Случалось ли подобное прежде? Могло ли древо сыграть решающую роль в становлении человека? Не потому ли мы помним о нем только из мифов?

Коуве наморщил лоб. Так глубоко он пока не копал. Профессор оглянулся поверх голов на гигантского ягуара, крадущегося позади. Если Ягга сумела повысить интеллект зверя, не могла ли она давным-давно сделать то же с людьми? Возможно ли, чтобы предок такого вот дерева даровал человечеству разум? Брр... Профессор содрогнулся.

Все надолго замолкли.

По пути Коуве мысленно восстанавливал историю долины. Древо Ягга росло здесь, веками накапливая образцы в своих корневых полостях – заманивало мускусным ароматом, предлагало убежище, а потом ловило и размещало в отдельных нишах-ячейках. И вот в долину пришел человек... Случайно забредшая сюда община яномамо обнаружила чудесное дерево с полым стволом и целительным соком. Попавшие в плен яномамо так же верно, как прочие виды, превратились в прислужников Ягги, позже названных бан-али. С тех пор люди, скорее всего, сами отводили животных к корням для обновления ее генетической базы данных.

Не найди экспедиция эту долину – что ждало бы мир? Новый вид человека, чего опасался Карл после рождения ребенка Джеральда Кларка, или нечто похуже – химеры вроде саранчи и пираний?

Коуве покосился на извивы коридора за спиной и даже обрадовался, когда вспомнил, что всему этому суждено сгореть в пламени.

Дакии что-то крикнул издали, указывая на боковой коридор. Оттуда исходило слабое свечение. До путников долетел глухой рев.

– Мы у выхода, – проговорил Коуве.

* * *

19 часов 49 минут

Джунгли Амазонии

Нат спешил, как только мог, с ослабевшим отцом на плече.

Сержант Костос с другого бока беспрестанно бубнил про себя, отсчитывая секунды до взрыва.

Только бы не задело.

Беглецы устремились к сияющей впереди полосе света. Очень скоро рев перерос в оглушительный грохот. За поворотом замаячил выход из туннеля, и они наконец смогли разглядеть источник шума.

Путь наружу преграждал ниспадающий водный поток. Его струи серебрились под яркими звездами и луной.

– Похоже, туннель пробивает скалу посередине, между верхним и нижним плато, – догадался Коуве.

Ведомые Дакии, они подошли к отсыревшему устью туннеля. Вода с грохотом обрушивалась вниз, мимо каменного уступа. Туземец указал куда-то вниз и вбок. Ступеньки! На узком пяточке между водопадом и стеной обнаружилась мокрая, высеченная в камне лестница. Ее крутые пролеты зигзагом сбегали в долину.

– Всем пригнуться! – завопил Костос. – Сейчас быстро вниз, но по моему крику лечь и держаться за все, что попадет под руку.

Дакии остался с сержантом, чтобы вести свой народ самому.

Коуве решил помочь Нату вести отца. Они осторожно, насколько позволял темп, спускались по ступенькам. Остальные ждали своей очереди на уступе, поэтому надо было спешить.

Нат увидел, как Костос отправил Карреру за ними, и тоже начал спускаться. Наконец из отверстия в скале показались две кошки. Ягуары вырвались на уступ, радуясь избавлению от гнетущей затхлости подземелья. Нат тут же позавидовал их цепким когтям.

– Осталась минута, – проронил Коуве, прихрамывая под тяжестью друга.

Они припустили быстрее. От дна ущелья их пока отделяло добрых

четыре этажа – высоко падать.

Затем сквозь рев падающей воды пробился резкий окрик:

– Ложись! Сейчас жажнет!

Нат помог спуститься отцу, затем сам бросился навзничь. На миг подняв голову, он увидел, как все, кто с ним был, распластались на голых камнях. Затем Натан упал вниз лицом и стал нашептывать молитву.

И грянул взрыв. Собственно, звук оказался не громче салютного залпа, зато остальные эффекты более чем впечатляли. Казалось, разверзлись врата преисподней, и в долине воцарился ад.

Стена пламени вырвалась на полмили за край их ущелья, а раскаленный газовый купол поднялся в небо на все полторы. Там порыв ветра растрепал его и начал сгонять с высоты. Под кромкой ущелья возник огненный вихрь, и, если бы не туман водопада, беглецы сварились бы заживо. Впрочем, и водопад оказался ненадежным защитником. Взрывная волна качнула его поток и обрушила тонны воды на ступени. Люди еле удержались.

Вскоре вниз с водой посыпались горящие обломки. К счастью, самые крупные куски проносило мимо уступа, где приютились беглецы, хотя один вид деревьев, объятых пламенем и с треском срывающихся в ущелье, наводил панику.

Едва жар вокруг развеялся, Костос прокричал вниз:

– Идем дальше. Берегитесь падающих обломков!

Нат подобрал под себя ноги и встал. Один за другим поднимались и остальные, ошарашенно озираясь.

Прорвались!

Глядя, как все заспешили по лестнице, Нат присел рядом с отцом.

– Пойдем, папа. Здесь нельзя оставаться.

Уже взяв отца за руку, он почувствовал, как земля загудела, затряслась мелкой дрожью.

Нат почуял нутром: надвигалось что-то недоброе. Что за...

– Ложись! Всем срочно пригнуться! – заорал он, закрывая собой отца.

Второй взрыв оглушил их. Нат взвыл от боли. Рвануло так, что, казалось, скала вот-вот обрушится и раздавит их своим весом. Из устья туннеля над головой вырвался огненный столб, пробив полосу водопада. Беглецов обдало раскаленным паром.

Нат вытянул шею. Из туннеля полыхнуло еще раз, а потом и еще. На потрескавшейся скале то там, то сям возникали язычки пламени – все, как один, жутковато-голубого цвета.

Земля не переставала содрогаться. Нат заслонил отца, навалившись на

него сверху.

Сверху посыпался град из камней и осколков. Деревья с корнями взмывали подобно ракетам, чтобы с грохотом обрушиться на нижнее плато.

И снова все стихло.

Во время камнепада никто не смел шевельнуться. Водный поток защитил их опять, отражая обломки или снижая скорость падения, так что те, кого иначе поджидала неминуемая смерть, отделались легкими ссадинами.

Спустя пару минут Нат поднял голову – оценить размер бедствия – и заметил Коуве, стоящего позади отца. Профессор был бледен и выглядел подавленным. Он повернулся лицом к Нат и заговорил, с трудом подбирая слова:

– Анна... когда ты крикнул... я не успел... не сумел подхватить ее вовремя. – Он невольно заглянул за край пропасти. – Она сорвалась.

Нат закрыл глаза.

– Боже правый.

Вокруг раздавались плач и рыдания – не одну только Анну сбросило взрывом с уступа. Нат упал на колени. Его отец, бледный как мел, закашлял и перекатился на бок. В крови и ушибах, путники побрели вниз по выщербленным ступеням.

Еще немного – и они стояли у подножия водопада, обдаваемого холодными брызгами. Как выяснилось, трое из бан-али встретили смерть на каменных плитах под лестницей.

– Откуда же взялся второй взрыв? – удивлялся Костос.

Нат вспомнил зловещее синее пламя. Чтобы проверить догадку, он попросил одну из канистр с соком Ягги и, выдавив крупную каплю, поднес к ней зажигалку Карреры. Капля немедленно вспыхнула тем же синим огнем.

– Горючее, – пояснил Нат. – Вроде копала. Все дерево занялось, как римская свеча. От верхушки до самых корней, судя по землетрясению.

Поредевший отряд погрузился в скорбное безмолвие.

Каррера первой нарушила тишину.

– Что будем делать?

Нат ответил ей:

– Первым делом рассчитаемся с мерзавцами. За Манни, за Олина, Анну и всех бан-али.

– Но у них ружья, – возразил Костос, – а у нас один только «бейли». К тому же их чуть ли не втрое больше.

– Плевать. – Голос Ната был хладнокровен, как никогда. – Главное,

преимущество теперь на нашей стороне.

– Это еще почему? – любопытствовал Костос.

– Они думают, что мы взорвались.

Полночная битва

23 часа 48 минут

Джунгли Амазонии

У Келли щипало глаза от набегающих слез. Она даже не могла утереть их, так как руки были связаны за спиной. Ее притянули к опоре навеса из пальмовых листьев, выстроенного для защиты от дождя. На вечерней заре небо заволгло тучами, стало накрапывать. Потом на лес опустилась настоящая ночь – непроглядная и густая, на радость бандитам.

– Чем темнее, тем лучше для нас, – потирал руки Фавре.

Они вовремя добрались к южной оконечности болота и обосновались в глухих прибрежных зарослях.

Однако ни тьма, ни расстояние не скрывали алого зарева, разгорающегося в северной стороне, как если бы солнце решило не дожидаться утра. Келли видела и огненный шар, и пылающие обломки, летящие во все стороны... Вместе с долиной умерла ее последняя надежда. Все кончено. Остальных больше нет.

Сразу после взрыва Фавре погнал отряд еще быстрее. Он был уверен, что правительственные вертолеты уже мчатся к пожарищу – так сказать, по горячим следам. Однако над головой у них было все то же небо, а в лесу – та же тишина. Ни прожекторов, ни рокота винтов – ничего. Может, сигнал Олина так и не дошел по назначению? А может, вертолеты вылетели с опозданием. Так или иначе, рисковать Фавре не собирался. Никаких фонарей – только «ночные бинокли». О Келли, конечно же, никто не побеспокоился. Оступаясь и падая в темноте, она в кровь сбила колени и порвала штаны. Стража откровенно потешалась над ее неловкостью. Из-за связанных рук ни одно ее падение не обходилось без ссадин. Ноги скоро разболелись. На раны летела мошка и москиты, изводя ее укусами и непрерывным гудением, и нечем было их согнать. Некоторое облегчение принес дождь и небольшой привал. Весь этот час Келли смотрела на вспыхивающее зарницами небо и молилась о чуде: только бы друзьям удалось выжить.

А бандиты праздновали победу. Фляги с выпивкой пошли по рукам, тосты и похвальба перемежались доверительным шепотком – отщепенцы делились планами на добычу. (Самой актуальной была тема борделей.) Среди них прохаживался Фавре, следя, чтобы веселье не превращалось в

неконтролируемую попойку. До встречи с моторками еще было шагать и шагать.

О Келли на время забыли, так что она смогла собраться с мыслями и оглядеться. Фрэнка спрятали под другим навесом в центре лагеря. Вся охрана разошлась, кроме обезображенного «лейтенанта» по прозвищу Шрам, который разговорился с другим наемником. Оба то и дело прикладывались к фляжке. Потом к ним приблизился кто-то третий, кого Келли не сразу узнала сквозь пелену дождя. То была Тшуи, индианка. Она по-прежнему разгуливала нагишом, как будто не замечая дождя, зато наконец сняла с шеи веревку с головой Де Мартини. «Боится намочить свою гадость», – с отвращением подумала Келли.

Завидев дикарку, собеседник Шрама поспешил улизнуть, как делало большинство наемников в подобных случаях. Ее определенно побаивались. Даже Шрам и тот вышел из-под навеса и пристроился под соседней пальмой. Женщина вынырнула из дождя и присела рядом с Келли. У нее в руке был рюкзак, который она тотчас положила на землю и молча принялась обшаривать. В конце концов на свет был извлечен крошечный глиняный горшочек. Когда же владелица открыла его, Келли увидела внутри густую желтоватую мазь. Знахарка подцепила снадобье пальцем и потянулась к ней. Келли попыталась отбиться, но индианка вцепилась ей в щиколотку стальной хваткой, а другой рукой растерла зелье по ее разбитому колену. Жжение и боль моментально унялись. Келли перестала сопротивляться и позволила женщине смазать вторую ногу.

– Спасибо, – поблагодарила Келли, не зная, чем заслужила такую милость. Скорее всего, решила она, ее просто хотят подлечить перед следующим марш-броском. Так или иначе, ей полегчало.

Индианка снова зарылась в рюкзак и достала свернутый рулоном холщовый лоскут, затем осторожно расправила его на сырой земле. В узких кармашках – один к одному – хранился ее стальной и костяной инструментарий. Оттуда Тшуи извлекла длинный серповидный нож, один из пяти аналогичной формы, и наклонилась с ним к Келли.

Келли отпрянула вновь, и вновь ведьма ее удержала – схватила за волосы на затылке, оттянув голову кзади. Индианка оказалась чертовски сильной.

– Что ты делаешь?

Вместо ответа Тшуи приложила вогнутый край лезвия ко лбу Келли, у линии роста волос. Потом убрала его, взяла следующий из кривых ножей и приставила к макушке пленницы.

Келли осенила жуткая догадка: ее измеряли!

Тшуи, как видно, подбирала инструмент, которым будет снимать с ее черепа кожу! Изуверка тем временем продолжала замеры, вынимая всяческие иглы и шила и прикладывая к подбородку, щеке, носу Келли. Те, что подходили по длине, она выкладывала по правую руку. Ряд инструментов продолжал пополняться – в ход шли кинжалы, проколки, искривленные костяные шипы.

Внезапно какой-то звук, вроде легкого покашливания, заставил их обернуться. Келли высвободила голову и, изловчившись, отталкиваясь ногами, попыталась отползти как можно дальше от ведьмы. От одного ее пинка жуткие орудия разбросало по пыли.

За порогом стоял Фавре.

– Пока Тшуи здесь вас развлекала, мадемуазель О'Брайен, – он шагнул под навес, – я вел переговоры с вашим братом на предмет кое-каких сведений, касающихся ЦРУ, а именно тех, которые помогли бы нам избежать столкновения сейчас и в дальнейшем. Думаю, «Сен-Савен» будет не против, если их пациент окажет мне эту услугу. Правда, я не имею права причинять ему боль – мои спонсоры этого не одобряют. Они покупают только здоровых морских свинок, и притом недешево.

Фавре опустил и заглянул Келли в лицо.

– А вы, ма шер, дело другое. Поэтому, как ни печально, придется продемонстрировать нашему дорогому Фрэнку то, как Тшуи умеет обращаться с гостями. Не стесняйтесь, прошу вас. Не надо сдерживаться – пусть послушает, как вы кричите. А когда Тшуи вернется и вручит ему ваше ухо, братец наверняка станет сговорчивее. – Он поднялся. – Однако прошу извинить меня. Я не большой любитель подобных зрелищ.

Здесь Фавре отвесил ей легкий поклон и скрылся в дождливой ночи.

У Келли похолодело в груди. Надо было спешить. Сжимая в руке крошечный ножик, подобранный мгновением раньше из разбросанного арсенала Тшуи, она торопливо перерезала веревки, которыми была привязана к стойке навеса.

Индианка тем временем выудила из рюкзака несколько повязок – видимо, чтобы обернуть Келли голову после «ампутации» уха. Теперь Келли не сомневалась, что ее будут пытать до тех пор, пока не выжмут из Фрэнка всех сведений без остатка, после чего просто вышвырнут за ненадобностью. Только она этого не допустит. Лучше погибнуть от пули, чем в пыточных муках. А Фрэнку, если Фавре не соврал, они не станут вредить, по крайней мере до прибытия в лабораторию «Сен-Савена».

Келли отчаянно пилила веревки. Чтобы как-то прикрыть свои усилия, она одновременно брыкалась и вскрикивала (что, впрочем, почти и не было

притворством).

Тшуи повернулась к ней с кривым кинжалом в руке.

Путы не поддавались.

Индианка склонилась над жертвой и опять рывком запрокинула ей голову. Сверкнул занесенный кинжал.

Келли из последних сил боролась с веревкой. По ее щекам текли слезы.

Внезапно в ночи раздался леденящий душу вой, исполненный звериной ярости.

Тшуи замерла, остановив нож в дюйме от уха пленницы. Склонив голову, она вглядывалась в темноту леса. Наступил решающий миг. Келли с силой расправила плечи. Последние нити веревки лопнули. Едва индианка повернула голову, Келли с размаху всадила нож ей в руку. Тшуи взвизгнула и повалилась от неожиданности.

Келли вскочила на ноги и прыжком перемахнула через порог – в лес. Не чувствуя боли от бушующего в крови адреналина, она понеслась со всех ног и вдруг налетела на кого-то, кто вышел ей навстречу из-за дерева. Чьи-то руки сгребли Келли в охапку. Подняв голову, она увидела ухмыляющуюся перекошенную рожу. Шрам – вот о ком она забыла в переполохе! Келли силилась вырваться, но без оружия у нее не было шансов. Бандит схватил ее поперек туловища и, сдавив горло, поволок в лагерь.

Тшуи сидела на земле, оборачивая плечо повязками, предназначавшимися для уха пленницы. Взгляд, брошенный в Келли, пылал лютой ненавистью. Келли перестала сопротивляться.

Страннейшая вещь: едва она сделала это, Шрам вздрогнул и разжал руки. Опешив, Келли упала на колени и обернулась. Ее звероподобный конвоир рухнул лицом в грязь. Сквозь волосы на затылке проглядывал какой-то осколок, вонзившийся в голову. Тонкий сияющий диск!

Келли мгновенно узнала его. Пока она всматривалась в черноту леса, лагерь несколько раз оглашался предсмертными вскриками. Было видно, как наемники заваливаются набок или сползают, привалившись к дереву, пораженные пернатыми дротиками – кто в шею, кто в грудь. Некоторые тела продолжали содрогаться в конвульсиях. Яд не щадил никого. Келли оглянулась на обмякший труп лейтенанта наемников. Этот диск...

Находка окрылила ее. «Господи, они еще живы!»

Когда она повернулась к навесу, индианки и след простыл. Скорее всего, она сбежала в глубь лагеря, где держали Фрэнка, к своему покровителю. За считанные минуты паника распространилась на весь

вражий стан. Крики, визг, беспорядочная пальба – при том, что никто не мог разглядеть нападавших, словно то были призраки.

Люди валились один за другим.

Келли подобрала с трупа Шрама пистолет и метнулась в гудящий, как осиное гнездо, лагерь. Медлить было нельзя. Что, если друзья не успеют отбить брата вовремя?

Нат увидел ее, бегущую с пистолетом в руке. «Стало быть, Фрэнк до сих пор там», – рассудил он. Пришла пора действовать. Он подал Каррере сигнал. Раздался пронзительный свист и улюлюканье – индейский воинственный клич. Кровь стыла в жилах от одного этого звука. Нат поднялся на ноги, невидимый в ночи, раскрашенный, как и все, в черное.

Вооружившись только стрелами, духовыми ружьями и костяными ножами, они плотной группой ринулись к лагерю. Те, кто умели обращаться с огнестрельным оружием, прихватили кое-что с трупов. Костос поливал автоматным огнем тех, кто попадался по левую сторону. Идущая справа Каррера перевела «бейли» на стрельбу очередями и выпустила долгую череду дисков – настоящую «косу смерти», сбрывающую все на своем пути. Разрядив обойму, десантница подняла с земли винтовку М-16 (видно, из тех, что отобрали у рейнджеров).

Нат выдернул пистолет из руки мертвеца и понесся к центральному шатру. Наемники понемногу приходили в себя и начали отступать, занимая оборонительные позиции. Нат мчался в сырых сумерках, намереваясь забраться к бандитам в тыл до того, как они сомкнут ряды. На бегу он столкнулся с одним перепуганным человечком – тот прятался под кустом. Завидев направленное на него дуло, «боец» упал навзничь, прикрывая голову.

Нат пробежал мимо. Сейчас его целью было найти Келли с братом, прежде чем они пострадают. С другой стороны лагерь огибал Коуве в сопровождении Дакии и прочих индейцев. На мгновение он задержался возле очередного трупа, поднял мачете и перебросил проводнику, сам же вооружился винтовкой. Затем они побежали дальше, в глубь лагеря, где к тому времени разгорелась настоящая битва.

Вдруг Коуве остановился. У него вдруг возникло недоброе предчувствие. Круто развернувшись, он заметил женщину-индианку в тот миг, когда она выскочила из-под куста. Ее кожа была точно так же вымазана черным. Однако Коуве, проведшего жизнь среди амазонских племен, было не так-то легко одурачить. Она могла сколько угодно копировать их камуфляж – искушенному наблюдателю повадки шуаров так или иначе бросались в глаза. Коуве поднял ружье и направил на женщину.

– Ни с места, ведьма!

Пособница Фавре определенно пыталась проскользнуть мимо них и затеряться в лесу, чего Коуве никак не мог допустить. Слишком свежа в его памяти была история капрала Де Мартини.

Женщина замерла, потом медленно повернулась к нему лицом. Дакии собрался остаться, но профессор замахал ему – мол, справлюсь сам. Предстояла не одна битва.

Дакии повел своих бан-али дальше, а Коуве остался один на один с индианкой в окружении мертвецов.

Медленно, шаг за шагом, он подошел к шуарской ведьме. Он знал, что стрелять надо сразу: красотка, несомненно, убивала с той же легкостью, что и очаровывала. Знал, но отчего-то медлил.

– На колени, – приказал он вместо этого на испанском. – Руки вверх!

Она подчинилась, опускаясь с едва уловимой грацией, томной и завораживающей грацией змеи. Ее глаза смотрели на него из-под полуприкрытых век – знойные, влекущие...

Когда она бросилась, Коуве не сумел вовремя отреагировать. Он нажал на курок, но вместо выстрела ружье тихо щелкнуло – патронташ был пуст.

Индианка налетела на него с кинжалами в обеих руках. Как пить дать, отравленными.

* * *

Келли смотрела на два мини-«узи», один из которых Фавре приставил к виску Фрэнка, другой развернул на нее.

– Бросьте пистолет, мадемуазель, или оба умрете!

– Беги, Келли! – одними губами произнес Фрэнк.

Фавре скорчился под навесом, прикрываясь ее братом, как щитом.

Выбирать не приходилось. Она не могла бросить Фрэнка в компании с психопатом и потому отвела пистолет, швырнув его куда-то в сторону.

Фавре подбежал к ней, отбросил один из «узи», а другой уткнул девушке в спину.

– Нет, нас просто так не возьмешь, – прошипел он ей в ухо, хватая ранец. – У меня тут запас на дорожку – прямо по случаю.

Он вздернул рюкзак на плечо, потом притянул Келли за блузку.

В это миг сзади окрикнули:

– А ну пусти ее!

Оба повернулись на голос, причем Фавре тут же нырнул Келли за спину.

Сзади стоял Нат – в одних шортах и черный с головы до пят.

– Дичаем понемногу, мсье Рэнд?

Нат навел на него пистолет.

– Тебе не уйти. Хочешь жить – брось оружие.

Келли взглянула Нату в лицо. Его взгляд был непреклонен.

Отовсюду доносилась пальба. Крики и выстрелы гулко отдавались между скал и деревьев.

– Хочу ли я жить? – фыркнул Фавре. – Где? В тюрьме? Сомнительное удовольствие. Предпочитаю свободу.

Грянул выстрел. Келли вздрогнула – резкий звук всполошил ее больше, чем боль. У нее на глазах Ната, раненного в бедро, отшвырнуло назад, выбив из рук пистолет. Потом она вдруг поняла, что оседает на землю, как от удара. Келли глянула на себя. По ее рубашке сбоку растекалось алое пятно – Фавре прострелил ее навывлет, чтобы попасть в Ната. Эта адская расчетливость ужаснула Келли даже больше, чем рана, больше, чем кровь.

Она подняла голову, встретилась с Натом глазами – всего на миг. Никто из них не нашел в себе сил попрощаться. Затем Келли упала на землю, и та расступилась под ней, обволакивая чернотой.

* * *

Первый нож Коуве выбил прикладом, но злодейка оказалась проворнее – вскочила на него, повалила на спину и придавила всей своей тяжестью.

Он сильно расшиб затылок и все же успел ухватить ведьму за руку. В ту же секунду второй кинжал едва не вонзился ему в лицо. Коуве попытался скинуть «наездницу», но та только крепче обвивалась вокруг него, словно в страстном порыве. Свободной рукой она раздирала ему щеку, сиюсь добраться до глаз. Бывший шаман повернул голову набок. Кинжал завис над его горлом, опускаясь все ниже. Индианка выгнулась от напряжения, не переставая давить. Сильная, молодая...

Зато Коуве хорошо знал шуар с их обычаем прятать оружие на себе – вплетать в косы, набедренные повязки, маскировать под украшения. Знал он и о том, где шуарские амазонки держали потайной кинжал для защиты от насильников, что особенно помогало во время междоусобных войн.

Памятуя об этом, Коуве вытянул руку и, едва дикарка опустилась чуть ниже, ухватил между ног. Его пальцы мгновенно нащупали крошечную шероховатую рукоятку, теплую от телесного жара. Миг – и в руке его очутился кинжал, извлеченный из невидимых ножен.

С губ шуарки сорвался рассерженный вопль, едва она поняла, что так дерзко ограблена. Сверкнули белые зубы. Она откатилась прочь, но Коуве по-прежнему крепко держал ее за запястье и перекатился за ней, используя рывок для того, чтобы вскочить на колени. Так они проползли фут-другой. Коуве стальной хваткой сжимал ее руки.

Потом он увидел глаза – распахнутые, полные страха.

– Пощади, – прошептала она. – Умоляю.

Коуве представил несчастных, которые просили о пощаде ее – просили, но не получали. Впрочем, сам он не изверг.

– Так и быть.

На какую-то долю секунды шуарка расслабилась. Воспользовавшись моментом, Коуве притянул ее к себе, всадив нож по самую рукоятку. Лезвие вошло между грудей. Индианка только охнула от боли и неожиданности.

– Быстрая смерть – вот твоя пощада.

Яд подействовал сразу. Ведьма вздрогнула и напряглась, словно по ее телу пробежал разряд тока. Коуве разжал руки. Отрывистый, сдавленный вопль – и она рухнула замертво.

– Хотя ты ее и не заслужила.

Коуве отвернулся и выбросил отравленное лезвие.

* * *

Тем временем шквальный огонь в лагере поредел до жидких хлопков. Чувствуя, что оборона долго не протянет, Фавре спешил скрыться с добычей.

Подобрав свой второй «узи», он увидел, как Нат пытается приподняться на локтях, сверля его ненавидящим взглядом.

Луи помахал ему на прощание, обернулся и... застыл на полушаге.

То, что он увидел в пяти ярдах от себя, казалось невыносимым. Там, под деревом, возникла человеческая фигура – бледная, почти неосознаваемая.

– Луи...

Он попятился в ужасе. Призрак...

– Не надо, отец! – прокричал с болью в голосе Нат.

Фавре вздрогнул от неожиданности и тут же одернул себя. Нет, это не призрак! Карл Рэнд, да еще живой! Вот так чудо! Вот так удача! Он навел дуло «узи» на привидение. Фигура вытянула белую длань и указала налево.

Из-под куста на Фавре смотрел золотой ягуар, подобрал лапы. Под крапчатой шкурой ходили тугие мышцы. В мгновение ока он взвился в воздух. Фавре вскинул автомат и послал очередь навстречу летящей кошке, взметая опавшие листья пополам с грязью. Но тут что-то врезалось в него сбоку, повалило на землю, протащило и впечатало лицом в землю. Он хрипел и отплевывался на последнем издыхании. Чья-то неподъемная туша подмяла его под себя.

«Кто... Что...»

Луи вывернул шею.

Ему в лицо глянула черная звериная морда. Спину пронзили смертоносные когти.

«Господи боже!»

Затем перед ним возник первый ягуар, подступая все ближе и ближе. Луи выкрутил руку, силясь повыше поднять автомат, но не успел выстрелить, ослепленный адской болью. Зубы сомкнулись прямо на его кости и с хрустом вырвали руку из сустава. Луи закричал.

– Бон аппетит, – бросил Нат ягуарам.

Дальше можно было не смотреть. Один раз в передаче натуралиста он видел, как пара касаток забавлялась с тюлененком, прежде чем съесть его: подбрасывала в воздух, ловила, рвала на куски и подбрасывала снова. Буйство плоти и никакой жалости – одни дикие инстинкты. То же творилось и здесь, за его спиной. Ягуары с чисто кошачьей повадкой приканчивали Луи Фавре. Не просто пожирали, а творили свою звериную месть.

Нату было уже не до них. Он по-пластунски полз к Келли, волоча раненую ногу. Бедро раздирала боль, в глазах помутилось, но он должен был дотянуться...

Наконец Нат упал рядом с ней.

– Келли...

Она лежала все там же, истекая кровью. Услышав свое имя, Келли шевельнулась.

Нат подобрался поближе, заглянул ей в лицо.

– Мы ведь справились? – Ее голос был не громче шепота. – Лекарство у нас?

– Да, теперь люди его получают... И Джесси тоже.

Отец Ната тяжело подошел к ним и сел рядом на колени.

– Помощь идет. Держитесь, вы оба.

Нат с удивлением заметил Карреру, стоящую у отца за спиной.

– Сержант Костос нашел у наемников войсковой передатчик, – рассказала она. – Вертолеты уже полчаса как в пути.

Нат кивнул, прижимая к себе Келли. Ее глаза были закрыты. Потом и он сам ощутил, как проваливается в темноту, и только зов Фрэнка еще слышался где-то:

– Келли! Где Келли? Что с ней?

Восемь месяцев спустя

16 часов 45 минут

Лэнгли, штат Виргиния

Нат постучал в дверь дома О'Брайенов. Фрэнка выписывали из больницы, и Натан принес ему небольшой подарок. В свертке под мышкой лежала новенькая бейсболка «Ред сокс», подписанная всей командой. Нат постоял на пороге, глядя поверх ухоженной лужайки. Небо над ней подернулось тучами, предвестницами скорой грозы.

Нат постучал еще раз. Неделей раньше он навещал Фрэнка в «Инстаре». Новые ноги пока не окрепли, но Фрэнк уже довольно бойко рассказывал, опираясь на костыли.

– Физпроцедуры меня доконают, – жаловался он. – Мало того что эти вампиры в белых халатах сделали из меня решето...

Нат улыбнулся.

В течение нескольких месяцев доктора и исследователи пристально следили за регенерацией. Мать Фрэнка, Лорин, сказала тогда, что механизм прион-индуцированной регенерации, как у ее сына, до сих пор остается загадкой. Зато они смогли выяснить, что у здоровых людей, в противоположность старикам и детям с неокрепшим или ослабленным иммунитетом, никакой лихорадки не развивалось, даже наоборот – прионы обнаружили свойство регулировать иммунную активность, «разрешая» ускоренное деление клеток, необходимое для регенерации и заживления тканей.

Именно это чудесное исцеление и продемонстрировал Фрэнк. Тем не менее его приходилось регулярно поить разведенным молоком из орехов Ягги, чтобы держать процесс под контролем и не доводить до опухолеобразования, сгубившего Джеральда Кларка.

Даже теперь, когда регенерация удачно завершилась, Фрэнка по-прежнему пичкали ореховым молоком – чтобы избавить организм от прионов и привести иммунную систему в норму. И все же, каким бы прекрасным подопытным ни оказался Фрэнк, многое в природе прионов и их способе воздействия на человека так и осталось тайной.

– Мы пока далеки от ответов и еще дальше от моделирования возможностей дерева, – призналась Лорин. – Если эволюция Ягги проделала путь в сто миллионов лет, представьте, сколько нам придется его

догонять. Когда-нибудь мы пойдем, но не сегодня. При наших познаниях и опыте все это детские шалости против серьезнейшего биологического эксперимента.

– Еще чуть-чуть, и шаловливые дети спалили бы свой собственный дом, – добавил Нат.

К счастью, орехи действительно оказались источником ан-типриона. В них нашли специфический алкалоид, легко выделяемый и синтезируемый. Общациональными усилиями препарат быстро распространили в Америке и по всему миру. Впоследствии обнаружилось, что за месячный курс его применения организм полностью исцелялся, сводя на нет содержание вирулентных частиц. Бан-али ничего не знали об этом и были обречены веками служить дереву, поколение за поколением. Мир получил первую помощь. Эпидемия прекратилась.

Сам прион, как ни старались ученые, не удалось ни культивировать, ни воспроизвести.

Все образцы сока были помещены в класс объектов высокой биологической опасности и доверены лишь избранным лабораториям. Природный источник приона, долина бан-али превратилась в выжженную пустошь, а от Ягги остались зола и погребенные в земле кости.

«По мне, так даже лучше», – думал Нат, глядя на заходящее мартовское солнце и набрякшие свинцом тучи.

Где-то в Бразилии Коуве и Дакии помогали уцелевшей дюжине бан-али начать новую жизнь. Теперь, когда Нат выиграл дело против компании «Сен-Савен», обвиненной в истреблении целого племени и разорении местных земель, бывшие рабы Ягги в одночасье стали богатейшими из амазонских индейцев. Похоже, у Луи Фавре осталось достаточно бумаг, доказывающих его связь с французской компанией. Впрочем, апелляции, заявленные на долгие годы вперед, не спасли ее от банкротства. Кроме того, всему исполнительному комитету были предъявлены обвинения криминального характера.

Между тем Карл Рэнд оставался в Южной Америке – обустроивал жизнь бан-али. Через пару недель Нат собирался примкнуть к нему, правда, не он один. Генетики разных стран съезжались туда – обследовать племя, изучать изменения в ДНК, чтобы понять их причину, а также найти способ обратить вызванные Яггой генетические сдвиги. Нат понимал, что разгадать эти тайны удастся лишь будущим поколениям.

Отца сопровождали двое рейнджеров – Каррера и Костос, которых после событий в долине наградили и повысили в звании. Им же пришлось провести опознание тел, труд тяжкий и скорбный.

Нат вздохнул. Скольких жизней уже не вернуть... Пусть их жертва и спасла много больше, цена все равно была непомерно высока.

Тут в доме послышался звук шагов, и Нат повернулся.

Дверь открылась.

Он невольно улыбнулся.

– Что так долго? Я уже пять минут стою жду.

Келли насупилась и уперла в поясницу ладонь.

– Попробовал бы сам потаскать такую тяжесть.

Нат положил руку на круглый живот невесты. Через неделю ей предстояло разрешиться их первенцем. О том, что она забеременела, Келли узнала в больнице, где отходила после ранения. Судя по всему, прион проник в ее тело еще в Манаусе, во время осмотра останков Джеральда Кларка. За их двухнедельное странствие по Амазонии прионы незаметно залечили родовую травму Келли, тем самым избавив ее от бесплодия. Если бы не беременность, благодаря которой выявили заражение, через несколько недель началось бы развитие опухолей. Как и в случае с братом, Келли назначили ореховое молоко, и прионы благополучно исчезли, не успев причинить вреда.

Именно этому дару Нат и Келли были обязаны свалившимся на них счастьем. В грозовую ночь накануне нападения Фавре – в свою первую ночь – они, сами того не ведая, зачали ребенка – брата для Джесси.

Они уже знали, как назовут малыша: Манни.

– Нат склонился и поцеловал невесту.

Вдалеке прогремел гром.

– Все уже заждались, – пробормотала она сквозь сомкнутые губы.

– Ничего, подождут еще, – шепнул Нат, продлевая момент.

По крышам, по мостовой застучали тяжелые капли. Еще один громовой раскат – и дождь хлынул как из ведра.

– Но ведь...

Нат прижал губы Келли к своим.

– Тсс.

Эпилог

Жизнь в глубине Амазонской сельвы идет своим чередом, незримо и безмятежно.

Крапчатый ягуар вылизывает в логове пищащих и мяукающих котят. Его черная подруга куда-то запропастилась, и он тревожно втягивает носом воздух. Повеяло мускусом. Самец нервно переступает на месте. Но вот из чащи леса отделяется силуэт и подходит к нему.

Раздается приветственное пыхтение. Ягуары усердно трутся боками, тычутся носом друг в друга. Самец уловил дурной запах на шерсти партнерши – запах огня, криков, ужаса, от которого шерсть встает дыбом. Он рычит. Самка же отходит к дальней части прогалины и начинает рыть землю. Наконец она роняет в яму шишковатое семя и прикапывает его задними лапами.

Дело сделано. Самка подходит к выводку и обнюхивает детенышей – пятнистых и черных. Те пищат, выпрашивая молока, и валятся один на другого.

Мать снова трется о бок партнера и поворачивается спиной к яме, больше не вспоминая о семечке. Отныне оно – не ее забота. Она поднимает свой выводок и самца, чтобы увести в нехоженые глубины леса.

Рыхлый холмик земли подсыхает на полуденном солнце.

Никем не замеченный, ничем не тревожимый.

До поры до времени.

Благодарности

Отдельное спасибо всем тем, кто помог мне в работе над романом, особенно Лесли Тейлор из «Raintree Nutrition» за великолепные эскизы растений, представленные в книге, и за ценные сведения, касающиеся применения растений влажных тропических лесов в медицине. Далее, с моей стороны было бы несправедливо не упомянуть два важнейших литературных источника, а именно «Опять неприятности, или Путешествие от Ориноко до Амазонки» Редмонда О'Хэнлона, и книгу-вдохновительницу той, что вы сейчас держите, – «Рассказы шамана-новичка» доктора Марка Плоткина. От всего сердца благодарю своих друзей и родственников, чьими стараниями книга приобрела законченный вид – Криса Кроу, Майкла Гэллоугласа, Ли Гаррета, Дэнниса Грейсона, Сюзан Тунис, Пенни Хилл, Дебби Нельсон, Дейва Мика, Джейн О'Рива, Криса «Малыша» Смита, Джуди и Стива Прей и Кэролин Уильямс. За помощь с французским – моего друга из Канады Диан Делье, за Интернет – Стива Уинтера, а за неоценимую душевную поддержку – Кэролин Маккрей. Я также благодарен создателям справочника «ЦРУ: события в мире 2000» за любезно предоставленные карты. И наконец, трем моим лучшим критикам и вместе с тем верным болельщикам – редактору Лиссе Кюш, представителю Рассу Галлену и публицисту Джиму Дэвису. А самое важное, на чем я заостряю внимание читателей: за любую неточность в описании мест и событий отвечаю только я, и никто другой.

notes

Примечания

1

Пиратинера – южноамериканский вид дерева семейства тутовых с высокопрочной древесиной.

2

Пролиферация – разрастание ткани животного или растительного организма путем размножения клеток.

3

Софтбол – разновидность бейсбола с более крупным мячом.

4

Протеономика – дисциплина, занимающаяся изучением взаимодействия белков (протеинов), производимых генами в конкретной клетке.

5

Род дерева семейства протейных, одно из живых ископаемых тропических лесов, некогда покрывавших суперконтинент Гондвану.

6

Платон. Апология Сократа, 38а. Перевод М. С. Соловьева.

7

Боже мой! (фр.)

Содержание

[Джеймс Роллинс Амазония](#)

[Пролог](#)

[Действие первое Задание](#)

[1 Панацея](#)

[2 Ориентировка](#)

[3 Доктор и ведьма](#)

[Действие второе Под пологом](#)

[4 Ваувай](#)

[5 Стволовые клетки](#)

[6 Амазонский фактор](#)

[7 Сбор данных](#)

[Действие третье Естественный отбор](#)

[8 Деревня](#)

[9 Ночное нападение](#)

[10 Побег](#)

[11 Налет](#)

[Действие четвертое Ягуары крови](#)

[12 Переправа](#)

[13 Тени](#)

[14 Поселение](#)

[15 Заботы о здоровье](#)

[Действие пятое Корни](#)

[16 Измена](#)

[17 Лекарство](#)

[18 Последний час](#)

[19 Полночная битва](#)

[20 Восемь месяцев спустя](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

